
Ассоциация исследователей российского общества
(АИРО-XXI)

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

Международный совет научных проектов и издательских программ АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Андрей МАКАРОВ	Генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	Арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ	МГУ им. М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ	Рурский университет в Бохуме
Ричард БУРГЕР	INTAS, Брюссель
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Московская школа экономики МГУ
Ричард ДЭВИС	Бирмингемский университет
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-Йоркский университеты
Алан КАСАЕВ	МГЛУ
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Василий МОЛОДЯКОВ	Университет Такусэку, Токио
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины, Чапел Хилл
Борис СОКОЛОВ	Русский Пен-центр
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Российский исторический журнал «Родина»
Ютта ШЕРРЕР	Высшая школа по социальным наукам, Париж

РУССКИЙ МИР В XX ВЕКЕ
В 6-ти томах

Под редакцией
Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева

Предисловие
А.М. Рыбакова

Издание осуществлено благодаря партнерству
с Торгово-промышленной палатой РФ,
Департаментом по работе
с территориальными палатами

при содействии

торгово-промышленной палаты
Республики Башкортостан,
Брянской торгово-промышленной палаты,
Волгоградской торгово-промышленной палаты,
торгово-промышленной палаты
Воронежской области,
Липецкой торгово-промышленной палаты

Э.С. Бочарова

Том 2

ФЕНОМЕН
ЗАРУБЕЖНОЙ РОССИИ
1920-х годов

Москва
2014

Координатор проекта – *И.В. Зубков*

Дизайн и вёрстка – *Сергей Щербина*

Бочарова З.С.

Феномен зарубежной России 1920-х годов. Том 2 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 408 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-238-4.

Исследование посвящено изучению особенностей русского мира, сложившегося в 1920-е гг. Реконструирован процесс формирования правового поля изгнанников, оказавшихся вне отечества. Раскрыта значимость для эмиграции проблемы возвращения на родину. В полной мере раскрыт феномен Зарубежной России, показаны попытки создания преемственного органа власти в эмиграции, деятельность общественных организаций, массово появившихся на чужеродной почве для отстаивания интересов беженцев, широкий спектр идейно-политических исканий. Подчеркнута структурообразующая и нациоформирующая роль РПЦ, образования на русском языке, институтов, сохранявших историческую память.

В работе использована широкая источниковая база, вводятся в научный оборот архивные документы.

Издание рассчитано на историков, социологов, правоведов, а также всех интересующихся российской эмиграцией 1920-х годов, миграциями, русским миром.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
О ПРОЕКТЕ «РУССКИЙ МИР В XX ВЕКЕ»	10
ВВЕДЕНИЕ	13
Глава 1	
ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ	
Пути исхода. Расселение константинопольского района	21
География Русского мира	45
«Скорбный общий множитель эмигрантского настроения» или как и когда вернуться в Россию	76
Глава 2	
ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ «РУССКИХ, НЕ ПРИНЯВШИХ ИНОГО ПОДДАНСТВА»	
Лига Наций и «русский вопрос»	117
«Правительство страны выражает готовность с некоторыми оговорками»: правовая адаптация эмигрантов в странах-реципиентах	136
Глава 3	
СТРУКТУРИЗАЦИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ РОССИИ	
Попытки создания преемственного органа власти	178
Роль общественных организаций в адаптации русских беженцев ..	186
Политическая жизнь зарубежной России	203
Пореволуционные идейные искания	222
Глава 4	
ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОГО МИРА В ЗАРУБЕЖЬЕ	
Канонические разногласия и раскол Русской Православной Церкви за границей	243
Деятельность РПЦ в Зарубежье	256
Глава 5	
САМОСОЗНАНИЕ И ВОСПРОИЗВОДСТВО РОССИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РУССКОГО МИРА	
Организация национального образования в русском Зарубежье	272
Историческая мысль Зарубежья	295
«К русским людям за рубежом»: Формирование единого информационно-культурного пространства	303
Музы в изгнании	317
Глава 6	
МЕТРОПОЛИЯ И ЭМИГРАЦИЯ: ДИАЛОГ? КОНФРОНТАЦИЯ?	341
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	351
БИБЛИОГРАФИЯ	355
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	395

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русский мир, российское зарубежье существуют на протяжении почти 150 лет и являются примером не только межкультурного взаимодействия, но и важным элементом лучшего понимания истории самой России, ее современного потенциала в экономике, науке и образовании. Соотечественники в разных странах мира, их жизнь и заботы – одно из основных направлений внешней политики Российской Федерации. За сравнительно короткое время в свыше 40 странах мира открыто 90 центров «Русского мира». Практически каждое федеральное министерство и ведомство имеет сегодня нормативно-правовые документы и ежегодные планы по конкретным направлениям поддержки выходцев из России, а стержневым в течение 15 лет является Федеральный закон «О государственной политике в отношении соотечественников за рубежом».

В свою очередь, исторической миссией многомиллионной диаспоры стала причастность к проблемам нашей страны, ее ценностям и традициям. На Ассамблеи Русского мира, проводимые с 2007 года и традиционно приуроченные к празднованию Дня народного единства, ежегодно собираются тысячи представителей различных общественных, некоммерческих, волонтерских организаций из 80 стран мира. Со многими из них поддерживает связи Торгово-промышленная палата РФ, которая активно содействует интегрированию отечественной экономики в мировую хозяйственную систему. Неслучайно, как сможет убедиться читатель, в представляемом издании прослеживается и такой аспект Русского мира, как эмигрантское предпринимательство. Его основу в начале прошлого века составляли наследники крупных состояний (к примеру, Елисеевы, Путиловы), а позднее – «новая» элита, сколотившая капитал на русской экзотике или благодаря торговле с Россией. И в наши дни современные российские бизнесмены за рубежом пусть и не находятся в истеблишменте, но занимают прочные позиции в бизнес-сообществах многих стран.

Торгово-промышленная палата в течение десяти лет поддерживает различные инициативы Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI), но данный проект является, пожалуй, самым значительным и масштабным. Представляемое издание в шести томах посвящено истории Русского мира в XX веке. Однако хочется выразить уверенность, оно не станет для читателя лишь воспоминанием о прошлом, а будет стимулировать к лучшему будущему, к миру со всем миром.

А.М. Рыбаков
Вице-президент
Торгово-промышленной
палаты РФ,
кандидат исторических наук

О ПРОЕКТЕ «РУССКИЙ МИР В XX ВЕКЕ»

Понятие *Русский мир* и проблематика Русского мира ворвались в общественный и научный лексикон буквально за одно последнее десятилетие. До этого Русский мир имел скорее религиозное либо художественное наполнение: «живущие в единстве веры, обрядов и обычаев» (Александр Островский), «первобытный русский мир», когда «вся Русь говорила одним и тем же языком» (Пантелеймон Кулиш) и др. Теперь же Русский мир имеет довольно основательное концептуальное и категориальное оснащение, обосновывается как международное «трансгосударственное и трансконтинентальное сообщество, объединённое причастностью к России и лояльностью к русскому языку и культуре» (В.А. Тишков), обозначается также как «цивилизационное, социокультурное и наднациональное пространство, охватывающее около трети миллиарда русскоязычных людей или почти каждого двадцатого жителя планеты, которые обладают духовными и ментальными признаками русскости и неравнодушны к судьбе и месту России в мире» (О.Н. Батанова). Разработаны геополитическая и геоэкономическая трактовки Русского мира (В.Л. Цымбурский и П.Г. Щедровицкий), выделены его главные опоры: православие; русская культура и русский язык; общая историческая память и общие взгляды на общественное развитие (Г.В. Друзенко).

Созданный в 2007 году Фонд «Русский мир» также довольно отчетливо сформулировал исходные идеологические постулаты своей разнообразной деятельности. Русский мир – это не только русские, не только россияне, не только наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты, выходцы из России и их потомки, но и иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, все те, кто искренне интересуется Россией, кого волнует её будущее. Все пласты Русского мира – полиэтнического, многоконфессионального, социально и идеологи-

чески неоднородного, мульти-культурного, географически сегментированного – объединяются через осознание причастности к России. Формируя Русский мир как глобальный проект, Россия обретает новую идентичность, новые возможности эффективного сотрудничества с остальным миром и дополнительные импульсы собственного развития.

Историки имеют все возможности внести свой вклад в осмысление природы Русского мира и перспектив его бытования. Современное историческое знание, обращаясь на протяжении многих десятилетий к таким темам, как Русское зарубежье (зарубежная Россия, Россия в изгнании), Российская эмиграция и Российская диаспора, имеет колоссальный документальный и исследовательский потенциал, без которого крайне сложно понять и структурировать Русский мир во всех его социально-экономических, политических, культурных и коммуникационных аспектах.

Наше издание в шести томах завершает проект, важнейшим этапом которого стало составление в 2008–2009 гг. уникальной и доступной всем Базы Данных*. Её авторы стремились раскрыть смысл и основные факторы единства или разъединения Русского мира, включая отношение к Российской империи, СССР, РФ и их восприятия на протяжении всего XX века. Учитывались различные проявления изменений – привязанность к государству или нации, исторической памяти, культуре вообще или религии, рассмотрение влияния русского сегмента современных коммуникаций, русской музыки и литературы, других «эмоциональных факторов». Для этого понадобилось новое прочтение корпуса известной научной, мемуарной и художественной литературы о русском зарубежье и эмиграции под углом зрения главной цели проекта. В Базу вошли также опубликованные документальные источники, а также хранящиеся в центральных архивах, в частности, Государственном архиве РФ (ГА РФ), включая «Пражский архив», Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), Российском архиве социально-политической истории (РГАСПИ), материалы массовой и специализированной

* См.: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/analytics/research/news0005.html>; <http://www.airo-xxi.ru/-xx->

эмигрантской прессы – «День», «Социалистический вестник», «Новое русское слово». «Русская мысль», «Новый журнал», «Континент», «Политический дневник» и др. Каждый раздел Базы посвящен определённому периоду XX века: конец XIX в. – начало XX в.; 1917–1927; 1928–1938; 1939–1953; 1953–1985; 1986–2000.

Эта хронология легла и в основу настоящего шеститомного издания, канву которого в той или иной мере составляют следующие сюжеты: общая оценка периода, включая характеристику понятия Русский мир для каждого периода; отношение России к эмигрантам и эмиграции, юридическое оформление явления и разных его проявлений; география размещения эмигрантов по миру, примерная численность, сфера занятий; законы и нормы, определяющие статус эмигрантов в разных странах и их права; степень связанности представителей Русского мира в разных странах – общественные организации, центры, клубы, печать, праздники, акции и т. д.; меры по поддержке русского языка, образования, развитию русской культуры и приобщения к ней; роль Русской православной церкви в объединении эмигрантов; роль посольств России / СССР; отношение представителей Русского мира к России / СССР, событиям, происходившим на родине, организации акций помощи и др.

Авторы выражают благодарность Фонду «Русский мир», поддержавшего первый этап проекта, и особенно В.А. Николу. Благодарим также заместителя председателя Российского комитета по делам ЮНЕСКО А.С. Дзасохова. Незаменимое содействие в публикации результатов наших исследований оказала нам Торгово-промышленная палата РФ, Департамент по работе с территориальными палатами и лично С.Н. Катырин, А.М. Рыбаков и И.В. Зубков, которым мы выражаем искреннюю признательность.

Г.А. Бордюгов

А.Ч. Касаев

ВВЕДЕНИЕ

Глобальные геополитические сдвиги, катализатором которых стала Первая мировая война, революции, вызвали массовые миграционные движения. Особое место в этих потоках занял исход российских граждан после крушения империи и их рассеяние по десяткам стран. Причины, породившие изгнанничество, привели не просто к появлению совокупности эмигрантов. Сложился феномен Российского Зарубежья, живущего, по словам С. Лифаря, своей жизнью, дышащего своим воздухом. Внегосударственная российская квазигосударственность за рубежом имела собственную инфраструктуру, реализовалась в попытках создания преемственного органа государственной власти, продемонстрировала беспрецедентные примеры самоорганизации, имела представительства в международных организациях.

Можно сказать, предшествовавшая революции волна эмиграции стала лишь прелюдией к тому особому пространству, сложившемуся в 1920-е гг., которое принято называть зарубежной Россией вне границ. Подобного явления, заявившего о себе во всем многообразии, в истории «русского мира» ни прежде, ни позднее не появилось. Ни одной из эмигрантских волн не удалось создать до такой степени цельного в культурно-политическом отношении организма с полномочными представительными органами, позволяющими говорить о «безгосударственной» Зарубежной России. Как отметил Е.И. Пивовар, была сформирована основа «параллельной линии российского исторического процесса»¹.

Признание в постсоветской историографии существования феномена Зарубежной России, характерного лишь для эмиграции «первой» пореволюционной волны, а также его интенсивное изучение способствовало выделению эмигрантоведения в самостоятельное исследовательское направление. Целесообразность введения в научный оборот понятия «Зарубежная Рос-

сия» продиктовано более универсальным и емким наполнением в отличие от недостаточно адекватных для этого периода – «российская эмиграция» или «диаспора», т. к. охватывает все группы выходцев из России (например, жителей территорий, которые в разное время при изменении границ отошли от России, военнопленных, интернированных, солдат экспедиционного корпуса, т. е. тех, кого к собственно эмигрантам причислить нельзя²). Это понятие несет и более глубокую смысловую нагрузку, находится вне этнического контекста. С.А. Рожков, подготовивший прекрасный альбом «Русское зарубежье в Болгарии», отмечал, что хотя не все выходцы из России – русские по национальности, но, являясь «представителями русской культуры, носителями русского языка... относятся к представителям “русского зарубежья”»³.

Содержание этого явления раскрывалось постепенно, начиная с работ Г.Я. Тарле, М. Раева, М. Йовановича и др. В своей книге с характерным названием «Россия за рубежом»⁴ М. Раев исходит из формирования русского «общества в изгнании» («России за рубежом», «Русского Зарубежья»), где в наличии были все слои русского дореволюционного социума, хотя и в измененных пропорциях, и осознанное стремление эмигрантов вести русскую жизнь. Его ячейками становились различные объединения эмигрантов. М. Йованович, характеризуя «общественный организм, именуемый «Зарубежная Россия», составлявший единое целое, подчинявшийся определенным правилам внутренней организации, пишет о сохранении в эмиграции важнейших элементов государственного и общественного строя, структур армии и церкви, элементов системы просвещения, печати, политических партий»⁵.

Основные характеристики феномена Зарубежной России определили то проблемное поле, на котором разворачивается его изучение. Комплексный подход к его осмыслению требует учитывать всех акторов: метрополию – эмиграцию – страну-реципиента – международное сообщество. Положение эмиграции в этой системе диктует необходимость междисциплинарного подхода к ее изучению, многогранность и разноуровневость явления – включение чрезвычайно широкого спектра вопросов: от политики и культуры до повседневности. Междисциплинарность позволяет обратить внимание на новые грани объекта и включить в познавательное поле дополни-

тельные предметы исследования, типы источников, необходимые для приращения знания и лучшего понимания реальности, совершенствовать методики, приемы, модели, системы объяснения исторической действительности.

На эмигрантоведении сказалось общее состояние исторической дисциплины. В рамках «новой исторической науки» активно развивается историческая антропология, и мы можем отметить первые труды по истории повседневности, семейной истории, гендерной истории, социальной истории, ювентологии, истории ментальностей, интеллектуальной истории, биографии. Такой подход позволяет более детально, зримо воспроизвести историю российской эмиграции. Любое обобщение грешит неточностями, в то время как внимание к частностям дает возможность представить конкретную картину исследуемого предмета. Данное историографическое направление предоставляет неисчерпаемые возможности для увязки в единую концепцию новых, оригинальных сторон жизнедеятельности Зарубежной России на основе уже накопленного «классического» материала.

Формирование Зарубежной России обусловил ряд факторов, и, прежде всего, интенсивность и многочисленность исхода в эмиграцию, а главное – наличие существенной доли общественно активных и интеллектуально значимых элементов, пользующихся международным авторитетом и связями. Если Советской России предстояло завоевать мировое признание, вырваться из дипломатической изоляции, то в Зарубежье оказались те общественные силы и лидеры, звенья государственных структур, которым не требовалось дополнительно доказывать свою состоятельность. Россия № 2 наследовала обширную инфраструктуру учреждений, сохранившихся от царского, Временного, белых правительств, и признанных мировым сообществом, а также традиционно существовавшие, налаженные еще в довоенный/дореволюционный период связи с иностранными государствами (дипломатические, научные, культурные, общественные). Не были исчерпаны российские зарубежные денежные активы (Российского общества Красного Креста (РОКК), Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (Земгора), дипломатических представительств), значительная часть которых

перешла в распоряжение Совещания бывших российских послов. Все это свидетельствует о потенциале, позволившем За рубежом самоорганизоваться и вести относительно самостоятельный образ жизни.

Страны-реципиенты по-разному приняли беженцев, выжатых из России новым политическим режимом, которые создали множество проблем, никогда ранее не возникавших: оказались вне правового поля, за ними не стояло государство, защищавшее бы их интересы. Одни государства пытались нажить на них политический капитал, надеясь на приоритет своих интересов в возродившейся, постбольшевистской России, другие использовали их интеллектуальный и культурный потенциал, и здесь эмиграция сыграла цивилизаторскую роль, третьи мстили за «вековое угнетение», четвертые пытались избавиться... Историк искусства Н.П. Кондаков на вопрос Б.В. Варнеке, почему едет в Софию, а не в Париж, отвечал: «Я слишком хорошо знаю французов. Это великий народ, но иностранца он терпит только как источник наживы для себя, работать никогда никому не позволит рядом со своими. Я насмотрелся, как там жил мой друг Мечников⁶: без капитала жены он почил бы давным-давно, и французы пальцем бы не пошевелили для того, чтобы устроить его. Кроме некролога и речи над могилой от них ничего не получишь, а я еще многое должен сделать, и славянские земли, которые я тоже недолюбиваю, – непочатый край по нашей части»⁷.

Ни в одной стране не ждали эту полуторамиллионную массу выходцев из бывшей Российской империи, которых весь мир называл русскими. Но было достигнуто главное – признание особенности положения и права создать СВОЙ мир. Эта масса не превратилась в беженскую пыль. Неимоверными усилиями она сорганизовалась, встала на ноги, создала СВОЕ сообщество, СВОЮ атмосферу, воспроизвела русский дух, который дожил до сего дня. Был накоплен опыт отстаивания собственных интересов перед правительствами стран-реципиентов, а также в международных организациях. Международное сообщество, первоначально не приняв Россию советскую, а затем, квалифицировав изгнанников как особую категорию иностранцев, признало их не простой совокупностью людей, но цельным организмом. В результате интересы беженцев были

представлены и отстаивались в Лиге Наций благодаря деятельности верховного комиссара по делам русских беженцев и делегатам Совета послов, РОКК, Земгора и других общественных организаций при нем.

Если Советская Россия воплощала революционные перемены, то Зарубежная декларировала отстаивание классических ценностей, заявляя, что изгнанники унесли с собой Россию на подошвах своих сапог, вместе с родной почвой, которая питает культуру, духовность, что она находится «не в изгнании, а в послании». Приверженность традиции, уверенность в скором крушении советской власти и возвращении на родину давала основания эмиграции говорить о преемственности с дореволюционной Россией, т. е. той Россией, которую мир признавал, а большевики разрушили, отстаивать идею своей мессионерской роли, о том, что подлинная Россия – в Зарубежье. Провозглашался разрыв не с родиной, а с большевизмом. З.Н. Гиппиус в одном из писем М. Вишняку привела строку из ходившего в эмиграции стиха: «С тоски и недоверия в Аркос⁸ не лезь, Пока “там” Ээсэрия, Россия – здесь!».

Противостояние не сразу признанной иностранными державами советской власти и России № 2 вело к тому, что за границей в 1920-е гг. действовала обширная система российских учреждений, ставших олицетворением и символами российской государственности. Поскольку опыта взаимодействия с беженцами, как особой категорией иностранцев, не было накоплено ни в одной стране, самоорганизация диаспоры частично компенсировала отсутствие соответствующих институтов в принимающем обществе.

Эмиграция не просто заявила о преемственной связи с прежним правопорядком, но сделала реальные шаги по формированию условий жизнеобеспечения, сохранению национального и культурного единства. Длительное время удавалось отстаивать самостоятельное жизненное пространство, бороться с денационализацией⁹. В итоге мы можем говорить о Зарубежной России как самодостаточном организме, которому удалось реализовать факторы самовоспроизводства.

Важнейшим структурообразующим элементом Зарубежной России являлась Русская Православная Церковь, несмотря на раскол в ее верхушечной части. Она была мощной духовной

опорой и собирательницей русского мира. Продолжали действовать не только прежние духовные и религиозно-нравственные начала, но и совокупность старых социальных норм, определявших общественное положение людей, иерархические традиции, взаимоотношения. Для многих эмигрантов, особенно тех, социальный статус которых понизился, идея принадлежности к единому целому, воплощавшему старую Россию, возможность хотя бы время от времени воссоздать существовавший в России уклад, являлись необходимой опорой, придавали смысл жизни в чужих краях¹⁰.

Феномен Зарубежной России характеризовался попытками создания преемственного органа власти. Появились структуры, выполнявшие квазигосударственные функции (Русское национальное объединение (РНО), Исполнительная комиссия членов Учредительного собрания, Русский парламентский комитет (РПК), Совет послов). Были воспроизведены элементы политической системы: остатки политических партий, революционные идейные течения, сотни общественных организаций¹¹. Активно развивались инфраструктуры, формирующие пространство исторической памяти, аккумулировавшие результаты деятельности собственно эмиграции (периодическая печать, издательства, библиотеки, музеи, архивы). Сложилась система образования на русском языке.

Единение в масштабах всего Российского Зарубежья демонстрировали общенациональные праздники, чествования, юбилеи. В багаже русской культуры нашлись имена и знаменательные события, ниспровергать которые в эмиграции не решался никто, независимо от идейных воззрений. Они и объединяли, и воспитывали. Хотя у политиков стран проживания были основания призывать отказаться от излишней сентиментальности в отношении к русской эмиграции и трезво взглянуть на положение дел: «Русская эмиграция заполняет свою жизнь постоянными спорами и борьбой и нельзя назвать ни одного творческого действия с ее стороны», – утверждалось в демократической печати¹².

В среде самой эмиграции раздавались голоса об излишней замкнутости русского мира, о том, что он «почти не делает попыток ощутить биение жизни новой Европы, узнать и понять искание мысли, чувства и общественного строительства, кото-

рые напряженно волнуют современный Запад», «интересуются лишь тем, что имеет косвенное отношение к России, да и то, довольствуясь газетными крохами и случайными сведениями»¹³. Знаменитый философ Н.О. Лосский, проживавший в эмиграции в ЧСР, писал: «Нам, русским, вследствие своеобразия наших духовных интересов, очень трудно долго жить в среде чужой культуры без общения с русскими»¹⁴. Потому замедлились процессы адаптации и ассимиляции, русский мир не растворился, а стал Зарубежной Россией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье: Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. – М., 2008. С. 7.

² *Тарле Г.Я.* История российского зарубежья: термины, принципы периодизации // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. – М., 1994. С. 18.

³ Русское зарубежье в Болгарии. История и современность. – София, 2009. С. 11.

⁴ *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939. – М., 1994 (Нью-Йорк, 1990, англ. яз.).

⁵ *Иванович М.* Чехословакия и Югославия на карте Зарубежной России (в первой половине 20-х гг. XX в.) // Международная конференция «Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов. Прага, 14–15 августа 1995 г. Сб. докладов. Ч. 2. – Прага, 1995; *Он же.* Россия в изгнании. Границы, масштабы и основные проблемы исследования // Русская эмиграция в Югославии. – М., 1996. С. 37–40 и др.

⁶ Илья Ильич Мечников в 1887 г. покинул Россию и переехал в Париж, где ему была предоставлена лаборатория в созданном Луи Пастером институте. С 1905 г. – заместитель директора этого института. Проживал до конца жизни в Париже.

⁷ *Варнеке Б.В.* Материалы для биографии Н.П. Кондакова / публ. И.В. Тункиной // Диаспора: новые материалы. Т. IV. – СПб., 2002. С. 112.

⁸ АРКОС (All Russian Cooperative Society Limited, с 1922 – Arcos Ltd), акционерное торговое общество. Учреждено в Лондоне 11 июня 1920 г. по английским законам советской кооперативной делегацией.

⁹ Под денационализацией понимается угроза и реальные явления угрозы подрастающим поколением личностных установок на сохранение национальной идентичности, языка, культуры, знаний отечественной

истории и литературы и принятие под давлением условий социальной среды социокультурных ценностей страны проживания.

¹⁰ Рапопорт Ю. Конец Зарубежья // Современные записки. 1939. № 69. С. 376.

¹¹ Если в досоветский период смысл существования эмигрантских организаций заключался в тесной связи с родиной, то теперь акцент переместился на внутриэмигрантские задачи.

¹² Цит. по: Николаев Д.Д. Н.А. Тэффи и русские периодические издания в Чехословакии // Творчество Н.А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века. – М., 1999. С. 127.

¹³ Там же. С. 128.

¹⁴ Лосский Н.О. Воспоминания. – М., 1994. С. 288.

1

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Пути исхода.

Расселение Константинопольского района

Исход россиян за границу стимулировали как Октябрьская революция, ставившая цель установления диктатуры пролетариата, так и Гражданская война, в результате которой победили большевики. Экономический развал, социальная и бытовая неустроенность, неприятие советской власти, боязнь репрессий, стремление избежать участия в противоборстве белых и красных, «переждать» смутное время, период тотального общероссийского кризиса стали основными причинами ухода в эмиграцию.

В 1917–1919 гг. преобладал поток гражданских лиц за рубеж, но с каждой новой неудачей белых армий в ходе организованных эвакуаций их остатков, а также войск интервентов, увеличивался удельный вес военных чинов. Эмигрантские волны расходились по всем направлениям и в первую очередь захлестнули приграничные с Советской Россией страны. Югославский исследователь М. Йованович в процессе возникновения российской эмиграции выделил три основных направления, по которым россияне покидали родину: 1. северо-западное, 2. южное и 3. дальневосточное. Далее передвижения беженцев связаны в основном с миграциями уже вне пределов России. Наибольшее число изгнанников принесли эвакуации, связанные с окончательным поражением белых армий: из Северной области, с Крымского полуострова, из Приморья.

Северная, самая ранняя, волна двигалась в сторону скандинавских стран и Англии, которые для большинства беженцев

и эвакуированных военных чинов стали транзитными¹. Открытость северных российских границ и относительно безопасные пути, связывавшие их с центральными районами России, в отличие от южных и дальневосточных портов способствовали сосредоточению здесь беженцев из разных регионов с целью выезда². Из стран Северной Европы первой страной, принявшей российских беженцев, стала Финляндия³, через которую проследовал массовый поток беженцев из России в другие страны. Причем большая часть изгнанников пересекла российско-финскую границу нелегально, по суше⁴.

Западная волна достигла стран Балтии (от 40 до 10 тыс.), Польши (от 400 до 90 тыс.), Чехословакии (от 50 до 15 тыс.), Германии (от 600 до 250 тыс.), Франции (до 400 тыс.)⁵. Некоторое число русских подданных увлекли за собой отступавшие на запад немцы (январь–март 1919 г.), к интернированию на территории Эстонии и дальнейшему рассеиванию за рубежом привел уход за пределы российских границ частей Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича (декабрь 1919 г. – январь 1920 г.), в Германию эвакуировались части Западной армии генерала П.Р. Бермондт-Авалова (декабрь 1919 г.). Это была подвижная масса. Так, в Эстонию с Северо-Западной армией в ноябре–декабре 1919 г. ушло примерно 50–60 тыс. солдат и беженцев.

Южная волна прошла через Украину и Крым и вынесла тысячи беженцев на турецкие и балканские берега. Из Одессы и Севастополя при эвакуации французских частей генерала Д'Ансельма в марте–апреле 1919 г. выехало Крымское краевое правительство и гражданское население. Здесь же на Черноморском побережье шла вербовка во французский иностранный легион: обещали гарнизонную службу «в Эльзасе-Лотарингии», «жалование 60 франков в месяц и т. п.», но вместо Европы оказались в Марокко, вместо 60 франков – 95 сантимов и работа с утра до ночи⁶.

В результате эвакуации в январе 1920 г. остатков Добровольческой армии из Одессы, брошенных на произвол судьбы англичанами и неудачных попыток, полных трагизма, переправиться через румынскую границу российскую эмиграцию в Польшу и Болгарию пополнил 60-тысячный корпус генерала Н.Э. Бредова. Основная его часть была интернирована в Польшу. 16-тысячный отряд полковника Стесселя, последнего

коменданта Одессы, сосредоточенный под Овидиополем, состоявший преимущественно из гражданских и небоеспособных военных чинов, направился в Румынию, но был встречен огнем пулеметов. Лишь благодаря вмешательству королевы Румынии 127 человек остались в стране, остальные переправились в Польшу и Болгарию⁷. Часть деникинских ВСЮР и гражданского населения из Новороссийска и Одессы были доставлены в Константинополь (25 тыс.); 8500 («сербская» эвакуация)⁸ – в Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС, с 1929 г. – Югославия) благодаря решению правительства от 24 января 1920 г.⁹, а затем еще в марте того же года около 3 тыс. англичанами с островов Эгейского моря («английская» эвакуация)¹⁰; в Болгарию – 8600 (по решению правительства от 9 февраля)¹¹; на Принцезы острова – 13 тыс., на Лемнос – 2 тыс., на Кипр – 1,5 тыс., в Египет – 4 тыс. (раненые и больные чины ВСЮР вместе с семьями, перевезенные англичанами), всего в лагере Сиди-Бишр скопилось 6 тыс. человек.

Хотя правительство КСХС и разрешило въезд 8 тыс. беженцев, в марте 1920 г. последовал запрет на доступ в страну, вызванный санитарными соображениями. Он касался не отдельных лиц, а групп. Этот шаг откомментировал официальный представитель белого правительства в Болгарии А.М. Петряев 19 марта в секретной телеграмме на имя российского посланника в Белграде В.Н. Штрандмана, указав, что «резкое и неожиданное решение сербского правительства закрыть границу для всех русских без различия вызывает... большое недовольство среди русских и дает обильную пищу для анти-сербской агитации»¹². Поскольку эта акция расценивалась в Болгарии не как санитарная мера, а как политическая, враждебная белой России, Петряев просил Штрандмана добиться смягчения этого запрета. Генерал-майор В.А. Артамонов, российский военный агент в КСХС, 25 апреля 1920 г. сделал запрос Военному и морскому министру КСХС о возможности эвакуации в страну примерно 10–12 тыс. больных и раненых офицеров и членов их семейств, численностью около 30 тыс. человек. Предполагалось разместить их частично также и в Болгарии. «В надежде на благоприятный исход» он просил сообщить, какое именно количество русских беженцев могла бы принять Югославия¹³.

Прибытие эвакуированных из Крыма частей русской армии в Константинополь. Ноябрь 1920 г.

Поскольку сербское правительство ежемесячно отпускало 3-миллионный кредит под расписку российского посланника¹⁴ «на прожиточные нужды находящихся здесь беженцев», массовое увеличение их числа могло бы привести к усугублению положения. В.Н. Штрандтман вынужден был просить российские представительства в других странах предупреждать желавших ехать в Королевство об ограниченности кредита и невозможности рассчитывать на ссуды, которые стали выдавать вместо прежнего льготного обмена из-за спекуляций¹⁵.

Значительно большую нагрузку пришлось вынести балканским странам в ходе самой многочисленной и последней эвакуации белого Крыма¹⁶ после соответствующего приказа главнокомандующего от 28 октября (10 ноября) 1920 г. Одновременно были оповещены о ней иностранные миссии. План эвакуации разрабатывался штабом главнокомандующего совместно со штабом флота. Основная тяжесть легла на флот, поскольку белые части и гражданские лица могли покинуть Россию только морем, т. к. с севера наступала Красная армия. Эвакуация велась из пяти портов: Евпатории, Севастополя,

Ялты, Феодосии, Керчи. Французский крейсер «Вальдек Руссо», на борту которого находился адмирал Дюмениль, командующий французской эскадрой в Севастополе, по просьбе французского военного комиссара прикрывал отход. Франция была единственной страной, которая взяла под свое покровительство разгромленные силы Белой армии. Покровительство Франции гарантировалось взамен на продовольственные запасы, имевшиеся на русских судах. Русские корабли военного и торгового флота рассматривались Врангелем как залог в уплату издержек, предстоявших Франции, по оказанию помощи российским беженцам.

Принято считать, что пореволюционная российская эмиграция сложилась после «крымской катастрофы», в результате которой с 15 по 23 ноября 1920 г. российские берега покинули на 126 судах примерно 146 тыс. человек. Они присоединились к эвакуантам прежних «волн».

Константинополь пропустил через себя свыше 315 тыс.¹⁷ человек, т. е. примерно седьмую часть изгнанников. Развалины бывшей Османской империи контролировались державами Антанты¹⁸. Территория Турции казалась англичанам и французам, которые имели здесь оккупационные войска, наиболее удобной для размещения беженцев из России. С самого начала французская администрация объявила, что, как и полагается по международному праву, армия, перешедшая на чужую территорию, разоружается, превращается в группу беженцев и является исключительно объектом благотворительности.

Около 4 тыс. человек по приглашению румынского короля на французском корабле были доставлены в Румынию¹⁹. Хотя Румыния всячески сопротивлялась приему российских беженцев, старалась от них избавиться и многих высылала, к середине 1921 г. их число возросло с 10 до 55 тыс.²⁰, вновь сократившись в 1923 г. до 10 тыс. Представитель румынского правительства 29 сентября 1922 г. писал генеральному секретарю Лиги Наций: «По национальным, экономическим и санитарным соображениям Румыния не считает себя обязанной принимать беженцев из других стран, принимая во внимание то, что увеличение численности беженцев, уже проживающих на ее территории, представляется опасным»²¹. Более 21 343 крымских эвакуантов были отправлены в Югославию, 4 170 – в Болгарию²².

Командование, штаб и командиры частей 1-го армейского корпуса в Галлиполи. Зима 1920/21 гг.?

В константинопольском районе после длительного и нудного ожидания войска были сведены в три корпуса и размещены в лагерях на полуострове Галлиполи, на острове Лемнос и в районе Чатаджи, в 50 км от Константинополя. Гражданских лиц вначале разместили в десяти лагерях вокруг Константинополя, а затем свели в четыре²³.

Завязавшийся константинопольский узел пытались распутать и Лига Наций, и страны-союзницы, и командование Русской армии. Как заноза в теле Зарубежной России вплоть до конца 1920-х гг. он давал о себе знать.

Многотысячная лавина «белых» русских, выброшенная в море напором Красной армии в ноябре 1920 г., поставила перед мировыми державами и эмигрантским руководством задачу их обеспечения и дальнейшего расселения. После «крымской катастрофы» в константинопольском районе, в военных лагерях сконцентрировалось не менее 200 тыс. человек. Условия пребывания в самом Константинополе, беженских и военных лагерях были чрезвычайно тяжелыми. Сменовеховская газета «Накануне» писала, что «Константинополь стал рус-

ским “дном”, ночлежным домом для мужчин, публичным домом для женщин – местом беженской безнадежной гибели»²⁴.

Французская администрация к апрелю 1921 г. на содержание русской армии и флота израсходовала более 200 млн. франков²⁵, но бесконечно субсидировать пребывание русских беженцев не могла (ежемесячно на эти цели французы тратили около 40 млн. франков)²⁶ и сократила до минимума свои расходы на поддержание русского флота, пытаясь как можно быстрее освободиться от этого бремени. Ввиду отказа других государств разделить затраты последовало сокращение размеров материальной помощи. Эмигрантам предлагалось на выбор: 1) ехать в Бразилию; 2) вернуться в Советскую Россию; 3) записаться во французский иностранный легион; 4) самим обеспечивать свое содержание.

Эти шаги привели бы к распылению остатков Русской армии, чего русское командование старалось избежать. Генерал Врангель предпринял самостоятельные шаги по переводу армии в течение 1921–1922 гг. в те страны, где державы Антанты не имели бы такого влияния, т. е. в Болгарию и КСХС. Соглашение о приеме русских континентов в Болгарии было рассмотрено советом министров и подписано 18 августа 1921 г. начальником штаба полковником Топаджиковым (со стороны болгарского правительства) и генералом Вязьмитиновым (со стороны главнокомандующего Русской армией, военным представителем в Болгарии)²⁷. Прибывшему через год в Болгарию генералу Е.К. Миллеру²⁸ начальник штаба Болгарской армии и Директор политического отдела МВД Болгарии И. Стоянов предъявили протокол постановления Верховного административного совета (ВАС) от 7 июня 1922 г. относительно распыления армии Врангеля и превращения ее состава в гражданских беженцев²⁹. Эти меры предусматривали 1) расщедоточение их по деревням по 10–50 человек, 2) предоставление возможности возвратиться на родину на основании решения совета министров (после заявки околийским начальникам, составлявшим списки и посылавшим их в МВД), 3) те из беженцев, кто не желал устраиваться на работу, должны покинуть Болгарию в 3-недельный срок. О больных и оставшихся без работы должен был заботиться назначенный ВАС комитет³⁰. Неблагоприятная, с точки зрения эмигрантов, обстановка в Болгарии привела к тому, что право на 5 тыс. виз

не было использовано и на половину. Хотя из всех стран только Болгария готова была их принять. Причем это была единственная страна, с правительством которой удалось придти к соглашению по вопросу о приеме инвалидов и рабочих.

В феврале 1921 г. оккупационные власти в Турции открыли запись желающих вернуться в Россию, куда и было отправлено более 10 тыс. человек. Более тысячи беженцев уехали в Бразилию. Но очень дорогой переезд за свой счет и каторжные условия труда в странах Латинской Америки делали такой вариант для беженцев не очень привлекательным. По средам и субботам партии казаков, окруженные конными французскими жандармами, направлялись в Грецию.

Значительные средства для эвакуации русских беженцев из Турции, Египта, с Кипра были выделены правительством Англии. Британский парламент вотировал 145–150 тыс. ф. ст. для ассигнования их содержания. Более того, в январе 1922 г. английский политический деятель С. Хор, уполномоченный Лиги Наций по Балканам, учредил особый комитет по беженским делам под председательством Проктора, которому было обещано еще 10 тыс. ф. ст. Эта сумма предназначалась для переселения и устройства 4600 русских денкинской эвакуации, содержание которых Англия брала на свой счет³¹. С. Хор активно критиковал бездеятельность Лиги Наций в беженском вопросе и указывал на ее моральную ответственность. Лишь предстоящая конференция в Женеве³² стимулировала созыв Совета Лиги Наций и слушание доклада Хора о положении дел на Балканах.

С 1 июля 1922 г. Константинопольский комитет помощи русским беженцам во главе с Проктором прекратил выдачу пайков. Представитель Лиги Наций в Константинополе Л. Чайльдс говорил об отчаянном положении галлиполийцев³³. Питание беженцев брал на себя Комитет Г.К. Гувера. Однако его глава поставил условием получение Лигой Наций 30 тыс. ф. ст. из других источников для расселения константинопольцев. Надежды на получение этих денег было мало, да и требовалось время. М.Н. Гирс телеграфировал Б.А. Бахметеву послу в США, прося его воздействия на Г.К. Гувера, чтобы побудить последнего отказаться от своего условия и приступить к кормлению беженцев. Представитель Совета послов при Лиге Наций К.Н. Гулькевич со своей стороны также просил верховного

комиссара по делам русских беженцев Ф. Нансена повлиять на Г.К. Гувера³⁴.

В свою очередь представитель Г.К. Гувера в Константинополе А. Рингланд в письме Г.Е. Львову с сожалением отмечал, насколько медленно реализуется предпринятое Лигой Наций разгружение города от российских беженцев³⁵. Недостаточность проявляемой Лигой энергии и совершенно незаметные результаты, достигнутые в этом вопросе, заставляли Рингланда опасаться, что те небольшие средства – фонд памяти Рокфеллера, – которыми располагала АРА, могут быть урезаны наполовину³⁶. В результате от членов Лиги Наций поступило всего 11 700 ф. ст. и 15 000 ф. ст. от американских организаций³⁷. Искомой суммы в 30 тыс. ф. ст. добыть не удалось.

Таким образом, расселение Константинопольского района «как наиболее болезненного и внушающего опасения явления»³⁸ стало предметом внимания Лиги Наций при содействии общественных организаций, в том числе русских³⁹. 20 сентября 1922 г. Русский комитет в Турции, созданный в апреле 1922 г. и представлявший 80 общественных организаций, направил в Лигу Наций меморандум с требованием отмены всех видов правовых и других стеснений и ограничений для русских беженцев, улучшения правового положения и свободы передвижения, усиления расселения беженцев и предоставления возможности заработка и пр.

В ожидании решения своей участи, не имея средств существования, не владея никакой информацией, после тщетных и бесплодных попыток поиска работы в переполненном русскими Константинополе, после ночевки в банях, на базарных лагерях, в порту, перед лицом опасности быть насильно увезенными в Галлиполи (ходили упорные слухи об ужасах и расстрелах там), голодные, раздетые, без паспортов (выдача их в русском посольстве шла очень трудно), без правовой защиты, – тысячи русских бросались искать спасения в широко раскрытые двери французского иностранного легиона. Пароход за пароходом увозили русских из Константинополя в Африку. Вербовка осуществлялась при непосредственном участии французской военной разведки (Deuxième Bureau). Для многих служба в легионе была попыткой вырваться из ада военных лагерей Константинопольского района, альтернативой голодной смерти или самоубийству. Обещали хорошие условия,

Здание посольства России в Константинополе (1920 г.?)

хорошее жалование при условии изучения французского языка, возможность для офицеров восстановления в своих прежних чинах во французской армии. Срок службы – 5 лет. На дорогу были выданы 250 фр. фр. На деле обернулось все иначе. Питание хуже, чем обещали, через 3–4 месяца службы наступала апатия. По прибытии в Сирию дезертировали очередями: сперва немцы, потом болгары, потом русские⁴⁰.

Те, кому повезло, были переселены в Югославию и Болгарию к ноябрю 1921 г. Почти на два года задержалась отправка из района Константинополя, из Египта, с Кипра⁴¹, пока попечение о них не взяла на себя Лига Наций. В покровительстве Лиги Наций виделся оптимальный выход. Эта международная организация также признавала расселение необходимым условием разрешения русского беженского вопроса в Константинополе. 10 августа 1922 г. М.Н. Гирс просил К.Н. Гулькевича выяснить путем переговоров с представителями комиссариата Лиги Наций по делам русских беженцев вопросы о привлечении русских беженцев на работы по постройке Адриатической железной дороги и о принятии Лигой Наций в свое ведение всех беженцев английской эвакуации⁴².

В ответ на ходатайства о содействии в урегулировании положения русских беженцев в Константинополе верховный комиссар по делам русских беженцев Ф. Нансен сообщал, что помимо решения вопроса об удостоверениях личности, принимаются меры к эвакуации беженцев в другие страны. 5 тыс. предполагалось переселить в Болгарию за счет Лиги Наций. Но Лига не брала на себя ответственность за судьбу «самостоятельно существующих», т. е. неорганизованных, беженцев, однако, по мере возможности могла оказывать им всяческое содействие в эвакуации (получение виз, материальная помощь). Также 5 тыс. одиночных беженцев этой категории должны были отправиться в скором времени в Югославию⁴³.

Совет бывших российских послов добивался согласия Ф. Нансена взять на себя заботу о расселении с Галлиполи и устройстве судьбы воинских чинов Русской армии взамен на предоставление «заранее условленной суммы»⁴⁴. Но верховный комиссар выставил условие: освобождение галлиполийцев от всяких обязательств по отношению к П.Н. Врангелю как главнокомандующему. «Вы знаете также, – писал М.Н. Гирс Е.К. Миллеру 20 июля 1922 г., – как отнесся к нему [к данному

условию. – 3.Б.] Врангель. Нами действительно было сделано все, что было в пределах нашей возможности и зависимости, чтобы спасти этих людей от голода. Вина не на нас и не нам носить последствия, если генерал Врангель эти условия не находит для себя приемлемыми. При таком положении вещей я не вижу никакого выхода, кроме неизбежного в ближайшем будущем перехода галлиполийцев в Константинополь на общебеженское положение с неминуемой утратой для них тех преимуществ, которые были бы для них созданы принятием на себя попечения об них Лигой Наций. Я не сомневаюсь в усилиях, которые делаются командованием для облегчения их тяжелой участи, но я также не могу скрывать ни от себя, ни от Вас указанных неизбежных последствий, к которым приведет нас нежелание принять нансеновские условия»⁴⁵. Однако 29 июня 1922 г. В.Н. Штрандтман, глава Русской делегации в КСХС, известил М.Н. Гирса о письме, адресованном П.Н. Врангелем Ф. Нансену. П.Н. Врангель сообщал, что в случае принятия Лигой Наций на свое иждивение галлиполийцев, он будет спокоен за их существование и отклоняет от себя всякое попечение о них и вмешательство в их внутреннюю жизнь⁴⁶. Еще одно письмо главнокомандующий отправил главе Совета послов. В нем он высказал недоумение требованием Ф. Нансена. Но только в мае 1923 г. последние сидельцы покинули Галлиполи.

Постепенно ликвидировались и другие военные лагеря в Константинопольском районе. 25 ноября 1922 г. из Константинополя в Варну отправился пароход с 1200 беженцами, главным образом, из Селимье, что позволило этот лагерь закрыть⁴⁷. По данным штаба Русской армии, было перевезено военных чинов: в Болгарию – 17 тыс., в КСХС – 11 500, в Чехословакию – 1 тыс., в Грецию – 3 тыс., в Венгрию – 300, в Бизерту – 6 тыс. Итого 38 800 человек⁴⁸.

К.Н. Гулькевич доложил Ф. Нансену идею, высказанную С.В. Паниной, представителем РЗГК при международных организациях в Женеве: обратиться к европейским правительствам стран-членов Лиги Наций с просьбой разместить беженцев, которых не удастся организованно выселить из Константинополя⁴⁹. Тот отнесся к предложению скептически. На встрече с представителями Русского комитета в Турции 12 октября 1922 г. он отмечал, что, несмотря на все его усилия, большин-

ство правительств, за исключением Софии, отказывает русским беженцам во въездных визах. Сами же русские предпочли бы направиться не в Болгарию, а любую другую страну, не контактировавшую с Советами. Таким образом, как замечал К.Н. Гулькевич, препятствием для расселения Константинополя являлись не финансовые трудности, а отсутствие страны, куда можно было бы беженцев направить, и только болгары не в состоянии были противиться их наплыву⁵⁰. Тем не менее, удалось добиться от ряда стран разрешения на прием небольших групп.

Для выяснения ситуации были проведены регистрации русских беженцев⁵¹. Попытка переписи российских беженцев была проведена Лигой Наций в ноябре 1921 г. Имея полную демографическую информацию, сведения о трудоспособности и профессиях изгнанников, Лига Наций могла координировать расселение в соответствии с международной ситуацией. Важно было избежать двойной регистрации ввиду частых передвижений беженцев. Был составлен и разослан опросный лист, на основании которого можно было получить достаточно полные сведения. Он сопровождался списком профессий (№ 5 опросного листа) и тремя таблицами, в которые заносились конечные результаты переписи. Особое внимание обращалось на профессию опрашиваемого, ее надо было указать «с возможно большей точностью сообразно со списком профессий, приложенных при опросном листе»⁵². Следовало указать профессию, которой беженец занимался в России. Указанные данные проверялись. В итоговые таблицы заносились: 1) распределение по полу и возрасту, а также число беженцев, а) содержащихся на общественные средства, б) не имевших возможности найти заработок, в) неспособных к труду; 2) распределение по профессиям, (каждый столбец содержал указание на категорию занятий, подразделен согласно полу, религии, званию); 3) беженцы, не имевшие возможности получить работу. Анкеты по заполнению отсылались непосредственно верховному комиссару по делам русских беженцев. Подобные сведения собирались как о беженцах, не интернированных в лагерях, так и о находившихся в них⁵³. Если бы перепись удалось провести таким образом, как это замышлялось, а анкеты в полном объеме сохранились и дошли до нас, мы имели бы цельную картину образа русского мира начала 1920-х гг.

29 ноября 1922 г. отдел расселения Русского комитета в Турции подготовил сводку о количестве лиц, желавших выехать в другие страны. Из зарегистрированных 28 тыс. беженцев (20 тыс. мужчин, 6 тыс. женщин, 2 тыс. детей до 15 лет) 5 тыс. нуждались в постоянной помощи, в том числе все дети, лишь треть имели постоянный заработок. Из трудоспособных мужчин только 4 тыс. были готовы к грубому физическому труду. Покинуть Константинополь желали 14 378 человек. При этом на свои средства могли выехать только 1–1,5 тыс. человек⁵⁴. Франция и Бельгия практически предоставили требуемое количество виз (единственным условием было, чтобы выезжающие не рассчитывали на помощь правительства и не являлись большевиками), в 10 раз меньше заявленного числа дала Германия, чешское бюро труда протестовало против иностранной рабочей силы, ссылаясь на необходимость отдавать предпочтение безработным чехам⁵⁵, представители США в Константинополе выдали 2 тыс. виз⁵⁶.

К концу 1922 г., по данным РЗГК, из Константинополя выехали 120 тыс. человек⁵⁷, а средства Лиги Наций иссякли. Причем, в последние месяцы 1922 г. отмечалась растущая динамика отъезжающих⁵⁸. С 1 сентября 1922 г. по 1 июля 1924 г. было эвакуировано 6 005 беженцев, в том числе во Францию – 3 748, США – 862, Югославию – 503, Советскую Россию – 269⁵⁹. По другим сведениям, только в 1922 г. Константинополь покинуло 11 471 чел. (5 145 индивидуально и 6 326 группами)⁶⁰. В июне 1923 г. Н.И. Астров говорил, что при участии верховного комиссариата по делам русских беженцев было эвакуировано из Константинополя свыше 18 тыс. человек с затратой на это 50 тыс. ф. ст.⁶¹. В сентябре 1924 г. V-й комиссии Лиги Наций было доложено о 30 тыс. беженцев, перемещенных в 45 различных государств при расходе 1 ф. ст. на каждого⁶². Как видим, данные весьма противоречивы. Эта неточность и разногласия вызывали недоумение и самой эмиграции. Складывалось впечатление, что на место выезжающих вставляли новые лица, заявлявшие об эвакуации.

Особенность и спешность расселения из Константинопольского района обуславливалась сложившейся политической ситуацией в Турции. В апреле 1920 г. в Турции было создано революционное правительство по главе с М. Кемалем. Его резиденцией стала Анкара (Ангора). 16 марта 1921 г. был подпи-

сан в Москве советско-турецкий договор о дружбе и братстве. Параллельно в стране существовало султанское правительство в Константинополе. В результате на всей территории Турции утвердилась власть М. Кемаля. В 1923 г. оккупационные войска (Англии, Франции, Италии) должны были покинуть территорию этой страны. Поэтому все прежние правовые отношения рушились. Ангорское правительство вырабатывало свою позицию, неблагоприятную для изгнанников. Оно заявило о желательности выселения русских беженцев из Константинополя, чтобы избежать тяжелых осложнений в связи с установлением дипломатических связей с Советской Россией, решением ликвидировать все русские беженские организации⁶³.

Русские эмигрантские общественные круги возлагали надежды на Лозаннскую международную конференцию, на которой должен был быть подписан мирный договор и, как полагали, будет решен вопрос о беженцах. Совет послов разослал в российские дипломатические представительства памятную записку М.Н. Гирса для передачи правительствам о путях охраны интересов русских беженцев в Константинополе. В ней говорилось: «В настоящее время в Константинополе насчитывается около 30 тыс. русских... Из этого числа более половины прочно там обосновались и вошли в общее течение местной деловой жизни, но около 15 тыс. может существовать только благодаря сторонней материальной помощи и поддержке, которая оказывается иностранными правительствами и благотворительными организациями. ...По доходящим из Константинополя сведениям, турки настаивают на том, чтобы эти русские беженцы были эвакуированы из Константинополя. ...Изложенное приводит русские организации к следующим заключениям: 1. необходимо эвакуировать из Константинополя тех русских, которые не имеют средств к существованию, 2. необходимо предоставить возможность покинуть Константинополь тем русским беженцам, которые по политическим основаниям не нашли бы возможности остаться в этом городе, всячески облегчая им выезд, как в отношении получения виз в другие страны, так и в предоставлении материальной поддержки, 3. при рассмотрении на предстоящей в Лозанне мирной конференции вопроса о русских беженцах в Константинополе нужно добиваться, чтобы остающиеся в Константинополе рус-

ские беженцы приняты под покровительство одной или нескольких держав, чтобы им обеспечены были право убежища, личная неприкосновенность и чтобы они пользовались теми же правами, как и другие иностранцы»⁶⁴.

Настаивая на удалении русских из Константинополя, турки ссылались на требования советского правительства. Верховный комиссариат Лиги Наций, пытаясь уточнить этот вопрос, получил категорическое заявление С.И. Бродовского, советника полпреда РСФСР в Германии, что договор, заключенный с Ангорским правительством, не дает права требовать удаления всех беженцев с турецкой территории, и что подобного требования советское правительство не предъявляло Турции и не намерено предъявлять. Имея в руках официальное заявление С.И. Бродовского на имя Ф. Нансена, верховный комиссариат по делам русских беженцев обратился к союзникам в Лозанне, в частности к лорду Д. Керзону, британскому министру иностранных дел, с просьбой добиться включения в договор формулы, согласно которой Турция приняла бы на себя обязательство не выселять со своей территории находящихся там русских беженцев⁶⁵.

На встрече с начальником юридического отдела секретариата Лиги Наций 22 ноября 1922 г. представители комитета съездов русских юристов за границей обратили его внимание на то, что русская колония в Константинополе в связи с событиями на Ближнем Востоке оказалась между двух огней: с одной стороны, советское представительство могло оказаться фактически распорядителем судьбы русских граждан, нашедших себе убежище в Турции, с другой стороны, благодаря отказу Москвы от режима капитуляций⁶⁶, турки будут претендовать на полную власть над русскими, не имеющими национальной защиты. Таким образом, следовало принять меры к тому, чтобы избавить русских от угрожающей им с двух сторон опасности. Однако надежды эмигрантского руководства не оправдались. Хайд-Бей, член турецкой делегации на Лозаннской конференции, председатель общества Оттоманского Красного Полумесяца в Лозанне 21 ноября 1922 г. в беседе с делегатом Русского национального комитета (РНК) Ю.Ф. Семеновым заявил, что вопрос о положении русских в Турции есть чисто турецкий внутренний вопрос, которого конференция касаться не может и не будет⁶⁷. Но удалось добиться главного: массового и срочного выселе-

ния русских беженцев не состоялось. Эвакуация Константинопольского района продолжалась.

Константинопольская проблема добиться после Лозаннской конференции потеряла свою остроту, но исчерпана не была, а подписанный мир не обеспечил «священного права убежища»⁶⁸. Эмиграция по-прежнему была обеспокоена вопросом о дальнейшей судьбе эвакуации русских беженцев из Турции. Он обострился в 1924 г. в связи со слухами о возможности прекращения деятельности местного отделения Лиги Наций. 21 октября 1925 г. М.Н. Гирс писал К.Н. Гулькевичу о необходимости «сделать все, чтобы постепенно покончить с Константинополем» и просил «по мере возможности, возвращаться к этому вопросу в беседах с представителями МБТ»⁶⁹. Турецкое правительство решило, что к 1 августа 1927 г. русские беженцы, проживавшие в Константинополе, должны оставить турецкую территорию, если не приняли советское гражданство или не натурализовались. А.Ф. Шebuнину, председателю Организации по содействию и помощи русским беженцам в Турции, удалось выяснить, что те, кто из них до того времени из страны не выедет, не могут рассчитывать на непременное принятие их в турецкое подданство, в то же время утрачивалась возможность выезда в другие государства. Положение русских отягощалось запрещением в некоторых городах говорить иначе как по-турецки. Таких городов А.Ф. Шebuнин насчитал не менее 12. Этой проблемой он поделился во время встречи с Л. Чайльдсом 17 сентября 1925 г., совершавшим поездку по Балканам. Немногочисленные квалифицированные рабочие и молодежь еще могли надеяться на выезд во Францию по рабочему контракту. Большинство русской беженской колонии в Константинополе (около 6 тыс. чел.) составляли слабые, старые, больные люди интеллигентного труда, которые остались после разъезда наиболее энергичных, дееспособных и предприимчивых. Половина их кое-как еще могла устроиться. Для остальных предстояло выхлопотать возможность выехать из Турции туда, где они могли рассчитывать найти или работу, или поддержку родных либо друзей. 3 тыс. людей, считал А.Ф. Шebuнин, не могли представлять серьезной тяжести для всей Европы. На это Л. Чайльдс возразил, что если говорить только о 3 тыс., то, возможно, ангорское правительство не откажет оставить их у себя, и обещал

при первой же возможности возбудить перед Исмет Пашой этот вопрос⁷⁰.

Публикации в прессе были противоречивы. В одних указывалось, что декрет о выселении беженцев, скорее всего, будет отложен на неопределенное время⁷¹. Другие приводили сведения о продлении срока пребывания белых русских, но тем, кто имеет занятия и работу⁷². Дата выселения русских граждан решением турецкого правительства неоднократно откладывалась. Последняя отсрочка истекала 6 февраля 1929 г. За 1928 г. верховный комиссариат смог эвакуировать свыше 1 тыс. беженцев. Средства были предоставлены американскими организациями. Большое количество «белых» покинуло Константинополь, уехав в Бразилию и Уругвай, 14 февраля 1929 г. предполагалась отправка туда же последней группы. 400 человек направили в Югославию. Из оставшихся в Стамбуле 1 800 беженцев 1 тыс. запросила турецкое подданство, 800 надо было перевезти в другие страны (200 – в Палестину, 70 – во Францию и пр.). Верховный комиссариат обратился к правительству Турции не предпринимать никаких экстремальных мер и благоприятно рассматривать вопрос о натурализации русских беженцев, которые просили турецкое гражданство.

Динамика расселения русских беженцев из Турции, настаивавшей на принятии ими турецкого гражданства или на выезде из страны лиц, не желавших натурализоваться, выглядела следующим образом: к концу 1923 г., после ухода оккупантов, – не более 10 тыс. беженцев⁷³, в сентябре 1925 г. – около 6 тыс.⁷⁴, к 1927 г. – около 3 тыс.⁷⁵, а в феврале 1929 г. – 1 800⁷⁶.

Таким образом, лишь к концу 1920-х гг. константинопольская проблема была решена.

Врангелевский флот был эвакуирован на побережье Средиземного моря и базировался на французской военно-морской базе Бизерта (Тунис), где простоял почти четыре года. Сюда в январе 1921 г. прибыли 30 судов с личным составом до 5,6 тыс. человек команды с членами семей, Севастопольский морской корпус. Вскоре командование эскадрой принял контр-адмирал М.А. Беренс. Казенные суда транспортного флота передавались французам в качестве обеспечения возмещения расходов по содержанию эвакуированных частей армии. Военные суда рассматривались как принадлежавшие не прави-

тельству, а организации получастного характера⁷⁷. С 1922 г. шло сокращение личного состава эскадры. Почти 3,5 тыс. моряков отправились на поиски работы в страны Северной Африки и во Францию. В ноябре 1924 г. через 2 дня после признания СССР Францией Военно-морской префект Бизерты адмирал Эксельманс приказал всем офицерам и гардемаринам эскадры собраться на борту эскадренного миноносца «Дерзкий» и передал распоряжение правительства Франции спустить Андреевские флаги, передать корабли французским уполномоченным, а самим сойти на берег⁷⁸.

В память о пребывании армии в военных лагерях на чужбине, о перенесенных тягостях и лишениях П.Н. Врангель утвердил особые нагрудные знаки с надписью «Галлиполи», «Кабаджа-Галлиполи», «Лемнос», «Бизерта» и «Лукулл» и датами «1920–1921». Для чинов Русской армии, не находившихся в этих военных лагерях, был введен крест с надписью «1920–1921»⁷⁹.

Восточная волна эмиграции (по некоторым данным 250 тыс. человек⁸⁰) прокатилась через Сибирь к Дальнему Востоку. Часть россиян обосновалась в Маньчжурии, где и до 1917 г. было немало русских, часть двинулась дальше и осела в других районах Китая, Кореи, Японии. Дальневосточную эмиграцию характеризовали крайняя подвижность и нестабильность.

Первый исход на востоке пришелся на январь–март 1920 г. в связи с поражением армии А.В. Колчака. Осенью 1920 г. после ухода японцев в Маньчжурию были вытеснены каппелевцы. Тогда же, боясь расправы большевиков, забайкальские казаки приаргунских станиц ушли в Трехречье (восточные притоки Аргуни: Хаул, Дербул, Ган), расселились от восточного берега Аргуни до западных склонов Большого Хингана и от КВЖД до верховьев Гана и Дербула и стали осваивать совершенно необжитые места⁸¹. Последняя организованная эвакуация остатков белых войск прошла из Приморья через два года. Приказ об ее начале был отдан воеводой Приамурской Земской Рати М.К. Дитерихсом 17 октября 1922 г. Обязанности по выводу войск и беженцев были возложены на контр-адмирала Ю.К. Старка, командующего Сибирской военной флотилией. Посадка на транспорты проходила во Владивостоке с 20 по 24 октября 1922 г. в страшной панике. На 30 судах Сибирской военной флотилии и Добрфлота, частных пароходах и шалан-

дах город покинули около 6 тыс. солдат и офицеров Земской Рати, гражданских беженцев. Отток офицеров за рубеж начался еще с уходом японцев в августе–сентябре 1922 г.

Сибирская военная флотилия во главе с адмиралом Ю.К. Старком (1800 членов экипажа, их семьи, морской кадетский корпус), не допущенная в японские порты⁸², прибыла в корейский порт Гензан. Небольшая их часть перебралась в ноябре 1922 г. на 27 судах в Шанхай. Однако по требованию китайских властей флотилии пришлось уйти в Манилу в составе 14 судов⁸³ (полковник Бикнелль из Главного управления Американского Красного Креста в Вашингтоне 1 февраля 1923 г. уведомил С.А. Угета, российского финансового агента в США, о состоявшемся ассигновании 5 тыс. долларов для оказания первой помощи 800 русским беженцам, прибывшим в Манилу на судах флотилии адмирала Старка⁸⁴). 14 сентября 1923 г. в Шанхай прибыло еще 3 судна с 750 казаками генерала Ф.Л. Глебова. Один из этих трех судов, «Монгугай», ушел с командой в СССР, два других стояли на рейде более трех лет, пока казаки Ф.Л. Глебова не устроились в охрану международного селтльмента⁸⁵. Небольшая группа русских на утлом суденышке из Владивостока перебралась к одному из островов архипелага Фиджи. Судьба отблагодарила их за перенесенные страдания. Им удалось с комфортом устроиться, покупая у туземцев продукты на романовки и керенки, вывезенные из России в огромных количествах⁸⁶.

Передел власти в России оставил тысячи бывших подданных Российской империи, оказавшихся за рубежом, на периферии государственных интересов, беззащитными, без поддержки и заботы отечества. Особую категорию составили военнопленные Первой мировой войны и чины Русского экспедиционного корпуса (РЭК) – 750 офицеров и 45 тыс. нижних чинов, отправленных в 1916–1917 гг. за границу на помощь союзной Франции. Часть военнопленных перебралась из Германии во Францию, а солдаты РЭК, стремясь в Россию, могли переместиться из Франции в Германию. Собственно эмигрантами их назвать нельзя, но они, безусловно, стали частью российского Зарубежья. Что касается РЭК, то французское правительство в соответствии с инструкциями от 24 декабря 1917 г. взяло на себя содержание, довольствие и командование русских войск и разделило весь контингент на

три категории: 1) на бойцов добровольческих батальонов, полностью подчиненных французской дисциплине, для отправки на французский фронт; 2) на военных рабочих для использования внутри страны и в зоне военных действий, но вне неприятельского обстрела; 3) на тех, кто не захотел войти ни в одну из этих категорий, на «неблагонадежных». Последние подлежали отправке в Северную Африку на принудительные работы⁸⁷. 500 человек оставались воевать на французском фронте, 1200 – стали добровольными рабочими, которых рассылали в различные регионы Франции отрядами по 500 человек, и почти 12 тыс. были отправлены в Северную Африку⁸⁸. Как отметила С.С. Попова, основная часть РЭК возвратилась на родину в 1919–1921 г. Только в Алжире к 1 января 1920 г., по официальным французским данным, численность российских военнослужащих уменьшилась вдвое⁸⁹. Более 250 солдат и офицеров РЭК составили «Русский легион чести».

Русские солдаты, заключившие контракт с французскими военными властями и поступившие на службу во французскую армию, формально не были демобилизованы из российской, и, таким образом, оказались в двусмысленном положении. Причем большинство законтрактованных солдат вошли в иностранный легион⁹⁰.

К середине 1920-х гг. через французский иностранный легион⁹¹ прошли более 10 тыс. россиян, значительная часть которых влилась в его ряды в результате революций 1917 г. в России и эмиграционных волн. В иностранном легионе бывшие чины РЭК могли встретиться с белыми русскими, завербованными в России и ушедшими вместе с войсками французских интервентов. По некоторым данным, в иностранном легионе они составляли 10 % от всех русских, около 5 % – бывшие русские пленные Первой мировой войны, 25 % – белогвардейцы, вывезенные с юга России из Крыма, Одессы и Херсона, врангелевцев насчитывалось 60 %. В легион шли чаще всего от безысходности, по причине материальных лишений. По словам Е. Тарусского, «не страх голода и холода толкал их туда. Голода и холода русский офицер не боялся. Но зато он боялся нищеты и “дна”. Голод и холод в рядах полка, в траншеях и походах его не страшили, голод и холод на дне, среди человеческих подонков его ужасали»⁹². Россияне попадали в самые экзотические страны. Например, в Индокитае чис-

ленность русских легионеров в 1921 г. составила 107 человек⁹³. Сотни служили в Тунисе, Алжире, Марокко, Сирии, Ливане, Французской Гвиане... Распределялись легионеры до 1925 г. по регионам следующим образом: в Алжире и Сахаре находилось 40 %; в Марокко – 30 %; в Тунисе – 15 %; в Сирии – 10 % и в Индокитае – 5 %, но с началом рифской войны (1925–1926 гг.) большая часть легиона была сконцентрирована в Марокко.

Чрезвычайно тяжелые условия службы в иностранном легионе подталкивали обращаться в эмигрантские организации, занимавшиеся судьбой русских военных чинов, интернированными, а также в советские органы власти, представительства РСФСР (СССР) за рубежом с просьбами добиться от французского правительства содействия в возвращении на родину, о досрочном окончании пятилетнего контракта. Не выдержав унижительного положения, многие легионеры дезертировали, несмотря на жестокие преследования французских властей. Виновному грозило тюремное заключение на срок до пяти лет и последующая высылка из Франции. Сверх того, после окончания тюремного срока дезертир должен был продолжить службу в легионе, получая в два раза меньшее жалование по сравнению с остальными легионерами. Русскому консулу в Марселе легионеры – бывшие солдаты РЭК писали: «...при нашем поступлении в их иностранный легион нам было через переводчиков офицеров объявлено, что по существующим законам все мы будем, по окончании срока службы, отправлены на родину. По окончании срока службы 24 октября 1920 г. мы просили французское начальство отправить нас в Россию – но нет ответов»⁹⁴. Помощь беглецам оказывала кемалистская Турция, откуда они намеревались попасть на родину. Так, консул РСФСР в Самуне отмечал, что «нужно иметь колоссальную волю к возвращению в Россию, чтобы, несмотря на неизбежность расстрела в случае поимки и бесконечно тяжелый путь, решиться бежать в Россию»⁹⁵.

Легионеры, отслужившие установленный контрактом срок, получали определенные льготы при устройстве на работу во Франции и, соответственно, право проживания в стране. Считалось, что эти люди побывали на государственной службе и принесли пользу обществу. Закончивших службу в легионе снабжали документами, за казенный счет переправляли без

Русские легионеры в Тунисе

визы в Марсель. Во Франции на местах их устройством занималось уже министерство труда. Данное обстоятельство выделяло их из общей массы российских эмигрантов. Однако получение работы не было гарантировано, и часть легионеров предпочитала возвратиться на родину.

Особые сегменты русского мира составили лица, проживавшие в странах-лимитрофах, «дачники» (по выражению И. Северянина), селившиеся в свое время в живописных уголках Эстонии, Финляндии, а также пассажиры «философского парохода» (численно незначительная группа, но весомая по интеллектуальному наполнению). Однако группа новоприбывших из России в 1922 г. была встречена прохладно, ибо в них видели людей, живших и работавших при ненавистных большевиках. Их изоляция обуславливалась не только недоверием со стороны эмигрантской среды, но и неприятием самими высланными белой эмиграции. Различие между насильно высланными из страны и теми, кто предпочел «добровольное изгнание» бросалось в глаза.

Всего после 1917 г. эмигрировало 1,5–2 млн человек⁹⁶. Эмигрантские потоки были как контролируемые, так и нелегальные, преимущественно связанные с окончательным поражением белых армий. Поэтому значительную долю из них составили военные чины. Выехали в основном русские (95,2 %). Среди гражданского населения преобладали мужчины (73,3 %), находившиеся в наиболее трудоспособном возрасте (от 17 до 55 лет – 85,3 %), с высоким удельным весом образованных людей (54,2–70 %). Детей было примерно 10,9 %, стариков – 3,8 % от общего числа⁹⁷. Великий исход длился в основном пять лет – с 1917 по 1922 г. До середины 1920-х гг. российская эмиграция отличалась высокой мобильностью. Но к концу десятилетия «беженецко-кочевническая психология уступила место психологии прикрепления к местам»⁹⁸. Из приграничных государств переезжали в более благоприятные в социально-экономическом и политическом отношении.

Материальную и финансовую помощь по переселению беженцев взяла на себя Лига Наций, эвакуацию военных чинов – верховный главнокомандующий П.Н. Врангель. Основной узел проблем, связанных с содержанием и расселением россиян, сформировался в Константинопольском районе. Верховный комиссар по делам русских беженцев Ф. Нансен через своих представителей добивался от правительств разрешения на въезд «константинопольцев». Архивные документы свидетельствуют о сложившемся конфликте между Лигой Наций и армейским руководством. Верховный комиссар в обмен на помощь по расселению с Галлиполи и о. Лемнос потребовал письменного отказа П.Н. Врангеля от командования частями. Совет бывших российских послов Ф. Нансена поддержал.

Пореволюционная эмиграция влилась в российскую диаспору общей численностью 8 млн 853 тыс. человек и составила 10 млн⁹⁹, куда вошли значительные группы русского населения, оказавшиеся вне пределов родины на положении национального меньшинства в силу отхода от России целых областей. Россиян разбросало по всему миру от островов св. Павла в Беринговом море до г. Ушуая на Огненной Земле, от Лиссабона до Новой Зеландии. Российские беженцы рассеялись по 45 странам мира. Это расселение определило свои очертания в первое десятилетие. Тогда же сложились основные эмигрантские общественные институты.

География Русского мира

Поскольку российская эмиграция сохраняла подвижность до середины 1920-х гг. центры ее скопления менялись. Сначала это были приграничные, а также капитуляционные страны, Балканский полуостров. Затем наступила очередь стран вторичной миграции: Германия, с 1924 г. – Франция, которая разработала специальную политику привлечения рабочих рук, пока среди французских рабочих не начались выступления против конкуренции иностранного труда. Мобильными являлись, в первую очередь, люди здоровые, трудоспособные, не требовавшие благотворительной помощи. Но более или менее основательно россияне обустраивались лишь, потеряв надежду на скорое возвращение на родину, выбирая при этом страны с благополучной экономической и социальной конъюнктурой. Со второй половины 1920-х гг. активизировались попытки переброски беженцев в страны Латинской Америки, дополнив контингенты приехавших в 1920–1922 гг. из Константинопольского района.

В Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве, Польше, Румынии значительную часть беженцев составляли бывшие военные белых армий, военнопленные, в том числе Красной армии, интернированные, содержавшиеся в лагерях Польши, люди гражданские, попавшие в эти страны во время революции, войны, тайно перешедшие границу. Кроме того, здесь находились русские, постоянно проживавшие на территории, оказавшейся теперь за пределами России. Часть из них не была признана гражданами вновь образовавшихся государств. Основным видом заработка беженцев оставался физический труд.

На Балканы россияне переправлялись в основном организованными группами, в составе воинских частей. Если в Эстонии, Латвии мужчины составляли 42 %, женщины 29 %, дети 29 %, то в Сербии и Болгарии – соответственно 71 %, 18 %, 11 %. Условия труда несколько отличались, но были одинаково тяжелые. Преимущество беженцев в Балканских странах (кроме Турции), в отличие от Польши или Румынии, состояло в том, что их не подвергали бесосновательным высылкам.

Чехословакия, Франция, Бельгия и Германия являлись странами по преимуществу вторичной эмиграции. Приток прибы-

вавших непосредственно из России был невелик. Эти страны целенаправленно формировали контингенты беженцев, которые могли быть допущены к въезду: земледельцы, рабочие, студенты, профессура. Так, Франция, потерявшая в войну 7 % мужского населения, с 1923 г. сняла препоны для ввоза рабочих-иммигрантов. Кроме того, в ряде государств оставались бывшие граждане Российской империи, которые не являлись эмигрантами. Во Франции – это, прежде всего, чины Русского экспедиционного корпуса, в Германии – военнопленные мировой войны.

Особенность российской эмиграции в Англии, Италии, Швейцарии обуславливала закрытость этих стран, отсутствие русских общественных организаций, выступавших бы в той объединяющей роли, какую они играли в странах с крупными диаспорами. Эти государства предпочитали давать деньги на обустройство эмиграции, но не допускать ее на свою территорию для постоянного жительства, ограничившись заботой о русских, проживавших, как правило, еще с довоенного времени, к тому же относительно обеспеченных. Итальянские власти, хотя и называли цифры 15–20 тыс. проживавших в стране русских в 1921 г., они явно не отражали реальную ситуацию. Как предполагает Е.М. Миронова, подсчеты были основаны на количестве выданных русским за годы Гражданской войны виз¹⁰⁰. Япония, Австралия, Южная Америка, США, Канада, проводили ограничительную иммиграционную политику.

Тотального учета российских беженцев проведено не было. Сведения переписей, проводившихся в тех или иных странах, достаточно быстро устаревали, часто учитывали лишь определенные категории эмигрантов.

Сведения, представленные Ф. Нансеном в секретариат Лиги Наций в июле 1924 г.¹⁰¹, и 9-й сессии Лиги Наций в сентябре 1928 г.¹⁰², приведены в табл. 1.

Из этого числа большинство составляли здоровые работоспособные одинокие мужчины и женщины, способные обеспечить себя и свою семью. Таким образом, на долю общественной благотворительности оставалось 30–40 тыс. стариков, инвалидов, детей сирот. Однако 200 тыс. беженцев, способных к труду, оставались без работы. Примерно 40 тыс. в числе эмигрантов составляли казаки, из них не менее 35 тыс. были земледельцами, и найти им работу не представлялось тяже-

лым делом. Но лица с образованием, не приспособленные к тяжелому физическому труду, чей удельный вес был весьма высок, находились в тяжелом положении.

Таблица 1

Название страны	1924 г.	1926 г.	1928 г.
Австрия	3500	2465	2505
Бельгия	10000	–	–
Болгария	33000	28340	25942
Великобритания (с колониями)	4000	40	292
Венгрия	2600	5294	1154
Германия	500000	Ок. 40000	–
Дания	1000	300	300
Греция	3500	2000	2045
Данциг (своб. город)	3500	–	269
Испания	–	–	500
Италия	1500	–	–
Китай	60000	76000	88548
Латвия	15000	33544	30000
Литва	3500	7644	8000
Норвегия	–	Миним. число	–
Польша	70000	Ок. 68300	Ок. 100000
Румыния	80000	–	–
Турция	9000	5000	1747
Финляндия	13000	14314	14314
Франция	400000	Ок. 400000	Ок. 400000
Швейцария	40000	–	–
Швеция	–	1000	1000
Чехословакия	27000	30000	24000
Эстония	15000	19000	17353
Югославия	45000	38000	27345
Япония	3500	–	2356
Всего	1304100	771241	747670

На размещение и обустройство российских беженцев требовалось 200 млн фр. фр. Если на перевозку из Константинополя деньги выделялись, то из других стран переезд осуществлялся за счет частной благотворительности или возвратных ссуд¹⁰³.

Страны Северной Европы стали лишь временным прибежищем для россиян. Как в Норвегии, так и в Финляндии эмигранты проживали в основном в городах (Осло и близлежащих районах, Хельсинки, Выборг, Гельсингфорс, что совпадало с местами проживания русского национального меньшинства). 11 июня 1920 г. был создан Временный комитет по делам беженцев Северной области в Норвегии и Финляндии, действовавший до 15 июня 1921 г. Он занимался в основном благотворительной работой, оказанием материальной помощи интернированным, содействием в трудоустройстве, а также переправкой их в европейские страны. Еще во время войны в Норвегию были перевезены большое количество из Германии пленных инвалидов – солдат и офицеров. Уже со второй половины 1920 г. лагеря беженцев стали пустеть, поскольку многие разъезжались по другим странам. 15 июля 1920 г. закрылся последний лагерь беженцев. Оставшиеся еще здесь около 40 стариков, женщин и детей перешли на положение частных лиц. Для них был снят пансион. Посланник в Норвегии Розен поблагодарил за оказанное гостеприимство местное правительство¹⁰⁴. Позже российская диаспора в этой стране пополнилась за счет беженцев, прибывших из Финляндии, Турции, и достигла 500 человек. Немногочисленные ареалы образовались в Швеции (1 тыс.), Дании (около 300)¹⁰⁵. До 15 тыс. русских оказались на берегах Англии¹⁰⁶. Значительная часть из них перебралась в европейские страны, другие (9428) натурализовались¹⁰⁷.

Государства-лимитрофы не стали местом долговременного пристанища, несмотря на то, что здесь проживало русскоязычное национальное меньшинство. В конце ноября 1919 г. после разгрома северо-западной армии, в пределах **Эстонии** находилась русская масса (до 40 тыс. человек) частью военных, частью беженцев. После целого ряда ужасов отступления в зимнюю стужу, с ночевками в лесах под открытым небом, когда в буквальном смысле слова, замерзали взрослые и дети, после ужасной тифозной эпидемии, которая унесла с собой

многие тысячи жертв, после довольно затяжной и упорной борьбы с местными властями за право оставаться и осесть в пределах страны – русское беженство, наконец, расселилось по разным углам Эстонии. Значительное количество уехало из Эстонии, частью на Запад в другие государства, частью вернулись домой в Советскую Россию, являясь беженцами в буквальном смысле слова, а не политическими эмигрантами. Эстонские власти с опаской и даже враждебностью смотрели на северо-западников и беженцев и не раз прибегали к их выселению. После 1920 г. число русских пополнялось, прежде всего, за счет оптантов.

По данным переписи 1922 г. насчитывалось 91 109 русских, что составляло 8,2 % от общего числа населения республики. Причем, из этих 91 тыс. граждане Эстонской Республики, т. е. русские, проживавшие здесь до 1915 г., составляли 73 тыс. и 18 тыс. – приезжие, т. е. эмигранты. Русские, прибывшие в страну после революции, попадали в положение иностранцев. К 1924 г. в Эстонии находилось до 12 тыс. беженцев¹⁰⁸. Перепись 1934 г. выявила 7832 лица без гражданства. Их права в сравнении с гражданами Эстонии были существенно ограничены¹⁰⁹.

В пределах *Латвии* в 1921 г. насчитывалось 120 тыс. русских, большую часть которых (95 тыс.) составляли «латвийские подданные русской национальности»¹¹⁰. В 1935 г. здесь проживало 12 % русских (233 366 человек), и почти все были полноправными гражданами. В ряде восточных волостей русские составляли более 50 % населения. Они являлись наиболее многочисленным национальным меньшинством в стране. За ними шли евреи и немцы. Россияне, приезжавшие из других стран рассеяния, бывали поражены распространением русского языка. Фактически русский язык до 1932 г. пользовался такими же гражданскими правами, как и латышский, но не на формально-правовом уровне, а бытовом. Собственно беженцев в 1921 г. в стране насчитывалось 16800 человек¹¹¹. По данным Лиги Наций, в 1920-е гг. в стране проживало примерно 30 тыс. русских беженцев¹¹². Их состав был самый разный – от офицеров, чинов белых и Красной армий до крестьян. Большинство перебивались случайной работой, преимущественно физическим трудом.

Русское меньшинство в *Литве* было незначительным, не превышало 2,7 %. По ст. 73 и 74 Конституции меньшинства пользовались национально-культурной автономией, что влекло за собой пользование государственным кредитом пропорционально численности¹¹³. Собственно беженцы в эту страну не тянулись. Более того, на въезд в страну иностранцам, в том числе русским, правительство разрешения почти не давало, допуская лишь тех, кто мог доказать прежнее свое пребывание на территории Литвы в течение не менее 10 лет.

В *Финляндии*, где насчитывалось в октябре 1921 г. 19585 бывших российских подданных (включая проживавших до 1917 г.)¹¹⁴, особенно в первое время после получения самостоятельности, русские находились в тяжелом положении. Еще в марте 1920 г. вышел приказ, чтобы беженцев больше не впускали в Финляндию, а лишь по визам: «Уж очень их большой наплыв, и нам их не прокормить»¹¹⁵. После двухнедельного карантина можно было расселяться далее. Передвижения по стране вне «черты оседлости» были ограничены без специального разрешения властей. За русскими был установлен систематический надзор, осуществляемый III отделом генерального штаба. Первоначально даже разговаривать по-русски было запрещено. Лицам без финляндского гражданства не дозволялось издавать печатные органы¹¹⁶. Однако в начале 1920-х гг. были признаны права на культурное самоопределение, открытие русских школ¹¹⁷. Но государственное ведомство, в котором бы было сконцентрировано управление жизнью беженцев, первоначально отсутствовало. Их судьбой занимались министерства иностранных, внутренних дел, по социальным делам, губернаторы. Упор делался на расселении беженцев за пределами Финляндии. 200 человек были приняты Норвегией, депутаты сената настаивали на высылке большинства оставшихся. Правительство обратилось к европейским государствам с просьбой принять к себе русских беженцев, поскольку Финляндия испытывала сложности с их размещением и снабжением¹¹⁸. С 1922 по 1926 г. численность их уменьшилась до 15 тыс.¹¹⁹, к 1936 г. – до 6815¹²⁰.

В 1922 г. в Гельсингфорсе между Россией и Финляндией было подписано соглашение о возвращении на родину находившихся в Финляндии российских граждан и пребывавших в России финских граждан. Отмечалось, что эвакуации подле-

жат только желающие¹²¹. Сдерживала возвращение надежда на смену власти в России. Но экономическое положение оставалось безнадежным. Безработица, связанная с сокращением вывоза леса, в первую очередь сказывалась на российских беженцах¹²².

Санитарно-медицинскую помощь беженцам оказывал РОКК. Земгор вкладывал средства в развитие русских школ.

Со временем правительственную помощь стал оказывать *Центральный правительственный комитет для оказания помощи беженцам*¹²³. В Комитет входил представитель от русского населения по приглашению МВД. Помощь выражалась в выдаче пособий в размере от 35 до 150 финских марок в месяц наиболее нуждавшимся беженцам, в содержании двух домов для престарелых и больных в Халила на 35 человек и в Перкьярви на 42 человека, в оказании медицинской помощи посредством отпуска средств для РОКК на содержание амбулатории и аптеки, оплаты лечения в Выборгской больнице, но только в острых случаях и не более двух недель и др.¹²⁴ Нетрудоспособные русские беженцы получали продовольственный паек (обыкновенный, полуторный и двойной в зависимости от материального положения). Причем паек для русских был меньше, чем для карельских беженцев. К середине 1930-х гг. положение российских беженцев стабилизировалось.

В целом государственную политику можно характеризовать как корректную. Но смена правительства страны могла вести к перемене этой политики. Расхождение между жестким законодательством и либеральной практикой нивелировало отрицательные стороны административного нажима на эмигрантов.

С начала 1918 г. российские беженцы стали искать убежища в *Польше*. После завершения польско-советской войны началось формирование российской диаспоры. В пределах Польши к концу 1920 г. оказалось не менее 150 тыс. российских военнопленных и беженцев¹²⁵. К 1932 г. их осталось 15–20 тыс.¹²⁶ Военные чины, как воевавшие против советской власти, так и за нее, были размещены в лагерях (Стржалково, Тухола, Пикулицы, Калиш и др.). Ежемесячно советско-польскую границу пересекали нелегально по 30–50 человек. Одни искали родственников, другие стремились, неизвестно куда, несмотря на предупреждения советской прессы о тяжелом

положении беженцев в Польше. Препятствия со стороны властей, боязнь местных жителей втягиваться в работу по оказанию помощи россиянам, пересекавшим границу, отсутствие помещений для создания столовых тормозили организацию содействия беженцам. Весной 1922 г. польские власти запретили проживать русским в 150-верстной приграничной полосе¹²⁷. Беженцы страдали от регулярных высылки из страны. На съезде русских юристов в октябре 1922 г. П.Н. Маслов, представитель Варшавского общества юристов-эмигрантов, Русского попечительного комитета (РПК), говорил о 350 тыс. русского населения, проживавшего в Польше. П.Н. Маслов говорил о тяжелом положении интернированных армий. Создавалась нетипичная в таких случаях ситуация: согласно международному праву интернированных освобождают после заключения мира, между тем война велась между Советской Россией, с одной стороны, и самими интернированными, с другой, и мира между ними заключено не было. Поэтому эти интернированные до бесконечности могли оставаться за лагерными замками. Солдаты не могли даже выйти за пределы лагерных проволочных заграждений. Маслов ходатайствовал о расширении права интернированных на выход из лагеря¹²⁸.

Попытки оказать помощь делал *Российский эвакуационный комитет* (с сентября по декабрь 1920 г. – Русский политический комитет), созданный по инициативе Б.В. Савинкова. После его ликвидации помощь 6,5 тыс. интернированным бывшей Русской армии перешла в ведение *Русского попечительного об эмигрантах комитета в Польше*. Земгор добивался разрешения на перевозку 1,5–2 тыс. человек в Сербию. Надеялись, что поляки предпочтут единовременное ассигнование на их переезд расходам на длительное содержание. Ежедневно из лагерей сбегало несколько человек с риском быть пойманными и помещенными в карцер. Русские военнопленные в лагерях были совершенно бесправны. Невыносимо тяжелые условия содержания в бараках, зачастую совершенно непригодных для жилья, антисанитария, недостаток обмундирования (отсутствие обуви, нижнего белья и пр.), издевательства со стороны администрации лагерей, принуждение к тяжелым работам, непомерно длительный, практически неоплачиваемый, рабочий день (до 18 часов), дисциплинарные взыскания, отличающиеся варварской жестокостью, избияния – все это

вело к колоссальной смертности военнопленных¹²⁹. Лишь в 1924 г. лагерь интернированных были расформированы.

Балканские страны в результате трех эвакуаций из России (французской из Одессы в апреле 1919 г., после сдачи белыми Новороссийска и Одессы в январе–апреле 1920 г. и самой многочисленной из Крыма осенью 1920 г.) стали основным прибежищем военных чинов Русской армии и большей части гражданских беженцев. Отличительной чертой стало также наличие значительного числа нетрудоспособных (инвалидов и детей), нуждавшихся в оказании помощи и неспособных перебраться в более благоприятные места.

Многие изгнанники прошли через *Грецию*¹³⁰, но надолго задерживались лишь те, кому некуда было податься. Благотворительную помощь оказывали представитель Ф. Нансена (Адосидис, А.А. Котельников), уполномоченный РОКК (В.С. Демидова). С 15 сентября 1923 г. правительство прекратило содержание 120 больных беженцев, находившихся в Афинах и Пирее в госпиталях. Реальную помощь в такой безвыходной ситуации мог оказать только верховный комиссар по делам русских беженцев¹³¹. В.С. Демидовой также удалось добиться содействия проф. В. Бенсиса, директора санитарной части министерства государственного призрения. В. Бенсис исключительно хорошо относился ко всему русскому, т. к. его мать, рожденная Белинская, была дочерью знаменитого писателя. К сожалению, и без того тяжелое финансовое положение Греции осложнялось внешнеполитическими проблемами. Многие служащие министерства государственного призрения считали, что для русских делалось больше, чем для своих греков-беженцев из Малой Азии¹³². Поэтому из Греции наши соотечественники активно уезжали. В 1922 г. около 1,5 тыс. человек вернулись в Советскую Россию¹³³. Многие перебрались в Америку, «где они, судя по письмам, хорошо устраивались, другие – во Францию»¹³⁴.

После прибытия русских из Константинополя, с Лемноса и Галлиполи в *Югославию* (до 1929 г. – КСХС) их количество составило более 40 тыс.¹³⁵ (всего же через страну прошло, видимо, около 70 тыс. российских беженцев), а в *Болгарию* – около 35 тыс.¹³⁶, а положение беженцев значительно ухудшилось. Правительства этих стран включали в бюджет расходы, необходимые для поддержки русских, разрешили обмен рус-

ских денег (керенок, романовок) по льготному курсу¹³⁷. Но уже с апреля 1920 г. Болгария, а с июля КСХС вынуждены были отказаться от такого рода благотворительности. Льготный размен денег был заменен безвозмездными субсидиями или ссудами, выдаваемыми ежемесячно.

В последнюю крымскую эвакуацию в *Сербию* прибыли 21 640 человек и общее количество беженцев составило 31–32 тыс.¹³⁸. На их обустройство российским послом в США Б.А. Бахметевым были переведены в Париж для Земгора 400 тыс. долларов¹³⁹. Беженцы прежних эвакуаций к этому времени в основе своей уже были устроены в городах, часть из них имела собственные средства, часть жила только на «размен».

Главнокомандующий Русской армии П.Н. Врангель, связывал большие надежды с территорией и финансовой поддержкой образованного в декабре 1918 г. КСХС. Являясь союзником России в борьбе с Германией, это государство не осталось в стороне от поддержки русских антибольшевистских сил в Гражданской войне. Шанс разместить воинские части в пределах монархического государства, где 47 % населения к тому же исповедовало православие, казался многообещающим. Изгнанники полагали найти здесь сочувствие, духовно родственную атмосферу и приобрести удобный военный плацдарм для дальнейшей борьбы против Советской России. Во главе КСХС стоял король Александр Карагеоргиевич, воспитанник Пажеского корпуса в Петербурге. Замыслам П.Н. Врангеля напрямую отвечала и внешнеполитическая доктрина КСХС: она определялась вступлением сербов в Малую Антанту (оборонительный союз с Чехословакией и Румынией), одной из задач которой стало предотвращение экспансии большевизма вглубь Европы. В свою очередь, королевское правительство, принимая участие в судьбе Русской армии, исходило из объективных национально-государственных интересов, диктовавших необходимость обеспечения формирующегося государственного аппарата квалифицированными научно-техническими и военными кадрами. Югославская сторона, в отличие от западноевропейских стран, признавала полученные в гражданских и военных учебных заведениях Российской империи дипломы имеющими законную силу.

В Сремских Карловцах, с марта 1922 г. обосновался генерал П.Н. Врангель и был расквартирован его штаб из 120 офицеров. Военное командование старалось сохранить армейский строй и казарменный порядок, а также право ношения военной формы. Российскому военному агенту в КСХС генерал-майору Д.Н. Потоцкому пришлось давать разъяснения в МИДе, что огнестрельное оружие русское военное начальство распорядится непременно убрать, а холодное – шашки и кинжалы – является необходимым атрибутом казачьей формы и в мирное время.

Официальных регистраций русских беженцев в КСХС не было, поэтому цифры о количестве проживавших там беженцев приблизительны. В Державной комиссии, во главе которой стояли Л. Йованович, затем А. Белич¹⁴⁰, имелась своя регистрация, но только тех русских, которые получали какую-либо помощь. Чуть более половины составляли военные чины, остальные – гражданское население¹⁴¹. 25 июля 1922 г. «Руль» писал о концентрации в Сербии 8600 офицеров и 12840 солдат. Они были сведены в технический полк и работали под руководством своих офицеров на строительстве железных дорог. Оплата составляла 12 динаров в день при бесплатном содержании. Число беженцев в 1921 г. составляло около 55 тыс., в 1923 г. – 30 тыс., а к 1930 г. снизилось до 25 тыс. и продолжало уменьшаться¹⁴². На 1923 г. из 20318 мужчин 12649 были в возрасте от 21 до 45 лет, 73,5 % – с высшим и средним образованием¹⁴³. Цифры говорят о несопоставимо высоком уровне образования эмигрантов по сравнению со среднестатистическим в дореволюционной России и Югославии. Цивильная часть беженцев по социальной принадлежности делилась на представителей интеллигенции – 65 %, крестьянство – 20 %, высшую аристократию и дворянство – 15 %¹⁴⁴. Однако, по данным переписи 1923 г., смертность мужчин-беженцев превышала нормальную в 16–18 раз, причем наибольший уровень – среди мужчин 22–45 лет¹⁴⁵.

После отмены свободы передвижения в 1920 г. основное количество русских разместилось в центрах: в Белграде, Земуне, Сараево, Загребе. В этих крупных городах, культурных центрах проще было найти работу и реализовать профессиональный и творческий потенциал беженцев. Беженцы крымской эвакуации были расселены в небольших городах и селах,

зачастую не имея средств к существованию, не получая «размена», а частично вели лагерный образ жизни. К 1930 г. в Белграде и его окрестностях сосредоточилось до 10 тыс. русских и их число продолжало расти. Население же самой Югославии составляло всего 14,5 млн человек¹⁴⁶.

Русские были организованы в колонии с целью коллективной защиты повседневных интересов. Колонии выбирали правления и дали решительный отпор, когда институт выборов хотели заменить агентами Державной комиссии¹⁴⁷. Внутренняя жизнь колоний регулировалась Российской миссией (Делегацией) в Белграде: надзор за правильностью выборных действий в колониях, рассмотрение просьб, жалоб, представительство перед Державной комиссией, моральная поддержка, выдача справок о родных и близких, находившихся в других странах, и т. д. Местная администрация, как правило, уклонялась от рассмотрения различных мелочей, предоставляя это право миссии, за исключением случаев уголовной и гражданской юрисдикции. Отношения русских колоний с другими организациями основывались на «Положении о колониях русских беженцев в КСХС». К 1924 г. в стране существовало в разное время 299 колоний, часть из них со временем прекратила свое существование¹⁴⁸. Местные власти сознательно поощряли создание общин эмигрантов в поселках и городах православных частей Югославии – Сербии и Черногории.

Уже к началу 1920-х гг. российские эмигранты стали играть весьма заметную роль в хозяйственной жизни и работе административного аппарата КСХС. В их лице государство получило лояльно настроенные и квалифицированные кадры. С 1 сентября 1922 г. военные формирования перешли на трудовое положение. Офицеры занимались, как правило, квалифицированным трудом (преимущественно в городах). На долю рядовых воинских чинов приходился физический труд. Полковые хористы подвизались выступать по ресторанам и кабакам, «явно балаганного характера», как с неудовольствием отмечалось начальством. Среди офицеров находились и такие, которые с усердием принялись изучать сербский язык в расчете поступить учителями местных школ.

Русские сделали очень много для молодого государства: праведы помогли создать законы, картографы – лучшие

карты Югославии, архитекторы разработали план застройки Белграда, даже первый косметический салон в Белграде открыла русская беженка – Лидия Ираклиди (первая любовь В. Катаева, добрая знакомая И. Бунина)¹⁴⁹.

В **Болгарии**, по сообщению «Руля», в 1922 г. проживали 9700 офицеров и 17400 казаков, солдат, юнкеров. Пехота большей частью размещалась по казармам в маленьких гарнизонах. В свободное время бывшие солдаты обрабатывали землю, получая дополнительные продукты питания¹⁵⁰.

Характерна миграция русских как внутри страны, так и за ее пределы. Одним из наиболее значительных событий было возвращение в 1922–1923 гг. из Болгарии в Советскую Россию по инициативе активно действовавшего в стране «Союза возвращения на родину» от 5 до 7 тыс. солдат, казаков, унтер-офицеров и части офицеров¹⁵¹. В итоге к 1930 г. численность эмигрантов в Болгарии уменьшилась приблизительно до 20 тыс. человек¹⁵².

Председатель Комитета помощи русским беженцам в Болгарии епископ Стефан отправил в Лигу Наций, МКК, представителям великих держав и благотворительным организациям Европы и Америки записку с изложением ужасного положения русских беженцев. Общее число зарегистрированных РОКК лиц, нуждавшихся в помощи, составляло 32 тыс. человек, 1700 из них нужно было бесплатное питание, ночлег, огромному большинству – обувь, одежда. Уже с весны 1921 г. Красный Крест сократил средства на содержание беженцев. Стали наблюдаться случаи цинги, смерти от истощения, покушения на самоубийство, развиваться туберкулез, малярия, от которой люди умирали. Почти все трудоспособные вынуждены были приспосабливаться к физической работе, но даже временной работой обеспечены были не более 70 %. Поэтому Стефан обратился с просьбой объединить усилия обществ и правительств всех культурных стран¹⁵³.

Положение российских беженцев в Болгарии осложнилось тем обстоятельством, что страна после мировой войны оказалась на грани кризиса и вынуждена была выплачивать репарации (2,5 млрд. зол. фр.), благоустраивать не только эмигрантов, но и беженцев-болгар из отошедших соседним государствам болгарских земель¹⁵⁴. Правительственная политика по отношению к россиянам прошла три качественно различных эта-

па¹⁵⁵: с 1919 по 9 июня 1923 г.; следующий – по 19 мая 1934 г. и третий – по 9 сентября 1944 г. Первый этап характеризовался крайне непоследовательной и противоречивой политикой в отношении эмиграции. Союзническое отношение к П.Н. Врангелю сменилось конфронтацией. Такая эволюция диктовалась ориентацией на установление связей с Советской Россией. Коммунисты препятствовали расселению врангелевцев, требовали от работодателей их увольнения и т. п. Эмигрантская печать в Болгарии утверждала, что открытые гонения на Русскую армию начались по «наущению Советов» после свидания А. Стамболийского, возглавлявшего с 1919 по июнь 1923 г. правительство, с Г.В. Чичериным на Генуэзской конференции (апрель – май 1922 г.). Следствием государственного переворота 9 июня 1923 г. стала перемена отношения к русским. Новое правительство Цанкова распорядилось арестовать всех русских коммунистов, а также тех, кто желал вернуться в Россию, и отправить в Варну для высылки на родину. Ранее высланные из страны военные чины могли вернуться к своим частям. Т.е. второй период стал временем расцвета деятельности эмигрантских институтов, политики, направленной на сохранение национальной идентичности русских.

Среди беженцев 44 % составляли лица умственного труда. Однако предложение таких профессий значительно отставало от спроса. 80 % болгарского населения проживало в сельской местности. Лишь незначительная часть россиян нашла соответствующую их квалификации работу. Бюро труда Земского союза смогло трудоустроить 14 509 русских, из них 3,8 % занялись интеллектуальным трудом, остальные 96,2 % – физическим. Следовательно, устройство на работу согласно профессиональной подготовке было почти невозможно. Начавшаяся с 1925 г. безработица усугубила положение. Каждый старался найти работу «по силам и более интеллигентную». Если такой не находилось, то предпочитали, заниматься «черной работой в культурной стране, где рабочий находится в лучших условиях, чем в Болгарии: поэтому-то и начинается переброска русских в Бельгию, Францию, Люксембург и колонии»¹⁵⁶. В Софии было также создано Русское колонизационное бюро для содействия переезду беженцев в Южную Америку.

Таким образом, недостаток рабочих мест, отсутствие стабильного и достаточного заработка, тяжелые условия труда, неприспособленность эмигрантов к новым условиям жизни стали причинами сокращения российской эмиграции в Болгарию.

В начале 1920-х гг. один из крупнейших центров российской эмиграции сложился в *Германии*. Двусторонние отношения Германии с Советской Россией давали возможность легального въезда и выезда из страны. Эмигрантов привлекала близость к родине, дешевизна жизни, возможность заработка, налаженные связи. Точных данных о численности российской диаспоры нет, тем более что эта страна для многих стала транзитной. Основной поток беженцев хлынул сюда в 1919 г., позже стали прибывать остатки белых армий, в 1922 г. немецкая земля приняла группу высланных из России интеллектуалов.

В среднем в 1919–1921 гг. здесь насчитывалось 250–300 тыс. бывших подданных Российской империи, в 1922–1923 – около 600 тыс.¹⁵⁷ Многочисленные колонии сложились в Берлине и окрестностях (до 360 тыс.), Мюнхене, Дрездене, Висбадене, Баден-Бадене. Рассказывали, что представитель МИД Германии с улыбкой говорил: «Нам скоро не будет места у себя дома». Поводом для такого заявления был ответ одного молодого человека из русских эмигрантов на вопрос, нравится ли ему Берлин. «Да, – отвечал он, – Берлин мне нравится, но в нем слишком много немцев». Не случайно ходил анекдот об немце, повесившемся с тоски по родине. Русские сосредоточились в западной части Берлина, и, как вода и масло, налитые в один сосуд, немецкая и русская части не смешивались друг с другом. Подъезжая к Nollendorfplatz, кондуктор восьмого автобуса объявлял остановку: «Россия!». Дальше начинался русский квартал. Большинство беженцев размещалось в общежитиях, бывших лагерях для военнопленных, санитарных бараках в крайне стесненных условиях. Немногие могли снять или купить квартиру. Было нормой, когда 3–5 семей жили в двухкомнатной квартире.

Эмиграция по социальному составу была чрезвычайно разнообразной, ее особенностью являлось наличие значительной доли интеллигенции и состоятельных слоев российского общества (75–80 %), которые здесь перешли преимущественно в разряд малообеспеченных. Кроме немногих банкиров, владельцев ресторанов, врачей и адвокатов, русские беженцы

существовали в крайней бедности, в невозможных условиях, умирали с голоду.

В 1924 г. русская диаспора в Германии стала резко сокращаться по экономическим причинам. Из побежденного Берлина переезжали в победивший Париж, где постепенно сложился самый крупный и значимый политический и культурный центр российской эмиграции. По различным данным, во **Франции** проживало от 100 до 400 тыс. граждан бывшей Российской империи¹⁵⁸. Французы активно участвовали в эвакуации русских, что способствовало тесным контактам с эмигрантами. Увеличение российской диаспоры в этой стране обусловлено несколькими факторами. В среде русской интеллигенции был распространен французский язык, что, следовательно, облегчало поиск работы. В Париже сосредоточились основные политические силы эмиграции, наибольшее количество благотворительных фондов, объединений, обществ взаимопомощи, русских банковских счетов. Кроме того, одной из самых жгучих проблем во Франции после Первой мировой войны стало уменьшение народонаселения. Страна нуждалась в рабочих руках. В 1923 г. несколько ослабили ограничения относительно въезда во Францию, были ликвидированы паспортные затруднения. В результате с лета из других стран ежемесячно прибывало до 1 тыс. русских беженцев¹⁵⁹. Если раньше во Францию могли попасть лишь весьма немногие лица, преимущественно обладавшие необходимыми связями и материальными средствами, то теперь французским правительством была предоставлена возможность переселения казаков в сельскохозяйственные районы страны. Те осваивали новые земли и даже приобретали их в собственность. Значительную массу свободных беженских рук поглотила промышленность, в том числе, автомобильные заводы Рено (около 3 тыс.)¹⁶⁰, Ситроен (около 1 тыс.), Депаж, металлургические, электротехнические, химические предприятия, шахты. К концу года вновь были введены ограничения. По данным Парижского и Марсельского Бюро труда Земгора, в 1923 г. через них прошли 7050 человек. Были устроены 11,8 % мастеровыми, ремесленниками и квалифицированными работниками; 30,5 % чернорабочими; 51,3 % составили лица интеллигентных профессий, получившие заработок в области физического труда, и лишь 0,1 % – в области

умственного труда; были также устроены инвалиды (0,8 %), 5,5 % нашедших работу составили женщины¹⁶¹.

Целенаправленно формировала российскую диаспору **Чехословакия**. Она привлекала в свои пределы преподавателей вузов, студентов, сельскохозяйственных рабочих. Предполагалось принять примерно 5 тыс. россиян. Эмигранты в большом количестве стали прибывать уже в 1920–1921 гг. Кто-то приехал вместе с чехословацким легионом, многие проникали нелегально, другие использовали старые связи среди чехословацких деятелей. С конца 1921 г. начали прибывать организованные группы беженцев из Турции, балканских стран, перевозка которых оплачивалась Чехословакией¹⁶². Для работы в вузах приглашали русских и украинских преподавателей. В результате в ЧСР сконцентрировались крупные культурные, академические и общественные силы. МВД и МИД ЧСР высказывались против прилива беженцев из России.

Значительная масса беженцев сосредоточилась в Праге и ее окрестностях, Брно, Братиславе, Пльзене, Ужгороде. С начала 1920-х по конец 1930-х гг. их численность сократилась с 50 тыс. человек до 15 тыс. (возможно эти цифры завышены)¹⁶³. С 1923 г. в поисках лучших условий труда начались активные миграции беженцев внутри страны, а к концу 1920-х гг. – за ее пределы. Их отъезд стимулировал одобренный парламентом 13 марта 1928 г. закон об охране национального рынка труда, ограничив прием на работу иностранцев, прибывших после 1 мая 1923 г.¹⁶⁴. При Земгоре была создана специальная комиссия по переселению русских в другие страны: Францию, Бельгию, Голландию, Аргентину, Канаду¹⁶⁵.

Премьер-министр К. Крамарж считал, что в возрождении России ведущую роль будут играть эмигранты. Возглавляемая им в парламенте Партия национальной демократии наиболее последовательно выступала в поддержку программы помощи русским. Президент республики Т. Масарик считал, что роль Чехословакии должна заключаться в подготовке российской интеллигенции к будущей работе на родине. Программа помощи российским беженцам получила название «русской акции». Среди мотивов, обусловивших начало акции, неоднократно назывались уважение к русской культуре и благодарность России за поддержку, полученную во время войны. Важную роль сыграло убеждение, что гуманитарная помощь

может оказаться выгодным помещением политического капитала.

Специфически благотворительное содействие беженцам было заменено созданием условий для их адаптации, когда они сами могли бы найти средства существования, получив образование, продолжая научную, педагогическую, культурную деятельность. Средства для «русской акции» выделялись МИД, министерствами народного образования, сельского хозяйства ЧСР.

Важнейшей составляющей русского мира 1920-х гг. стала *дальневосточная ветвь*. Ее активное формирование началось после эвакуации последних сил белых армий в Китай, Корею, Японию.

По сведениям А.Е. Уссаковского, главы Комитета помощи беженцам и раненым Красного Креста, из Приморья эвакуировалось до 22 тыс. человек. Около 7 тыс. человек остатков белых воинских формирований вместе со следовавшими за ними гражданскими беженцами постепенно разошлись по всему Северному Китаю¹⁶⁶. В январе 1923 г. уполномоченный Российского Красного Креста Б.Е. Иваницкий указывал на 20 тыс. беженцев, попавших из Владивостока в Корею (Гензан), и 15 тыс. – в полосу отчуждения КВЖД, главным образом в Харбин¹⁶⁷. Материальное положение их было отчаянное, условия жизни чрезвычайно тяжелые: антисанитария, холод, недоедание. Большинство было занято вопросом о пропитании, поиском работы, в юридическом отношении – полная незащитность. Китайские власти конфисковали казенное имущество белых войск, запретили въезд в полосу отчуждения. Вначале в Харбин смогли выехать только те, кто имел там родственников или получил приглашение на службу. Остальным угрожала высылка на юг страны. В пределах Китая помощь беженцам была совершенно не организована из-за недостатка средств¹⁶⁸. Военным доступ в Харбин и на другие станции КВЖД был властями закрыт из-за опасения возникновения новых очагов белой борьбы. Пробравшихся сюда людей, как пишет исследователь Г.В. Мелихов, арестовывали и высылали в Советскую Россию¹⁶⁹.

Чуть в лучшем положении находились беженцы в *Корее*. В Гензане японские власти, Японский Красный Крест оказывали некоторую помощь. Беженцам отвели 2 барака на берегу

(старая Таможня). А.Е. Уссаковский в донесении от 15 ноября 1922 г. из Гензана в Особое совещание РОКК на Дальнем Востоке сообщал, что условия размещения были очень плохие, теснота, помещения без обогрева (к счастью, стояла еще теплая погода), отсутствие нар, так что спали все на полу¹⁷⁰. Российские консульские представительства в Корее снабжали А.Е. Уссаковского в первое время средствами. Имущество же Красного Креста, частично было разграблено, частично оставлено на советской территории¹⁷¹.

В 1923 г. японский МИД сообщил российскому послу Д.И. Абрикосову, что в районе Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД) пребывают до 5 тыс. русских беженцев. Жизнь здесь дорога, заработка нет, поэтому ни Япония, ни территория ЮМЖД не могут считаться подходящими для их жизни здесь. Ввиду этого японское правительство прекратило выдавать визы на въезд русских из других стран в пределы указанных территорий (Японию, Корею, полосу отчуждения ЮМЖД), и об этом решении поставила в известность секретаря Лиги Наций¹⁷².

Главным городом дальневосточной эмиграции по значимости и численности считался Харбин, определившийся как русский город в далекой «дикой» Маньчжурии еще до 1917 г. В открытых портах – Шанхае (19 тыс.), который привлекал, главным образом, предпринимателей и финансистов, Тяньцзине (3 тыс.), Циндао¹⁷³ проживало значительно меньше русских. Прибывавшие в Харбин русские находили здесь не «чужую землю», а знакомую и привычную им среду, русские традиции и нравы, русскую атмосферу. В Харбине находилось Гражданское управление КВЖД и Харбинское общественное управление. В 1918 г. дорога перешла в ведение Международного железнодорожного комитета и перестала быть русской железной дорогой. Хотя русские продолжали оставаться на службе дороги, их финансово-экономическое положение заметно ухудшилось. В результате трудных и затянутых переговоров СССР и Китай согласились в 1924 г. эксплуатировать дорогу на совместных, паритетных началах как «чисто коммерческое предприятие». Присутствие советских властей здесь, безусловно, повлияло на социально-правовую адаптацию Русского мира.

Далее восточная беженская волна достигла берегов *Японии*. В национальном сознании японского общества сформировался определенный психологический барьер против иностранного присутствия в стране, который всячески поддерживался государственной политикой. Японские власти выступали против иностранцев, считая, что именно они вызывают нарушения порядка в стране, где 99 % населения составляла мононация – японцы. В 1917–1920 гг. японские власти были поставлены перед фактом массового притока российских беженцев и русских реэмигрантов из Америки, возвращавшихся на родину после известных реляций Временного правительства об амнистии. В 1920 г., когда увеличился приток российских беженцев из Сибири после поражения колчаковской армии, японские въездные службы ввели так называемую «систему предъявления денег» за право въезда иностранцев из России (с 17 февраля 1920 г. 1500 иен с души), либо у въезжающего должен быть поручитель, признанный японскими властями, способным материально поддерживать эмигранта¹⁷⁴.

По неполным данным в Японии проживало 1–1,5 тыс. русских. Русские беженцы прибывали сюда главным образом через Владивосток (8 %), Маньчжурию (из Харбина – 28 %, из Хайлара – 3 %). В 1925–1930 гг. их число увеличилось в 1,5–2 раза¹⁷⁵. При этом русские сосредоточились в основном в четырех центрах: в г. Хакодате (о. Хоккайдо), в г. Токио, в г. Иокогаме (в префектуре Канагава), в г. Кобэ (в префектуре Хёуго)¹⁷⁶.

Австралийский материк «вошел в состав» Российского Зарубежья со времени прибытия туда казаков с Лемноса на окраины Сиднея, 66 уральских казаков во главе с атаманом В. Толстовым в Брисбен, сохранивших полковые знамена. За ними последовали забайкальские, оренбургские казаки, остатки Ижевского полка, чины Сибирской и Дальневосточной армии, бывшие служащие КВЖД и тысячи беженцев из Маньчжурии, Китая, Японии, Филиппин. По переписям, русская община в Австралии насчитывала в 1921 г. 4 138 человек; 1933 г. – 4 873; 1938 г. – 4 900. Больше всего русских переселенцев прибыло в 1925 г., после чего австралийское правительство снизило квоты на прием эмигрантов¹⁷⁷. Большая часть россиян поселилась в Новом Южном Уэльсе. Въехать в страну, также как в Японию или США, можно было при наличии вызова и гарантии,

что принимавший работает и сможет обеспечить иммигранта. В противном случае взимались высокие «предьявительские».

Много россиян рассредоточилось в Полинезии, постепенно перебираясь на американский или австралийский континенты. Брызги четырех эмигрантских волн долетели до Австралии, Канады, США, Южной Америки. Сюда эмигранты попадали уже через вторые, третьи или даже четвертые страны, убедившись, что скорый возврат на родину не состоится.

Страны *Латинской Америки* приняли как русских беженцев с турецких и греческих берегов, состоявших на французском пайке, так и более позднюю эмигрантскую волну из Европы. В 1921 г. в Турции информации о странах Латинской Америки было чрезвычайно мало, да и та противоречивая. Но, тем не менее, Совет по расселению русских беженцев в Турции пришел к заключению, что русских переселенцев ждет участь чернорабочих на частных и общественных землях без надежды стать самостоятельными колонистами. Промышленные предприятия находились в руках английского, североамериканского, французского капитала и русским туда доступа не было. Переселенцы могли быть потеряны для России ввиду плохой постановки эмигрантского дела, ужасного климата, тяжелых условий труда, зависимости от местных властей, отдаленности от родной страны, трудности ликвидации хозяйства в случае перемены места жительства. Предполагалось поставить интересы русских под защиту и покровительство какой-либо европейской страны (например, Франции), а также добиваться наиболее льготных условий для русских переселенцев¹⁷⁸.

Самая многочисленная диаспора россиян, примкнувшая к дореволюционной трудовой эмиграции, сформировалась в Аргентине. Затем шла Бразилия. В Парагвай и Уругвай крестьяне-иммигранты выезжали реже. В Парагвае задавала тон политическая эмиграция. В Мексику, первую из латиноамериканских государств установившую дипломатические отношения с Советской Россией (1924 г.), прибытие «русос бланкос» было затруднено¹⁷⁹. В Мехико небольшая колония сложилась во главе с бывшим русским генеральным консулом бар. В. Венденгаузен-Розенбергом.

В этих странах россиян встречали чуждые условия жизни, непривычная пища, преимущественно физический труд. Не-

знание языка и законов страны переселения ставили их на уровень рабов. В городах устраивались на строительство, в портах на холодильники. Безработные в Буэнос-Айресе (Аргентина) жили на заросшей бурьяном свалке. В Бразилии иммигранты работали на хлопковых плантациях, угольных шахтах, марганцевых рудниках¹⁸⁰. Часто местное правительство снимало с себя попечительство в случае, если эмигрант желал остаться в городе. Прежде всего, иммигрантский труд применялся для расчистки леса, прокладки дорог, мелиорации почвы и пр. И все это в условиях труднопереносимой жары, когда купаться было нельзя из-за опасности малярии и лихорадки, а без головного убора невозможно было выйти на улицу. Большинство соглашались работать в губительных условиях труда на тропических плантациях, даже дорога к которым была значительным испытанием. Ночлежные дома для таких работников строились обычно очень большие, душные, с двухъярусными нарами. Здесь процветали воровство, жестокие ссоры. Поднимаясь в 4 утра, на завтрак работники получали несколько больших тонких сухарей, суп из бобов. По истечении 4–5 часов изнурительного труда они переправлялись домой, возобновляя работу после того, как спадала жара. С наступлением темноты в 6–7 часов вечера бараки закрывались на всю ночь. В редких случаях устраивались праздники. Служба по контракту в рабочих артелях многих приводила к гибели, главным образом, по причине пьянства.

Новая волна интереса к заокеанским странам поднялась с середины 1920-х гг., когда миграционные возможности европейского региона были исчерпаны, и европейский рынок труда стабилизировался (Ф. Нансен говорил о более 200 тыс. российских беженцев в Европе, остававшихся без работы¹⁸¹), началась полоса дипломатического признания СССР, а чуть позже разразился экономический кризис, усугубивший безработицу среди эмигрантов. Вопрос о переселении русских беженцев за океан обсуждался в Лиге Наций. В 1925 г. в Аргентину, Бразилию, Уругвай, Парагвай была направлена специальная миссия Лиги Наций. В Буэнос-Айресе действовал представитель Лиги Наций полковник Л. Чайльдс¹⁸². Он вел официальную переписку с членами аргентинского и бразильского правительств по вопросам о перспективах и возможностях колонизации местных земель русскими эмигрантами¹⁸³.

Параллельно в ряде стран Европы создавались самими эмигрантами колонизационные бюро. Так, в Париже при Земгоре был организован отдел колонизации во главе с кн. В.А. Оболенским и В.И. Выборовым. Здесь же активно работал Комитет по содействию русским иммигрантам в Парагвае, созданный И.Т. и Н.Т. Беляевыми и парагвайским консулом Х. Лапьеро. Председателем его стал Донской атаман А.П. Богаевский. М.Н. Гирс в одном из писем замечал: «Я вполне отдаю себе отчет в том, что первые усилия Беляева вполне похвальны и принесли уже известный результат для него и для той группы лиц, которая ныне устроилась. Я не знаю, что им сулит в будущем их новая жизнь в Южной Америке, ибо покуда мы вправе рассматривать эти зачатки русских поселений как первый опыт русских колонизаций»¹⁸⁴.

В 1924 г. в Белграде А.П. Пилкин создал Русское колонизационное общество, ставившее «задачу способствовать переселению русских эмигрантов в Южную Америку (Парагвай)» и «организовать русские фермерские поселения на собственной земле». Устав Общества был утвержден МВД КСХС 5 октября 1924 г.¹⁸⁵ В 1925 г. в Праге образовались Русская Земледельческая колония под руководством кн. П.Д. Долгорукова для содействия созданию русских земледельческих хозяйств в Южной Америке, Общество русских эмигрантов для переселения в Южную Америку и др.¹⁸⁶ А августе того же года в Берлине было учреждено Русское колонизационное товарищество во главе с Б.И. Солодовниковым¹⁸⁷. Выбор для колонизации Южной Америки российские беженцы обосновывали рядом причин: 1. отсутствием иммиграционных ограничений, 2. наличием достаточного количества незаселенной местности со здоровым климатом и плодородной почвой, 3. относительно невысокой стоимостью земли и возможным предоставлением льгот, 4. перспективами развития местной экономики, где могли бы пригодиться опыт и знания русских специалистов.

Такой вариант трудоустройства признавался возможным и для людей умственного труда. Так, Б.И. Солодовников 7 сентября 1925 г. писал К.Н. Гулькевичу: «Т. к. особенности сельскохозяйственной культуры в Южной Америке в значительной мере исключают европейский опыт, то, не зависимо от европейского стажа в этой области, все вновь прибывающие

в Южную Америку переселенцы попадают в равные условия. Даже лица интеллигентных профессий могут оказаться более гибкими в смысле приспособления к новым условиям, нежели привыкшие к европейским методам»¹⁸⁸.

Эмигрантская среда, включая прессу, активно обсуждала вопрос о переселении. Участие в разработке вопроса о трудоустройстве в Америке приняли русские общественные организации. Была проведена перепись по странам с выяснением профессий беженцев, желавших выехать в Южную Америку¹⁸⁹. Главноуполномоченный РОКК Б.Е. Иваницкий 31 января 1925 г. циркулярно разослал письмо № 309 по своим представительствам в разных странах с просьбой учета лиц, желавших перебраться в Южную Америку¹⁹⁰. Через год он писал С.А. Угету о намерении собрать и издать некоторые материалы о переселении в Южную Америку и Канаду¹⁹¹.

Получив такое письмо Ф.В. Шлиппе, возглавлявший отделение РОКК в Германии, после доклада этого циркуляра в Объединенном совещании, опубликовал в «Руле» 10 февраля 1925 г. заметку, в коей приглашал желающих воспользоваться возможностью отправки на американский континент. Вскоре газета «Дни» опубликовала письмо делегата МБТ в Германии М. Шлезингера¹⁹². Он выступил против объявленной РОКК на Уландштрассе, 156 предварительной записи, поскольку находившаяся под руководством Ф.В. Шлиппе старая организация РОКК не получала от МБТ никаких полномочий. Сам М. Шлезингер принял участие в делегации для выяснения возможностей иммиграции в Южную Америку русских беженцев и образовал Объединенный комитет общественных организаций по отправке их на работу в другие страны. Общественные организации, находившиеся в оппозиции к М. Шлезингеру, были проигнорированы. С.Д. Боткин признавался, что о назначении М. Шлезингера «делегатом МБТ» ничего известно не было. Объединенному комитету М. Шлезингером было обещано 3 тыс. швейц. фр. для выдачи ссуд лицам, отправляемым на работы в разные страны.

С.Д. Боткин, не получив приглашения к сотрудничеству от МБТ, от имени Объединенного совещания общественных организаций опротестовал состав Объединенного комитета М. Шлезингера и обратился с письмом к А. Тома, председателю МБТ. В письме содержалась просьба установить отноше-

ния именно с Совещанием, а не с М. Шлезингером. В письме М.Н. Гирсу С.Д. Боткин писал, что «принадлежность Тома к социалистической партии создает между ним и Шлезингером невольную связь». Поэтому просил главу совещания послов изыскать способы объективно осветить А. Тома действительное положение вещей в Германии через третьих лиц, пользовавшихся доверием директора МБТ¹⁹³. Желание С.Д. Боткина взять под свой контроль отправку беженцев в Южную Америку диктовалось рядом причин. Он считал, что «находясь в руках Шлезингера, профессора-теоретика Брунста (порядочный человек, но без свойств практического деятеля) и других каких-либо иностранцев», организация переселения «вряд ли может послужить на пользу русским уроженцам». Также подчеркивал тяжелые условия существования и непривычный для русского человека климат. С.Д. Боткин предполагал, что результатом 6-месячной экспедиции «явится то, что лучшие местности будут предоставлены немецким колонистам, а наиболее неподходящие, может быть навязанные по местным условиям лишь для получения хороших участков, будут предоставлены нашим соотечественникам»¹⁹⁴.

Германское правительство, озабоченное безработицей, согласилось помогать МБТ в организуемых им переселениях из Германии за океан и выделило 100 тыс. марок. Известен пример Русского колонизационного товарищества, образованного в 1925 г., но до конца 1927 г. не сумевшего отправить ни одной партии в Бразилию¹⁹⁵.

Попытки содействия иммиграции в Южную Америку сопровождались высказываниями и очень серьезных опасений, связанных с переездом. С.Д. Боткин предостерегал М.Н. Гирса: «Я лично вообще сомневаюсь в целесообразности с общегосударственной точки зрения будущей России выселения навсегда в далекие края наиболее энергичных (очевидно только таковые и решаются на эту авантюру) русских людей»¹⁹⁶. М.Н. Гирс, побывавший в Южной Америке и знавший, как там обращаются с иммигрантами, в этом вопросе поддержал опасения С.Д. Боткина: «Прокнер [Проктор] стремится осчастливить наших беженцев, обращая их в иммигрантов в другие страны, иммигрантов, имеющих [намерение] окончательно осесть там. Мы же хотим спасти наших беженцев для будущей России, рассчитывая, что, конечно, далеко не все, но, во вся-

ком случае, большинство из них вернется на родину и будет служить ей всем тем опытом и теми познаниями, которые они приобретут за границей... Нельзя, конечно, сурово проводить ее во всех индивидуальных случаях, т. к., прежде всего, следует спасти людей от голодной смерти, но она должна быть руководящей линией в нашей деятельности». М.Н. Гирс акцентировал внимание на том, что Проктор и Джонсон будут увлекать всех работоспособных беженцев. Задача же эмиграции – «перевести туда лишь тех из них, коих нет надежды устроить в Европе, ближе к России, дабы по мере возможности они не утратили сознания долга служения родине»¹⁹⁷.

17 декабря 1925 г. состоялось собрание представителей отделений РОКК, на котором был заслушан доклад Г.В. Глинки о проектах переселения в Южную Америку и принята резолюция. Выводы Г.В. Глинки сводились к следующему: 1. переселение не является решением вопроса о предоставлении труда безработным беженцам и, тем более, вариантом улучшения положения российской эмиграции; 2. все проекты не обеспечивают правовое положение беженцев, в том числе право на труд; 3. переселение не может стать масштабным, а потому не может внушать опасений потери значительных русских сил для будущего России; 4. необходимо выявление всей полноты сведений о каждом из четырех государств, предназначенных для переселения (о свойствах земель, правовом положении переселенцев, видах помощи и т. п.); 5. привлечение к участию дела переселения российских представительств на местах и широкое осведомление о действительных условиях переселения¹⁹⁸.

В странах Южной Америки появились российские представители МБТ из беженской среды. Так, М.Н. Гирс поддержал кандидатуру о. Изразцова, когда речь зашла о представительстве в Аргентине: «Лично я знаю Изразцова как вполне уважаемого человека и деятеля, умеющего работать и, несомненно, могущего оказать пользу делу»¹⁹⁹. Однако совет послов не имел средств для создания и содержания таких представительств²⁰⁰.

Всего, по некоторым данным, в Бразилию прибыло 40 тыс. человек²⁰¹ (цифра, возможно, завышена). Это, видимо, объяснялось тем, что Бразилия прежде поддерживала дипломатические отношения с правительством П.Н. Врангеля. Мелкие

торговые предприятия принадлежали португальцам. Русские при знании португальского языка могли за небольшую плату устроиться на государственную службу. С прежними переселенцами из России новая эмигрантская волна не сливалась, завоевывая себе место под солнцем, благодаря собственному уму, трудолюбию, упорству, а подчас и героизму.

Не найдя себе достойного места в Южной Америке, часть эмигрантов находила возможности переселения в США, Канаду или Европу, несмотря на то, что североамериканские страны относились к иммигрантам очень избирательно.

Так, в *Канаду* в 1920-е гг. могли приехать только земледельцы, агрономы. Заместитель госсекретаря иностранных дел Ж. Поп писал 17 октября 1922 г. заместителю генерального секретаря Лиги Наций, что «канадское правительство не торопится с приемом иммигрантов, каким бы ни был род их занятия и какой бы национальности они ни были, за исключением тех случаев, когда речь заходит о специалистах по сельскому хозяйству. Если российские беженцы, принадлежащие к крестьянству, желают воссоединиться в Канаде с родственниками или друзьями, иммиграционные власти рассмотрят такую возможность, принимая во внимание любые паспорта и бумаги, удостоверяющие личность, имеющиеся у них на руках на данный момент»²⁰².

26 июня 1922 г. М.Н. Гирс переслал И.Н. Ефремову в Швейцарию для сведения и руководства выдержки из доставленных ему посольством в Вашингтоне новых законоположений касательно иммиграции в Канаду. Особого внимания заслуживало требование закона о предъявлении иммигрантами национального паспорта, выданного правительством страны, из которой они происходят и выданным притом не за границей, а в самой этой стране. Кроме того, доступ в Канаду закрывался всем иммигрантам, не принадлежавшим к числу квалифицированных земледельцев, фермерских рабочих и домашней прислуги²⁰³. Лишь в 1925 г. канадское представительство в Лондоне выказало помощнику верховного комиссара по делам беженцев Т.Ф. Джонсону готовность допустить российских беженцев в числе 5 тыс. иммигрантов. Оставалось решить только денежный вопрос²⁰⁴.

Не в малой степени содействовал переселению представитель МБТ в Канаде О.Д. Дурново, учредивший Организацию.

Подбирая контингенты в соответствии с требованиями канадского правительства, он сломал стену недоверия и содействовал сдвигу с мертвой точки дела переселения за океан. При его содействии в 1925 г. было получено от канадского правительства разрешение на приезд примерно 1,5 тыс. человек, находившихся в Маньчжурии, несмотря на сомнения в успехе этого предприятия²⁰⁵. Примерно тысяча из них расселилась в Западной Канаде на землях канадской Тихоокеанской железной дороги. Для содействия переселению в Канаду от Лиги Наций требовался кредит 100 тыс. ф. ст. В связи с этим О.Д. Дурново направил в Лигу меморандум²⁰⁶. В меморандуме говорилось, что если Европу отягощают безработные русские беженцы, то Канада, страна с колоссальными необработанными пространствами, готова их принять. Условиями для въезда она выставляла непременно занятие сельским хозяйством и наличие обязательства страны, из которой выезжал беженец, принять его обратно в случае, если Канада не пожелает более его иметь у себя. Канадская Тихоокеанская железная дорога готова была предоставить колонистам свои земли на льготных условиях (первые 4 года бесплатно), тем самым создавая условия для выплаты ссуды. В Канаде в 1926 г. ожидалась замена правительства, политика которого по предотвращению иммиграции привела к экономическому застою²⁰⁷. О благоприятной международной обстановке говорил и С.А. Угет в письме К.Н. Гулькевичу: «...вопрос о расселении беженцев представляется настолько важным, с зарубежной точки зрения, что несмотря на все препятствия, нужно попытаться мусировать канадскую проблему»²⁰⁸.

Необходимая информация часто вовремя не доходила до русских общественных организаций, способствовавших трудоустройству беженцев. Так, в августе 1925 г. Н.И. Астров жаловался К.Н. Гулькевичу, что слишком поздно пришло сообщение из Женева о возможности выехать в Канаду для 20 агрономов. «Извещение пришло в четверг вечером, а в понедельник надо было садиться на поезд, – писал он. – Все агрономы были рассыпаны по стране на разных временных работах. Удалось захватить только 3 человека, которые и поехали ловить пароход. Оказывается это последний пароход в нынешний сезон. В течение лета ушло в Канаду несколько пароходов, а нас, русских, вспомнили перед самым отходом по-

следнего парохода. Печально. Агрономы здешние умоляют обеспечить им места на следующий пароход, который, по сведениям здешней конторы пароходной, может быть пойдет в сентябре. Может быть Вы скажете об этом Джонсону?»²⁰⁹.

Экономический кризис в Европе стимулировал поиски места работы и в **США**. Россияне, прибывавшие в США со вторичной волной эмиграции, пополнили колонию из нескольких тысяч земляков, которым правительство позволило въехать даже не подвергая тесту на грамотность еще в самом начале 1920-х гг. Иммигранты допускались и по старым российским паспортам, и по нансеновским сертификатам. Россиян включали в квоты как поляков, сербов, болгар и др. в соответствии со страной их выезда в США. 45 % новых российских иммигрантов были доставлены на американских судах за счет правительства США и Американского Красного Креста из Турции, 35 % – с Дальнего Востока, 5 % (около 300 чел.) прибыли за свой счет²¹⁰. Массовым въезд в пределы США быть не мог в силу ряда причин. Во-первых, первоначально беженцы надеялись на скорое возвращение в Россию после краха большевизма. Во-вторых, у основной беженской массы средств для столь далекого путешествия не было. И, в-третьих, к этому не располагала иммиграционная политика США, которую после 1917 г. принято называть ограничительной, политикой рестрикционизма («почти закрытых дверей»). После Первой мировой войны заокеанская миграция в целом уменьшилась. Именно Соединенные штаты законодательно поставили первыми барьер иммиграционной волне. Агитация за ограничение свободы въезда началась в стране с 1907 г. На основе доклада комиссии по иммиграционному вопросу был выработан первый иммиграционный закон, установивший «ценз грамотности». Но в 1913 г. президент Тафт наложил на него вето. 5 февраля 1917 г. конгресс принял новый закон «Об иммиграции иностранцев и проживании их в Соединенных Штатах»²¹¹.

Секретарь Международного интернационала профессиональных союзов Д. Браун на съезде, посвященном вопросам миграции, в 1926 г. говорил, что многие народы Европы «не находят здесь больше благожелательного приема», и, «если Соединенные штаты являются единственной страной, окончательно установившей защитительный пояс против эмиграции,

то и другие нации направляются также по этому пути»²¹². В последнее десятилетие перед Первой мировой войной ежегодное число иммигрантов в США превышало миллион, в годы войны – всего 2–3 тыс. в год, а после – эмиграция из США превысила иммиграцию в страну²¹³. Большинство российских беженцев, прибывших из Европы, оседали на восточном побережье США, а въезжавшие с Дальнего Востока – на западном. Но и небольшая квота для въезда иммигрантов, родившихся в России, иногда не выбиралась полностью. Более того, она заполнялась выходцами из Советской России, и Земгор даже предлагал добиться, чтобы в пределах существовавшей квоты известное число мест было бы обеспечено русским эмигрантам, лишенным прав гражданства в своем отечестве²¹⁴. С июля по январь 1924 г. в США были допущены 147737 квотных эмигрантов и 84935 внеквотных. Среди них преобладали британские подданные и немцы – 232 692. Русская квота составила всего 2248 человек, но эта квота не была исчерпана. До 1 января 1925 г. прибыло 986 человек и вне квоты – 836, т. е. примерно 1 % от проживавших уже в стране русских иммигрантов²¹⁵. Н.И. Астров 19 декабря 1922 г. писал К.Н. Гулькевичу: «...русская норма иммиграции в Северную Америку далеко не использована. Бристоль в свое время исхлопотал разрешение на эвакуацию в Америку до 2 тыс. человек. Вопрос повис в воздухе из-за недостатка средств. В Америку едут по преимуществу евреи, великолепно организованные, располагающие большими фондами на эвакуацию»²¹⁶. В целом, в США попадали преимущественно иммигранты, образованные, зарекомендовавшие себя на научном или культурном поприще, способные заняться предпринимательством, не обременительные для американского бюджета, именно они имели возможность приехать по приглашениям либо предъявить значительные суммы иммиграционным властям.

Таким образом, расселение эмиграции определило свои очертания в первое десятилетие после исхода. По замечанию З.Н. Гиппиус, «одна и та же Россия по составу своему, как на родине, так и за рубежом: родовая знать, государственные и служилые люди, люди торговли, мелкая и крупная буржуазия, духовенство, интеллигенция в разнообразных областях ее деятельности – политической, культурной, научной, технической и т. д., армия (от высших до низших чинов), народ тру-

довой (от станка и земли) – представители всех классов, сословий, положений и состояний, даже всех трех (или четырех) поколений – в русской эмиграции налицо»²¹⁷. Но образовательный уровень Зарубежья был выше, чем среднестатистический показатель России. Большую долю составляли бывшие военные чины, работоспособные мужчины, при этом число инвалидов было значительно выше нормы.

Этот многомерный и разнородный русский мир являлся живым рефлексирующим организмом. В Зарубежье шли терминологические дискуссии об идентификации «беженцев» и «эмигрантов», подстегиваемые обсуждением «русского вопроса» мировым сообществом. От их результатов мог зависеть ответ на судьбоносные вопросы: кому необходимо помогать; кому будут предоставлены правовые гарантии; кто может вернуться в Россию и др. Идеологи Зарубежной России дифференцировали категории «беженцев» и «эмигрантов». На заседании пражского Земгора в июне 1922 г. председатель И.М. Брушвит заявил, что потребность в этих определениях огромная. По его мнению, беженец – это «русский гражданин, стихийно выброшенный событиями с родины, часто не по своей воле, чутко прислушивающийся к событиям внутри нее и во вне и больно переживающий страдания родины и такие события, как Генуэзская и Гагская конференции и разные торговые договоры» между Советской Россией и западными странами. «Эмигрант же – это человек, сознательно не приемлющий данного государственного строя и являющийся его активным противником». Отсюда делался вывод, что беженцы могут вернуться на родину, а остальные должны стать политическими эмигрантами²¹⁸.

Подобные акценты расставлены в записке «Нужды русских беженцев в Королевстве СХС» от 24 июля 1923 г., подготовленной одной из русских общественных организаций в КСХС и разосланной в прежние российские дипломатические миссии. Речь шла о том, что в широкой поддержке нуждаются именно беженцы. В то время как «эмигранты, т. е. люди, решившие навсегда покинуть Родину, выбравшие для этого страну, где имеется подходящая обстановка для приложения их сил, и выселившиеся в эту страну, предварительно реализовав все свое имущество», обладая высоким образовательным цензом, «действительно не встретили бы затруднений в своей попытке построить жизнь заново. Но беженцы – не эмигранты; между ними

и эмигрантами имеется огромное различие как психологическое, так и в смысле материальной подготовки к переселению и с точки зрения встречающих их на чужбине условий. Эмигрант смотрит вперед, беженец всей душой рвется назад, рассматривая свое пребывание за границей, как преходящий эпизод, не заслуживающий затраты всех сил и внимания. Эмигрант является за границу с твердой верой в будущее, верой, питаемой встречающей его благоприятной трудовой обстановкой, – беженец подавлен постигшей его материальной и нравственной катастрофой и неизбежно находится в состоянии душевной растерянности. Эмигрируют, как правило, лишь физически здоровые и нравственно крепкие люди, – среди беженцев, даже находящихся в возрасте полного расцвета сил, имеется не малое количество больных, нервно надорванных калек. Огромная часть беженцев бросила Родину буквально с пустыми руками, и это тем более тяжело должно было на них отразиться, что значительная часть их принадлежала в свое время к весьма обеспеченным слоям населения. Эмигрант сам выбирает страну переселения, – беженец оказывается там, куда загонит его судьба²¹⁹. Т.е. понятию «беженец» придавалось более широкое значение, чем «эмигрант», которое несло политическую нагрузку.

П.Б. Струве в речи «И.А. Бунин», произнесенной в Белграде 20 ноября 1933 г. по случаю чествования писателя, сказал, что «...так называемая русская эмиграция, один из величайших в мировой истории “исходов”, абсолютно очень большой и качественно весьма высокостоящей части населения», которая «временно отступила на чужие земли, и потому находясь на политическом и газетном языке и именуется – “эмиграцией”»²²⁰. По заявлению этой самой эмиграции произошел «выход государства из своей территории», возникла «государствообразная форма бытия русской эмиграции»²²¹.

«Скорбный общий множитель эмигрантского настроения» или как и когда возвратиться в Россию

Параллельно с формированием Зарубежной России шел отсев части беженцев, возвращавшейся к родным очагам. Для мирового сообщества расширение этого движения стало бы «полным

и окончательным разрешением вопроса, поставленного присутствием в Европе 1500000 беженцев»²²². Подобные настроения крайне настораживали и раздражали эмигрантскую верхушку, особенно военное руководство. В начале 1921 г. главнокомандующий русской армией П.Н. Врангель направил протест в Лигу Наций на ультимативное требование французского правительства к константинопольским сидельцам либо вернуться в Россию, либо уехать в Бразилию, «поступать в белое рабство в качестве рабочих»²²³. Хотя смыслом существования Зарубежья было возвращение в территориальные пределы России, и почти до конца 1920-х гг., по выражению Р. Гуля, эмиграция была каменно убеждена в своей «чемоданной философии»²²⁴, т. е. жила надеждами на возвращение на родину, все же большинство ждали момента краха большевизма. Лишь лица, доведенные до отчаяния и не видевшие свое место в чужих краях, готовы были ехать домой, невзирая на господство там советской власти.

И.В. Гессен в воспоминаниях «Годы изгнания» писал, что «скорбный общий множитель эмигрантского настроения» можно было свести к нескольким позициям: 1. сохранялась надежда на возвращение; 2. советская власть рассматривалась как препятствие к возвращению; 3. возвращение допускалось при сохранении человеческого достоинства, гарантий безопасности²²⁵. Интеллигенция в эмиграции с «птичьего дуазо» страстно спорила о возможности, необходимости и условиях возвращения.

Съезд русских юристов в эмиграции (октябрь 1922 г.)²²⁶ постановил, что «по самому существу большевистская власть отрицает основные начала права», поэтому «невозможно какое-либо правовое обеспечение судьбы лиц, возвращаемых в Россию». Многим дорогу домой «отрезал» декрет СНК от 16 марта 1922 г., лишивший эмигрантов прав собственности²²⁷.

Ф. Нансена обвиняли в пробольшевистских симпатиях, но он продолжал попытки договориться с советским правительством о приеме репатриантов и уверял, что ни один беженец не будет возвращен в Россию против его воли. Инициатива верховного комиссара ограничивалась «оказанием содействия уже начавшемуся бессистемному, добровольному возвращению с Балкан тех беженцев, которые сами желают вернуть-

ся в Россию, чтобы избежать морально и физически разрушающего пребывания в концентрационных лагерях»²²⁸.

Ссылаясь на движение среди казаков, желавших вернуться на родину, верховный комиссар снова и снова возвращался к этому вопросу. Соглашение о репатриации между Лигой Наций и РСФСР было подписано в Берлине в июле 1922 г. российским послом Н.Н. Крестинским и уполномоченным верховного комиссара Э. Фриком. Позже оно дополнялось Г.В. Чичериным и Ф. Нансеном²²⁹. Формирование очередного эшелона для отправки на родину шло в специально созданных лагерях репатриантов, где поступившие сюда лица находились на полном довольствии, неимущим выдавалась обувь, обмундирование.

31 декабря 1922 г. М.Н. Гирс разослал циркулярное письмо в российские посольства и миссии, в котором говорилось: «В связи с ухудшением материального положения русских за границей, участились случаи обращения их с просьбами о возвращении в Россию. Полагая, что мы не вправе чинить им препятствия к возвращению на родину, я считал бы, тем не менее, целесообразным воздерживаться от оказания им в этом содействия, имея в виду, что у нас нет решительно никаких данных, указывающих на то, что возвращающимся на родину русским обеспечивается неприкосновенность личности и жизни»²³⁰.

В личной беседе с К.Н. Гулькевичем Ф. Нансен отрицал, будто бы по собственному почину возбудил этот вопрос, т. к. «условия в России не таковы, чтобы можно было ставить этот вопрос на очередь», но не считал себя вправе мешать кому бы то ни было возвратиться на родину, раз Лига Наций не в состоянии пристроить беженцев. Поскольку эмигрантские организации не раз высказывали свое сомнение по поводу реально существующих обращений казаков о репатриации, верховный комиссар обещал представить К.Н. Гулькевичу списки тех казачьих организаций, которые умоляли его помочь им репатрироваться²³¹. Всего же через свои организации выразили желание репатрироваться от 30 до 40 тыс. казаков Кубани, Дона, Терека, находившиеся в Польше, Сербии, Болгарии, Греции и Румынии²³². Посредником в переговорах между казаками, Лигой Наций и советским правительством выступил А.М. Дю-Шайля²³³.

9 сентября 1922 г. через дипломатические миссии в эмиграции было распространено доверительное сообщение, в котором шла речь о роли этого человека в деле репатриации: «Некий дю Шайля, по происхождению француз, принявший православие, и служивший сперва в Синоде, а после революции на Дону и потом в Крыму, где издавал сепаратистскую казачью газетку, ныне является посредником между Чичериным и Нансеном и представителем “крупных” казачьих организаций, ходатайствуя от их имени о репатриации казаков. В письмах Чичерина Нансену, привезенных дю Шайля, высказывается угроза, что возвращение в Сибирь 1 тыс. сибиряков из Константинополя через Владивосток будет рассматриваться советским правительством как враждебный акт со стороны верховного комиссара, но Чичерин предлагает свое содействие перевозу этих сибиряков сухим путем через советскую территорию. Со слов дю Шайля и отчасти по собственным сведениям, представители Нансена на Балканах утверждают, что из 8 тыс. казаков и их семей в Югославии 7 тыс. желают вернуться на родину, что почти все 40 тыс. казаков в Болгарии, Чехии и Польше просят репатриировать их, что 1500 казаков в Греции готовы даже заплатить половину стоимости проезда, что 4 тыс. казаков в Константинополе ждут только вестей от первой партии, поехавшей на свой счет в Новороссийск, чтобы тоже двинуться домой»²³⁴. Кампания в пользу репатриации казаков расценивалась как ловкий большевистский маневр, чтобы разбить последние сплоченные и организованные группы эмиграции. Борьба против возвращенчества было признано делом трудным в условиях, когда ни одно государство не давало Ф. Нансену денег на расселение беженцев, и все устали содержать их, и когда сам Американский Красный Крест и АРА заявили секретариату Лиги Наций, что следует приступить к репатриации, поручив ее Ф. Нансену или другому лицу²³⁵.

Русские организации в ответ предприняли все меры, чтобы «свести с опасной почвы, на которой он мог бы оказаться, если бы репатриация оказалась главным, если не единственным, способом разрешения беженского вопроса»²³⁶. Русский комитет в Турции, объединявший 80 эмигрантских организаций, 20 сентября 1922 г. в своем меморандуме Лиге Наций высказал отрицательное отношение к репатриации: «Репатриация не

может быть производима как система, пока не устранены причины, вызвавшие русскую эмиграцию»²³⁷. Российские дипломаты обратили внимание на то, что между расселением и репатриацией – разница большая. Поскольку верховному комиссару отпускались деньги именно на расселение беженцев вне России, то эти деньги не могли быть направлены на другие цели. М.Н. Гирс писал: «Во всяком случае, несомненно, что ни одна русская заграничная организация не отпустит на репатриацию ни малейшей суммы»²³⁸.

В ходе обсуждения вопроса о гарантиях безопасности для возвращающихся на третьей сессии Лиги Наций мнения генерального секретаря Лиги Наций Г. Адора и Ф. Нансена разошлись. 27 и 28 сентября в их речах прозвучало жесткое противостояние. Однако верховный комиссар по делам беженцев подтвердил, что будет оказывать содействие вернуться на родину только желающим того²³⁹.

В связи с репатриацией, по наблюдению Н.И. Астрова, «в явлении беженства разовьются процессы, которые значительно видоизменяют его». «К весне, – писал он, – потянутся в Россию казачки и люди попроще. Коммерсанты и дельцы уже сейчас испытывают большое беспокойство, боясь опоздать. Наступает ... “тяга в Россию”». Затем интеллигенция «и в результате мы будем присутствовать при процессе отбора эмиграции. Увы, это будет уже подлинная Эмиграция, прочная и долгая...»²⁴⁰.

Дискуссии по поводу репатриации в эмигрантской среде стимулировало заседание совещательного комитета при верховном комиссаре Лиги Наций по делам русских беженцев, в котором были представлены эмигрантские общественные организации. Оно состоялось 20 апреля 1923 г.²⁴¹. Н.И. Астров и С.В. Панина на этом заседании высказались за возможность возвращения на родину тех беженцев, для которых репатриация стала бы наилучшим выходом из-за их ужасного положения в ряде стран. Свою позицию они аргументировали следующими доводами. Не всех на родине ждут репрессии. Отъезд этой категории беженцев освободил бы эмиграцию от ненужного балласта. России же, нуждавшейся в притоке новых сил, они могут быть полезны. Сама жизнь, считали представители Земгора, выдвигает на первый план вопрос о репатриации, и следует направить это движение в нужное русло, обста-

вить возможно лучшими гарантиями и условиями. И в этом отношении верховный комиссариат по делам русских беженцев может принести существенную пользу. Губительным может оказаться не участие, а отказ Ф. Нансена организовать репатриацию, ибо некоторые страны (Румыния, Польша, отчасти Германия и др.) прибегают к насильственному выселению русских беженцев со своих территорий²⁴². Однако практически все эмигрантские организации за исключением Земгора протестовали против поправки С.В. Паниной и переговоров Ф. Нансена с большевиками.

Уполномоченный РОКК при международных учреждениях в Женеве Ю.И. Лодыженский считал необходимым не просто воздержаться от санкции репатриационной политики верховного комиссара Лиги Наций, но и «принципиально крайне отрицательно» отнестись к ней. Не препятствуя желавшим вернуться в Россию, РОКК (старая организация) считал неосуществимыми гарантии безопасности и неприкосновенности репатриантов, данные большевистской властью и Лигой Наций. Более того, «всякая работа на пользу репатриации» признавалась ослабляющей «фронт борьбы за благосостояние и право убежища русских беженцев». Деньги, расходуемые на репатриацию, по мнению Ю.И. Лодыженского, должны были бы пойти на помощь беженцам, поэтому не репатрианты, а именно беженцы должны стать предметом внимания Ф. Нансена²⁴³. Он апеллировал ко всем общеэмигрантским организациям, стараясь побудить их поддержать его точку зрения.

К.Н. Гулькевич старался сгладить конфликт. Совет послов принял решение «затушить ссору Астров – Лодыженский», чтобы она не разъединяла эмиграцию²⁴⁴. М.Н. Гирс отмечал, что «выступление Паниной... было недостаточно умело отредактировано, главным образом нападают за то, что она допустила в тексте...название советского правительства – русским правительством»²⁴⁵. Приходилось считаться с психологией эмиграции, которая была «доведена до нервного раздражения» и боялась даже поднимать вопрос о репатриации. Даже Юридический комитет при совещании послов не допускал переговоров с Ф. Нансеном. На заседании 24 июля 1923 г. большинство выступило против репатриации. Лишь Б.Э. Нольде и Я.Л. Рубинштейн считали возможным обсуждения этого вопроса.

В качестве арбитра выступило также берлинское отделение Комитета съездов русских юристов за границей. 30 мая 1923 г. оно дало свое заключение на полемику между С.В. Паниной и Ю.И. Лодыженским: 1) в Советской России нет правового строя и каких-либо гарантий личности, 2) при существующем строе, даже если бы Советское правительство пожелало честно исполнять свои обязательства, – а для допущения чего-либо подобного нет никаких оснований – то и в том случае оно не могло бы поручиться за фактическое выполнение своих обязательств и 3) поэтому всякое обращение со стороны российских общественных организаций с предложениями и ходатайствами о репатриации должны быть признаны явно неуместными и недопустимыми²⁴⁶.

В письме С.А. Смирнову, председателю Общества помощи русским гражданам в Берлине, Н.И. Астров писал 15 мая 1923 г.: «Я, как представитель З[емско-]Городского Комитета, настаивал, чтобы русские организации на местах продолжали исследование характера явления, которое называлось “стремлением на родину” в целях выяснения, насколько это явление является результатом большевистской пропаганды». Он указывал «на невозможность поощрять это явление, имея в виду политическое и экономическое состояние России и лицемерность обещаний советского правительства»²⁴⁷. Но главное, что отличало позицию представителей Земгора, – это понимание нецелесообразности препятствовать возвращению. Поэтому они предлагали добиваться полного выяснения условий соглашения, заключенного Ф. Нансеном с советским правительством, и, насколько возможно, усилить требования защиты безопасности для тех, кто принял решение вернуться на родину.

После выхода в свет брошюры А.В. Пешехонова «Почему я не эмигрировал?», изданной в Берлине в 1923 г., началась новая волна дискуссий. На его заявления отозвались лидеры всех политических изданий и общественных групп. Автор особенно резко реагировал против своей высылки из России в 1922 г. и положительно отвечал на вопрос, поставленный Ф. Нансеном в Лиге Наций: нужно ли русским эмигрантам возвращаться в Россию. Хотя эмигрантская печать квалифицировала саму постановку проблемы о репатриации беженцев, как нож, всаживаемый в спину русской эмиграции, позиция А.В. Пешехонова находила сторонников. А.А. Аргунов в 1924 г.

писал: «Есть категория эмиграции, которой не дано живого дела и сносной жизни на чужбине и которой не грозят скорпионы большевистской власти; этой категории – место на родине, и чем скорее и в большем количестве она окажется там, – тем лучше и для нее, и для оставшихся»²⁴⁸. Кадет В.М. Бухштаб прямо заявил: «...удерживать эмигрантов, простых смертных, от возвращения в Россию мы не имеем нравственного права»²⁴⁹.

В обсуждение включились высланные Е.Д. Кускова, С.Н. Прокопович, М.А. Осоргин. Последний, выгнанный за поддержку А.В. Пешехонова из «Дней» (11 ноября 1925 г.), считал, что, несмотря на то, что «в России – тюрьма», из эмиграции «решеток не перепилишь, дверей не выломаешь». «Непримиримость» эмигрантов, с точки зрения М.А. Осоргина, смешна. Люди, которые вряд ли на родине способны вести борьбу, за границей безбоязненно «разводят усиленные пары»²⁵⁰. Оказавшись в вынужденной эмиграции, М.А. Осоргин до 1937 г. жил с советским паспортом.

О позиции Е.Д. Кусковой следует сказать особо. Тотчас же по приезде за границу она с головой ринулась в политическую борьбу. Проживала она сначала в Берлине, где была избрана председателем Политического Красного Креста, а потом осела в Праге. Часто наезжала в Париж. В узких кругах и публично Е.Д. Кускова выступала с докладами, вызывавшими всеобщее внимание и на долгое время становившимися в центре длительных политических дискуссий. Основной отклик вызвали ее доклады, прочитанные в Париже в 1925–1926 гг. А то же время Екатерина Дмитриевна принимала активное участие в эмигрантской печати: в «Последних новостях» П.Н. Милюкова в Париже, в «Днях» А.Ф. Керенского.

В знаменитых «Мыслях вслух» она выступила с призывом «засыпать ров Гражданской войны» и попытаться найти пути, ведущие в Россию²⁵¹. Е.Д. Кускова не принимала деления на две России, считала, что есть одна Россия, и она находится отнюдь не за границей; эмиграция есть явление временное, которое должно быть возможно скорее изжито. Для того чтобы расчистить путь к возвращению, она занялась усиленной критикой белого движения, высмеивала «лубочную непримиримость», проповедовала «фронт забвения».

Екатерина Дмитриевна Кусова (урожд. Есипова)

Боле того, Е.Д. Кускова полагала, что в условиях нэпа можно действовать в России, не отрекаясь от себя, не приспособиваясь к режиму. Тактическая концепция, защищавшаяся ею, сводилась к расчету на эволюцию Советской власти. В своих прогнозах она поворачивалась спиной к политическим искажениям эмиграции, лицом обращаясь к Советской России, искала перспективы и возможности сближения с ней. Е.Д. Кускова была убеждена, что так же как вода точит камень, процесс внутреннего развития родины вынудит твердокаменную большевистскую власть пойти на те или иные уступки и реформы: «...я глубоко верю в то, что даже наша нестигаемая власть будет отпускать возжи... по мере своего укрепления»²⁵². Именно этой задаче – анализу положения внутри России в 1920-х гг. – были подчинены усилия Е.Д. Кусковой, С.Н. Прокоповича и др.

Тактика Е.Д. Кусковой строилась не на пустом месте. Она базировалась на анализе российской экономики, политики, соотношении социальных сил в эпоху нэпа. Изменение внутренней сущности власти, по ее мнению, как бы открывало двери в некоем неопределенном будущем для мирного возвращения эмигрантов в Россию. Совершенно очевидно, что нэп, не раскрывший еще до конца своих противоречий, создавал благоприятную среду подобных иллюзий. Формула Е.Д. Кусковой звучала так: «Мы будем вести борьбу за право достойного возвращения на родину без раскаяния и унижений».

Вместе с тем она выступала против той фактической капитуляции, к которой пришел А.В. Пешехонов. Заслугу же его видела в том, что тот первый открыто начал обсуждение, заострил его и тем самым заставил раскрыть карты как эмиграцию, так и советское руководство. СССР почему-то не торопилось давать согласие на возвращение тех, кто желал бы это сделать. Одни объясняли это тем, что Советам выгодно не пускать, чтобы желающие выехать ругали эмиграцию и просились в Россию, другие считали, что таким образом легче манипулировать эмиграцией («пляшите здесь, камаринские мужики, это выгодно Советам»²⁵³). Е.Д. Кускова же видела в этом глубокий просчет большевиков. С ее точки зрения, ставку надо было делать на привлечение эмиграции к сотрудничеству. В то время как советская политика на $\frac{9}{10}$ была направлена «на очарование иностранцев»²⁵⁴. Не пуская людей лояльных, признававших Советскую власть, готовых служить

родине при ее данном строе, Советы сами разоблачают себя, писала она. «Закрытие дверей перед лояльными людьми, или учеными с “несоветским мирозерцанием”, – подчеркивала Е.Д. Кускова в “Мыслях вслух”, – бьет советскую власть много больнее, чем нападение противника»²⁵⁵. Но этого-то и не заметила русская эмиграция. Просмотрела она и другое, отметила Е.Д. Кускова, «как могуче вздымается течение: домой! домой! На родину. Это – уже течение»²⁵⁶.

Е.Д. Кускова не видела иных перспектив для русской эмиграции кроме возвращения в Россию. В этом проявлялась ее убежденность в том, что эмиграция исчерпала свои возможности и задачи, перестала быть материальной силой, способной идти походом на советскую власть, а ее «духовное содержание» – ожидание борьбы – исчезло. С сожалением она замечала, что за границей, российская интеллигенция – это «только навоз для удобрения чужой культуры».

Выступления А.В. Пешехонова, М.А. Осоргина и Е.Д. Кусковой вызвали целую бурю в эмигрантской периодической печати. Появился шквал полемических статей. Возражали «Дни» в передовых 26, 27 октября, 13 ноября, 7 декабря 1925 г. Здесь же выступили со статьями О.С. Минор («Пешехонида продолжается»), А.Ф. Керенский («Надо говорить ясно»), М.В. Вишняк («Во имя свободы»), А. Петрицев («На чистоту»). В «Последних новостях», кроме редакционных, были напечатаны статьи В. Оболенского «О возвращении на родину» (16 октября), А. Аргунова «Все о том же» (20 и 1 декабря), В. Талина «О любви к родине и политическом смирении», «Эмигрантское поражение», «О погоде» (декабрь). В газете «За свободу» появились статьи А. Арцыбашева «Жгучий вопрос» и «С высоты своего величия» и др.

Заключительную волну споров в печати по вопросу о возвращении на родину вызвали парижские выступления Е.Д. Кусковой 16 и 18 марта 1926 г. Реакция общественности на эти доклады подчеркнула ее изоляцию в политической среде. 28 апреля 1926 г. Е.Д. Кускова писала из Праги Н.А. Рубакину: «...мое нервное состояние доходило до высокого градуса из-за дуэлей с представителями различных зарубежных партий. Бой вынесла тяжелейший... Впрочем после России все три года... приходится выносить не мало нападков из-за наших несчастных взглядов, которые мы не в силах переменить».

Положение поистине тяжкое: и оттуда гонят, и здесь не принимают... Душевно – сиди между небом и землей. Должна однако признаться, что в России, несмотря на голод и все ужасы жизни я себя чувствовала гораздо более на месте, чем здесь. Грустно!»²⁵⁷

Свой доклад 16 марта 1926 г. Е.Д. Кускова начала с заявления, что хотя взгляды ее «обидны для эмиграции», но она «уже не одинока», и эти взгляды тайком, втихомолку давно широко распространены. Политический термидор в России она отрицала, иначе он отразился бы на отношении к интеллигенции, а она все еще «не снята со креста». Сотрудничество с этой «согбенной под тяжестью компромисса» советской интеллигенцией и есть первое условие для союза с оторванной Россией. Е.Д. Кускова призывала отказаться от «эмигрантской гордыни» и «получать директивы оттуда (из России. – З.Б.), как вести себя и что делать здесь» (в эмиграции. – З.Б.). Главным в ее выступлениях было отрицание особой миссии российской эмиграции, требование отказа от двух тактик (внутри и вне России), от двойной морали²⁵⁸.

Е.Д. Кускова выступила не только против белого движения, его ошибок и опасных традиций, но решительно возражала против идеи свержения советской власти. «Возрождение» 21 марта 1926 г. отмечало, то выступление Е.Д. Кусковой не есть создание нового фронта («фронта забвения»), а наоборот, раскрытие карт республиканско-демократического лагеря, «обнажение идеологических недр» его. Политический смысл доклада Е.Д. Кусковой «Возрождение» формулировало так: «Если ты уверовал в “эволюцию” большевизма, как единственный выход для России и если хочешь остаться честно последовательным, – брось разговоры о “революционной” борьбе с большевиками: иди в Каноссу!»²⁵⁹.

Весной 1926 г. против Е.Д. Кусковой выступили П.Н. Милюков, Н.Д. Авксентьев, А.Ф. Керенский, М.А. Алданов, С.О. Иванович, С.М. Соловейчик и др. на страницах главных газет и крупнейших журналов русского Зарубежья. Рупорами дискуссии стали газета «Последние новости» под редакцией П.Н. Милюкова; эсеровские «Дни» (Берлин, Париж); задуманная как «орган национальной мысли» газета «Возрождение»²⁶⁰ (Лондон–Париж); берлинская газета «Руль»; варшавская газета «За свободу». Ряд статей был опубликован в эсеровских

журналах «Современные записки» (Париж)²⁶¹ и «Воля России» (Прага).

В ответ на выступления Е.Д. Кусковой в «Днях» появилась статья С.М. Соловейчика «Некоторые итоги» (24 марта 1926 г.), затем последовало решительное возражение энеса М.А. Ландау-Алданова²⁶². На них Е.Д. Кускова ответила статьей в «Днях» «Непримиримость или целесообразность» (30 марта 1926 г.). Затем откликнулся П.Н. Милюков («Четвертый фронт» – 18 марта, «Стихийно и сознательно» – 20 марта, «Патриотично и непатриотично» – 21 марта, «Кругом да около» – 1 апреля 1926 г., в «Последних новостях»), и опять «Дни» – передовой статьей «Пафос и политика» – 2 апреля 1926 г.

В полемике с П.Н. Милюковым Е.Д. Кускова опубликовала нечто вроде платформы возвращенцев: 1) Мы никого не призываем и не уговариваем. Мы образуем общество, оказывающее помощь тем, кто уже решил вернуться. 2) Мы будем вести борьбу за право достойного возврата на родину без раскаяния и унижений. 3) Мы предлагаем всем возвращающимся не прятаться и не ходить тайком в советские учреждения, ибо возвращение на родину через существующую власть не составляет морального и политического преступления, если оно не сопровождается актами одинаково позорными или нечестными при сношениях со всякой властью. 4) Мы обязуемся подвергать широкому общественному контролю, как заявления возвращающихся, так и ответы на них властей. Все русское общество должно знать, что отвечает власть тем, кто желает вернуться на родину лояльным путем. 5) Мы не знаем, какой найдем родину, и не везем ей тайно орудий борьбы. Мы хотим жить и работать на родной земле. И если действительность окажется такова, что мы вынуждены будем активно бороться там, то мы примем, конечно, на себя все последствия этой борьбы²⁶³. Е.Д. Кускова предполагала создать всюду «Союзы воссоединения с новой Россией на почве экономических и культурных сношений и делового сотрудничества с населением» (но не с властью). Кадеты отмечали, что она «оказалась в своем кружке самой правой», а «тех, кто не философствует и едет в Советскую Россию, – очень мало»²⁶⁴.

На заседаниях парижской группы партии народной свободы вопрос о возможности возвращения эмигрантов на родину обсуждался неоднократно. В ноябре 1923 г. Ю.Ф. Семенов

выступил против легального возвращения в Россию по личной инициативе «якобы ради служения Народу», ибо этот шаг был бы «добровольным предоставлением III-му Интернационалу части или полноты своих сил для того, чтобы продлить срок жизни Советской власти»²⁶⁵. На одну доску он ставил альтернативы для отчаявшегося беженца – возвращение или самоубийство: «Мы понимаем, что в состоянии беженства могут быть такие положения, когда люди, потерявшие все и которые не приобрели никаких других возможностей бороться за существование за границей, в отчаянии готовы или лишиться себя жизни, или вернуться в Россию». Поэтому призывал не называть эти акты отчаяния «образцами выполнения гражданского долга»²⁶⁶.

Поддержки среди однопартийцев Ю.Ф. Семенов не нашел. Так, П.Д. Долгоруков, Ф.И. Родичев, Н.В. Тесленко и др. полагали, что «пребывание в России принесет больше пользы для борьбы с большевиками, чем пребывание» в Париже на заводе Рено²⁶⁷. Возвратившаяся из-за границы интеллигенция, утверждал Н.В. Тесленко, станет «бродильным ферментом». В Россию надо посылать людей, имеющих намерение свалить большевиков, и, тем более, не следует задерживать кого бы то ни было и не пускать в Россию²⁶⁸. Одновременно все сходились во мнении, что недопустимо призывать к репатриации.

Сам П.Н. Милюков неоднократно выступал с публичными характеристиками возвращенчества. В докладах 18 октября 1925 г. в Париже, 29 декабря 1925 г. в Праге, 25 апреля 1926 г. в Париже, многочисленных статьях в «Последних новостях» также оттеняли существенные моменты этого движения. В книге «Эмиграция на перепутье» П.Н. Милюков сделал сводку событий, связанных с полемикой о возвращенчестве, и подвел политические итоги этих споров.

Первый свой доклад 18 октября 1925 г. П.Н. Милюков закончил словами: «Я не знаю, как мы придем в Россию, но я знаю, как мы туда не придем». Подразумевая, что «не придем» с «вождем», оружием, интервенцией. Республиканско-демократическое течение со своей «новой тактикой» исходило из положений, соприкасавшихся с возвращенскими, «хотя и не доходивших до их крайностей»²⁶⁹. Своей очередной задачей республиканцы-демократы сделали поиски «синтеза новых настроений с тем, что было здорового в белой борьбе, разгра-

ничений приемлемого от неприемлемого в возвращенческой идеологии и в возвращенческой тактике»²⁷⁰.

П.Н. Милюков делил эмиграцию на политическую и неполитическую. В зависимости от этого решался им вопрос о возвращении на родину. Если Е.Д. Кускова считала, что, вернувшись в Россию, «возвращенцы» сами решат «нужно ли им быть политиками», то Милюков ставил вопрос иначе. «Нельзя сразу говорить о возвращении на родину “мирным” порядком и политической, и неполитической эмиграции. Можно говорить, что границы той и другой неясны, что они сливаются, но нельзя утверждать, что их нет совсем», – писали «Последние новости» 25 октября 1925 г. Политическая эмиграция, с точки зрения сторонников «новой тактики», есть «составная часть народного организма, выполняющая совершенно определенную функцию в эпохи деспотических правлений. Это – своего рода протеза искалеченного народного тела. Но исполнение этой функции не совместимо с капитуляцией перед деспотической властью... Сущность этой функции – неподчинение, протест, революционное действие». Условием сохранения ее жизненности является связь с родиной²⁷¹. Для политической эмиграции не признавалась возможность мирного возвращения, ибо это расценивалось как капитуляция перед советской властью.

Оппоненты высказывали иную точку зрения: вся эмиграция является политической, т. к. вся она антибольшевистская и на всех лежит моральный долг протеста и борьбы против большевиков. Освобождая «неполитическую» эмиграцию от моральных пут, которые обязательны для политической эмиграции, мы тем самым понижаем ее боевой дух, угашаем ее способность сопротивления и толкаем на измену собственно-му чувству чести и достоинства.

РДО видело задачу политической эмиграции по отношению к неполитической в том, чтобы «постоянно указывать возвращенцам, на какую ужасную пытку обрекают они себя»²⁷². «Кандидат в возвращенцы, – писал П.Н. Милюков, – если он не предатель и не абсолютный аполитик, если он собирается идти в Россию “с гордо поднятой головой”, есть, более чем вероятно, кандидат к “стенке”. Впрочем, и само советское правительство, если он не особенно ему нужен, поставит на его пути достаточно испытаний, чтобы вразумить его». По

мнению Милюкова, пройти все испытания способен был только простой обыватель, не спрашивающий у политика «совета или индульгенции»²⁷³.

Мысль о «засыпании рва» была приемлема лишь как мысль о психологическом сближении с Россией, с работающей там интеллигенцией. П.Н. Милюков отстаивал необходимость сохранения эмиграции не только во имя спасения культуры, но и ради разумного распределения «труда на освобождение России между нею (эмиграцией. – З.Б.) и той внутренней работой, которая сознательно или несознательно, намеренно или стихийно ведется там (в России. – З.Б.) на “разрушение Бастилии”»²⁷⁴.

К дискуссиям подключился также С.П. Мельгунов, историк, публицист, член народно-социалистической партии, редактор журнала «Голос минувшего», один из высланных в 1922 г., но совершенно не разделяющий психологии Е.Д. Кусковой и М.А. Осоргина. На закрытом заседании РДО он прочел доклад «О путях борьбы с большевизмом». Тезисы были напечатаны в «Возрождении» 24 ноября 1925 г. К нему присоединился П.Б. Струве²⁷⁵. Суть их умозаключений состояла в следующем: большевики могут быть свергнуты только вооруженным путем. Нельзя противопоставлять вооруженную борьбу методам демократической «мирной борьбы». Во время прений С.П. Мельгунов нашел поддержку И.И. Фондаминского-Бунакова, утверждавшего, что только в эмиграции уцелел драгоценный «дух свободы», совершенно отсутствующий в Советской России. «Последние новости» 18, 22, 29 ноября 1925 г. вступили с ними в спор.

«Пестрая», по определению П.Н. Милюкова, оппозиция «кусковцам» чуть было не привела Екатерину Дмитриевну в 1926 г. к выходу из РДО. Была образована особая комиссия, которая выработала примирительную тактическую формулу, «среднюю между Мельгуновым, с одной стороны, и Кусковой и Пешехоновым – с другой»²⁷⁶.

Особо следует сказать о позиции поэта, критика, историка литературы В.Ф. Ходасевича. В письме от 7 апреля 1926 г. М.М. Карповичу, профессору Гарвардского университета, преподавателя русской истории, впоследствии редактора «Нового журнала» (весной 1917 г. в качестве секретаря Б.А. Бахметева, назначенного послом в Вашингтон, уехал в США, уже никогда

не вернувшись в Россию), он с горечью писал: «С Советской Россией у меня все кончено. Я там весьма одиозен. Даже писать мне оттуда, по-видимому, нельзя. Пишут мало и не на мое имя»²⁷⁷. В том же письме утверждалось, что возвращенчество для него глубоко неприемлемо. На этой почве они с М.А. Осоргиным охладели друг к другу. «Дело ясно: Россию мы любим и без наставлений Кусковой, – продолжал В.Ф. Ходасевич, – а большевиков любить нельзя, лить воду на их мельницу – работа с большевиками, нельзя, ибо они сами “работают” ей во вред. Всякое сотрудничество с советской властью – по существу направлено против русского народа. Всякая поддержка большевиков есть поддержка мучителей этого народа». Он утверждал, что А.В. Пешехонов и Е.Д. Кускова стали жертвой большевистской интриги, «сознательно проводимой», и что «возвращенчество задумано в ГПУ». Влияние московского руководства на движение возвращенчества имело целью не действительное возвращение, а лишь внесение смуты в умы эмиграции. В.Ф. Ходасевич присутствовал на особом совещании «Дней», в котором приняли участие видные эсеры – А.Ф. Керенский, В.М. Зензинов, М.А. Алданов, М.В. Вишняк. Здесь он изложил свою позицию и назвал имя «главной провокаторши». В.Ф. Ходасевич имел в виду Е.П. Пешкову. Та, по его сведениям, была специально послана Ф.Э. Дзержинским к Е.Д. Кусковой, с которой они были однокашниками. Но всерьез заявление В.Ф. Ходасевича не приняли, что его чрезвычайно расстроило: «А я знаю все от нее самой, слышал еще в конце 1924 г. ... Бурцевские лавры²⁷⁸ меня не манят... Но “про себя” знаю – и соответственным образом все возвращенческое отвергаю».

Можно сделать вывод, что проблема возвращения на родину занимала значимое место в политической и идейной жизни эмиграции и отношение к ней было далеко не однозначным. Разгоревшиеся в эмиграции дискуссии по этому поводу коснулись самого разнообразного круга вопросов. Они вылились на страницы прессы, перешли на эмигрантские диспуты и собрания. Свои воззрения излагали силы самой различной политической ориентации и их органы периодической печати: от промонархического «Возрождения» до эсеровской «Воли России». Негативное отношение к советской власти, по мнению демократической части эмиграции, не являлось препятствием для возвращения. Признание деления эмиграции на политиче-

скую и неполитическую, предполагало недопустимость возвращения политической ее части, которая должна была выполнять роль оппозиции по отношению к советской власти и нести на себе бремя спасения России. Немногочисленные сторонники Е.Д. Кусковой считали мирное возвращение необходимым, ибо белая идея изжила себя, эмиграция исчерпала свои задачи и у нее уже нет возможности продолжать борьбу против советской власти. Лишь там, в России можно решить, следует вести политическую борьбу или нет.

В целом признавалось, что репатриация может быть приемлемым (или даже лучшим) выходом для тех, кто не смог адаптироваться, пребывая за границей.

Контингент россиян, стремившихся на родину, был достаточно широк, и среди них те, кого собственно к эмиграции отнести сложно: лица, выехавшие из императорской России еще в довоенный период, военнопленные²⁷⁹, интернированные Первой мировой и Гражданской войн, солдаты Русского экспедиционного корпуса (РЭК). С 1922 г. к этим группам присоединились лица, бежавшие от советской власти, бывшие рядовые белых армий²⁸⁰.

Репатриация регулировалась межгосударственными соглашениями. 19 апреля 1920 г. РСФСР заключила договор с Германией о возвращении военнопленных и гражданско-интернированных обеих сторон, 20 апреля того же года – с Францией, 28 марта 1921 г. – Конвенцию с кемалистской Турцией о репатриации, во исполнение статьи XIII Договора о дружбе и братстве от 16 марта 1921 г. Подобные соглашения были достигнуты с Италией, Литвой, Польшей, Чехословакией, в 1922 г. в Гельсингфорсе между Россией и Финляндией состоялось подписание соглашения о возвращении на родину находившихся в Финляндии российских граждан и пребывавших в России финских граждан²⁸¹.

Для Москвы важнейшим условием при решении вопроса о допуске возвращенцев на родину стал непереносимый контроль выезжавших еще до отправки из страны-реципиента, т. е. на ее территории. Так, находившиеся в Египте более 100 сторонников большевиков 29 сентября 1921 г. были отправлены на пароходе в Россию без согласования с советскими властями, но не были приняты и вернулись обратно в военный лагерь Сиди-Бишр²⁸².

При отсутствии дипломатических представительств организацией возвращения на родину занялись миссии Российского общества Красного Креста или репатриационные комиссии. Средства на репатриацию выделялись как болгарским, так и советским правительством.

В октябре 1922 г. в Болгарию прибыла делегация РОКК во главе с И.С. Корешковым²⁸³. В ее полномочия входила выдача личных удостоверений на право въезда и свободы пребывания на территории РСФСР, виз (на основании анкет, предварительно заполненных репатриантами). Эта работа проводилась при содействии Союза «возвращения на родину», учрежденного 6 мая 1922 г. и поддержанного болгарскими коммунистами. Большинство Союза составляли рядовые солдаты и казаки²⁸⁴. Всего в 1922–1923 гг. из Болгарии возвратились более 11 тыс. эмигрантов.

Возвращение россиян из Франции по соглашению о возвращении на родину французских и российских граждан от 20 апреля 1920 г. предполагалось к 15 сентября, из Алжира²⁸⁵ – к 20 сентября 1920 г. в количестве 22 тыс. человек²⁸⁶. Проведенный французами опрос остававшихся в Алжире россиян свидетельствовал, что 96 % опрошенных изъявляли желание уехать в Советскую Россию, менее 4 % предпочли районы, контролируемые антибольшевистскими силами²⁸⁷. Однако уже 14 сентября 1920 г. НКВД РСФСР послал ноту премьер-министру и министру иностранных дел Франции Мильерану, в которой высказывались опасения, «как бы несколько десятков тысяч русских не осталось помимо их воли во Франции и в Алжире»²⁸⁸. Французская сторона называла цифру в 47 тыс. русских, якобы, вернувшихся из Франции в Россию. По российским данным, их число не превышало 15 тыс. (включая солдат, выданных Францией Деникину).

Поэтому НКВД РСФСР 8 апреля 1921 г. обратился с просьбой к министру иностранных дел Франции предоставить возможность въехать во Францию особой российской комиссии для контроля над окончательным выполнением соглашения о репатриации²⁸⁹. Одновременно в прессе началась подготовка общественного мнения к работе такой комиссии.

Глава Совещания бывших российских послов М.Н. Гирс, пересылая К.Н. Гулькевичу перехваченное секретное письмо НКВД от 1 декабря 1922 г. по поводу направляемой в Марсель

миссии А.М. Устинова, комментировал: «Из ознакомления с текстом Вы увидите, в какой мере официальная цель этой миссии, возвращение на родину задержавшихся во Франции русских солдат из отрядов, сражавшихся в рядах союзных войск, является прикрытием действительных целей предпринимаемой командировки, сводящейся к организации миссией в Марселе гнезда пропаганды в Париже. Это не первый, конечно, пример такого отношения большевиков к торжественным их обещаниям воздерживаться от пропаганды, но, думаю, что никогда не лишне напомнить об этом иностранцам»²⁹⁰.

Новая волна репатриации из Франции была связана с установлением дипломатических отношений с СССР (октябрь 1924 г.). Когда начало свою деятельность Полномочное представительство СССР во Франции было объявлено о регистрации до 12 декабря 1925 г. лиц, желавших вернуться в страну. Уже 16 ноября 1924 г. был основан Союз возвращения на родину, легализованный французской префектурой. Его членами состояли не только бывшие белогвардейцы, но и интернированные солдаты бывшего экспедиционного корпуса. Первоначально предполагалось в связи с окончанием срока восстановления российского гражданства (12 декабря 1925 г.) Союз ликвидировать. Но Полпредству было разрешено и далее «производить регистрацию в порядке сохранения гражданства лиц рабочего и крестьянского происхождения, признавая пропуск срока регистрации названными лицами – пропуском по уважительным причинам», а также, проявляя максимальную осторожность, оказывать предпочтение тем лицам, «которые имеют квалификацию, необходимую для ВСНХ»²⁹¹.

В секретной справке об организациях во Франции, стоявших на советской платформе, подготовленной в мае 1926 г. Пирумовым (которому были поручены «ближайшие сношения в этих организациях») для М.М. Литвинова, говорилось: «Цель Союза – пропаганда в пользу советской власти и организация возвращенческих групп из числа рабочих и солдат»²⁹². Поскольку желавших возвратиться было много, а процесс репатриации затягивался, «для психического воздействия на эмиграцию» к середине 1925 г. был положительно решен вопрос об отправке группы солдат экспедиционного корпуса за казенный счет, «с необходимым шумом вокруг этого дела»²⁹³. В.Х. Ауссем, полпред, отмечал, что парижская эмигра-

ция является значительной политической силой, с которой считается не только общественное мнение, но и правительство. «Вопрос, где эта сила нам вреднее и опаснее, – писал он М.М. Литвинову 23 февраля 1925 г. из Парижа, – в Париже или в Нарымском крае – очевидно, относится к компетенции Политбюро, где он может быть поднят, очевидно, только НКВД. Сегодня ставлю более узкий вопрос: о возможности содействия консульства в деле разложения этой эмиграции»²⁹⁴. В 1927 г. ИноОГПУ было рассмотрено 2 149 дел, из них отказы получили 86 (4,1 %) человек и разрешен въезд 1 288.

Для упрощенного допуска в СССР играли роль также идеологические мотивы. 25 ноября 1926 г. М.М. Литвинов в ответ на отношение генерального консула СССР в Париже разрешил упрощенный порядок рассмотрения дел о восстановлении в советском гражданстве лиц, высылаемых из Франции по политическим причинам²⁹⁵.

Возвращение на родину сыграло большую роль в разгрузке Константинопольского района. Еще до объявления амнистии от 3 ноября 1921 г. бывшим рядовым военным чинам белых армий французские оккупационные власти в Турции открыли запись в Советскую Россию, способствуя тем самым оживлению возвращенческих настроений. Преодолевая сопротивление белого командования, которое не возражало лишь против репатриации небоеспособных лиц, удалось отправить в Россию в середине февраля 1921 г. 3 300 человек, 30 марта 1921 г. пароход «Решид-Паша» увез еще 5 869 человек²⁹⁶. Более 5 тыс. репатриантов из Турции (преимущественно из Константинополя) в 1921 г. удалось организовать А.П. Серебровскому, члену Главконфети и председателю Бакинского нефтяного комитета, для работы на бакинских промыслах. Отработав два года, они могли уехать из Баку, свободно выбрав место жительства²⁹⁷.

В мае 1923 г. представитель СССР в Константинополе был запрошен о примерной смете «репатриации всех русских граждан Константинополя, считая калмыков, пленных, бывших легионеров и др.» для ходатайства перед СНК об ассигнованиях на это дело²⁹⁸. Вслед за этим 28 сентября 1923 г. в Константинополь прибыла репатриационная комиссия.

Еще до отъезда комиссии из Москвы, 5 сентября 1923 г. член коллегии В.Л. Копп утвердил секретную инструкцию

председателю комиссии СССР по реэвакуации в Константинополе, а Г.В. Чичерин обозначил «внешние проявления» миссии, предписывая «строго держаться рамок репатриационной конвенции и последовавших за ней турецких нот», и рекомендовал в то же время «фактическое расширение» ее функций «при условии, что этим не будет вызвано конфликта с Турцией»²⁹⁹. Народный комиссар по иностранным делам 18 сентября писал в Ангору полпреду СССР Я.З. Сурицу: «Ввиду отсутствия в Константинополе нашего консульства и до учреждения такового нужно использовать Потемкина для информации и политрабoты, каковая однако должна производиться так, чтобы не осложнять положение делегации. Делегация во всех областях своей работы всецело подведомственна Вам и должна во всех вопросах находиться с Вами в строгом контакте. В области информационной и политической необходимо размежевание работ»³⁰⁰. Во время встречи с турецкой прессой в салоне гостиницы «Лондон» 29 сентября В.П. Потемкин поторопился заявить, что делегация «не рассчитывает заняться политикой в Константинополе», и она «не перейдет границ своих обязанностей»³⁰¹.

В инструкции речь шла о полномочиях комиссии. Во-первых, это – репатриация лиц, согласно Московской конвенции от 28 марта 1921 г. и Соглашению с турецким правительством от 28 июля 1923 г. с продлением срока репатриации. Во-вторых, проведение в жизнь декрета ВЦИК и СНК о лишении гражданства определенных категорий граждан от 15 декабря 1921 г. В-третьих, выдача виз на въезд в Россию. В-четвертых, выполнение паспортных формальностей в отношении граждан СССР, выехавших из России после 20 декабря 1921 г.

В соответствии с конвенцией от 28 марта 1921 г. отправке на родину подлежали военнопленные, паломники, направившиеся в Мекку еще до империалистической войны, чины бывшего экспедиционного корпуса в Салониках и солдаты иностранного легиона в Сирии, в силу соглашения от 28 июля 1923 г. – рядовые солдаты белых армий, лица, амнистированные постановлением ВЦИК от 3 ноября 1921 г., включая амнистированных калмыков; татары, бежавшие из Крыма от голода в 1921–1922 гг., за которыми постановлением ВЦИК от 24 августа 1922 г. были сохранены права российского гражданства. К константинопольским репатриантам могли присое-

диниться прибывшие из сопредельных с Турцией стран³⁰². Их отправляли за счет правительства СССР, эшелонами. Конечным сроком регистрации устанавливалось 1 июля 1924 г. Отправляемым выдавали эвакуационные свидетельства, согласно циркуляру НКВД 1923 г. № 91. Право оставаться на жительство за границей они не получали. Визы ставили без запроса от дела виз НКВД, согласно циркуляру НКВД № 95, от консульских сборов освобождались.

Активно шла репатриация из Германии. Между Германией и Россией в 1922 г. состоялось соглашение о продлении до 30 июня 1922 г. срока отправки русских военнопленных и интернированных чинов Красной армии в лазаретных поездах, предоставленных Международным Красным Крестом. «Руль» сообщал, что сборный пункт для добровольно возвращающихся в Советскую Россию – лазарет для военнопленных в Альтдамме. К отправке допускались лишь те, кто имел разрешение на въезд в Советскую Россию. Сообщалось также, что советское представительство в Берлине обязывалось выдавать такие разрешения беспрепятственно³⁰³. Судя по сведениям за первую половину 1922 г., на родину были отправлены 2669 военнопленных³⁰⁴.

В мае 1924 г. германское правительство возбудило вопрос о принятии Советской Россией 8 тыс. репатриантов, предполагая включить в их число главным образом беженцев немцев Поволжья, которых Германия принимала до и после Брестского мира в массовом порядке, а позже, в период Гражданской войны и голода – в меньших размерах. Первый секретарь полпредства СССР в Германии И.С. Якубович и представитель верховного комиссара Лиги Наций в Германии М. Шлезингер, сотрудник министерства иностранных дел Германии, в Берлине обсудили условия репатриации: за счет германского правительства отправить до Ленинграда первым транспортом (т. е. около 600 человек) военнопленных, во вторую очередь немецких колонистов, и в третью – обе категории. Контингент дальнейших отправок должен был формироваться в каждом случае отдельно. Оговоренные И.С. Якубовичем и М. Шлезингером условия были изложены в вербальной ноте германского посольства от 25 июля 1924 г.³⁰⁵ Военнопленных предполагалось вывезти из Германии до окончания навигации и к 1 октября 1924 г. демобилизовать на основании приказа Реввоенсовета.

Однако ОГПУ дало согласие на прием в упрощенном порядке лишь 4 тыс. бывших русских граждан и только ограниченными категориям (военнопленным империалистической войны; выехавшим за границу до Октябрьской революции рабочим и крестьянам, по уважительным причинам еще не оформившим своего гражданства; гражданам СССР, имеющим заграничные виды; красноармейцам, интернированным в Германии во время войны с Польшей; солдатам и комсоставу бывшего экспедиционного корпуса, бежавшим из Франции; а также членам семейств всех этих категорий. Не могли быть отправлены в упрощенном порядке лица, бывшие в связи с белогвардейскими организациями, выступавшие против советской власти, выехавшие из Советской России нелегально или из местностей, занятых белыми, командный состав армий, выехавшие из страны в качестве германских репатриантов и состоявшие в иностранном гражданстве, даже, если они не вышли из российского или советского гражданства³⁰⁶. А Комиссия СТО по иммиграции предлагала максимально оттянуть сроки проведения в жизнь амнистии немцев Поволжья из-за неурожая³⁰⁷. В результате междуведомственных совещаний в НКВД и КомСТО была выработана инструкция, сводившая проведение амнистии почти на нет, не говоря уже об упрощенном порядке возвращения. Перед НКВДом встал вопрос: принять военнопленных за свой счет, что обошлось бы в 30 тыс. руб., отказавшись от репатриации немецких колонистов, или пойти на условия германского правительства. Первый вариант являлся более предпочтительным из-за экономии средств. Обустройство возвратившихся немцев Поволжья обошлось бы значительно дороже 30 тыс. руб.³⁰⁸

Представители интеллигенции могли вернуться в Россию благодаря ходатайству наркома просвещения А.В. Луначарского. Он получал огромное количество писем с просьбами оказать содействие в восстановлении российского гражданства и тем самым обеспечить возможность возвратиться на родину. Многих сдерживала боязнь репрессий и они стремились заручиться предварительными гарантиями. Дочь К.Д. Ушинского писала, что слухи о том, какой участи подвергаются те, кто возвращается в Россию, пугают ее. «Еще в Швейцарии меня умоляли не ехать на верную гибель, – добавляла она, – задумала обратиться к вам с просьбой сказать мне, опасно ли

мне, бывшей буржуйке, не коммунистке, возвратиться в данное время в Россию? Думаю, надеюсь, что скажете мне правду и даже не поможете ли мне для выезда в Россию»³⁰⁹.

Всего же с 1921 по 1931 г. из-за границы возвратилось около 181,5 тыс. человек, из них 121 843 – в 1921 г.³¹⁰ Трудно сказать, какие категории россиян вошли в это число, скорее всего среди них были и военнопленные, и чины русского экспедиционного корпуса, и рядовые белогвардейцы.

Анализ литературы и документов показывает, что советские репатриационные комиссии, работавшие в Болгарии, Франции, Турции на первый план выносили не гуманитарные, а политические задачи. Вместе с тем, судя по переписке НКВД, забота о бывших российских подданных за границей рассматривалась этим ведомством как вопрос престижа новой власти³¹¹.

Возвращение соотечественников домой, в Россию, не являлось свободным волеизъявлением. Эмиграция не поощряла движение за возвращение на родину, справедливо предполагая, что советская власть использует репатриацию лишь для разложения и раскола контрреволюционного лагеря за рубежом. Москва в рамках двухсторонних соглашений оговаривала необходимость допуска преимущественно организованных групп и тех лиц, которые не были связаны с антисоветской борьбой. В результате репатрианты оказывались в тисках ограничений, ущемленными в правах и возможностях возвращения на родину.

Идея возвращения составляла смысл жизни русского мира 1920-х гг., но осуществление этого шага обуславливалось как дезадаптацией, т. е. неспособностью вписаться в новое социальное окружение, так и идеологическими мотивами. Репатриация изменяла облик российской эмиграции. За рубежом оставались наиболее непримиримые идейные противники советской власти. Пока у власти находились большевики, речь могла идти только о возвращении в Россию советскую.

Избегая ассимиляции, сохраняя себя в качестве России № 2, эмиграция готовилась к возвращению на родину. Ответ на вопрос о возвращении стимулировал либо миссионерские идеи, появление защитных механизмов русского мира, формирование его относительно замкнутого самодостаточного пространства, либо принятие большевистской власти и признание будущего за Советской Россией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: *Тетеревлева Т.П.* Пореволюционная российская эмиграция на севере Европы 1917-начала 1920-х гг. // Русский исход. – СПб., 2004. С. 10–52; *Новикова Л.Г.* Эвакуация Северной области: предыстория, динамика распада, последствия // Там же. С. 53–78; *Демидова О.Р.* Из России в Финляндию: граница как экзистенциальная катастрофа // Российское зарубежье в Финляндии между двумя мировыми войнами. Сб. науч. трудов. – СПб., 2004. С. 3–7.

² *Тетеревлева Т.П.* Эмиграция через Архангельск (1918–1920) // Слово о людях и земле Поморской. Вып. 2. – Архангельск, 1995. С. 199.

³ Подробнее см.: *Невалайнен П.* Изгои: российские беженцы в Финляндии (1917–1939). – СПб., 2003. С. 13–36.

⁴ См.: *Еленевская И.* Воспоминания. – Стокгольм, 1968. С. 106–115; *Гессен И.В.* Годы изгнания. Жизненный отчет. – Париж, 1979. С. 1–2 и др.

⁵ См.: *Мухачев Ю.В.* Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. – М., 1982. С. 41; *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции, 1919–1939. – М., 1994. С. 262; *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). – М., 1995. С. 18 и др.

⁶ ГА РФ. Ф. 5804. Оп. 1. Д. 24. Л. 13.

⁷ *Штейнман Ф.* Отступление от Одессы (январь 1920 г.) // Архив русской революции. – Берлин, 1921. Т. 2. С. 91, 93.

⁸ Последние новости. – Париж, 1920. 28 мая.

⁹ *Йованович М.* Обзор переселения русских беженцев на Балканы // Русский исход. – СПб., 2004. С. 168.

¹⁰ *Козлитин В.Д.* Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1919–1923) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 7.

¹¹ *Йованович М.* Обзор переселения русских беженцев на Балканы. С. 168.

¹² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 38. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 26.

¹⁴ *Козлитин В.Д.* Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1919–1923) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 8.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 38. Л. 29.

¹⁶ Подробнее см.: *Карпов Н.* Крым – Галлиполи – Балканы. – М., 2002.

¹⁷ Воля России. – Прага, 1926. № 5. С. 131.

¹⁸ Мудросское перемирие 1918 г. и Севрский мирный договор 1920 г. лишали Турцию многих прав суверенного государства. Восточная Франция с Эдирне (Адрианополем), европейский берег Дарданелл, Галлипольский полуостров, а также Измир (Смирна) отходили к Греции. Стамбул (Константинополь) формально оставался за Турцией. Зона проливов подлежала полной нейтрализации, что позволяло странам Антанты использовать порты этого района для своего флота. Турция лишилась вла-

дений на Аравийском полуострове, признала протекторат стран Антанты над Египтом, Марокко, Тунисом и рядом других территорий.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 6006. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

²⁰ Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. – М., 2000. С. 141.

²¹ ГА РФ. Ф. 5908. Оп. 1. Д. 1. Л. 72.

²² *Йованович М.* Обзор переселения русских беженцев на Балканы. С. 175.

²³ Широкою географию расселения изгнанных в оккупационной зоне Турции и Греции с центром в Константинополе принято называть Константинопольским районом, который включал не только город, но и беженские лагеря в полуразрушенном городке Чатаджа, имение Кабаджа, в 10 км от него, турецкие деревушки Санджак-Тепе, в 9 верстах от нее – Чилингир в 85 км от Константинополя, Сан-Стефано, Еди-Куле, Селимье, Тузле, на полуострове Галлиполи, о. Лемнос, о. Халки.

²⁴ *Бобрищев-Пушкин А.* Разгрузка Константинополя // Накануне. Берлин. 1922. 4 ноября.

²⁵ Русские в Галлиполи. – Берлин, 1923. С. 458; Советская историческая энциклопедия. Т. 16. – М., 1976. Ст. 492.

²⁶ Русские в Галлиполи. – Берлин, 1923. С. 458.

²⁷ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 83. Л. 25.

²⁸ Весной 1922 г. возникло громкое дело о контрразведке, устроенной ген. Врангелем в Болгарии. Власти стали относиться ко всем русским с большим подозрением и недоброжелательством. Действия полк. Самохвалова «вызвали взрыв негодования среди русских гражданских беженцев против Врангеля и его штабов, благодаря неосторожности которых наши эмигранты попали под действия разных репрессивных полицейских мер» // АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 83. Л. 4. Из письма А.М. Петряева М.Н. Гирсу от 12 мая 1922 г. Болгарское правительство при таких обстоятельствах «нашло несвоевременным» приезд Врангеля даже в качестве частного лица // Там же. Л. 2. Е.К. Миллер был допущен в страну.

²⁹ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 83. Л. 63.

³⁰ Там же. Л. 65.

³¹ Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы): Сборник документов и материалов / сост. З.С. Бочарова. – М., 2004. С. 98.

³² Генуэзская международная конференция по экономическим и финансовым вопросам состоялась 10.04. – 19.05.1922. В ее работе приняли участие 29 государств и 5 доминионов Великобритании. Основной вопрос конференции – «русский». Эмиграция опасалась юридического признания Советской России.

³³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 14.

³⁴ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 12. Письмо М.Н. Гирса К.Н. Гульткевичу от 22 июля 1922 г.

³⁵ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 64–65. Копия письма на англ. яз. А. Рингланда Г.Е. Львову от 16 августа 1922 г.

³⁶ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 70. Письмо М.Н. Гирса К.Н. Гулькевичу от 26 августа 1922 г.

³⁷ Русские беженцы. С. 121.

³⁸ Там же. С. 75.

³⁹ Русский комитет в Турции. Материалы по вопросу об эвакуации русских беженцев из Константинополя. Константинополь, 1922. С. 17–18.

⁴⁰ Русские легионеры в Сирии // Последние новости. – Париж, 1922. 7 июня.

⁴¹ Рувль. (Берлин). 1922. 25 июля. Ссылка дается на немецкий военный журнал «Militärisches Wochenblatt».

⁴² ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 62.

⁴³ Рувль. 1922. 17 декабря; ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 106. Телеграмма А.А. Нератова М.Н. Гирсу от 4 ноября 1922.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 49.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 49–50. Копия письма М.Н. Гирса Е.К. Миллеру от 20 июля 1922 г.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 14.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 5764. Оп. 1. Д. 149. Л. 239. Информационный листок № 2 РЗГК от 8 декабря 1922 г. Париж.

⁴⁸ Карпов Н. Крым – Галлиполи – Балканы. – М., 2002. С. 120.

⁴⁹ АВП РИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 79. Л. 40. Письмо К.Н. Гулькевича М.Н. Гирсу от 8 сентября 1922 г.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 105.

⁵¹ Бланк регистрационной карты на фр. и рус. яз. см.: ГА РФ. Ф. 7067. Оп. 1. Д. 438. Л. 1. Инструкцию по переписи русских беженцев см.: Там же. Л. 3–7.

⁵² ГА РФ. Ф. 6791. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.

⁵³ ГА РФ. Ф. 6791. Оп. 1. Д. 18. Л. 2–3, 4–5.

⁵⁴ Русский комитет в Турции. Материалы по вопросу об эвакуации русских беженцев из Константинополя. – Константинополь, 1922. С. 26.

⁵⁵ Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 181–182 копия письма В.Т. Рафальского М.Н. Гирсу Прага 12 декабря 1922 № 7/с

⁵⁶ Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 69. Письмо С.А. Угета М.Н. Гирсу от 7 февраля 1923 г.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. 5764. Оп. 1. Д. 149. Л. 238. Информационный листок № 2 РЗГК от 8 декабря 1922 г.

⁵⁸ В августе 1922 г. Лига Наций эвакуировала 417 чел., в сентябре – 1053, в октябре – 1774, в ноябре – 1876. Эвакуация шла также и индивидуальным порядком // ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 23.

⁵⁹ Последние новости. Париж. 1924. 16 сентября.

⁶⁰ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 23.

⁶¹ Русские беженцы. С. 121.

⁶² Там же. С. 156. Возможно, последние цифры занижены либо с целью доказать экономическую эффективность введения нансеновских паспортов, либо в силу разных методик подсчета.

⁶³ Русский комитет в Турции. Материалы по вопросу об эвакуации русских беженцев из Константинополя. – Константинополь, 1922. С. 23.

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 236–237.

⁶⁵ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 22

⁶⁶ Режим капитуляций – особый правовой режим, в соответствии с которым государство предоставляло гражданам другого государства на своей территории преимущества по сравнению со своими гражданами. Р.к. предусматривал полное или почти полное изъятие иностранцев из сферы юрисдикции государства пребывания и подчинение их исключительно власти консула своего государства и другие привилегии. Предоставлялся иностранцам односторонне, не на основе взаимности.

⁶⁷ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 157.

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 56. Л. 160.

⁶⁹ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 53. С 1925 г. беженский вопрос перешел в ведение Международного бюро труда.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 54–57. Письмо А.Ф. Шебунина М.Н. Гирсу от 21 сентября 1925 г.

⁷¹ ГА РФ. Ф. 7067. Оп. 1. Д. 365. Л. 68, 69. Пер. с фр. Л.В. Руснак.

⁷² АВПРФ. Ф. 132. Оп. 14. П. 27. Д. 11. Л. 7–9.

⁷³ Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). – Париж, 1971. С. 42; Население России в XX веке. Т. 1. – М., 2000. С. 141.

⁷⁴ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 56. Письмо А.Ф. Шебунина, председателя русской Организации по содействию и помощи русским беженцам в Турции, М.Н. Гирсу от 21 сентября 1925 г.

⁷⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 0132. Оп. 11. П. 180. Д. 643. Л. 2; Оп. 10. П. 173. Д. 595. Л. 1; Оп. 6. П. 129. Д. 260. Л. 18, 108.

⁷⁶ ГА РФ. Ф. 7067. Оп. 1. Д. 365. Л. 68. Отчет верховного комиссара по делам беженцев об эвакуации русских из Стамбула.

⁷⁷ Савич Н.В. Воспоминания. – СПб., 1993. С. 420.

⁷⁸ Монастырев Н.А. Гибель царского флота. – СПб., 1995. С. 126. См. также: Русская эскадра в Бизерте. Документы РГВА о переговорах представителей СССР и Франции по возвращению кораблей Черноморского флота. 1924–1925 гг. (Публ. Н.Ю. Березовского) // Исторический архив. 1996. № 1. С. 101–127.

⁷⁹ Бортневский В.Г. Загадка смерти генерала Врангеля. – СПб., 1996. С. 155–156.

⁸⁰ Стефан Дж. Русские фашисты: трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945. – М., 1992. С. 19 и др.

⁸¹ Подробнее см.: Сибиряков Н.С. Конец забайкальского казачьего войска // Минувшее. Исторический альманах. № 1. – Париж, 1986. С. 211–228.

⁸² ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 183. Письмо М.Н. Гирс К.Н. Гулькевичу от 16 декабря 1922 г.

⁸³ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 94. Письмо П. Рогальского от 23 января 1923 г. Как следует из его письма, остальные суда частью были оставлены в Гензане, частью проданы в Шанхае.

⁸⁴ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1 Д. 43. Л. 70.

⁸⁵ Подробнее см.: Русские в Шанхае. Шанхай, 1926. С. 34–37; *Басевич В.В., Цытович А.А.* Корабли не умирают. – М., 1974. С. 108 и др.

⁸⁶ *Абданк-Коссовский В.* Русская эмиграция // Возрождение. – Париж, 1956. № 51. С. 137.

⁸⁷ *Попова С.С.* Судьба русского экспедиционного корпуса во Франции после революции в России. По неопубликованным материалам Военного министерства Франции // Россия и Франция. XVIII–XX века. – М., 1995. С. 199.

⁸⁸ *Павлов А.Ю.* Русский экспедиционный корпус в Салониках. // Военно-исторический журнал. 2001. № 9. С. 61.

⁸⁹ *Летнев А.* Солдаты России в Алжире (1918–1920 гг.) // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 134.

⁹⁰ АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 6. П. 102. Д. 51. Л. 35 об.

⁹¹ История французского иностранного легиона начинается 9 марта 1831 г. Он создавался для использования в колониальных войнах в Африке и Азии из лиц самых различных национальностей.

⁹² *Тарусский Е.* Беседы на бивуаках // Часовой. 1938. № 207. С. 19.

⁹³ Подробнее см.: *Соколов А.А.* Деятельность «Союза русских государевых людей» в Индокитае (1925–1928 гг.) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – М., 2009. С. 260–264.

⁹⁴ ГА РФ. Ф. 5804. Оп. 1. Д. 53. Л. 60.

⁹⁵ АВПРФ. Ф. 0132. Оп. 6. П. 129. Д. 260. Л. 126об.

⁹⁶ Подробнее см.: Российская эмиграция: численность, расселение // Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. 1900–1939 гг. – М., 2000. С. 134–142.

⁹⁷ *Комин В.В.* Крах российской контрреволюции за рубежом. Уч. пособие. Калинин, 1977. С. 18.

⁹⁸ ГА РФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 93. Л. 2. Из письма В.И. Захарова и П.Н. Савицкого Леонтию Васильевичу (?) от 3 ноября 1928 г.

⁹⁹ *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. – Париж, 1971. С. 12.

¹⁰⁰ Россия и Италия. Русская эмиграция в Италии в XX веке. – М., 2003. С. 79.

¹⁰¹ Последние новости. Париж. 1924. 16 сент.

¹⁰² *Серационова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). – М., 1995. С. 18.

¹⁰³ Последние новости. Париж. 1924. 16 сент.

¹⁰⁴ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 101. Л. 6. Письмо Розена К.Н. Гулькевичу от 15 июля 1920 г.

¹⁰⁵ *Цветнов Н.Н.* Русская эмиграция в Норвегии (1920–1940-е гг.) // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940. Кн. 1. – М., 1994. С. 161.

¹⁰⁶ ГА РФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 1237. Л. 1.

¹⁰⁷ *Кудрякова Е.Б.* Российская эмиграция в Великобритании в период между двумя войнами. – М., 1995. С. 8. В. Лебедев называет общее количество русских в Англии 15 тыс. (Воля России. 1922. № 25. С. 8);

Т. Хантингтон – 10 тыс.; П.Е. Ковалевский приводит цифру 2,5 тыс. проживающих в Лондоне русских. М. Раев в книге «Россия за рубежом» на С. 44 говорит о 15 тыс. русских, эвакуированных в Англию после падения правительства Н.В. Чайковского. (Следует отметить, что Англия не приняла последнюю волну эвакуируемых из Мурманска и Архангельска, лишь позже отдельным эмигрантам удалось туда перебраться.) В то же время на С. 262 в таблице распределения русских беженцев по географическим зонам Раев приводит максимальное количество в Великобритании – 9 тыс. (1922 г.).

¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 46. Л. 425–426. Справка о правовом положении русских эмигрантов и положении меньшинств в Эстонии. Ревель, 14 декабря 1923 г.

¹⁰⁹ *Исаков С.Г.* Русские в Эстонии. С. 70; *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. С. 52.

¹¹⁰ Бюллетень № 7–8 РЗГК 15 октября 1921 г. С. 33–34.

¹¹¹ *Левитский Д.* О положении русских в независимой Латвии // Новый журнал. 1980. № 141. С. 207, 213.

¹¹² ГА РФ. Ф. 7067. Оп. 1. Д. 365. Л. 18.

¹¹³ Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. С. 55.

¹¹⁴ *Мусаев В.И.* Политические организации в российской эмиграции в Финляндии в 1920–1930-е гг. // Зарубежная Россия. 1917–1939. – СПб., 2003. С. 84.

¹¹⁵ *Еленевская И.* Воспоминания. – Стокгольм, 1968. С. 113.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Дни. – Берлин, 1923. 7 апреля.

¹¹⁸ *Рупасов А.И.* Дебаты в эдускунте о беженцах из России, январь 1919 г. // Российское зарубежье в Финляндии между двумя мировыми войнами. Сб. науч. тр. – СПб., 2004. С. 26–27.

¹¹⁹ Отечественная история. 1993. № 4. С. 194; *Цветнов Н.Н.* Русская эмиграция в Норвегии (1920–1940-е гг.) // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940. Кн. 1. – М., 1994. С. 162. Симпсон приводит данные о 8 тыс. человек. См.: *Simpson J.H.* The Refugee Problem – Report of a Survey. London – New York – Toronto, 1939.

¹²⁰ *Simpson J.H.* The Refugee Problem – Report of a Survey. London – New York – Toronto, 1939. P. 374.

¹²¹ Рувль. 1922. 31 августа.

¹²² Бюллетень № 57–58 РЗГК. 15 марта 1930. С. 11–12.

¹²³ У Н.И. Нехорошева и Б.Н. Гревеница значится: Государственное центральное управление помощи беженцам. См.: *Нехорошев Н.И.* Положение русских беженцев в Финляндии // Вестник РНК. 1924. № 10. С. 125; Б.Н. Гревениц – В.А. Маклакову. Ответы на вопросы о юридическом положении русских беженцев в Финляндии // Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов (1934–1940). Сб. документов. Кн. 2. – М., 1998. С. 14.

¹²⁴ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 13. Л. 25; *Нехорошев Н.И.* Указ. соч. С. 124.

¹²⁵ Симонова Т.М. Российская диаспора в Польше в 1920–1924 гг. // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. Сб. ст. – М., 2001. С. 170.

¹²⁶ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 34. Л. 37.

¹²⁷ Там же. Ф. 6006. Оп. 1. Д. 8. Л. 8–9.

¹²⁸ Руть. 1922. 4, 10 октября.

¹²⁹ АВПРФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 216. Д. 52653. Л. 3–6; Д. 52655. Л. 1, 5, 24, 26–27, 35, 37, 38, 42–48.

¹³⁰ Подробнее см.: Алексеева Е.В. Российская эмиграция в Греции (1920-е – середина 1930-х гг.) // Новый исторический вестник. 2005. № 2 (13).

¹³¹ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 179. Письмо М.Н. Гирса К.Н. Гулькичу от 24 сентября 1923 г.

¹³² Там же. Л. 180–183. Письмо В.С. Демидовой Б.Е. Иваницкому от 8 сентября 1923 г.

¹³³ Там же. Д. 42. Л. 99.

¹³⁴ Руть. 1923. 5 апреля.

¹³⁵ Русская эмиграция в Югославии. – М., 1996. С. 7, 46.

¹³⁶ Йованович М. Адаптация русских беженцев в Болгарии (1920–1940) // Бялята эмиграция в България. С. 87; *Daskalov D.* Sofia: die russischen Flüchtlinge in Bulgarien // *Der grosse Exodus.* S. 67, 76.

¹³⁷ В связи с увеличением численности беженцев в КСХС возрос спрос на деньги, выделяемые правительством для льготного размена. В марте 1920 г. их объем был ограничен 1 тыс. руб. на одного человека в месяц и производился из расчета 600 динаров за 1 тыс. руб. С июля 1920 г. правительство ввело новые правила оказания денежной помощи. В соответствии с ними льготному размену был придан характер безвозмездных субсидий или ссуд, выдаваемых ежемесячно: одиноким – 400 динаров, семьям из 2 лиц – 700, из трех – 850, четырех – 1 тыс.

¹³⁸ В очерке «Политика КСХС в связи с отношением к русским беженцам» (15 апреля 1922 г.) речь шла о 50 тыс. русских, вкрапленных среди 13-миллионного населения страны // АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 56. Л. 45.

¹³⁹ Бюллетень № 3–4 РЗГК. 15 мая 1921 г. С. 50.

¹⁴⁰ Державную комиссию эмигранты называли учреждением бесполезным, антиобщественным. Ее огромный штат платных служащих (не менее 300 членов), занимавший отдельное обширное помещение (трехэтажное здание на Ниушевой улице в Белграде, не менее 15 комнат), а также в каждом большом городе статистический отдел и помещения Бюро труда – податать целому министерству – были поглощены распределением сумм, выделявшихся КСХС на содержание русских беженцев. Причем четверть этих сумм Комиссия использовала на собственные нужды. Содержание каждого чиновника обходилось, как заявлялось в одном из протестов, в 1 тыс. динаров ежемесячно. Державная комиссия была уничтожена 22 мая 1941 г. немецкими властями. Тогда был назначен начальник Бюро для защиты интересов русской эмиграции в Сербии. От

немецких властей Державная комиссия, затем Бюро в апреле–мае не получили от правительства ассигнований, в июне Бюро было выделено значительно меньше средств, чем получала Державная комиссия // АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 56. Л. 79 об; Д. 29. Л. 43.

¹⁴¹ Русская эмиграция в Югославии. – М., 1996. С. 111.

¹⁴² Там же. С. 18.

¹⁴³ ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 16. Л. 54–54 об.

¹⁴⁴ *Алексеева Е.В.* Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов, словенцев. 1920–1941 годы // Отечественная история. 2000. № 1. С. 35.

¹⁴⁵ Накануне. Берлин. 1923. 2 июня.

¹⁴⁶ Бюллетень № 59–60 РЗГК 15 мая 1930 г. С. 18, 20.

¹⁴⁷ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 82. Л. 68–69.

¹⁴⁸ Там же. Д. 95. Л. 11–22. Список колоний русских беженцев в КСХС.

¹⁴⁹ *Сысоев Г.* «Лучшее, что имела Россия». О судьбе нашей первой эмиграции в Югославии // Новое время. 1992. № 4. С. 35.

¹⁵⁰ Руль. 1922. 25 июля. Ссылка дается на немецкий военный журнал «*Militärisches Wochenblatt*».

¹⁵¹ *Пархоменко Т.А.* Русская акция в Болгарии. С. 204. В литературе называют также цифры 9–10 тыс.

¹⁵² *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. С. 189. М. Йованович приводит цифру – 21500 чел. // Бялата эмиграция в България. С. 87.

¹⁵³ Последние новости. 1922. 8 марта.

¹⁵⁴ Подробнее см.: *Кьосева Ц.* Руската эмиграция в България. България и руската эмиграция 20-те – 50-те години на ХХ в. – София, 2005.

¹⁵⁵ См.: *Кьосева Ц.* Руската эмиграция и българската държава (20-те – 50-те години на ХХ в.) // Бялата эмиграция в България. С. 52.

¹⁵⁶ По подсчетам М. Йовановича, уровень образования лиц, обратившихся в Бюро труда Земского союза в поисках работы был следующий: с высшим образованием – 6,6%, со средним – 65%, с низшим и домашним – 26,7%, без образования – 1,7%. Учитывая, что беженцы с высшим образованием не торопились обращаться в Бюро, предположительно в Болгарии их было 13–15% // *Йованович М.* Адаптация русских беженцев в Болгарии (1920–1940) // Бялата эмиграция в България. С. 89, 90, 95, 96.

¹⁵⁷ *Volkman H.-E.* Die russische Emigration in Deutschland. 1919–1929. – Würzburg, 1966. S. 5.

¹⁵⁸ См.: Последние новости. 1924. 14 сентября; БСЭ. 1-е изд. Т. 64. – М., 1933. Ст. 164. Русские во Франции. Справочник // ред. В.Ф. Зеелер. – Париж, 1937. С. 3; Советская историческая энциклопедия. Т. 16. – М., 1976. Ст. 496; *Мухачев Ю.В.* Указ. соч. С. 41. П.Е. Ковалевский писал, что до 1914 г., по данным префектуры, только в Париже проживало 35 тыс. россиян (*Ковалевский П.Е.* Русский Париж полвека тому назад // Возрождение. 1970. № 220. С. 119). «Руль» 10 октября 1922 г. называл численность старой русской, преимущественно еврейской, колонии во Франции – около 30 тыс.

¹⁵⁹ ГА РФ. Ф. 6006. Оп. 1. Д. 37. Л. 15.

¹⁶⁰ Русские во Франции. С. 56. В БСЭ названа цифра – 4 тыс., 1-е изд. Т. 64. – М., 1933. Ст. 163.

¹⁶¹ ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 56. Л. 198.

¹⁶² Воля России. – Прага, 1922. № 7. С. 82.

¹⁶³ *Борисенок Е.Ю.* Русское земледельческое движение в Чехословакии. 1920-е годы // Славяноведение. 1992. № 4. С. 45; *Сератионова Е.П.* приводит цифры от 10 до 40 тыс., см.: *Сератионова Е.П.* Указ. соч. С. 21.

¹⁶⁴ Подробнее о трудоустройстве эмигрантов см.: *Сератионова Е.П.* Указ. соч. С. 31–39.

¹⁶⁵ *Сератионова Е.П.* Указ. соч. С. 32.

¹⁶⁶ *Красноусов Е.М.* Шанхайский русский полк. 1927–1945. – Сан-Франциско, 1984. С. 17; *Филимонов Б.Б.* Конец Белого Приморья. – Сан-Франциско, 1971. С. 340.

¹⁶⁷ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 16.

¹⁶⁸ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 167.

¹⁶⁹ *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае. 1917–1924. – М., 1997. С. 113.

¹⁷⁰ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 168; Д. 43. Л. 94.

¹⁷¹ Там же. Д. 42. Л. 166, 167. Доклад председателя Особого совещания РОКК на Дальнем Востоке (Харбин) С.А. Аксакова Главному управлению РОКК от 25 ноября 1922 г.

¹⁷² Там же. Д. 43. Л. 146.

¹⁷³ *Стефан Дж.* Русские фашисты: трагедия и фарс в эмиграции 1925–1945. – М., 1992. С. 19; *Балакишин П.* Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Т. 1. – Сан-Франциско – Париж – Нью-Йорк, 1958. С. 9, 235.

¹⁷⁴ *Курата Юка.* Русские эмигранты в Японии (20–30-е годы XX века). Автореф. дисс. на соис. учен. степ. канд. ист. наук. – М., 1996. С. 12.

¹⁷⁵ По данным Лиги Наций в 1928 г. в Японии проживали 2 356 русских. См.: *Сератионова Е.П.* Указ. соч. С. 18.

¹⁷⁶ См.: *Курата Юка.* Русские эмигранты в Японии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1996. С. 8–23.

¹⁷⁷ *Рудницкий А.Ю.* Другая жизнь и берег дальний... Русские в австралийской истории. – М., 1991. С. 137.

¹⁷⁸ Материалы по эмиграции и трудоустройству земледельческих колоний в окрестностях Константинополя. Вып. II. – Константинополь, 1921. С. 45.

¹⁷⁹ Подробнее см.: *Мосейкина М.Н.* «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. – М., 2011; *Нечаев С.* Русские в Латинской Америке. – М., 2010; *Сизоненко А.И.* Русские в Латинской Америке. – М., 2005 и др.

¹⁸⁰ *Путятова Э.Г.* Славяне в Южной Америке (по страницам журнала «Славяне») // Зарубежная Россия. 1917–1939. – СПб., 2003. С. 105.

¹⁸¹ АВПрФ. Ф. 04. Оп. 50. П. 314. Д. 54725. Л. 19. Записка А.М. Макара, полпреда СССР в Норвегии Г.В. Чичерину от 31 мая 1926 г; Последние новости. 1924. 16 сент.

¹⁸² Б.К. Шуберт, капитан I ранга, в частном письме М.Н. Гирсу от 24 марта 1925 г. из Буэнос-Айреса писал: «Сам Чайльдз, присланный сюда Лигой Наций, по-видимому, человек безвольный и покладистый, и как мне сообщили, хотел бы собрать комиссию из давно проживающих здесь русских, дабы не то иметь при себе совещательный орган, не то «в ограждении себя» в будущем. Во всяком случае, те земли, которые ему сейчас предлагаются, ...абсолютно никуда не годны, и владельцы, на землях этих прогоревшие, стремятся сплавить их Лиге Наций, и путем обработки их «белыми рабами» поправить свои обстоятельства» // АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 97. Л. 7.

¹⁸³ *Мосейкина М.Н.* Из истории адаптации русской эмиграции в Аргентине в 1920–1930-е гг. // Россия и мировая цивилизация. Материалы международной научно-теоретической конференции. – М., 1996. С. 43.

¹⁸⁴ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 73. Письмо М.Н. Гирса К.Н. Гульткевичу от 21 ноября 1925 г.

¹⁸⁵ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 97. Л. 2. Письмо А.П. Пилкина В.Н. Штрандтману от 8 ноября 1924 г. А.П. Пилкин просил разрешения у В.Н. Штрандтмана вести прием посетителей 3 раза в неделю в помещении Правительственного уполномоченного С.Н. Палеолога.

¹⁸⁶ *Мосейкина М.Н.* Правовое положение русской эмиграции в странах Латинской Америки (1920–30-е годы) // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. – СПб., 2006. С. 219.

¹⁸⁷ Устав Товарищества и технический план организации колонии (в Бразилии) хранится в: ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 108. Л. 7–14.

¹⁸⁸ Там же. Л. 4–5.

¹⁸⁹ Последние новости. 1924. 16 сент.

¹⁹⁰ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 21.

¹⁹¹ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 113. Л. 29. Письмо Б.Е. Иваницкого С.А. Угету от 14 января 1926 г.

¹⁹² Дни. 1925. 14 февраля.

¹⁹³ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 16–18. Письмо С.Д. Боткина М.Н. Гирсу от 11–14 февраля 1925 г.

¹⁹⁴ Там же. Л. 23–25.

¹⁹⁵ Там же. Д. 108. Л. 22об., 27.

¹⁹⁶ Там же. Д. 45. Л. Л. 25.

¹⁹⁷ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 34. Письмо М.Н. Гирса К.Н. Гульткевичу от 26 августа 1925 г.

¹⁹⁸ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 97. Л. 4. Опасения эмиграции были вполне обоснованными. Помимо дороговизны переезда (108 долларов на каждого для проезда в Перу, 20 ф. ст. – в Аргентину, Бразилию), россияне беззастенчиво обирали спекулянты и пр. // Там же. Л. 7, 9, 21об.; ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 108. Л. 2.

¹⁹⁹ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 46. Письмо М.Н. Гирса К.Н. Гульткевичу от 25 сентября 1925 г.

²⁰⁰ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 97. Л. 4 об. Письмо М.Н. Гирса А.Ф. Шенину от 17 декабря 1925 г.

²⁰¹ Русское зарубежье в Латинской Америке. – М., 1993. С. 4.

²⁰² Русские беженцы. С. 219–220; ГА РФ. Ф. 5908. Оп. 1. Д. 1. Л. 71; РГВА. Ф. 720к. Оп. 1. Д. 103. Л. 143–143об.

²⁰³ ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 46. Л. 225. Представление канадского правительства о правилах иммиграции от 9, 12 мая 1922 г. на англ. яз. см. Л. 226–226об.; АВП РИ. Ф. 317. Оп. 820/3. Д. 56. Л. 33, 34–34об.

²⁰⁴ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 113. Л. 9. Ответ К.Н. Гулькевича С.А. Угету карандашом на письме адресата.

²⁰⁵ 5 мая 1925 г. М.Н. Гирс писал К.Н. Гулькевичу: «...Хотя всецело отдаю себе отчет в малом вероятии успеха нашего ходатайства перед Лигой Наций о финансировании ею переселения беженцев из Манджурии в Канаду, я тем не менее был бы Вам весьма признателен за выяснение означенного вопроса и за Ваш отзыв» // ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 14.

²⁰⁶ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 113. Л. 9–11.

²⁰⁷ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 113. Л. 20. Письмо О.Д. Дурново С.А. Угету от 21 декабря 1925 г.

²⁰⁸ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 113. Л. 18.

²⁰⁹ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 7. Л. 34.

²¹⁰ *Нитобург Э.Л.* Русские в США: История и судьбы, 1870–1970: Этно-исторический очерк. – М., 2005. С. 118.

²¹¹ Закон и суд. Рига, 1938. № 8–10. Ст. 4107.

²¹² *Лебедев Вл.* Жгучий вопрос эмиграции // Воля России. – Прага, 1926. Кн. V. С. 124.

²¹³ Русская эмиграция за два десятилетия // Руль. 1922. 25 июня. В 1899 г. в США прибыли 1774 русских эмигранта, до 1905 – их число не превысило 2–3 тыс., затем удваивалось и даже утраивалось, в 1913 г. въехали 51472 русских эмигранта, не считая других выходцев из России, в 1921–6553, в то время как выехали 15960 чел. Данные приводятся из отчета генерального комиссара иммиграции США.

²¹⁴ ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 56. Л. 207.

²¹⁵ Руль. 1925. 19 февраля; ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 19. Л. 567.

²¹⁶ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 7. Л. 9. См. также: Ф. 5853. Оп. 1. Д. 19. Л. 567; Руль. 1925. 19 февраля.

²¹⁷ *Гиттиус З.Н.* Наше прямое дело. – Париж, 1930. С. 12.

²¹⁸ ГА РФ. Ф. 7506. Оп. 1. Д. 71. Л. 457.

²¹⁹ ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 16. Л. 54 об. – 55.

²²⁰ Струве П.Б. Дух и Слово. Сб. статей. – Париж, 1981. С. 306.

²²¹ *Рапопорт Ю.* Конец Зарубежья // Современные записки. – Париж, 1939. № 69. С. 374.

²²² ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 1126. Л. 192.

²²³ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 60. Л. 2 об.

²²⁴ *Гуль Р.* Я унес Россию. Т. 1. Россия в Германии. – М., 2001. С. 157.

²²⁵ *Гессен И.В.* Годы изгнания. – Париж, 1979. С. 166.

²²⁶ Подробнее см.: *Стародубцев Г.С.* Международно-правовая наука российской эмиграции. (1918–1939). – М., 2000. С. 57–64; *Чирова О.А.*

Роль Съезда русских юристов и его Комитета в правовом регулировании статуса эмигрантов из России (середина 20-х гг.) // Новый исторический вестник. – М., 2002. № 2. С. 86–96; Бочарова З.С. Роль Съезда русских юристов за границей в правовом урегулировании положения русской эмиграции // Интеллигенция России и Запада в XX–XXI вв.: поиск, выбор и реализация путей общественного развития. Материалы научной конференции, 28–29 мая 2004 года. – Екатеринбург, 2004. С. 163–165 и др.

²²⁷ Еще 10.11.1920 В.И. Лениным было подписано постановление СНК «О конфискации всего движимого имущества граждан, бежавших за пределы РСФСР», объявлявшее собственностью государства все движимое имущество бежавших за пределы Республики или скрывающихся граждан. Предметы искусства и старины, имеющие художественную и историческую ценность, передавались в просветительные учреждения, остальное имущество обращалось в товарный фонд // Декреты Советской власти. Т. 11. – М., 1977. С. 245–246.

²²⁸ Руль. 1922. 13 октября.

²²⁹ В памятной записке о договорных условиях, заключенных между Ф. Нансеном и Г.В. Чичериным по вопросу о репатриации говорилось, что Ф. Нансен принял на себя организацию репатриации и связанные с ней расходы; что подлежали репатриации только уроженцы Дона, Кубани и Терека, т. к. лишь в этих областях экономическое и социальное положение является благополучным. Советское правительство подтверждало полную амнистию уроженцам этих областей, рядовым участникам гражданской войны; служившие же на ответственных должностях должны были исходатайствовать себе личную амнистию; в Новороссийске репатрианты принимались представителем НКВД и уполномоченным Ф. Нансена Д. Горвином. Ф. Нансен считал необходимым принятие мер к недопущению агентов провокаторов, подосланных Врангелем, в состав репатриантов. Поэтому допускались к посадке и высадке только лица, получившие от компетентного советского представительства визу на въезд; виза выдавалась представителем РОКК, который составлял регистрационные ведомости, всех лиц, не значащихся в списках, возвращали обратно. Репатриант давал Ф. Нансену подписку о непринудительном выезде // ГА РФ. Ф. 6791. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

²³⁰ АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/3. Д. 56. Л. 43.

²³¹ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 79. Л. 39. Копия письма К.Н. Гулькивича М.Н. Гирсу от 8 сентября 1922 г.

²³² Там же. Д. 221. Л. 15.

²³³ Там же. Л. 18–19; Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 3. Док. № 136, 140, 149, 151, 161 и др.

²³⁴ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 76.

²³⁵ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 76 об.

²³⁶ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 7. Л. 59; Ф. 5908. Оп. 1. Д. 7. Л. 63.

²³⁷ Русский комитет в Турции. Материалы по вопросу об эвакуации русских беженцев из Константинополя.– Константинополь, 1922. С. 16.

²³⁸ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 72. Письмо М.Н. Гирса К.Н. Гулькивичу от 5 сентября 1922 г.

²³⁹ См.: Руль. 1922. 30 сентября; Русские беженцы. С. 190–191; Речь доктора Ф. Нансена на третьей Ассамблее Лиги Наций 28 сентября 1922 г. // Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Т. 3. С. 202–205.

²⁴⁰ Там же. Д. 7. Л. 13 об. Письмо Н.И. Астрова К.Н. Гулькевичу от 5 января 1923 г.

²⁴¹ Русские беженцы. С. 179–202.

²⁴² ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 1131. Л. 1.

²⁴³ ГА РФ. Ф. 5908. Оп. 1. Д. 7. Л. 44; Русские беженцы. С. 183–184.

²⁴⁴ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 153. Письмо М.Н. Гирса К.Н. Гулькевичу от 25 июля 1923 г.

²⁴⁵ Там же. См. также: Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. Т. 6. Кн. 2. С. 318.

²⁴⁶ Русские беженцы. С. 200.

²⁴⁷ Там же. С. 191.

²⁴⁸ *Аргунов А.А.* Эмиграция и Россия // Свободная Россия. – Париж, 1924. № 1. С. 32.

²⁴⁹ Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. Т. 6. Кн. 2. С. 203.

²⁵⁰ Последние новости. 1925. 25 октября.

²⁵¹ Там же.

²⁵² *Кускова Ек.* Оттуда // Последние новости. 1925. 1 сентября.

²⁵³ Последние новости. 1925. 30 октября.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ Там же. 1925. 5 ноября.

²⁵⁷ ОР РГБ. Ф. 358. *Кускова Е.Д.* Карт. 246. Д. 1.

²⁵⁸ См.: Последние новости. 1926. 18 марта; *Милуков П.Н.* Эмиграция на перепутье. С. 102–103.

²⁵⁹ «Идти в Каноссу» в переносном смысле значит согласиться на унижительную капитуляцию.

²⁶⁰ «Возрождение» создавалась на средства А.О. Гукасова. Редактором был приглашен П.Б. Струве, который для этой цели весной 1925 г. переехал в Париж из Праги, где занимался научно-преподавательской деятельностью. Для того чтобы принять предложение А.О. Гукасова, П.Б. Струве отказался от одновременно полученного им предложения профессуры в Софийском университете. Редактирование им «Возрождения» продолжалось, однако, всего немногим более двух лет. В конце лета 1927 г. П.Б. Струве был «уволен» А.О. Гукасовым и заменен Ю.Ф. Семеновым (бывшим генеральным секретарем РНК). Под его редакцией «Возрождение» просуществовало как ежедневная газета до 1939 г., после чего превратилась в газету еженедельную, и прекратила свое существование с момента вторжения немцев во Францию. «Возрождение» мыслилось как беспартийный, независимый, «либерально-консервативный» орган (*Струве Г.П.* Страницы из истории зарубежной печати. Начало газеты «Возрождение» // Мосты. 1959. № 3. С. 374). «Последние новости» недоумевали по этому поводу: «...как г. Струве выполняет этот фокус,

никогда никому до него не удававшийся?». Ведь либерализм «означает вечную правду человеческой свободы», а консерватизм – «великую жизненную правду охранительных государственных начал». Выступая против сочетания этих терминов, милоковская газета «Последние новости» отмечала, что схема, начертанная П.Б. Струве, «идеологически поверхностна и фактически неверна», а употреблять их вместе – значит не объяснять политическую программу, а запутать дело (Последние новости. 4 июня 1925). По мнению П.Б. Струве, политическое направление «Последних новостей» далеко не отвечало взглядам и настроениям рядовой русской эмиграции, особенно военной. Поэтому вновь созданная газета «Возрождение» выкинула «знамя вождя» и попыталась объединить возможно более широкие круги эмиграции под водительством великого князя Николая Николаевича (Из письма М.П. Арцыбашева А.В. Амфитеatroву от 3 июля 1925 г. // Мосты. 1959. № 3. С. 388).

²⁶¹ Журнал «Современные записки» (1920–1940 гг.) был создан в Париже (в 1922–1923 гг. издавался в Берлине) группой единомышленников, по преимуществу эсеровской ориентации. Ядро его составили В.В. Фондаминский-Бунаков, А.И. Гуковский, Н.Д. Авксентьев и М.В. Вишняк. Журнал должен был сыграть роль культурного центра, объединяющего вокруг себя видных представителей русской интеллигенции в изгнании. Сотрудники журнала видели «Современные записки» непартийным органом и намерены были проводить ту демократическую программу, которая провозглашалась в мартовские дни 1917 г. Демократическое обновление России, считали они, несовместимо с существованием советской власти // *Вишняк М.В.* «Современные записки». Воспоминания редактора. – Блумингтон, 1957.

²⁶² *Алданов М.А.* «Об итогах» и о «пораженчестве» // Дни. 1926. 27 марта.

²⁶³ См.: *Милоков П.Н.* Эмиграция на перепутье. С. 80; Последние новости. 1926. 15 февраля; Дни. 1926. 13 февраля.

²⁶⁴ Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. Т. 6. Кн. 2. С. 419.

²⁶⁵ Там же. С. 190.

²⁶⁶ Там же.

²⁶⁷ Там же. С. 199.

²⁶⁸ Там же. С. 201–202.

²⁶⁹ *Милоков П.Н.* Эмиграция на перепутье. С. 76.

²⁷⁰ Там же.

²⁷¹ «Мирное» возвращение на родину // Последние новости. 1925. 25 октября.

²⁷² *Мейснер Д.* Возвращенство (Письмо из Праги) // Там же. 1925. 4 декабря.

²⁷³ *Милоков П.Н.* Эмиграция на перепутье. С. 88; См. также: Невозвращенец. Документы с рю де Гренель // Дни. 1926. 13 февраля.

²⁷⁴ «Мирное» возвращение на родину // Последние новости. 1925. 25 октября.

²⁷⁵ Струве П.Б. Дневник политика // Возрождение. 1925. 28, 27 ноября.

²⁷⁶ Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. Т. 6. Кн. 2. С. 407.

²⁷⁷ Письма В.Ф. Ходасевича к М.М. Карповичу // Oxford Slavonic papers. New series. Vol. XIX. 1986. P. 146–147.

²⁷⁸ В.Ф. Ходасевич имел в виду разоблачение В.Л. Бурцевым провокатора Е.Ф. Азефа, бывшего одновременно агентом царской полиции и руководителем террористической организации (Боевой организации эсеров).

²⁷⁹ Ф. Нансен отмечал, что «в Версале даже забыли или сделали вид, что забыли, позаботиться о судьбе 200–300 тыс. русских военнопленных, оставшихся в Европе» // Нансен Ф. Россия и мир. – М.–Пг., 1923. С. 21.

²⁸⁰ 1 апреля 1918 г. ЦИК принял декрет «О приобретении прав Российского гражданства» // Декреты Советской власти. Т. 2. 17 марта – 18 июля 1918 г. – М., 1959. С. 40. В исключительных случаях иностранец, живущий за пределами Советской республики мог стать гражданином РСФСР, подав лично или через ближайшего дипломатического представителя РСФСР за границей заявление на имя Председателя ЦИК, которое рассматривалось ЦИК РСФСР. После образования СССР 29 октября 1924 г. 2-й сессией 2 созыва ЦИК было утверждено «Положение о союзном гражданстве», установившее единое союзное гражданство в соответствии со ст. 7 Конституции СССР. 13 июня 1930 г. было утверждено «Положение о гражданстве Союза ССР», его сменило Положение от 22 апреля 1931 г.

²⁸¹ См.: Документы внешней политики СССР (ДВП). – М., 1959. Т. 3. Док. № 96; Т. 4. Док. № 21, 38; Т. 6. Док. № 174, 191, 217, 276 и др.

²⁸² АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 38. Л. 81.

²⁸³ Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 3. Возвращение... 1921–1924 гг. – М., 2002. С. 258–453; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. – М., 1987. С. 74–79; Даскалов Д., Чернявский Г.И. Судьбы русской белоэмиграции в Болгарии // История СССР. 1961. № 1. С. 109–117 и др.

²⁸⁴ ГА РФ. Ф. 6064. Оп. 1. Д. 1. Списки членов Союза возвращения на родину.

²⁸⁵ Подробнее о возвращении солдат РЭК из Алжира см.: Летнев А. Указ. соч. С. 134–135.

²⁸⁶ ДВП СССР. Т. 2. – М., 1959. Док. № 311.

²⁸⁷ Летнев А. Указ. соч. С. 134.

²⁸⁸ ДВП. Т. 3. Док. № 96.

²⁸⁹ Там же. Т. 4. Док. № 38.

²⁹⁰ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 240. Перехваченное письмо на фр. яз. Сабанеева С.И. Бродовскому см.: там же. Л. 241–243.

²⁹¹ АВПРФ. Ф. 04. Оп. 39. П. 2110. Д. 53226. Л. 10.

²⁹² АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 8. П. 139. Д. 581. Л. 41, 52. Копии справки были разосланы советником полпредства во Франции Я.Х. Давтяном Г.В. Чичерину, С.Б. Кагану, М.А. Трилиссеру.

- ²⁹³ АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 8. П. 108. Д. 140. Л. 10, 26.
- ²⁹⁴ АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 8. П. 108. Д. 140. Л. 10.
- ²⁹⁵ АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 11. П. 136. Д. 537. Л. 37.
- ²⁹⁶ Казаки в Чаталдже и на Лемносе в 1920–1921 гг. Белград, 1924. С. 79, 160. Подробнее см.: Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Т. 3. Глава 1. Есть и другие данные о численности прибывших – 3700 // АВПРФ. Ф. 0132. Оп. 4. П. 6. Д. 18. Л. 22.
- ²⁹⁷ *Серебровский А.* Руководство В.И. Ленина восстановлением нефтяной промышленности // Воспоминания о В.И. Ленине. – М., 1979. Т. 4. С. 323.
- ²⁹⁸ АВПРФ. Ф. 04. Оп. 39. П. 2110. Д. 53226. Л. 8.
- ²⁹⁹ АВПРФ. Ф. 04. Оп. 39. П. 2110. Д. 53226. Л. 54. Письмо Г.В. Чичерина В.П. Потемкину, председателю Репатриационной комиссии в Константинополе от 6 сентября 1923 г.
- ³⁰⁰ АВПРФ. Ф. 04. Оп. 39. П. 2110. Д. 53226. Л. 22.
- ³⁰¹ АВПРФ. Ф. 04. Оп. 39. П. 2110. Д. 53226. Л. 27.
- ³⁰² АВПРФ. Ф. 0132. Оп. 4. П. 6. Д. 18. Л. 46; Ф. 04. Оп. 39. П. 2110. Д. 53226. Л. 46.
- ³⁰³ Руль. 30 мая 1922.
- ³⁰⁴ АВПРФ. Ф. 082. Оп. 5. П. 11. Д. 78. Л. 5.
- ³⁰⁵ АВПРФ. Ф. 082. Оп. 7. П. 17. Д. 26. Л. 5.
- ³⁰⁶ Там же. Л. 3. Записка Иностранного отдела ОГПУ за подписью зампреда ОГПУ Г.Г. Ягоды и начальника иностранного отдела ОГПУ М.А. Трилиссера Г.В. Чичерину от 20 июня 1924 г. с грифом «совершенно секретно».
- ³⁰⁷ Там же. Л. 4, 8. Выписка из протокола заседания Комиссии СТО по иммиграции от 14 июля 1924 г.
- ³⁰⁸ АВПРФ. Ф. 082. Оп. 7. П. 17. Д. 26. Л. 1–1 об.
- ³⁰⁹ РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 646. Л. 3.
- ³¹⁰ Большая Советская Энциклопедия. Изд. 1-е. Т. 64. – М., 1934. Ст. 162.
- ³¹¹ АВПРФ. Ф. 0132. Оп. 6. П. 129. Д. 260. Л. 69.

2

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ «РУССКИХ, НЕ ПРИНЯВШИХ ИНОГО ПОДДАНСТВА»

Лига Наций и «русский вопрос»

Разнообразие путей, которыми россияне выбирались из страны, объята Гражданской войной, голодом, разрухой, предопределило и тот огромный спектр документов, позволявших им пересечь границу, устроиться на новом месте жительства. Это были заграничные паспорта, выданные губернским начальством Российской империи, Временным или белыми правительствами, продолжавшими действовать российскими миссиями за рубежом, голландскими, испанскими¹, латвийскими (или иных государств-лимитрофов) консульствами, а также советские документы.

Обычная практика защиты интересов лиц, оказавшихся за пределами своего родного государства стала невозможной.

Еще в 1920 г. юрист А.С. Яценко в статье «Юридическое положение русских за границей», опубликованной в № 1 журнала «Русский эмигрант», писал о полном бесправии сотен тысяч людей, странность и неестественность положения которых заключались в том, что их интересы никаким учреждением не были представлены и ничьей защиты они не имели. С одной стороны, – фактическое наличие правительства в Москве, однако никем за границей не представленного, с другой – присутствие русских дипломатических агентов за границей² никакого государства не представляющих. Россия как «государство, участвующее в общей международно-правовой жизни, исчезло, и с этим исчезновением все русские люди... превра-

тились в людей без государства, без подданства»³. Новое качество статуса тысяч бывших граждан Российской империи изменило задачи дипломатических ведомств, скреплявших многогосударственное пространство Зарубежной России в единое целое, переориентировав их на обеспечение юридических прав соотечественников, нашедших приют в разных странах мира.

Представители русского мира за рубежом осознавали перспективу вхождения большевистского государства в международное сообщество. Еще в ходе Гражданской войны российские дипломатические круги волновал вопрос, «как оградить политическую и гражданскую независимость не приемлющих «большевизма», – на случай официального признания большевиков олицетворением России». К.Н. Гулькевич, тогда еще бывший посланником России в Швеции, 22 марта 1920 г. писал: «Многим кажется прямо не по силам ходить в будущее российское консульство, получать там удостоверение о личности, помощь и защиту, необходимые в известных случаях. В прежнее время положение эмигрантов было легче, в Западной Европе не требовали паспортов. При условии добропорядочного поведения беспрепятственно разрешали проживать в любой стране. Что делать ныне, когда виды (на жительство. – З.Б.), опросные листы и т. п. ежеминутно требуют «оправдательных» документов. Возможностей, как полагаю много, но ни одно не удовлетворяет». Эмигранты могли бы, как считал К.Н. Гулькевич, перейти в иностранное подданство («но многим это было бы непреодолимо тяжело»), принять покровительство какого-либо государства, благожелательно к ним относящегося, «организовать в Министерствах внутренних дел отдельные государственные «столы» по паспортным делам белых русских, либо, наконец, создать представительный центр «безземельной бывшей России», который оказывал бы им помощь, ведал их делами»⁴. Наилучший выход виделся в сохранении в странах расселения беженцев прежних российских представительств и после признания большевиков. Но были опасения, что «ни одна канцелярия в мире не будет признавать вне официального представительства русских».

В российские посольства, продолжавшие свою работу, была разослана доверительная записка от 10 января 1921 г., составленная А.Н. Мандельштамом. В ней шла речь о возможных

изменениях в правовом положении русских эмигрантов в иностранных государствах, которые признали бы Советскую республику. К записке прилагались две справки: а) о юридическом положении лиц, находящихся под иностранным покровительством в Турции и б) о французском законе, разрешающем иностранцу поселиться на местожительство во Франции. Автор записки прогнозировал затруднения в области личных, семейных и наследственных прав русских эмигрантов, особенно в странах, где права иностранцев определялись по их национальному закону (Франция, Италия, Бельгия, Испания, Голландия, Португалия, Румыния). Англо-американские державы права иностранцев, в том числе личные и семейные, определяли по закону местожительства или территориальному праву, и признание советского правительства не должно было отразиться на личных правах русских.

В странах первой группы возникал вопрос либо о признании дореволюционного российского права для регулирования личного статуса эмигрантов, либо особого личного статуса на все время большевистского режима. Объем прав, определяемых по национальному законодательству или законам местожительства, менялся бы в зависимости от страны проживания.

Вторым основным юридическим вопросом являлся вопрос об органах, на которых должна была лежать защита прав беженцев. Один из вариантов предусматривал переход к местным административным или судебным властям всех функций бывших российских консульств в отношении русских эмигрантов. При таком решении местные власти предоставляли бы русским как особому разряду иностранцев паспорт, документы и свидетельства, выдававшиеся ранее консульствами.

Согласно другому варианту, мог быть образован за границей Русский национальный комитет, политическому руководству которого подчинились бы все русские эмигранты. Такой Комитет, хотя бы только фактически признанный местными властями, стал бы естественным посредником между ними и русскими, и его органы несли бы консульские функции.

Третий путь – создание в каждой стране русских ассоциаций и комитетов, которые служили бы посредниками и поручителями в сношениях эмигрантов с местной властью. Они были бы уполномочены выдавать русским необходимые свидетельства и удостоверения. Но консульские функции (например,

охрана наследства), а также покровительство русским учреждениям переходило бы к местной власти. Третий путь представлялся А.Н. Мандельштаму наиболее целесообразным⁵.

Наряду с самими россиянами озаботилась поисками механизма решения беженской проблемы (точнее, как тогда говорили, ее «ликвидацией») Лига Наций⁶, прежде всего, Франция и Великобритания, потратившие к августу 1921 г. соответственно 150 млн фр. и 1 млн ф. ст. на поддержку белых армий. Если бы все намеченное ими удалось осуществить, то сегодня мы вряд ли бы говорили о создании Зарубежной России и того своеобразного русского мира, не существовавшего ни до, ни после периода 1920–1930-х гг. Предполагались три основных направления решения «русского вопроса»: репатриация, расселение и трудоустройство. И в дополнение в той или иной мере урегулирование правового положения изгнанников.

Сложность расселения, адаптации русских беженцев состояла в том, что они в странах-реципиентах образовали такую категорию иностранцев, к которым трудно было применить обычно практикующиеся принцип взаимности⁷, либо национальный режим⁸. Многие выходцы из России утратили свое гражданство в силу изменений в личном статусе. Старое русское право после 1917 г. формально перестало быть действующим. Новое государство – РСФСР (СССР) – подавляющая часть эмигрантов не признавала. Потеряв гражданство прежней России, они не стали и гражданами Советской России⁹. За рубежом появился достаточно широкий слой лиц без гражданства¹⁰ российского происхождения, вне правового поля, лишенный возможности обратиться к дипломатической защите, нуждающийся в юридической регламентации жизненного пространства. Гарантом прав и свобод для лиц без гражданства, считавших себя русскими гражданами, но не имевшими за собой страны, обеспечившей бы юридическую защиту могла стать Лига Наций. В рамках этого учреждения стали разрабатываться новые нормы международного права. Русские изгнанники не только положили начало проблеме беженства, но и стояли в основе ее урегулирования, участвуя в подготовке международных документов.

Русский вопрос находился в Пятой комиссии по социальным вопросам, и в Лиге Наций ему придавалось второстепенное значение. Наряду с беженским, в ней решались вопросы

об эсперанто, торговле женщинами и детьми, о продаже опиума, борьбе с порнографией и т. д.¹¹ Поэтому практически целиком все вопросы решались верховным комиссаром по делам русских беженцев. Такую должность сессия Совета Лиги Наций учредила 27 июня 1921 г. 20 августа норвежец Ф. Нансен дал согласие занять этот пост.

Парижская эмигрантская газета «Последние новости» 5 октября 1921 г. сообщали о создании верховного комиссариата по делам русских беженцев и его составе. Отмечалось, что верховный комиссар, Ф. Нансен, жалованья не получал, оплата его помощника Э. Фрика составила 21 тыс. фр. золотом, секретаря – 12 300 фр., стенографистки – 8 400 фр.

Кандидатура Ф. Нансена в качестве верховного комиссара по делам русских беженцев не являлась бесспорной. Совмещение им двух должностей – верховного комиссара по борьбе с голодом в России и верховного комиссара по беженским делам – не устраивало не только российскую эмиграцию, но и европейские страны. Ф. Нансен считался сторонником большевиков и потому неудачной кандидатурой для защиты интересов беженцев. Ему, поддержанному только представителем Англии Р. Сесилем, пришлось предъявить ультиматум: если его действия не будут одобрены, то он откажется от звания верховного комиссара по беженским делам. Не удовлетворял запросам эмиграции и его помощник, представитель МККК, Э. Фрик, который полагал, что Зарубежье не сыграет никакой роли в спасении России и в ее будущей судьбе, и поэтому не может принести пользу беженцам. Российские эмигрантские организации предпочли бы американца полковника Ольдса, возглавлявшего европейский отдел Американского Красного Креста. Однако гражданин США не мог принять назначение Лиги Наций, устав которой его страна не ратифицировала¹².

Уже 22–24 августа 1921 г. в Женеве состоялась конференция уполномоченных заинтересованных правительств¹³, на которой была сделана попытка выработать общую точку зрения на решение беженской проблемы. Выявились две позиции в деле оказания помощи беженцам. Либо участие в расходах *всех* государств цивилизованного мира, либо только *заинтересованных* (по соображениям гуманитарным или по своему географическому положению). Рассматривалась возможность использования фондов, принадлежавших прежним россий-

ским правительствам и находившимся за границей. Некоторые страны в качестве единственного пути ликвидации беженства считали репатриацию и называли ее важнейшей задачей верховного комиссара.

При обсуждении правового вопроса выяснилось, что государства стремятся сохранить свою независимость и избежать переделки своего законодательства под российских беженцев. Было предложено активнее пользоваться старыми русскими миссиями и назначить в каждой стране двух представителей по беженским делам: одного от местного правительства, другого от Ф. Нансена. К маю 1922 г. верховный комиссар имел своих представителей в 14 государствах. Это были Англия, Франция, Польша, Чехословакия, Австрия, Болгария, Турция, Румыния, Эстония, Латвия, Финляндия, Сербия, Венгрия, Германия. 12 государств назначили своих представителей¹⁴. Однако после 1923 г. в связи с сокращением финансирования верховного комиссариата по делам русских беженцев его представительства стали ликвидироваться. Так, в начале 1924 г., когда русская колония в Риме выразила желание получить представителя Лиги Наций, ходатайствующему об этом К.Н. Гулькевичу ответили: нет средств¹⁵. В силу разных причин постепенно прекращали свою деятельность старые российские дипломатические представительства. В январе 1924 г. прекратило существование российское посольство и консульства в Турции. В марте М.Н. Гирс приступил к закрытию представительств в Испании, Бельгии, Нидерландах, Норвегии¹⁶. 2 апреля 1925 г. покинул Швейцарию посланник и полпред Временного правительства И.Н. Ефремов¹⁷.

Августовская женеvская конференция примечательна также тем, что на ней впервые обсуждался вопрос о предоставлении паспортов для россиян-апатридов с тем, чтобы обеспечить им действенную правовую защиту и законное право на передвижение, труд и проживание наравне с подданными государств-реципиентов. В постановлении конференции говорилось, что эти документы должны отвечать требованиям как государств, из которых беженцы уезжают, так и принимающей стороны, а также давать возможность беженцам передвигаться по стране проживания и оставаться действительными в других странах¹⁸.

Представительство российской эмиграции в Лиге Наций стало гарантией участия в решении ее собственной судьбы. В сентябре 1921 г. при верховном комиссаре по делам русских беженцев образовался уже упоминавшийся совещательный комитет¹⁹. В комитет вошли представители международных и российских эмигрантских благотворительных организаций, занимавшихся оказанием помощи беженцам, материально самостоятельных, бюджет которых не зависел от внешних финансовых вливаний. Причем, только вмешательство некоторых членов конференции 16–19 сентября 1921 г. способствовало участию представителей эмиграции на равных правах с другими. Сначала совещательным комитетом российские эмигрантские организации интересовались мало, и в его состав вошли лишь те, кто имел своих представителей в Женеве: Совещание послов, Земгор и РОКК. С течением времени отношение к этому органу изменилось, и его состав расширился.

Заседания совещательного комитета созывались один раз в три месяца²⁰. Три его представителя входили в Административный совет – один из центральных органов Лиги Наций. В результате, как отмечал А.В. Маклаков, «во имя справедливости... выбирали одного русского Гулькевича с его заместителем Рубинштейном, одного армянина и одного иностранца»²¹.

Совещательный комитет проделал большую работу по подготовке паспортов (сертификатов) для бесподданных россиян. Уже 4 и 24 ноября 1921 г. на заседаниях комитета было сделано сообщение о паспортах для беженцев²². Российским организациям удалось получить согласие на участие в их разработке юристов-эмигрантов и их встречу с представителями Юридической комиссии Лиги Наций. В связи с этим при совещании послов была создана Центральная юридическая комиссия по изучению положения русских беженцев в Париже из представителей Юридической комиссии Российского Эмигрантского комитета, Бюро Совета съездов русских юристов за границей, Юридической комиссии при совещании послов под председательством Б.Э. Нольде, в составе А.Н. Мандельштама, А.А. Пиленко, П.П. Гронского, Я.Л. Рубинштейна²³.

Совещательный комитет предложил субсидиарный, т. е. факультативный, вспомогательный, дополняющий, характер паспорта, что и было принято Лигой Наций. Это облегчало конкретное решение в каждом отдельном случае, ибо положение

беженцев в разных странах было различным. В результате получение паспортов должно было основываться на добровольном волеизъявлении беженцев, компенсировать отсутствие у них удостоверений личности, облегчить получение виз и трудоустройство. Однако юристы-эмигранты признавали, что эти паспорта «не помешают правительствам, которые пожелали бы стеснить беженцев, сделать это»²⁴.

У сторонников введения нансеновских паспортов были оппоненты. Так, И.Н. Ефремов, глава российской миссии в Берне, возражал против учреждения как поста верховного комиссара по делам русских беженцев, так и сертификатов Лиги Наций. Он опасался, во-первых, умаления значения российских представительств, как осколков оплота государственности, являвшихся в глазах русских за рубежом «остатком пусть даже фикцией, но их поддерживающей, русского государства», и, во-вторых, упразднения русских паспортов (по его словам, «символа русской государственности») и обязательного введения нансеновских²⁵.

В подкомиссии российских юристов также наметилось два течения. Юрисконсульт Финансово-промышленного союза А.А. Пиленко заявлял, что сертификат ухудшит положение представляемых им лиц, членов Союза, а также подорвет престиж российских консульских учреждений. Поскольку, утверждал он, подавляющее большинство русских уже имеет необходимые документы, надо добиться, чтобы «перми сежур», т. е. разрешения на пребывание, были признаваемы, визируемы при переезде из страны в страну. Я.Л. Рубинштейн, П.П. Гронский настаивали на введении международного документа, ссылаясь на его факультативный характер и возможность получения виз в страны, не признававшие для россиян большевистские паспорта (например, Польша, Норвегия). Кроме того, «перми сежур» предполагал наличие паспорта, поэтому этот документ не сможет заменить нансеновский паспорт без изменения всех законов и административных распоряжений, регулировавших его выдачу. Еще один аргумент Я.Л. Рубинштейна – это обеспечение беженцам возможности получать документы, в случае признания большевиков, в большевистских учреждениях. А.А. Пиленко требовал внести пожелание, чтобы в странах, где сохранились российские консулы, сертификаты не выдавались. На что А.Н. Мандельштам парировал: «Предложение не включать в число заключающих соглашение стран те государства, в которых сохранились консульства, вызо-

вет со стороны стран, признавших большевиков, ответ, что и они не нуждаются в сертификатах, ибо у них есть консульское представительство (большевицкое)»²⁶.

Комитет Земгора, узнав о расхождении, принял решение выработать собственную точку зрения с учетом всех мер по обеспечению интересов беженцев. 31 января 1922 г. состоялось заседание Исполнительного комитета Земгора с участием юристов и членов комитета. После одобрения предложения о введении паспортов и их субсидиарном характере Я.Л. Рубинштейн делегировали от Земгора на совещание юристов, которое должно было состояться в российском посольстве в Париже при участии представителей верховного комиссара (Э. Фрика, В. Славика, Ф. Энглеза, А. Макинона). Вечером того же дня это совещание состоялось. А.А. Пиленко предложил заменить введение сертификата заключением соглашения о наложении виз на «перми де сежур». Я.Л. Рубинштейн настаивал заменить название документа, исключив слово «беженский» и оговорив, что национальность лица должна быть отмечена в документе. Было также принято его предложение придать документу значение не только удостоверения личности, но и вписать в него обещание защиты, которую брали бы на себя как правительство, его выдававшее, так и Лига Наций²⁷.

Второе заседание совместного совещания состоялось 2 февраля. На нем обсуждались вопросы о личном статусе изгнанников и положении в капитуляционных странах. Поскольку сертификат ограничивал принцип «персонального верховенства большевистского правительства», следовало установить правило определения прав беженцев по российским законам, бывшим в силе ко дню большевистского переворота, если права иностранца в той или иной стране регулировались по его национальному праву. Применение советских декретов нарушало бы право убежища, часть из них считалась противоречащей общему порядку. При наличии в составе РСФСР множества республик со своим законодательством, в каждом отдельном случае приходилось бы решать, под чьим верховенством состоит данный беженец. Исключалось применение к беженцам и права местонахождения. Это означало бы: 1. отрицание за ними их принадлежности к русскому миру за рубежом; 2. нарушение законов стран, где применялся национальный принцип. В. Славик проинформировал, что вопрос обсуждался в верховном комиссариате. Было решено: страны, большевиков не

признавшие, продолжают применять добольшевистское право; государства, признавшие новую власть, применяют ее декреты. Достигнутые соглашения совещание изложило в особом протоколе и препроводило в Женеву²⁸. Таким образом, был сделан шаг к унификации правового положения русского мира, рассредоточенного по многим странам.

24–25 марта 1922 г. состоялось заседание Совета Лиги Наций, на котором обсуждался доклад Ф. Нансена о паспортах для русских беженцев и получил одобрение проект документа. Учитывая замечания и пожелания российских юристов, верховный комиссар подчеркнул его факультативный характер, т. е. добровольное получение. Визирование вводимых документов предполагало тот же порядок, что и для обычных паспортов, а в самом тексте проекта документа отмечалось, что его предъявителю должны быть оказаны «всякая помощь и покровительство», предоставлена возможность «свободно путешествовать и пребывать в других странах». Совет Лиги Наций постановил обратиться к правительствам с просьбой а) выдавать бесплатно предложенные верховным комиссаром сертификаты; б) разрешить визировать сертификаты, выданные другими государствами; в) визирование проводить бесплатно²⁹. Однако первоначальный проект документа был изменен и, к сожалению, в худшую сторону.

22 апреля 1922 г. М.Н. Гирс циркулярным письмом своим дипломатическим представителям рекомендовал «ввиду несомненной желательности изменения названия новых документов предпринять в пределах», им «доступным, шаги к тому, чтобы государство, при коем» они были «аккредитованы, в своем ответе секретариату Лиги Наций высказалось в пользу изменений в именовании новых документов и рекомендовало термин «Passeport provisoire»» (временный паспорт)³⁰.

29–30 мая 1922 г. совещательный комитет обсудил три вопроса: 1) общий вопрос о правовом положении русских за рубежом, 2) ответы правительств по поводу проектов сертификата, одобренного Советом Лиги Наций 24 марта 1922 г., 3) положение выходцев из России в Константинополе в случае прекращения военной оккупации Турции Англией и Францией. Представители Юридической комиссии Лиги Наций указывали на невозможность разрешения всех правовых вопросов и подчеркивали, что «правовой вопрос русских беженцев не только вопрос юридический, но по преимуществу политический»³¹.

Дело в том, что посредническая функция верховного комиссариата могла быть эффективной лишь в странах со стабильной политической системой. Но в таких, как, например, Китай, где не работали ни правовые нормы, ни законы, а власть правительства распространялась только на Пекин, или Турция, где существовало два правительства (в Константинополе и Анкаре), Лига Наций оказывалась бессильна. Кроме того, российские юристы из Парижа, Лондона, Берлина, Польши по-разному смотрели на проблему правового положения беженцев. Тем не менее, юридической комиссии Лиги Наций при содействии юристов-эмигрантов удалось выработать «своего рода паспортный устав для эмигрантов»³².

Пятая комиссия Лиги Наций не сразу, но согласилась изменить первоначальное наименование «Certificat de réfugié» (удостоверение беженца) на «Certificat d'identité» (удостоверение личности), а вместо «беженец» указать: «русский по происхождению, не приобретший никакой другой национальности»³³.

Совещательный комитет предложил созвать межправительственную конференцию для урегулирования спорных вопросов, обсуждения проекта сертификата.

3–5 июля 1922 г. в Женеве состоялась конференция представителей правительств³⁴, на которой был принят текст сертификата для русских беженцев, получивший позже название «нансеновский паспорт», и правила его выдачи. Если первый вариант исходил из необходимости предоставления русским за рубежом прав, равных с правами других граждан, включая свободу передвижения, трудоустройства, с тем, чтобы они не стали предметом заботы благотворительных организаций, то конференция заняла иную позицию. Хотя и не отрицалось особое юридическое положение русских беженцев и необходимость принятия для них оригинального документа (во избежание «отождествления с подданными РСФСР»!), представители стран заботились в первую очередь о своих собственных интересах. Поэтому из первоначального варианта было исключено все то, что скольконибудь связывало правительства стран, принявших беженцев, и налагало на них обязательства. Принятый вариант не гарантировал беженцам возвращение в страну, его выдавшую, а въезд в другое государство допускался только со специального разрешения, обусловленного разными порядками для каждого из

них. По оценке представителей русских организаций, «юридическое качество выработанного сертификата оказалось много ниже первоначального проекта»³⁵.

Лицо, имевшее паспорт Лиги Наций, относилось к особой категории, и получило следующее определение: «русского происхождения, не приобретшее никакой другой национальности». По словам известного правоведа Б.Э. Нольде, эта формула с юридической точки зрения являлась неграмотной. Однако такого рода паспорт, хотя и не давал особых привилегий, но все же обеспечивал не меньше прав, чем национальный русский паспорт³⁶.

Анкета, разосланная в августе 1922 г. генеральным секретарем Лиги Наций правительствам стран-реципиентов, выявила, что для многих государств присоединение к соглашению означает усложнение уже сформировавшегося режима проживания и передвижения россиян-эмигрантов³⁷. Так, бельгийское правительство в письме от 15 сентября 1922 г. информировало генерального секретаря Лиги Наций, что «русские, проживавшие в Бельгии с ведома властей страны, имеют на руках бельгийские удостоверения личности», т. е. пользуются всеми правами. При выезде из страны тем выходцам из России, у которых не было паспорта, выданного царскими властями или Временным правительством, полагались заграничные паспорта, позволявшие вернуться обратно. Для лиц, окончательно покидавших бельгийскую территорию, выездная виза была упразднена. Для въезда в страну требовалось подать прошение в бельгийское дипломатическое представительство или консульство и получить визу в национальный (кроме советского) паспорт³⁸. Департамент иностранных дел Канады в своем ответе отмечал, что «департамент иммиграции и колонизации не считает нужным поддержать предложенное удостоверение личности», т. к. лицо, въехавшее с таким паспортом, нельзя было бы выслать «в страну постоянного проживания». Кроме того, подчеркивалось, что «канадское правительство не торопится с приемом иммигрантов, каким бы ни был род их занятий и какой бы национальности они ни были, за исключением тех случаев, когда речь заходит о специалистах по сельскому хозяйству»³⁹. Правительство же Румынии готово было принять удостоверения личности Лиги Наций с тем, чтобы беженцы, находившиеся в Румынии, могли «въехать по собственному выбору в ту страну, где они смогли бы обосноваться»⁴⁰.

По межправительственному соглашению 5 июля 1922 г. нансеновские паспорта признавались странами-реципиентами при условии, что беженец выполнял все требования, предъявлявшиеся к постоянным жителям страны, платил за паспорт, его возобновление, имел бумаги, подтверждавшие, что он эмигрант, а также документы, удостоверявшие его личность (паспорт, выданный царским или Временным правительством, либо не возобновленный советский). Нансеновский паспорт, заменявший эмигрантам международные (либо национальные) паспорта, терял силу, если эмигрант отправлялся на территорию Советской России и не мог быть выдан лицам, легально выехавшим из нее. Ежегодно паспорт следовало возобновлять. Выдавался документ, составленный на двух языках (национальном языке страны, выдававшей их, и французском⁴¹), правительствами стран-реципиентов, а не Лигой Наций. Порядок выдачи предусматривался тот же, что и для международных паспортов, в соответствии с решениями Парижской конференции от 21 октября 1920 г., причем, для неимущих – бесплатно.

К ноябрю 1922 г. система удостоверений личности, предложенная Женевской конференцией 5 июля 1922 г., была одобрена 12 европейскими государствами⁴². 10 февраля 1923 г. газета «Руль» писала, что выработанный Лигой Наций сертификат для беженцев принят уже 22 государствами. Если к сентябрю 1923 г. соглашение 5 июля 1922 г. признало 30 государств⁴³, к марту 1924 г. – 34, то к началу 1930-х гг. – 51. Большинство стран приняли соглашение без оговорок⁴⁴, некоторые – только основные принципы⁴⁵. Бельгия, Канада, Эстония (до 1924 г.) не присоединились к нему, т. к. выдавали собственные документы для русских беженцев⁴⁶.

Отчасти правовое поле представителя русского мира стало определять наличие нансеновского паспорта. Но этим не исчерпывалась вся полнота картины. Ибо не было четко определено, на какие категории беженцев сертификаты Лиги Наций распространяются, каков порядок их выдачи и т. п. Так, в Латвии они выдавались сроком на один год и только тем, кто бежал с территории, оставшейся в границах Советской России. Остальные рассматривались как подданные государств-лимитрофов. В Германии, Чехословакии и ряде других стран право получения нансеновского удостоверения предоставлялось только тем беженцам, которые прибыли в страну после фиксированной даты.

5 и 17 февраля 1923 г. М.Н. Гирс разослал в российские дипломатические представительства и миссии циркулярные письма, разъяснявшие порядок выдачи удостоверений личности для беженцев. Он подчеркнул, «что эти паспорта отнюдь не обязательны для соотечественников, что ими не отменяются российские паспорта, выдаваемые нашими учреждениями за границей, и что к документам образца Лиги Наций необходимо прибегать лишь в тех странах или для поездок в те страны, где в силу политических условий местные правительства склонны оспаривать силу документов о личности, выдаваемых нашими учреждениями»⁴⁷. Между тем к М.Н. Гирсу стали поступать заявления из разных стран, что некоторые правительства придают нансеновским паспортам обязательный характер. В очередном циркулярном письме он просил обратить внимание правительств на то, что такое толкование «отклоняется от смысла и буквы решений, одобренных ими же самими, как членами Лиги Наций» и сообщить, «как на этот предмет смотрит местное правительство и придерживается ли оно вышеприведенного взгляда Совета Лиги Наций, или же отклоняется от него и действительно придает «нансеновским паспортам» характер обязательный». Отступление он считал объяснимым лишь «для держав, которые официально признали Советы и затрудняются поэтому признавать силу за нашим старыми документами»⁴⁸.

Нансеновские паспорта частично устранили трудности, связанные с переездом из страны в страну, набором прав, получением разрешений на работу, но не гарантировали прав на пособия по инвалидности, болезни, безработице. Хотя эти документы не в обязательном порядке признавались государствами, их введение в полной мере или частично снижало значение российских (несоветских) дипломатических миссий. Полномочия миссий урезались и в связи с учреждением в ряде стран нансеновских представительств. Неясность функций и роли российских миссий и представительств верховного комиссара, попытки тех и других расширить и преувеличить свое значение и влияние на жизнь беженцев порождали противостояние этих учреждений, цель которых, по сути, была одина.

Необязательность решений Лиги Наций в отношении бывших подданных Российской империи, неустойчивое положение

ние русских эмигрантских организаций приводило к тому, что социальное и правовое положение беженцев в большой степени оставалось зависимым от доброй воли правительств тех государств, которые их приютили. На практике нансеновские паспорта лишь подчеркивали бездомность их обладателей. Писатель В.В. Набоков отмечал, что иметь нансеновский паспорт значило то же, что быть преступником, отпущенным под честное слово, или незаконнорожденным⁴⁹.

Таким образом, круг документов, по которым могли жить беженцы из России, был широк: либо нансеновский паспорт, либо удостоверения личности или иностранные паспорта, выдаваемые правительствами стран, где они проживали, либо российские паспорта, полученные в старых (несоветских) миссиях, либо советский паспорт (и возможность возвратиться на родину).

Введение нансеновских паспортов не решило «русский вопрос». Прежние меры его «ликвидации» практически были провалены. Возвратиться на родину пожелали только примерно 2 % покинувших ее россиян, ассимиляции русские избегали, в Европе, оставались без работы более 200 тыс. беженцев.

С середины 1920-х гг. международное сообщество под нажимом русской среды стало уделять внимание решению проблемы улучшения положения изгнанников, урегулированию их личного статуса. Лига Наций изыскивала новые средства рассредоточения беженства. В связи с этим изменилась структура органов Лиги Наций, которые занимались «русским вопросом». Пятая сессия Лиги Наций высказалась за перевод верховного комиссара по делам русских беженцев из прямого подчинения секретариату Лиги в Международное бюро труда (МБТ)⁵⁰. С 1 января 1925 г. трудоустройство беженцев было передано именно этой структуре. По инициативе директора МБТ А. Тома появилась идея переселения в Южную Америку⁵¹. План А. Тома предусматривал использование ее громадных пространств и «спроса государств ...на сельскохозяйственную колонизацию для расселения русских беженцев, находящихся в избытке в Европе»⁵². В разрешении беженского вопроса акцент сместился на обеспечение беженцев работой и связанную с этим необходимость их расселения. Хотя на верховном комиссариате по делам русских беженцев оставались обязанности по урегулированию правового статуса беженцев, правовые

вопросы уходили на второй план, и требовалось «какое-либо чрезвычайное усилие, чтобы привлечь внимание Совета Лиги Наций к вопросу, выходящему из суженных рамок его деятельности в области урегулирования беженских нужд»⁵³. М.Н. Гирс подчеркивал, что «использовать Тома можно будет главным образом на почве устройства рабочих эмигрантских сил»⁵⁴.

Насколько вопрос трудоустройства был важен для российской эмиграции, лишний раз подтверждает переписка Н.И. Астрова, представителя Земгора в совещательном комитете, с К.Н. Гулькевичем⁵⁵. 28 мая 1925 г. Н.И. Астров писал: «Мы с Вами никогда не преувеличивали возможности Лиги Наций и Международного бюро труда в этих областях (трудоустройство. – З.Б.). С достаточным скептицизмом относились к передаче беженского дела в Бюро труда, но все же надеялись, что сколько-то сот человек Тома и Джонсон разместят по рабочему фонду Франции»⁵⁶. Но министр земледелия Франции взял назад свои обещания, и даже студентам, закончившим вузы, рабочие места не были предоставлены.

На VII сессии МБТ А. Тома отчитался о 6 тыс. беженцев, которым была оказана помощь по приисканию работы со стороны Бюро.

В связи с попытками массового переселения российской эмиграцией был поднят вопрос об изменении условий выдачи удостоверений личности с целью упрощения передвижений. Основное правило выдачи – проставление отметки «без права возвращения в страну, выдавшую его (сертификат. – З.Б.)» – оказывалось несовместимым с организацией переселения. Южно-американские государства это правило не принимали. Нансеновский же паспорт, например, был обязателен для получения визы от аргентинского консула. Кроме того, нужно было предъявить свидетельство о несудимости иммигранта в течение 5 последних лет, выданное властью той страны, в которой он жил. Справка о прививке оспы, хоть прямо и не требовалась, но наличие ее было желательно⁵⁷.

На повестку дня встал вопрос об унификации порядка выдачи сертификатов (в некоторых странах с беженцев взимались совершенно непомерные сборы – до 52 золотых фр. с документа) и создании оборотного фонда для финансирования переселения.

В связи с предстоявшей международной конференцией в конце 1925 – начале 1926 г. Центральная юридическая комиссия в Париже, состоявшая из эмигрантов, направила Т. Джонсону, тогдашнему секретарю верховного комиссара Лиги Наций, записку. Мемуар содержал 14 пунктов пожеланий, которые должны были войти в проектируемую конвенцию, и замечания на циркулярное обращение к членам созываемой верховным комиссариатом конференции об улучшении действующей системы беженских удостоверений личности⁵⁸.

Подаче этой записки предшествовало широкое обсуждение в эмигрантских кругах. Вновь, как и в 1922 г., был поднят вопрос о том, кто должен выдавать нансеновские паспорта. К.Н. Гулькевич возвратился к идее о передаче права выдачи этих свидетельств Лиге Наций⁵⁹. М.Н. Гирс вступил с ним в полемику. Суть его возражений сводилась к следующему. Во-первых, правительства посчитали бы такой порядок выдачи паспортов несовместимым с территориальным суверенитетом. Во-вторых, это привело бы к устранению беженских организаций и снизило бы их авторитет. В-третьих, Лига Наций, к сожалению, до такой степени непопулярна среди беженской массы, что передача ей «функции удостоверения личности, имеющей первостепенное значение в беженском быту, вызвало бы среди этой массы большое неудовольствие». Поэтому главным оставалось предложение К.Н. Гулькевича постараться убедить правительства, подписавшие Женевское соглашение 1922 г., отчислять в пользу беженской секции примерно 50 % с взимаемых с беженских удостоверений паспортных сборов. Такое ходатайство, по мнению М.Н. Гирса, имело бы более всего шансов на успех, если бы с ним выступил не представитель эмиграции, а сам Т. Джонсон⁶⁰. Составление проекта записки для Т. Джонсона М.Н. Гирс поручил А.Н. Мандельштаму. Затем ее редактировал К.Н. Гулькевич⁶¹, и внесенные им поправки вновь обсуждались эмигрантами юристами и дипломатами. М.Н. Гирс и юристы отказались от идеи К.Н. Гулькевича о монопольном праве представительств МБТ выдавать удостоверения для беженцев. Они аргументировали свою позицию тем, что, во-первых, местные власти не согласились бы передать органам, от нее не зависевшим, столь широкие полномочия полицейского порядка; во-вторых, монополия органов МБТ нежелательна с точки зрения интересов беженцев, т. к. «имея

дело с правительственными органами, беженцы будут лучше защищены от возможных злоупотреблений, чем, имея дело исключительно с органами МБТ, на которые некуда будет жаловаться». В результате была оставлена заключительная фраза редакции А.Н. Мандельштама о праве беженцев непосредственно обращаться к правительствам⁶².

В окончательном варианте записки отмечалось, что визовый режим в Европе с 1922 г. упростился и смягчился, и только апатриды из России с нансеновскими паспортами испытывают большие трудности. Поэтому Центральная юридическая комиссия, получив обширные материалы с мест, предложила программу мер, улучшавших правовое положение и облегчавших передвижения, поиск работы для беженцев и другие вопросы⁶³. Окончательная редакция мемуара была готова к концу ноября 1925 г. Председатель комиссии Б.Э. Нольде писал К.Н. Гулькевичу 30 ноября 1925 г.: «...мы знаем все вопли со всех концов Европы и практику во всех странах и чувствуем полезность доклада о них Вам и конференции. Уж если нас хотят облагодетельствовать, то пусть узнают, что мы считаем благодеянием»⁶⁴.

Хотя записка легла в основу изменений, вносимых в сертификат на межправительственной конференции в Женеве, не все пожелания русских юристов были учтены. 12 мая 1926 г. конференция приняла решение о сборе 5 золотых фр. в оборотный фонд, взимаемых как с сертификатов, так и с других документов, которые беженцы получали в обязательном порядке. Устанавливался годичный срок действия сертификатов (вместо предлагаемых пяти). Предложение о превращении их в нормальный полноценный паспорт конференция отвергла. Таким образом, беженцы-апатриды оставались выделенными из общего числа полноправных граждан⁶⁵. Конференция изменила прежнюю формулировку в отношении лица, имевшего право на получение сертификата («русского происхождения, не принявший никакого другого подданства»). Первоначальное определение давало возможность в ряде стран (Германии, Польше и др.) ограничить круг лиц, имевших право на нансеновский паспорт, и не выдавать его выехавшим из России с советским паспортом, родившимся на территории, отошедшей от России, прибывшим после определенного срока и т. д. Новая формулировка не делала различий между теми, кто утратил

советское гражданство и теми, кто отказался от покровительства представительств СССР за границей, и поэтому позволяла всем эмигрантам получить сертификат. Документ констатировал, что обладателем нансеновского паспорта могло стать «всякое лицо русского происхождения, которое не пользуется или перестало пользоваться покровительством СССР, и, которое не приобрело новой национальности»^{66, 67}.

Конференция вводила общий принцип: выездная виза должна сопровождаться выдачей визы на право обратного въезда в страну, выдавшую сертификат. § 6 протокола конференции фиксировал положение, что сбор за выдачу сертификатов, вносимый в пользу выдававшего удостоверение государства, не должен превышать сбора с национальных паспортов. Неимущим беженцам предоставлялась возможность получения виз на въезд и выезд бесплатно. Правительства «продолжали рассматривать беженцев как элемент опасный, от которого нужно защищаться»⁶⁸.

Управление оборотным финансовым фондом находилось в руках особого органа в составе представителя Совета Лиги Наций и представителя Административного Совета МБТ. Тогда же Б.Э. Нольде и Я.Л. Рубинштейн от имени Центральной юридической комиссии по изучению положения русских беженцев подали через К.Н. Гулькевича Т. Джонсону записку⁶⁹ с пожеланиями участия русского представительства в расходовании средств фонда и облегчения получения беженцами выездных виз. По предложению Ф. Нансена в состав постоянной комиссии при верховном комиссариате, контролирующей особый фонд, с совещательным голосом был избран К.Н. Гулькевич.

Активизация попыток колонизации Южной Америки еще раз свидетельствовала об утрате эмиграцией надежды на смену политического строя в России и на возвращение на родину. Тогда же актуализировалась проблема урегулирования личных прав беженцев, оставшихся в особом правовом поле, а точнее, вне его.

Лига Наций сделала многое для российских беженцев, расселив по странам, занявшись их трудоустройством, облегчая возможность переезда из страны в страну в меняющейся геополитической ситуации, оказывая материальную и финансовую поддержку. Однако для реализации ее инициатив нужна

была добрая воля государств-реципиентов. От них зависело не только административное решение проблемы, но и введение новых законоположений, способствовавших адаптации беженцев. Со стабилизацией картины расселения на повестку дня вставал вопрос урегулирования личного статуса русских как особой категории иностранцев и унификации его в разных странах.

Российскому Зарубежью удалось добиться международного признания: создания верховного комиссариата по делам русских беженцев, представительства эмигрантских общественных организаций в Лиге Наций, участия в формировании правового пространства русских беженцев. В международном праве постепенно стал закрепляться принцип признания особого положения (*sui generis*) изгнанников из России.

**«Правительство страны выражает готовность
с некоторыми оговорками»: правовая адаптация
эмигрантов в странах-реципиентах**

Правовое поле русского мира определяли не столько решения Лиги Наций, носившие рекомендательный характер, сколько правительства стран-реципиентов. Законодательная и административная практика по отношению к иностранцам была многообразна. Но выходцы из России составили их особую категорию, и зачастую приходилось пересматривать сложившуюся практику.

Документы, с которыми россияне оказывались за рубежом (а то и вовсе без них), не были единого образца из-за войны, калейдоскопической смены правительств в стране, признания (или наличия) российских дипломатических миссий, консульств за рубежом местными властями, причем в условиях, когда прежние представительства вытеснялись советскими. Правительства стран-реципиентов оказывались перед выбором, какие из этих документов признавать, как легализовать такой наплыв иностранцев, какое законодательство к ним применять (места проживания, страны происхождения, досоветское или советское), куда высылать в случае нарушения законов, куда апеллировать при необходимости предъявления документов,

которых у беженцев не оказывалось на руках, и пр. Например, болгарские власти поступили следующим образом: на ст. Царьброд в правилах контроля лиц, едущих в Сербию, говорилось, что паспорта всех без исключения русских беженцев (голландские, польские, литовские, латвийские, эстонские, грузинские, белорусские, французские удостоверения и т. п.) должны проверяться по списку, который препровождался из МИД⁷⁰.

Некоторые вопросы правового регулирования взаимоотношений отдавались на откуп самим эмигрантам. Чтобы в какой-то степени выправить ситуацию, для несложных дел в ряде стран действовали Постоянные русские третейские суды (в Стамбуле, Берлине, Париже, Софии). Они, скорее, играли роль судов чести, и главным для них было поднять «престиж и авторитет соотечественников».

Вариативность сложившейся практики позволяет сделать некоторые обобщения и сравнения по следующим параметрам: свобода передвижения (как внутри страны, так и через границу), выдача (или не признание) нансеновских паспортов, какие удостоверения личности для проживания в стране и какими органами выдавались, возможности трудоустройства, в том числе, на государственную службу, условия социальной защиты, натурализации, отношение властей к вопросу о высылках.

К моменту принятия в Женеве решения о введении нансеновских паспортов в странах-реципиентах уже сложилась определенная практика урегулирования правового поля русского мира. Поэтому многие правительства выражали «готовность с некоторыми оговорками поддержать»⁷¹ предложения Лиги Наций.

Некоторые страны «решали» беженский вопрос и без учета рекомендаций Лиги Наций, по собственному усмотрению и на свой манер. Среди таких стран была **Турция**. Она приняла на себя огромную беженскую волну после крымской катастрофы и дала подпитку прежним эмигрантским волнам в других странах. Крах Османской империи, приход к власти новых, демократических сил и попытки завоевания международного признания, налаживание связей с Советской Россией – все это повлияло на правовое положение и адаптацию беженцев. В результате были выбраны два направления: выселение из страны и натурализация. Варианты, предлагаемые Лигой Наций, Турция практически не реализовала.

До 1923 г. в Турции присутствовали оккупационные войска, и правовой климат определяли союзнические власти, режим капитуляций⁷². До подписания мира в Константинополе продолжала существовать союзническая полиция. Русские, как и другие иностранцы, находились вне ведения турецкой полиции⁷³. При российском консульстве в Константинополе действовала судебная комиссия. В 1921 г. она была преобразована, и появились новые учреждения – единоличный судья с мировой подсудностью, коллегияльный суд и кассационная инстанция, при которой организовано сословие присяжных поверенных⁷⁴.

В декабре 1922 г. Ф. Нансен сообщил, что предполагается снабдить оставшихся в Константинополе беженцев, после занятия его войсками Ангорского правительства, особыми, выдаваемыми местным представительством Лиги Наций удостоверениями личности, скрепленными британским, французским и итальянским комиссарами⁷⁵.

После ухода войск Италии, Франции и Англии Ангора, куда переместилась столица Турецкой республики, изъявила согласие выдавать русским беженцам право на жительство за подписью представителя турецкого правительства и представителя Ф. Нансена, сроком на 6 месяцев (в Лигу Наций Турция не входила, нансеновские удостоверения не признавала), с обязательством, чтобы верховный комиссар в течение этого срока эвакуировал всех русских беженцев из Константинополя. Но Ф. Нансен решительно возразил против особого документа и против срока, заявляя, что брать на себя заведомо неисполнимое обязательство Лига Наций не может. Верховный комиссариат настоял на том, чтобы Турция приняла общий сертификат, который уже был принят 22 государствами, в том числе и Германией, не членом Лиги⁷⁶. Спасением при выезде из Турции становились свидетельства, выдававшиеся голландским консульством, на которые зарубежные страны могли ставить визы.

Окончательно правовая сторона вопроса могла быть решена только по заключении мира⁷⁷. Но лишь в 1924 г. особым постановлением турецкого правительства определенным категориям эмигрантов из России было предоставлено право политического убежища. На основании этого постановления они получали особого рода удостоверения на право проживания

в Турции («вессика»), а в случае выезда из страны – обычный турецкий заграничный паспорт с отметкой в тексте, что держатель этого паспорта является «русским политическим беженцем». Какие-либо ограничения в правах для таких беженцев не устанавливались по сравнению с другими иностранцами, проживавшими в Турции⁷⁸.

Руководство страны предполагало после разгрузки Константинопольского района возможность остаться беженцам, имевшим капитал, а также тем, кто жил своим трудом. При этом они должны были иметь либо статус российского (советского) подданного, либо, при желании, принять турецкое гражданство, что местные власти поощряли. Удостоверения Лиги Наций могли бы облегчить занятие русскими предпринимательской деятельностью, были удобны для ведения торговых и других дел⁷⁹, но Анкара не шла на их признание. К тому же турецкие власти стремились не допускать нового притока бесподданных русских на свою территорию и строго соблюдали правило отказа выехавшим за границу в обратных визах на въезд в страну. А доступ в Анатолию, отчину республиканцев, практически им был запрещен⁸⁰.

В качестве примера приведем ситуацию, в которую попал 15-летний сын генерала В.А. Артамонова, студент американского Роберт-Колледжа в Константинополе. Проведя каникулы у родителей в КСХС, в конце августа 1923 г. он получил из колледжа уведомление о том, что: 1) ему продлена стипендия на текущий 1923/24 уч. год; 2) только грекам и армянам турецкие власти запретили возвращение в Константинополь и 3) курс начинается 13 сентября. Обратившись в МВД КСХС за путевым документом для сына В.А. Артамонов получил в качестве такового нансеновский паспорт. Местное болгарское консульство выдало молодому человеку транзитную визу, не требуя предварительно турецкой визы, т. к. он имел все необходимые документы. Выехав из Белграда, он получил в Софии в испанском консульстве турецкую въездную визу. Но когда он прибыл на турецкую границу и взял билет до Константинополя, турецкие пограничные власти объявили ему, что, хотя его турецкая виза действительна, документ, на который она поставлена, не действителен, ибо Турция не признает сертификатов, а требует национальный паспорт. «Мой сын, – писал В.А. Артамонов, – хотел установить свою идентичность с по-

мощью русских официальных документов (паспорта, выданного Русской дипломатической миссией в Константинополе от 4 июня 1923 г.). Но турецкие власти не пожелали признать русских документов под тем предлогом, что в Советскую Россию не допускаются турки с турецкими паспортами, а потому не действительны и русские (все). Сын вынужден был вернуться с турецкой границы в Белград. Весьма вероятно, что со своей стороны турки правы, когда не признают легитимации, принятой на конференции, в коей они не участвовали, соглашение коей не подписали, и к которому не примкнули и впоследствии. Однако, благодаря сложившейся обстановке, русские оказываются в безвыходном положении, т. к. турки не признают ни русского национального паспорта, ни сертификата, установленного Лигой Наций. Таким образом, помимо моего частного случая, возникает еще общий вопрос для всех русских в будущем»⁸¹.

Обращения представителей Лиги Наций к ангорским властям по вопросам облегчения свободы передвижения по стране, получения обратных виз при кратковременных выездах за границу и пр., как правило, последствий не имели. Известно о подаче в сентябре 1925 г. Л. Чайльдсом, представителем верховного комиссара на Балканах, особой памятной записки турецким властям в Ангоре. Но реакции на нее не последовало⁸².

Практически единственным легальным представителем интересов российских беженцев в Турции являлся делегат верховного комиссара. В декабре 1923 г. бывший российский посол в Турции А.А. Нератов «пришел к заключению, что ему нельзя оставаться в Константинополе». В январе 1924 г. в Константинополь был откомандирован А.Ф. Шебунин, возглавивший Организацию по содействию и помощи русским беженцам в Турции. Ни одна из русских благотворительных организаций не была зарегистрирована по законам страны и потому официально не могла войти в сношения как с турецким, так и с иностранными правительствами.

До лета 1925 г. русские имели право трудоустроиться в разных отраслях экономики. Основываясь на неопределенной редакции ст. 4 Лозаннского договора, турецкое правительство под видом защиты интересов турок от конкуренции иностранного труда издало ряд декретов, лишавших иностранных подданных права заниматься известными ремеслами и промыслами,

а также состоять служащими на целом ряде предприятий, как государственных, так и общественных и частных. В первую очередь пострадали русские беженцы, лишённые и консульской, и какой-либо другой защиты. Положение осложнилось прекращением поступлений в местное отделение МБТ контрактов на работы во Францию⁸³. Правовой дискриминации подверглись российские врачи и юристы, которым после Муданийского перемирия 11 октября 1922 г. было запрещено практиковать⁸⁴.

Таким образом, Турция ограничила категорию лиц, которые могли получить политическое убежище, не предоставила российским беженцам особого статуса, не позволила им иметь институты защиты своих интересов, использовала международную помощь лишь для их расселения по другим странам.

Своеобразное положение сложилось в **приграничных государствах-лимитрофах**, образовавшихся на развалинах Российской империи. Проживавшие здесь коренные русские оказались на правах национального меньшинства, но не все получили гражданство новых государств. Российские беженцы оказались на пограничье между национальным меньшинством и иностранцами. Поэтому беженский вопрос решался в тесной связи с вопросом о национальных меньшинствах⁸⁵. Но, когда Латвия и Эстония добились вхождения в Лигу Наций, они стали стремиться к освобождению их от контроля органов Лиги за внутрисоциальным урегулированием положения меньшинств⁸⁶. В итоге 3-летнего сопротивления Латвия и Эстония добились от Совета Лиги Наций особого для себя юридического положения и не подписали обязательств, предусмотренных договорами о меньшинствах (1919–1920 гг.). В сентябре 1923 г. совет Лиги Наций удовлетворился принятием к сведению существования в этих странах конституционных прав, обеспечивавших права меньшинств. В 1926 г. в Женеве удалось создать при участии Б.А. Никольского Постоянное бюро русских меньшинств.

Не только русские, но и представители других национальностей оказались в таком же положении. В результате национально-государственного размежевания в Европе, часто произвольного, в ходе Парижской конференции возникли районы, где проживали этнические меньшинства. Так, из 27-миллионного населения Польши одна треть состояла из проживавших

компактными группами меньшинств: западных украинцев, белорусов, немцев, литовцев, а также 3 млн евреев. И хотя в Париже представителей восстановленной Польши обязали подписать специальный договор, гарантировавший права ее меньшинств, польское правительство его, по сути, никогда не соблюдало⁸⁷.

Приграничные с Россией государства одни из первых установили с Советами дипломатические отношения. Неоднократно наблюдались случаи, когда эмигранты со старыми российскими паспортами обращались в консульства балтийских государств и Польши за визами на въезд, а от них требовали предъявить советские документы. Газета «Руль» обратилась за разъяснениями в консульства этих государств, а затем в министерства иностранных дел и выяснила, что в Литве требуемая виза выдавалась лишь после совместного решения министерств иностранных и внутренних дел. В Эстонии она выдавалась в том случае, если у просителя, бывшего российского подданного, имелась обратная виза на въезд в какое-либо государство, чтобы иметь возможность выслать его. Паспорта от советской делегации не требовались, но во избежание недоразумений с советским правительством о выдаче виз на паспорта, не признаваемых Советами правительств, визы выдавались на отдельных листах. В финском консульстве разъяснили, что предъявление советского паспорта могло только ухудшить шансы просителя на получение разрешения на въезд⁸⁸.

Русское население в Эстонии делилось на две категории, юридический статус которых различался. «Коренные» русские, проживавшие здесь до революции, как правило, были гражданами Эстонской республики. Давно поселившиеся в Эстонии чиновники и купцы не считались эстонцами. В отношении их удалось добиться права выдачи удостоверений личности при условии подписки о нежелании обращаться в советское представительство⁸⁹. Эмигранты считались апатридами, большинство которых имело нансеновский паспорт, который выдавался на длительное время⁹⁰. С них как иностранцев взимался особый налог. Постепенно значительная часть эмиграции получила эстонское гражданство. С 1921 по 1928 г. из 17 353 русских беженцев 13 372 запросили эстонское гражданство, причем наибольшее количество – в 1921 г. (4 882). Удовлетворено было 11 721 ходатайство⁹¹. В 1930-е гг. число нансени-

стов сократилось: в 1934 г. их насчитывалось 8 тыс.⁹² Русское меньшинство имело все права, коими пользовались и другие меньшинства.

В Эстонии русские эмигранты находились в ведении министерства внутренних дел, которое считалось с Комитетом русских эмигрантов. Так, из 150 случаев назначенных выселок в 135 удалось добиться полной отмены наложенного взыскания либо смягчения участи. Комитет частично выполнял правовые функции, однако не вправе был выдавать настоящие заграничные паспорта, а лишь удостоверения.

Врачи и юристы могли практиковать только при условии принятия гражданства. Эмигранты были ущемлены в правах по сравнению с местным населением даже в вопросах оплаты труда. Так, школьный преподаватель в русской школе получал в 2–5 раз меньшую зарплату, чем учитель местной⁹³.

В Латвии часть русских находилась на положении национального меньшинства, другую составили беженцы из России. Как только они переходили границу, им приходилось легализовываться, доказывать местным властям, что они не являются опасными для существующего государственного строя. До лета 1920 г., т. е. до заключения Латвией мира с Советской Россией, официальным защитником русского населения был назначенный правительством Северо-Западной области консулом в Латвии В.А. Пресняков. После заключения мира с РСФСР консульство было закрыто. Защиту русской колонии взяло в свои руки образованное тем же В.А. Пресняковым Русское общество в Латвии, имевшее представителей в разных городах. В Уставе Общества имелись статьи о культурной, правовой и благотворительной помощи своим членам. Отдел юридической помощи давал бесплатные юридические консультации, помогал составлять различные бумаги, ходатайства, удостоверения по вопросам административного, гражданского и уголовного права. Только в 1921 г. число обращений в отдел составило более 8 тыс.⁹⁴

Представитель верховного комиссара Лиги Наций сообщал 3 июня 1922 г. из Риги, что Латвия больше не признает паспортов, выданных старыми российскими посольствами, ввела свои удостоверения личности, и нансеновские паспорта могут только усугубить сложившуюся практику⁹⁵. После принятия Женевской конференцией 3–5 июля 1922 г. резолюции о вве-

дении нансеновских паспортов латвийский делегат в Лиге Наций информировал, что правительство Латвии готово ввести удостоверение личности для русских беженцев, предложенные верховным комиссаром. Новые документы выдавались постепенно, по мере замены прежде введенных удостоверений⁹⁶.

В отличие от «классических» эмигрантских центров, в странах-лимитрофах, в частности в Латвии, Польше, источники российского законодательства были признаны как наиболее подходящие в условиях нового правопорядка. В результате применялись Судебные уставы 1864 г. и Уголовное уложение 1903 г.⁹⁷ Они имели влияние и на развитие права в Латвии. Поэтому действовавший в стране территориальный принцип (как и в англо-американском праве) в отношении личных, семейных прав, подчинявший всех жителей страны местным законам, для российских беженцев означал обращение к дореволюционному российскому законодательству. Латвия не заключала никаких конвенций с другими государствами относительно взаимного признания и исполнения судебных решений. В свою очередь, государства, придерживавшиеся национальной системы, обычно не признавали решений иностранных судов, не соответствовавших национальному закону тяжущихся. Если эмигрант из Латвии переезжал в такое государство, то в случае обращения в суд мог попасть в трудное положение⁹⁸.

17 мая 1929 г. Сейм принял Закон о пенсиях бывшим российским пенсионерам. Несмотря на его недостатки и незначительный размер пенсий, российское население встретило его благожелательно. Были восстановлены права на пенсию: 1) лицам, которым до 24 октября 1917 г. была назначена российская государственная пенсия согласно российским законам, 2) лицам, которым до 24 октября 1917 г., хотя и не была назначена пенсия, но которые до этого срока прослужили уже не менее 25 лет на таких должностях, которые по российским законам давали право на пенсию, 3) лицам, которые, хотя и не прослужили 25 лет, но дослужили недостающий срок на латвийской службе до вступления в силу указанного Закона. Следует оговориться, что правом на пенсию пользовались только лица, которые до 10 ноября 1927 г. уже были латвийскими гражданами и которые достигли 60-летнего возраста или же потеряли трудоспособность не менее чем на 50 %. Однако Постановление 18 апреля 1932 г. и Закон 14 июня 1932 г. урезали

права на пенсию русским пенсионерам, а сами пенсии были снижены вдвое. Преимущественное значение получила служба в течение не менее 10 лет на территории самостоятельной Латвии. Право на пенсию сохраняли только лица, состоявшие латвийскими гражданами до 1 января 1923 г.⁹⁹

Натурализация властями поощрялась. С 1921 по 1928 г., когда в стране проживало примерно 30 тыс. русских беженцев, прошение о принятии в гражданство Латвии подали 67 404. Удовлетворено было 40 585¹⁰⁰. В 1935 г. только 4 тыс. человек оставались бесподданными (нансенистами). Это давало основание представителям Латвии в Лиге Наций говорить, что беженская проблема в государстве решена.

На положении русских в Польше сказалась их огромная численность. Это повлияло на формы социальной адаптации, формирование особенностей политики властей по отношению к российским беженцам. Защиту их интересов в стране взяли на себя общественные организации. В марте 1921 г. после ратификации Рижского договора в Варшаву прибыла советская дипломатическая миссия, что вызвало закрытие аккредитованных при польском правительстве прежних российских дипломатических и военных миссий. По ст. 5 Рижского договора польское правительство обязалось не разрешать пребывание на своей территории организаций, «приписывающих себе роль правительства» меньшевистской России или части ее территории, не допускать пребывания в Польше официальных представительств таких организаций и их органов¹⁰¹. Положение российских беженцев сделалось чрезвычайно тяжелым. Все паспорта, выданные дипломатической миссией, были объявлены недействительными. Законных правовых норм, определявших пребывание беженцев на польской территории, правительством еще не было установлено. Разрешение на дальнейшее проживание в Польше зависело от усмотрения низших административных властей. Росла угроза массового выселения беженцев, особенно ввиду враждебных настроений к русским в правительстве и в Сейме.

Российский комитет в Польше (прежде Русский комитет в Варшаве) (РК) вынужден был принять на себя обязанности и дипломатического, и консульского представителя всей русской эмиграции в Польше. Даже глава дипломатической миссии В.М. Горлов и начальник военной миссии генерал П.С. Махров

обращались к председателю Комитета с просьбой испропать в МВД им и личному составу миссий право на жительство, ибо их дипломатические паспорта утратили силу¹⁰². Иностранный дипломатический корпус в Варшаве также признал Комитет представительством русской эмиграции. Но с 1 июля 1924 г. ассигнование на содержание Комитета финансовый совет при Советании послов прекратил. Предпочтение было отдано Русскому попечительному об эмигрантах комитету в Польше. Именно эту организацию финансировал Земгор (на деятельность по правовой защите¹⁰³) и признало министерство внутренних дел Польши.

Польша безуспешно пыталась разделить бремя приема беженцев с другими странами. Т. Филиппович, польский посланник в Гельсингфорсе, представитель Польши в Лиге Наций, предполагал, что в стране находится примерно 350 тыс. нелегалов из России и 90 тыс. зарегистрированных¹⁰⁴.

Иностранцам в Польше, в частности русским беженцам, выдавались «карты убежища» (карты азилия) или карты побыта, установленные распоряжением МВД от 18 сентября 1919 г. о регистрации иностранцев в воеводствах. Карты азилия имелись только у эмигрантов, бежавших из России после заключения Польшей перемирия с большевиками 12 октября 1920 г. и доказавших, что они подвергались в России политическим преследованиям, и возврат в страну им грозит смертью или тюремным заключением. Такие лица могли, пользуясь правом убежища, оставаться в Польше бессрочно¹⁰⁵. Все прочие эмигранты проживали по картам побыта¹⁰⁶.

Правом политического убежища при наличии доказательств пользовались также бывшие интернированные и служившие в армиях Б.С. Пермикина и С.Н. Булак-Балаховича, других белых армиях, члены враждебных большевикам партий. С ликвидацией в начале 1924 г. лагерей интернированных каждый интернированный, уволенный из лагеря, получал свидетельство о политическом убежище (карту азилия) в управлении староств территории, на которой он находился. Пребывавшие вне лагеря интернированные должны были получать такую карту у того старосты, в районе которого в настоящий момент проживали. Бывшим интернированным предоставлялось право свободы передвижения за исключением семи воеводств (Виленского, Новогрудского, Полесского, Волынского, Тернопольского, Львовского и Станиславовского)¹⁰⁷.

Если возникали трудности с получением карты азилия, на помощь приходил Русский попечительный об эмигрантах комитет в Польше, возбуждавший ходатайства перед МВД. Причем отношение к подобным ходатайствам в Министерстве было значительно мягче, чем на местах.

В Польше находилось много и неполитических эмигрантов, которых можно было назвать беженцами в полном смысле слова. Согласно Закону об иностранцах от 13 августа 1926 г. они получали право лишь временно пребывать на территории Польши. Ст. 10 Закона разрешала высылку иностранца из Польши, если его пребывание становилось обременительным с точки зрения государственного блага. Ст. 12 оставляла на усмотрение властей оценку поводов высылки, условий и форм ее осуществления. Поскольку получить визу для высылаемых в другие государства было почти невозможно, тех, кто не выполнял предписание о выезде, ссылали в маленькие города, а затем им стали угрожать высылкой в СССР¹⁰⁸.

Согласно распоряжению МВД от 5 декабря 1922 г., беженцы из России и Украины, прибывшие нелегально в Польшу после 12 октября 1920 г.¹⁰⁹, коим не было предоставлено право политического убежища (т. е. не имевшие карты азилия), должны были к 1 марта 1923 г. покинуть ее пределы. 8 февраля 1923 г. новое распоряжение МВД перенесло срок на 16 апреля 1923 г.¹¹⁰ Лица, жившие по картам побыта, если им не предоставлялось до 15 апреля право на польское гражданство, могли быть выселены из Польши по решению местных властей¹¹¹. Прошения о предоставлении права убежища принимались до 1 апреля 1923 г. В связи с этим российские эмигрантские общественные организации добивались зачисления как можно большего числа беженцев в категорию политических эмигрантов, не подлежащих высылке. Они добивались разрешения, чтобы выдаваемые ими удостоверения были признаны дающими основания предоставлять беженцам право убежища¹¹².

Если прежде выселения проходили мелкими группами и по политическим основаниям: по обвинению в русском монархизме, германофильстве, шпионаже, пропаганде большевизма и пр.), то выполнение распоряжения МВД от 5 декабря 1922 г. стало первой масштабной попыткой уменьшить скопление российских беженцев.

По поводу предполагавшихся высылки В.М. Горлов писал М.Н. Гирсу: «Некоторые члены польской администрации в доверительных беседах давали понять, что польское правительство стремится главным образом избавиться от нахлынувших в Польшу русских евреев и что, в сущности, только они предназначены к высылке из Польши. Не отрицая особо сильного желания поляков вытеснить из Польши русских евреев, трудно, однако, поверить тому, чтобы лиц чисто русской народности намеченная мера почти не коснулась. В среде польской администрации, от которой будет зависеть фактическое осуществление высылки, немало ненавистников русских вообще и невероятно, чтобы, имея возможность выселить русского беженца, они не воспользовались этим правом»¹¹³. Польские власти заявляли, что «надо найти способ облегчить положение только русской национальности, без распространения этих облегчений на евреев»¹¹⁴. Политический комитет, состоявший из представителей различных ведомств под председательством министра внутренних дел, обсуждая русский вопрос, принял пожелание создать такие условия, чтобы, вернувшись домой «через 1–2 года», русские сохранили благодарные воспоминания¹¹⁵.

Не случайно циркуляр от 5 декабря 1922 г. встретил сопротивление со стороны еврейских депутатов Сейма и советского правительства. Предположения МВД, что на основании циркуляра будет возможно выселить из Польши почти всех российских подданных еврейской национальности, т. к. за ними не будет признано право на политическое убежище, а затем отменены ограничения по отношению к оставшимся российским эмигрантам, не оправдались, «еврейская организация оказалась сильнее административного аппарата Польской Республики»¹¹⁶.

В марте 1924 г. МВД Польши поставил вопрос о создании Объединенного комитета, обосновав этот шаг тем, что допустимо принимать и выслушивать одного представителя российской эмиграции, но принимать порознь председателей нескольких русских комитетов, общественных и других организаций физически невозможно и даже не приносит пользы¹¹⁷. Предполагалось в его состав ввести также делегата польского правительства, который одновременно представлял бы верховный комиссариат. Такому Комитету можно было бы предоста-

вить право выдачи эмигрантам «документов, контрассигнированных делегатом правительства и освобождающих этих эмигрантов от всех существовавших ограничений»¹¹⁸.

Поскольку в Польше все права предоставлялись иностранцам только на условиях взаимности (на основании ст. 95 Конституции), то буквальное применение этого правила лишало бы русских беженцев-апатридов всех прав. В июле 1927 г. был прецедент, когда Верховный кассационный суд признал, что принцип международной взаимности не может иметь применения к русским эмигрантам, т. к. невозможно установить государство, к которому последние принадлежат. Административные органы полагали, что в законах должна быть специальная оговорка о распространении льгот для иностранцев на русских эмигрантов.

Председатель Российского комитета в Польше извещал М.Н. Гирса в письме от 10 марта 1924 г. о трудностях правового положения русских эмигрантов в Польше: временные виды на жительство, подлежащие возобновлению каждые три месяца, специальные разрешения при передвижении и в пределах даже одного и того же воеводства, трудности при получении разрешения на право пребывания в новом месте жительства, запрещение въезда во все восточные (пограничные с Россией) воеводства, затруднения при получении разрешений на возвращение в Польшу при выезде за границу и другие весьма тяжелые административные стеснения, результатом которых стало нахождение всей русской эмиграции в Польше как бы под постоянным полицейским надзором и вследствие этого зависимости эмигрантов от произвола даже низших полицейских чинов¹¹⁹. Лица, пользовавшиеся правом убежища и выехавшие за границу, т. е. как бы нашедшие себе убежище в другой стране, не имели права на возвращение в Польшу¹²⁰.

С 1924 г. удалось добиться серьезного улучшения правового положения русских эмигрантов: взамен прежних временных видов на жительство, которые должны были возобновляться каждые 3 месяца, стали выдавать постоянные; предоставлялось право свободного передвижения и проживания на всей территории государства, кроме восточных пограничных воеводств и др.¹²¹ Лишь Постановление Совета министров от 18 ноября 1927 г. допустило въезд и временное пребывание русских в 7 восточных воеводствах и 4 уездах Белостокского вое-

водства, но только по получении каждый раз специального разрешения местных административных властей. Практика показала, что такие разрешения давались с большими затруднениями и очень часто во въезде отказывали.

Польша пошла на реализацию инициатив Лиги Наций. Было учреждено нансеновское представительство, финансирующее переезд эмигрантов в другие государства и правовую помощь¹²². Соглашение о нансеновских паспортах 1922 г. Польша подписала с оговорками. § 1 соглашения о юридическом статусе русских и армянских беженцев от 30 июня 1928 г., касавшийся представительств верховного комиссара, не признала возможным ввести в действие, а соответствующую конвенцию 1933 г. не намерена была подписывать из-за вопроса о высылках, о праве эмигрантов на труд.

Нансеновские паспорта до ноября 1929 г. выдавались российским беженцам только в случае выезда за границу. После выхода циркуляра № 254 МВД Польши от 16 ноября 1929 г. «лица, не имеющие определенного государственного подданства» могли вместо карт азилия, карт побыта и др. документов получать нансеновские паспорта сроком не менее чем на 2 года, которые стали служить документом и для проживания в Польше. За них взимался гербовый сбор¹²³. Новым эмигрантам после выхода циркуляра № 254 карты азилия перестали выдавать, не считали возможным выдавать и нансеновские паспорта. Они получали только разрешение на кратковременное пребывание в Польше (1–2 месяца) с угрозой высылки обратно в СССР, если не покинут страну в течение указанного времени¹²⁴. Если срок действия нансеновского паспорта истекал во время пребывания его обладателя за пределами Польши, то польские консулы не имели права продлить такой паспорт. Оставался только один выход – ходатайствовать перед властями государства, где находился эмигрант, о выдаче ему нового нансеновского паспорта. Но в таком случае подстерегала новая трудность – получение въездной визы в Польшу¹²⁵. Нансеновские паспорта, выдаваемые в Польше после 1928 г., продолжали сохранять оговорку, что они не дают права на возвращение в Польшу без особого разрешения, несмотря на принятое на межправительственной конференции решение о ее отмене. Нансеновские марки Польша не вводила¹²⁶. Согласно циркуляру МВД Польши № 30 от 29 сентября 1935 г.,

нансеновский паспорт мог быть получен по желанию от польских властей только теми русскими беженцами, кто уехал из России до 5 июля 1922 г., не получили другого гражданства до мировой войны или лишились российского до 5 июля 1922 г., т. е. до введения нансеновских паспортов. Все остальные беженцы могли получить паспорт для иностранцев, введенный 14 июня 1932 г.¹²⁷

Натурализация не поощрялась, польские власти старались вытеснить русских беженцев из страны, если тем не удавалось доказать необходимость предоставления политического убежища.

Более или менее сбалансированная модель правовой адаптации российской эмиграции сложилась в *Германии*. На организацию институтов, участвовавших в регулировании правового положения беженцев влияло признание Советской России уже в апреле 1922 г.¹²⁸, а также многочисленность российской диаспоры. Огромный наплыв беженцев побудил правительство Германии ограничиться допуском в страну лишь тех, у кого была обратная виза. Еще один фактор – это участие Германии в решении беженского вопроса на международном уровне, хотя до 1926 г. Германия не являлась членом Лиги Наций. Германия относилась к той группе стран, где к иностранцам применялось национальное право. Поэтому при необходимости обращались к законам советского правительства даже для эмигрантов, лишенных советской властью российского гражданства. Особенно усердствовали низшие чиновники, заставляя предъявлять документы, выдаваемые советской делегацией. Правда, как отмечал «Руль», эти распоряжения не исходили от центральной власти¹²⁹. Лишь 12 октября 1925 г. консульская конвенция между СССР и Германией предусмотрела подчинение эмигрантов немецким законам.

Уполномоченным германского правительства по делам русских беженцев стал директор департамента имперского министерства внутренних дел тайный советник Бурвиг. Именно с ним сносились русские общественные эмигрантские организации. В соответствии с предложением Ф. Нансена, работало представительство верховного комиссара по делам русских беженцев (*Vertretung des Völkerbundes für Russische Flüchtlings-Angelegenheiten*). Его возглавляли М. Шлезингер (1922–1931), затем Стоббе, заместителями являлись эмигранты – ди-

пломат А.И. Щербатский, с апреля 1931 г. – юрист Е.А. Фальковский. После учреждения Лигой Наций в конце 1930 г. Международного офиса по делам беженцев им. Ф. Нансена, представительство, прежде возглавляемое М. Шлезингером, стало называться «представительство Международного офиса по делам беженцев им. Ф. Нансена при Лиге Наций» (*Vertretung des Internationalen Nansenamtes für Flüchtlinge unter dem Protektorat des Völkerbundes*), или просто «нансенамт». С выходом Германии из Лиги Наций в 1934 г. русские эмигранты лишились защиты со стороны нансенамта. В декабре 1933 г. Стоббе получил отставку. Е.А. Фальковский неофициально осуществлял функции секретаря представительства до 1938 г.¹³⁰

Организация защиты интересов русских беженцев, преемница российской дипломатической миссии, затем Русской делегации, претендовала на представительство русского мира в Германии. Во главе ее стоял С.Д. Боткин. Канцелярия Организации защиты интересов русских беженцев (*Vertrauensstelle*) «имела право продолжать сроки старых русских паспортов, или, вернее, делаемые ею продления фактически признавались органами местного правительства»¹³¹. Осенью 1922 г., ссылаясь на протесты М. Шлезингера против «беззаконных» действий Организации, комиссар по беженским вопросам Бурвиг просил С.Д. Боткина более не продлевать паспортов, срок которых уже истек.

За военнопленных, интернированных и беженцев, находившихся в лагерях, несла ответственность лагерная дирекция. Она же заключала договор при уходе из лагеря группы лиц на работу, ибо эти люди были лишены свободы передвижения и труда, прикреплялась либо к лагерям, либо к хозяину, если находились на работе, и не могли менять своего хозяина. Те, кто без разрешения покидал лагерь, числились в бегах. Представитель Союза военнопленных в Германии в Совете объединенных организаций на состоявшемся 13 июня 1922 г. совещании указал, что их правовое положение значительно хуже, чем других беженцев¹³². С осени 1922 г. лагеря ликвидировали, и военнопленные и интернированные должны были получить соответствующие документы. Лица, пропустившие сроки, обслуживались на общих основаниях по действующим для иностранцев правилам.

Русские беженцы в Германии были выделены в отдельную категорию. К ним германские власти относили лиц, которые

на 1 августа 1914 г. были русскими подданными, являлись выходцами с территории СССР и не могли или не хотели вернуться в Россию. В подавляющем большинстве с 1 июня 1922 г. они становились бесподданными (*Staatenlos*), соответственно декрету ВЦИК и СНК от 15 декабря 1921 г. о лишении гражданства некоторых категорий граждан¹³³. Местные власти выдавали им удостоверения личности (так называемые, «желтые» паспорта) в тех случаях, когда проситель доказывал, что не может получить советский паспорт или по особым причинам обратиться к советским властям. 19 октября 1922 г. министр внутренних дел Германии разослал в земли распоряжение: «По поручению министерства иностранных дел имею честь сообщить, что впредь царские паспорта, а также паспорта, выданные представительствами бывших русских правительств, так называемыми русскими делегациями, Организациями защиты интересов русских беженцев и т. п., независимо от страны их местопребывания, более не должны признаваться и визироваться»¹³⁴.

Однако визы на выдаваемые немецкими властями удостоверения личности («желтые» паспорта) при выезде беженцев из страны не ставились. Для этого Организацией защиты интересов русских беженцев выдавались «белые» паспорта. С октября 1923 г. их заменили нансеновские сертификаты, выдача которых оговаривалась рядом условий.

Виза на выезд и обратный въезд в Германию, как правило, давалась тем, кому было разрешено длительное пребывание в Германии (*Aufenthalt bis auf weiteres*)¹³⁵. Неимущим визы выдавались бесплатно. Визы для въезда в Германию ставились после расследования вопроса о необходимости поездки в страну данного лица. В июне 1922 г. это условие было отменено, но германские консулы оставляли за собой право отказывать, если цель поездки или личность иностранца представляла опасность для общественного спокойствия или для германского народного хозяйства¹³⁶. Германские консульства за рубежом не признавали компетенции старых (не советских) российских дипломатических представителей и не визировали выданные или продленные ими паспорта беженцев. В таких случаях для въезда в Германию как страну, признающую советскую власть, визировались нансеновские паспорта¹³⁷.

165

Ausstellende Behörde: _____ Ort der Ausstellung: _____ Datum _____
 Indication de l'autorité qui délivre le certificat _____ Lieu où l'on délivre le certificat _____ Date _____

Personalausweis Nr. _____

Certificat d'identité n° _____

Gültig bis _____
 Valable jusqu' _____

Dieser Ausweis berechtigt nur dann zur Rückkehr in das Land, das ihn ausgestellt hat, wenn dies besonders in ihm vorgesehen ist. Er verliert seine Gültigkeit, wenn der Inhaber irgendwo ein russisches Gebiet betritt.
 Le présent certificat n'est pas valable pour le retour dans le pays qui l'a délivré sans une mention spéciale inscrite sur le présent document. Il cessera d'être valable si le porteur pénètre, à un moment quelconque, en Russie.

Familienname: _____ Vornamen: _____
 Nom de famille _____ Prénom _____

Geburtsstag: _____ Geburtsort: _____
 Date de naissance _____ Lieu de naissance _____

Familienname des Vaters: _____ Familienname der Mutter: _____
 Nom de famille du père _____ Nom de famille de la mère _____

Russischer Herkunft ohne Erwerb einer anderen Staatsangehörigkeit.
 D'origine russe n'ayant acquis aucune autre nationalité.

Beruf: _____
 Profession _____

Früherer Wohnort in Russland: _____
 Ancien domicile en Russie _____

Gegenwärtiger Aufenthaltsort: _____
 Résidence actuelle _____

Personenbeschreibung. Signalement.

Alter: _____
 Age _____

Haare: _____
 Cheveux _____

Augen: _____
 Yeux _____

Gesichtsform: _____
 Visage _____

Nase: _____
 Nez _____

Besondere Kennzeichen: _____
 Signes particuliers _____

Bemerkungen: _____
 Observations _____

Raum für das Lichtbild.
 Place pour la photographie à oblitérer.

Unterschrift des Inhabers:
 Signature du titulaire: _____

Es wird hiermit bescheinigt, daß der Inhaber die durch nebenstehendes Lichtbild dargestellte Person ist und die darunter befindliche Unterschrift eigenhändig vollzogen hat.
 Le soussigné certifie que la photographie et la signature apposées ci-contre sont bien celles du porteur du présent document.

(Zemsel)
 (Cachet)

Unterschrift der Behörde:
 Signature de l'autorité _____

Dieser Ausweis ist gemäß den Beschlüssen der von Herrn Dr. Nansen, dem Oberkommissar für russische Flüchtlinge, einberufenen zwischenstaatlichen Konferenz in Genf vom 3. bis 5. Juli 1922 ausgestellt.
 Ce certificat est délivré conformément aux résolutions de la Conférence gouvernementale convoquée par le Dr. Nansen, Haut-Commissaire pour les Réfugiés Russes, à Genève, le 3-5 juillet 1922.

Образец нансеновского паспорта, выдававшегося властями Германии в 1922 г.

С лета 1932 г. вместо персональсвайсов вводился паспорт для иностранцев, фремденпасс «в виде паспортной книжки в пестрой обложке»¹³⁸. Полицейские органы при продлении нансеновских паспортов стали выдавать именно их, хотя в силе оставались все постановления о «зеленых» нансеновских паспортах. И тот, и другой паспорт выдавались на год, затем ежегодно продлевались, в общем до 5 лет. Боткин в частной переписке подчеркивал преимущества фремденпасса, т. к. его обладатель пользовался льготами наравне с немцами¹³⁹.

Натурализация была фактически невозможна из-за 20-летнего ценза оседлости. На публичном заседании Комитета русских юристов за границей 19 февраля 1926 г. И.М. Рабинович в докладе «О правовом положении русских эмигрантов» отмечал: «...наше полуправное существование должно быть превращено в правовое без изменения подданства»¹⁴⁰. Один из бывших российских подданных, обратившись за помощью к А.А. Гольденвейзеру, заведующему отделением юридической помощи в Союзе русских евреев в Германии, эксперту технической комиссии при совещательном комитете Лиги Наций, писал: «Я живу в Германии с 1912 г., но мне дважды отказывали в гражданстве, видимо, потому, что я еврей»¹⁴¹. А.А. Гольденвейзер рекомендовал ему обратиться к немецкому адвокату Клее, специалисту по делам о натурализации, и пояснял, что формально должны быть запрошены все немецкие земли. Но по существующей практике ждать отказа с чьей-либо стороны не было оснований. Х.-Э. Фолькман, ссылаясь на И.М. Рабиновича, пишет, что дети, родившиеся у бесподданных в Германии, также становились бесподданными; немка, вышедшая замуж за бесподданного теряла свое гражданство¹⁴².

Таким образом, Германия активно использовала бывшее российское дипломатическое ведомство, наделив его консульскими функциями, учредило представительство Лиги Наций по делам беженцев, умело лавировала между ними и советскими дипломатическими представительствами. Правовое поле, в котором приходилось жить беженству, формировалось постепенно. Не только государственные власти, в лице министерств иностранных и внутренних дел Германии, правительства земель страны, но и юристы-эмигранты смогли влиять на законодательное оформление повседневной жизни наших соотечественников. Главное, на что ориентировалось германское

правительство, это достижение стабильности в обществе, угроза которой усугублялась наплывом бесподданных, защита интересов немецких граждан, налаживание международных отношений, т. е. – на обеспечение национальной безопасности страны.

Иная модель правовой адаптации русского мира сложилась во **Франции**, активно участвовавшей в решении участи беженцев в Лиге Наций, первой подписавшей межправительственное Соглашение 1928 г., затем Конвенцию 1933 г. о юридическом статусе русских и армянских беженцев.

Российское дипломатическое представительство играло важную посредническую роль между эмиграцией и французским правительством. В июле 1924 г. был создан из делегатов русских общественных организаций Эмигрантский комитет. После признания Францией Советского Союза в октябре 1924 г. вместо российского посольства и консульств были учреждены офисы по делам русских беженцев. И Эмигрантский комитет, и Центральный офис возглавлял В.А. Маклаков. При нем была учреждена должность представителя Ф. Нансена, на которую был назначен М. Пан¹⁴³. Деятельность как центрального, так и местных офисов (в Париже, Марселе, Нице и Лионе), исполнявших обязанности консульств по делам русских беженцев, регламентировалась французским правительством¹⁴⁴. Представитель верховного комиссариата свидетельствовал и легализовывал документы этих офисов по желанию беженца для придания им силы официальных. С подписанием Соглашения 1928 г., затем Конвенции 1933 г. в тех случаях, когда закон предъявлял к документам особо повышенные требования, на выданных офисами документах ставилась подпись и печать представителя верховного комиссариата в обязательном порядке. Это заменяло прежнее сложное и утомительное прохождение бумаг через целый ряд инстанций, иногда включительно до высших чинов министерств¹⁴⁵.

В правовом отношении Франция не делала никаких различий между русскими, потерявшими подданство, и иностранцами. На практике специфически русских дел не возникало¹⁴⁶. Легально въехавший в страну россиянин пользовался равными с другими иностранцами правами, беспрепятственно получал свидетельство о личности (карт д'идантите), если желал остановиться во Франции более двух месяцев. Карта обязательна была

для всех лиц старше 15 лет. Такое свидетельство давало право на повсеместное жительство, поступление на работу, пользование французскими лечебными учреждениями¹⁴⁷. Обеспечивалась свобода передвижения в пределах Франции и ее колоний. При выезде за границу гарантировалось право обратного возвращения¹⁴⁸.

С 1 января 1923 г. во Франции были введены нансеновские паспорта (сертификат д'идантите)¹⁴⁹. Они выдавались только беженцам, покинувшим Россию до признания Францией советского правительства в октябре 1924 г.¹⁵⁰, лицам старше 15 лет в префектуре того департамента, где эмигрант проживал, на основании паспорта и карт д'идантите, действовали параллельно с прежними паспортами. Главным образом они обеспечивали беженцам доступ в те государства, в которых существовали советские дипломатические представительства и где, соответственно, старые паспорта бывшей Российской империи, Временного или «белых» правительств, выданные старыми российскими миссиями, не признавались. Для пребывания в стране нансеновский паспорт был необязателен. Если визировались прежние паспорта, требовалась предварительная виза старых российских консульских учреждений. Они же покровительствовали и нансенистам. К ним же МВД Франции циркулярно предлагал обращаться местным префектурам при выдаче нансеновских удостоверений в случае каких-либо недоразумений. Лица, въехавшие в страну с советским паспортом, но не возобновлявшие его в течение пяти лет, могли также ходатайствовать о выдаче нансеновского паспорта в МВД Франции.

Натурализация во Франции была многоступенчатой и длительной. После принятия нового Закона в 1927 г. иностранцы, в том числе нансенисты, могли подать прошение, прожив непрерывно на территории Франции уже не 10, а всего 3 года¹⁵¹. Женатые на француженках могли натурализоваться по истечении 1 года со дня прибытия во Францию. Такое право получали также лица, окончившие высшие учебные заведения во Франции, и оказавшие стране особые услуги. Процесс натурализации занимал примерно 1 год. У безработных не было шансов на удовлетворительное решение¹⁵². Ребенок, рожденный от брака иностранца и француженки, считался французом.

С прибытием российских беженцев в *КСХС* правительство дало им официальное название «русских избеглиц», не признающих советской власти¹⁵³. Бывшие подданные Российской империи, хотя и рассматривались как иностранцы, но для них предусматривался целый ряд исключений, льгот, тем самым устанавливался особый статус.

Для проживания на территории *КСХС* следовало получить вид на жительство. Документы на право проживания в Королевстве власти выдавали на основании удостоверений и рекомендаций эмигрантских организаций. Российская дипломатическая миссия с согласия правительства *КСХС* на основании свидетельских показаний устанавливала личность беженца в случае утери им своих документов. Правительство признавало паспорта только антибольшевистских учреждений. Лиц с советскими паспортами в *КСХС* не допускали.

После введения нансеновских паспортов для российских беженцев они стали служить в качестве заграничных и требовались для въезда в страну, которая не признавала СССР. Их выдача предусматривалась с предварительного разрешения МВД и предоставлено было всего 5 префектурам и полицейским управлениям¹⁵⁴. К ходатайству прилагались нижеследующие документы: 1) паспорт или иной документ, удостоверяющий личность просителя, 2) удостоверение местной полиции о неимении препятствий к выезду просителя за границу, 3) удостоверение Русской Делегации о политической и моральной благонадежности просителя, 4) две фотографических карточки, 5) описание примет и обозначение цели путешествия и государства, куда проситель направлялся и 6) 40–60 динар в зависимости от того, испрашивается ли паспорт на безвозвратный выезд за границу или с правом обратного приезда в *КСХС*. К концу 1920-х гг. из общего числа 38–40 тыс. беженцев обладали паспортами Ф. Нансена 37,5 тыс.¹⁵⁵

Высылки правительство использовало редко. Для тех, кто ожидал выдворения был организован особый концлагерь в Мостаре. Русской делегации неоднократно приходилось вмешиваться и добиваться решения вопросов в пользу высылаемых по ошибке или недоразумению. 16 декабря 1930 г. вышло Положение, согласно которому происходила высылка на основании не санкционированного въезда в страну или угрозы общественной

безопасности. Приказ должен был исходить из МВД на основании информации от местных полицейских властей¹⁵⁶.

В Югославии произошел, пожалуй, единственный в истории российской эмиграции случай, когда местные власти призывали русских избеглиц принять участие в выборах депутатов в Народную Скупщину. Этот вопрос обсуждался в русских колониях¹⁵⁷. 29 декабря 1924 г. В.Н. Штрандтман разъяснял в письме, адресованном правлению колонии в Митровице Сремской, что «по точному смыслу ст. 70 Конституции русские люди, пребывающие в КСХС и не принявшие местного подданства, права участия в выборах иметь не могут»¹⁵⁸. Если колонии специально не запрашивали Делегацию, то им и отдельным русским беженцам предлагалось «действовать в согласии с их непосредственными интересами». Такую позицию эмигрантского руководства правительство КСХС одобряло.

Одним из преимуществ, которые имели русские беженцы в Югославии, было сохранение определенных социальных гарантий. Так, при назначении пенсии учитывалась служба в России. В 1930-х гг. была внесена поправка, по которой чиновники из среды русских беженцев, имевшие 10-летний стаж государственной службы и бывшие участниками Первой мировой войны, в случае прекращения службы имели право на пенсию в размере 900 динаров¹⁵⁹. Русские инвалиды были уравниены с сербскими и получали постоянную пенсию¹⁶⁰. В 1926 г. вступил в силу Закон о помощи русским инвалидам. Ни в одной стране не было так много русских инвалидов, нигде они не пользовались такой поддержкой, как в Югославии¹⁶¹. По Закону в значительной степени облегчалось их положение. С 1 апреля 1926 г. пенсию получали те из русских инвалидов, участников Первой мировой войны, которые были признаны инвалидами Высшей медицинской комиссией при Державной комиссии до 24 декабря 1925 г.¹⁶²

В 1929 г. вышел новый закон о пенсии. Он сильно задевал интересы русских служащих. По новому закону о пенсии контрактная служба засчитывалась по истечении 10 лет действительной государственной службы и только тем чиновникам и дневничарам, которые до вступления нового закона о пенсии уже приняты на госслужбу. Некоторые русские, находившиеся на госслужбе, теряли по новому закону 6–8 лет стажа¹⁶³. По закону 1930 г. о чиновниках лица, служившие в Русской

армии, имели право на зачет им в пенсию всех лет службы в Российской империи. Для получения пенсии нужно было выслужить 15 лет¹⁶⁴. Русские учителя просили засчитать в стаж годы службы в народных школах Югославии до принятия югославского подданства¹⁶⁵. Русские военные инвалиды согласно «Инструкции по применению постановления о приеме на работу иностранных граждан» (октябрь 1935 г.) имели право на свободное занятие трудом на основании имевшихся у них на руках решений министерства социальной политики и назначении пособия по инвалидности.

Служба в сербской армии была возможна лишь после натурализации.

Правила натурализации складывались в течение 1920-х гг. и регулировались сначала королевским указом, затем п. 44 Гражданского закона, с 1928 г. Законом о подданстве КСХС. Предусматривался 5-летний ценз оседлости, знание сербохорватского языка, уважение к местным законам и культуре. Перепись населения 1931 г. зарегистрировала свыше 32 тыс. выходцев из России, среди которых 5,5 тыс. человек приняли югославское подданство¹⁶⁶.

При лояльном государственном подходе к разрешению беженского вопроса реализация политики на местном административном уровне не всегда способствовала безболезненной адаптации россиян.

Русские беженцы в *Болгарии* формально подчинялись наравне с прочими иностранцами общим законам об иностранцах. Особого закона, регулировавшего специально права русских беженцев, не существовало, и в отношении их, как и всех иностранцев, действовали статьи 40 и 41 болгарской Конституции¹⁶⁷, дававшей возможность иностранным меньшинствам организовываться, благодаря чему как церковное управление, так и школьное дело находились в руках русских организаций. Но в силу ряда законодательных и административных оговорок российские беженцы находились в ином по сравнению со всеми иностранцами положении.

Ситуация осложнилась с ликвидацией дипломатических и консульских представителей в 1923 г. Правительство жестко придерживалось курса на подчинение иностранцев местным законам и не позволило создать национального органа на основе российской дипломатической миссии, который претен-

довал бы на автономию. В результате был создан Комитет по делам русских беженцев в Болгарии. На государственном уровне дело организации русских беженцев находилось в ведении политического отдела МИД во главе с Петковым. Содействие русским оказывало представительство верховного комиссара и МБТ. Болгария присоединялась ко всем межправительственным соглашениям, надеясь, что активное отношение к мероприятиям Лиги Наций поможет ей выйти из международной изоляции¹⁶⁸. Соглашение о юридическом статусе русских и армянских беженцев было принято постановлением правительства от 18 сентября 1928 г. Конвенция о статусе беженцев 1933 г. ратифицирована 19 декабря 1934 г.¹⁶⁹, юридически закрепив сложившееся фактическое положение¹⁷⁰.

После упразднения российской дипломатической миссии старые паспорта, бывшие у беженцев, заменили новыми, выдававшимися болгарским МВД. Эта замена была сопряжена с осложнениями, лишними расходами. Паспорт стоил 220 левов, для многих – непосильная сумма. Проблема состояла в том, что многие иностранные миссии не признавали этих паспортов, опасаясь, что болгары за вознаграждение будут выдавать паспорта без разбора¹⁷¹.

Нансеновские паспорта для беженцев вводились решением совета министров от 15 августа 1926 г. с 5 октября и выдавались сроком на один год. Опережая межправительственное соглашение 1928 г., циркуляр МИД от 18 апреля 1927 г. указывал, что эти паспорта имеют силу и для возвращения, и консульства должны визировать их без предварительного разрешения МИД, если срок действия паспорта не пропущен¹⁷². Однако дороговизна этих документов (175 левов за паспорт, 140 – за нансеновскую марку, 10 – паспортные расходы; для бедных – 20 левов¹⁷³) вызывала неудовольствие в среде беженцев, тем более что их возобновление требовало ежегодной уплаты всех сборов.

18 апреля 1924 г. Народное собрание голосовало за пожизненную пенсию 52 русским эмигрантам – ветеранам Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Т.к. иностранцы не имели права на пенсию, депутаты изменили формулировку. Было решено выплачивать «пожизненное месячное пособие» (1 тыс., с 1927 г. – 2 и 2,5 тыс. левов с 1929 г.)¹⁷⁴.

LÉGATION DE RUSSIE
A SOFIA
№ 8359

ЧЕТО ПЪРВО
МОТОР АРТИСТ

1

PASSEPORT.

Le porteur du présent passeport *citoyen russe*
Alexandre Ratiouff, âgé de 24
ans originaire de la ville
d'Zalta, continue son séjour
à l'étranger

En foi de quoi et pour lui assurer libre passage, je lui ai délivré
ce passeport, avec apposition du sceau de la Légation de Russie.

Sofia, le *14* *Septembre* 1922

Le Ministre Plénipotentiaire de
Russie en Mission Spéciale: *[Signature]*

Signature du Porteur:

1635—1922

Паспорт А. Ратиева, выданный русской миссией в Софии. 14 сентября 1922 г.

Несколько расширяла возможности адаптации русских беженцев натурализация. Согласно ст. 9 Закона о болгарском подданстве на натурализацию могли претендовать иностранцы, которым после 3-летнего пребывания в стране разрешено постоянное жительство; прожившие непрерывно в Болгарии более 10 лет; оказавшие особые услуги болгарскому государству, но при условии, если прожили в стране не менее года; а также вступившие в брак с местными подданными и прожившие в этом браке не менее года¹⁷⁵. С 1921 по 1928 гг. в министерство юстиции поступило 679 прошений о гражданстве от русских беженцев (из их общего числа – 25942). Наиболее число натурализовавшихся пришлось на 1923, 1927 и 1928 гг. – 141, 157, 145 соответственно¹⁷⁶. Экономический кризис ускорил натурализацию.

По сравнению с другими странами интеграция облегчалась конфессиональной и языковой близостью двух народов, способствовавшей, в частности, заключению смешанных браков. В итоге росло количество эмигрантов, чувствовавших себя болгарами и перешедших в болгарское подданство.

Представляет интерес иммиграционная политика **США**. Массовый исход беженцев из пределов бывшей Российской империи совпал с сокращением числа пересекавших океан. Политика США практически не различала «иммигрантов» и «беженцев». Важным являлось, в какой стране родился въезжающий, без различия этно-национальной принадлежности. Иммиграционный закон 1917 г. положил начало ограничительной политике. Предпочтение отдавалось гражданам, которые считались наиболее ассимилируемыми. Для покидавших Советскую Россию и пытавшихся сохранить «внутригосударственную государственность» эмигрантов это условие было дополнительным препятствием для переезда на другой континент. Особое значение получил пункт о недопущении в страну «лиц, относительно которых есть вероятность, что они станут общественным бременем»¹⁷⁷, который с конца 1920-х гг. стал играть большую роль: от каждого потенциального иммигранта стали требовать данного под присягой поручительства американского гражданина в том, что он готов поддерживать въезжавшего и не допустить, чтобы тот стал общественным бременем. Уровень состоятельности и другие вопросы оставались на усмотрение американских консулов. В 1929 г. в связи

с экономическим кризисом активно стало применяться еще одно требование (просуществовавшее до 1936 г.) – не допускать лиц, нуждавшихся в социальной помощи.

С 1921 г. Конгресс США принял законодательную поправку, предусматривавшую систему квот. Отныне в страну допускалось не более 3 % иммигрантов от количества проживавших в США уроженцев из той или иной страны по состоянию на 1910 г. С 1 июля 1924 г. ежегодная квота устанавливалась в 2 % от числа зарегистрированных по переписи населения США 1890 г.¹⁷⁸ По отношению к выходцам из Азии по-прежнему действовал принцип «закрытой страны». При этом не устанавливались квоты на переселение из стран западного полушария. По закону 1927 г. ежегодная квота каждой страны определялась в зависимости от процентной доли выходцев из этой страны, среди всего населения США в 1920 г.

Получать визу русские должны были в американском консульстве в Риге (Латвия), куда сложно было добраться из отдаленных уголков Зарубежной России, что равносильно запрету въезда в страну. Поэтому Д.И. Абрикосов просил финансового агента в США С.А. Угета, имевшего связи с Американским Красным Крестом и в вашингтонских кругах, навести справки, нельзя ли добиться облегчения порядка получения виз для русских, едущих в США с Дальнего Востока¹⁷⁹.

Защита российских интересов в США первоначально обеспечивалась дипломатическими учреждениями. Декларация правительства США от 5 июня 1922 г. признавала, что «русские консулы будут продолжать существовать и действовать по-прежнему и исполнять обычные акты и обязанности не политического характера в делах, касающихся России и русских», считая, что интересы и права нации продолжают существовать независимо от того, есть или нет у нее правительства. Временные же неурядицы в государстве не умаляют интересов и прав всего народа¹⁸⁰. Однако 4 мая 1922 г. госсекретарь США Бора на заседании Сената обвинил посла Временного правительства Б.А. Бахметева в США в ряде преступлений¹⁸¹. Правительство США не было заинтересовано в расследовании и, боясь раскрытия истинных масштабов своего участия в антибольшевистской интервенции, заявило, что российский посол не только израсходовал американские кредиты по назначению, но и выплатил более 5 млн долларов в виде процентов¹⁸².

Б.А. Бахметев все же сложил с себя полномочия. В конце июня 1922 г. он, приехав в Париж, известил Совещание послов о создавшейся в США обстановке и причинах, побудивших отказать от официального звания. Совещание послов признало, что «работа по защите национальных интересов России не должна быть приостановлена из-за изменения в официальном положении посла»¹⁸³. На этом заседании послы обратились с просьбой к Б.А. Бахметеву вернуться в Америку «для продолжения политической деятельности применительно к местной обстановке». Вместе с тем было определено, что «формальная связь между Национальной Россией и Соединенными Штатами» продолжает поддерживаться «фактом сохранения за финансовым агентом С.А. Угетом дипломатического статуса, как равно и оставления в неизменном положении существовавших в Соединенных Штатах наших консульских установлений»¹⁸⁴.

Нежелание терять российское подданство к концу 1920-х гг. уступило стремлению повысить свой социальный статус, приняв американское гражданство. К тому же русские, перебираясь за океан, психологически порывали с надеждой на возвращение на родину. Поэтому вопрос о натурализации ставили сразу. Среди прибывших в 1927 г. русских 20,6 % решили в первый же год пребывания оформлять свои «первые бумаги», чтобы быстрее завершился 5-летний срок, необходимый для получения гражданства США. Уже в 1939 г. говорили, что в США «проблемы русских беженцев не существует», т. е. они быстро абсорбируются и, по большей части, уже американизировались¹⁸⁵.

*
* *

Подводя итоги, следует отметить многовариантность решения беженской проблемы в различных государствах: от вытеснения из страны путем расселения, высылки до натурализации. Юридически российские беженцы являлись иностранцами. Но положение их имело ряд особенностей. Большая часть из них составила категорию лиц без гражданства. Формальным признаком безгражданства стала выдача нансеновского паспорта, в котором фиксировалось, что он выдан лицу «русского происхождения, не принявшему никакого другого подданства».

Правовую ситуацию, в которой первоначально оказались российские беженцы в разных странах, можно характеризовать как правовой хаос, т. к. использовались нормы иностранного, дореволюционного, советского законодательства. К 1930-м гг. утвердилась тенденция отрицания национального права и признание права местожительства.

Отсутствие унифицированного подхода к статусу российских беженцев, наличие разнообразных документов, которыми они могли обладать, означало наделение их разным объемом прав, который варьировался в зависимости от страны расселения, и определялся преимущественно национальными законами об иностранцах. Вместе с тем, эмигрантскому сообществу в лице соответствующих учреждений местными властями неофициально были предоставлены представительские полномочия. Ниши, оставшиеся в международном и национальном праве, заполнила деятельность российских общественных организаций. Они ближе всех стояли к реальным потребностям каждого конкретного человека. Через них реализовывалась защита профессиональных прав. Они могли подтвердить тот или иной статус своих членов, что было необходимо для заполнения правового вакуума.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С началом Первой мировой войны со странами, противостоявшими Российской империи, дипломатические отношения были разорваны, интересы оставшихся там подданных империи защищали Голландия, Испания.

² Подробнее о российских дипломатических представительствах см.: *Миронова Е.М.* Дипломатические представительства Белой России в эпоху революций, Гражданской войны и эмиграции // *Диаспора: Новые материалы*. Т. 6. – СПб., 2004. С. 89–133; *Кононова М.М.* Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925 гг.). – М., 2004 и др.

³ *Яценко А.С.* Юридическое положение русских за границей // *Русский Берлин* / сост., предисл. и персоналии В.В. Сорокиной. – М., 2003. С. 39.

⁴ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–2.

⁵ ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 46. Л. 401–408об.; АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 1. Л. 1–8.

⁶ Лига Наций – международная межправительственная организация, действовавшая в 1920–1946 гг. и декларировавшая в качестве основных

целей развитие сотрудничества между народами и гарантию мира и безопасности. Местопребывание основных органов (Ассамблея и Совет) – Женева.

⁷ Принцип взаимности (п.в.) – принцип международного права, в соответствии с которым государства предоставляют друг другу на своей территории аналогичные права и несут аналогичные обязанности. В международном частном праве п.в. состоит в предоставлении государством иностранным юридическим и физическим лицам определенных прав и привилегий на своей территории при условии, что его юридические и физические лица получают такие же права и привилегии на территории соответствующих государств // Большой юридический словарь (далее: БЮС). – М., 1997. С. 82.

⁸ Национальный режим – принцип, применяемый в международных договорах, в силу которых юридическим и физическим лицам одного договаривающегося государства предоставляются на территории другого государства такие же права, льготы и привилегии, какие предоставляются его собственным юридическим и физическим лицам // БЮС. С. 402.

⁹ Имеется в виду постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 15.12.1921 г.

¹⁰ Лицо без гражданства (апатрид) – лицо, не являющееся гражданином данной страны и не обладающее соответствующими доказательствами, которые могли бы установить принадлежность его к гражданству какого-либо иностранного государства. Безгражданство возникает, когда лицо утрачивает свое гражданство и не приобретает нового // БЮС. С. 342.

¹¹ ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 56. Л. 5.

¹² ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 1126. Л. 17–19, 24; Ф. 6094. Оп. 1. Д. 40. Л. 27.

¹³ В конференции приняли участие представители 10 стран (Болгарии, Китая, Финляндии, Франции, Греции, Польши, Румынии, Швейцарии, Чехословакии и Югославии) и международных организаций (Международного бюро труда, МККК, Лиги обществ Красного Креста и Международного общества помощи детям). Постановление конференции 22–24.08.1921 см.: Бюллетень № 7–8 Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей. (Далее: Бюллетень РЗГК) 15 октября 1921 г. С. 17–21.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 1126. Л. 29–30, 191, 192.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 44. Л. 10.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 44. Л. 28. В письме М.Н. Гирса К.Н. Гулькевичу от 20 марта 1924 г. говорилось также о возможном закрытии российского дипломатического представительства в Швеции.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 9.

¹⁸ Бюллетень № 7–8 РЗГК 15 октября 1921 г. С. 18.

¹⁹ К.Н. Гулькевич писал, что комитет был образован по почину и стараниями Л. Вольфа, представителя Еврейского колонизационного общества при Лиге Наций // ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 13. Л. 16об.

²⁰ ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 1126. Л. 110.

²¹ Чему свидетели мы были... Кн. 1. С. 343–344.

²² ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 1126. Л. 52–53.

²³ Таубер Л.Я. Лига наций и юридический статут русских беженцев. – Белград, 1933. С. 4.

²⁴ ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 1126. Л. 195, 6.

²⁵ Там же. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 46. Л. 344.

²⁶ ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 46. Л. 420–421. Доклад Я.Л. Рубинштейна от 8 февраля 1922 г.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 423.

²⁹ Бюллетень № 9–10 РЗГК. 15 декабря 1922 г. С. 30.

³⁰ АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/3. Д. 56. Л. 16 об.

³¹ Руль. 1923. 11 сентября.

³² ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 1126. Л. 119–121.

³³ ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 1126. Л. 36.

³⁴ В конференции приняли участие представители 16 правительств: Австрии, Англии, Болгарии, Венгрии, Германии, Греции, Испании, КСХС, Польши, Румынии, Чехословакии, Швеции, Швейцарии, Финляндии, Франции и Японии // Бюллетень № 9–10 РЗГК. С. 31–32.

³⁵ ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 56. Л. 147.

³⁶ Протоколы съезда русских юристов за границей 1–4 октября 1922 г. в Берлине (по стенограмме). – Берлин, б/г. С. 30–31.

³⁷ Ответы на анкету см.: Русские беженцы. С. 209–224.

³⁸ ГА РФ. Ф. 5908. Оп. 1. Д. 1. Л. 70; РГВА. Ф. 720к. Оп. 1. Д. 103. Л. 144–144об.; Русские беженцы. С. 215.

³⁹ ГА РФ. Ф. 5908. Оп. 1. Д. 1. Л. 71; РГВА. Ф. 720к. Оп. 1. Д. 103. Л. 143об.; Русские беженцы. С. 220.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 5908. Оп. 1. Д. 1. Л. 72; Русские беженцы. С. 217.

⁴¹ Образец сертификата, принятого конференцией, см.: Бюллетень № 9–10 РЗГК. С. 35–36; Русские беженцы. С. 16; АВПРФ. Ф. 415. Оп. 11. П. 3. Д. 10. Л. 55, 58 и др.

⁴² АВПРФ. Ф. 415. Оп. 11. П. 3. Д. 10. Л. 57об.

⁴³ ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 56. Л. 147–148. Это были Австралия, Австрия, Албания, Англия, Южная Африка, Болгария, Боливия, Гватемала, Германия, Голландия, Греция, Дания, Испания, Италия, Латвия, Литва, Люксембург, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, Сиам, Финляндия, Франция, Чехословакия, Чили, Швейцария, Югославия, Япония.

⁴⁴ Это были Албания, Австрия, Германия, Боливия, Болгария, Испания, Финляндия, Франция, Гватемала, Великобритания, Греция, Италия, Япония, Литва, Латвия, Норвегия, Румыния, Нидерланды, Швейцария, КСХС, ЧСР (к январю 1923 г.), Южная Африка (к 1923 г.).

⁴⁵ Это были Китай, Дания, Венгрия, Персия, Швейцария.

⁴⁶ АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/3. Д. 57. Л. 6. Записка о сертификатах и визах от 24 января 1923 г., на фр. яз.

⁴⁷ АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/3. Д. 57. Л. 7.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 169. Копия письма М.Н. Гирса представителям за границей для уведомления от 25 августа 1923 г.

⁴⁹ Набоков В.В. Другие берега. – Нью-Йорк, 1954. С. 236.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 27.

⁵¹ Там же. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.

⁵² Там же.

⁵³ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 54.

⁵⁴ Там же. Д. 44. Л. 74об. Письмо М.Н. Гирса К.Н. Гулькевичу от 18 ноября 1924 г.

⁵⁵ В октябре 1924 г. Н.И. Астров и С.В. Панина покинули Женеву и переехали в Прагу.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 7. Л. 32.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 3. Л. 42–43.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 11. Л. 19об., 21об., 23; Ф. 5908. Оп. 1. Д. 14. Л. 181–195. Русские беженцы. С. 234–243.

⁵⁹ К.Н. Гулькевич писал, что эксперты совещательной комиссии, высказались за отмену нансеновских удостоверений личности в пользу документа, величаемого «паспортом» (внешний вид которого был бы, по словам К.Н. Гулькевича, «не наш лист, а книжка») и обеспечивающего обратную визу в страну, выдавшую его. Проблема заключалась в том, кто будет их выдавать. Гулькевич считал, что владелец удостоверения находится под защитой беженской секции МБТ и Лиги Наций в лице Нансена // ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 3. Л. 62.

⁶⁰ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 33. Письмо М.Н. Гирса К.Н. Гулькевичу от 17 августа 1925 г.

⁶¹ См. записку на фр. яз. с поправками К.Н. Гулькевича: ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 37–39.

⁶² ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 42. Письмо М.Н. Гирса К.Н. Гулькевичу от 7 сентября 1925 г.

⁶³ ГА РФ. Ф. 5908. Оп. 1. Д. 14. Л. 192–193; Ф. 5913. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.

⁶⁴ Русские беженцы. С. 232.

⁶⁵ ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 28. Л. 4.

⁶⁶ Национальность трактуется в данном контексте как гражданство или подданство.

⁶⁷ ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 28. Л. 4.

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 28. Л. 4.

⁶⁹ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 11. Л. 33–37.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. 5767. Оп. 1. Д. 5. Л. 103. (Данные на октябрь 1921 г.)

⁷¹ Русские беженцы. С. 221.

⁷² Режим капитуляций (р.к.) – особый правовой режим, в соответствии с которым государство предоставляло гражданам другого государства на своей территории преимущества по сравнению со своими гражданами. Р.к. предусматривал полное или почти полное изъятие иностранцев из сферы юрисдикции государства пребывания и подчинение их исключительно власти консула своего государства. Предоставлялся в одностороннем порядке.

⁷³ ГА РФ. Ф. 5764. Оп. 1. Д. 149. Л. 238. Информационный листок № 2. РЗГК от 8 декабря 1922 г.

⁷⁴ Подробнее см.: *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. – М., 2004. С. 34–36; *Ипполитов С.С., Необаев-*

ский В.М., Руденцова Ю.И. Три столицы изгнания. Константинополь. Берлин. Париж. – М., 1999. С. 23–25.

⁷⁵ Руль. 1922. 17 декабря.

⁷⁶ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 22; Руль. 1923. 10 февраля.

⁷⁷ Лозаннский мирный договор был подписан 24 июля 1923 г. между Турцией, с одной стороны, и Великобританией, Францией, Италией, Японией, Грецией, Румынией, Югославией, с другой.

⁷⁸ ГА РФ. Ф. 6006. Оп. 1. Д. 37. Л. 9 об.

⁷⁹ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 157.

⁸⁰ Справка о положении русских беженцев в Константинополе, подготовленная представителем Всероссийского земского союза в Константинополе А.Л. Глазовым для М.Н. Гирса от 2 апреля 1926 г. // Новый исторический вестник. 2002. № 2 (7). С. 231.

⁸¹ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 185–186. Письмо М.Н. Гирса К.Н. Гулякевичу от 6 октября 1923 г. и письмо Артамонова В.Н. Штрандтману от 15 сентября 1923 г.

⁸² Там же. Д. 45. Л. 55. Письмо А.Ф. Шебунина М.Н. Гирсу от 21 сентября 1925 г.

⁸³ Справка о положении русских беженцев в Константинополе, подготовленная представителем Всероссийского земского союза в Константинополе А.Л. Глазовым для М.Н. Гирса от 2 апреля 1926 г. // Новый исторический вестник. 2002. № 2 (7). С. 232; *Инполитов С.С.* Указ. соч. С. 37.

⁸⁴ *Инполитов С.С.* Указ. соч. С. 36.

⁸⁵ Первое общее собрание Лиги Наций приняло 15 декабря 1920 г. постановление о том, что «если балтийские, кавказские и албанские государства будут допущены в Лигу Наций, им предлагается принять меры, обеспечивающие соблюдение общих начал, внесенных в договоры о меньшинствах, и вступить в соглашение с Советом о подробностях практического осуществления этих мер» // *Вишняк М.В.* Право меньшинств. – Париж, 1926. С. 47–48.

⁸⁶ В специальных записках, представленных совету Лиги Наций, балтийские государства приводили следующие доводы: конституцией уже обеспечены права меньшинств, специальная охрана этих прав в громадном большинстве государств не существует, договоры о меньшинствах нетипичны для современного международного порядка, статус меньшинств установлен в некоторых государствах не на началах взаимности, а международная охрана прав меньшинств создает несовместимое с суверенитетом государства вмешательство во внутренние дела страны, вступление в Лигу Наций и согласие принять постановление общего собрания неравносильно отчуждению государственного суверенитета, такое отчуждение должно быть отсрочено до заключения общего соглашения о взаимной охране прав меньшинств во всех странах и т. д.

⁸⁷ См.: *Сыч А.И.* Национальный аспект Версальской системы // *Вопросы истории.* 2004. № 1. С. 126–128.

⁸⁸ Руль. 1922. 23 марта.

⁸⁹ Руль. 1922. 5 октября.

⁹⁰ Сабенникова И.В. Российская эмиграция. С. 64.

⁹¹ ГА РФ. Ф. 7067. Оп. 1. Д. 365. Л. 18.

⁹² Исаков С.Г. Русские в Эстонии. 1918–1940. С. 53.

⁹³ При прожиточном минимуме 6 тыс. марок учитель русской школы получал 3 тыс. в месяц, местной – 6–15 тыс. // Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. С. 53.

⁹⁴ Бюллетень № 9–10 РЗГК 15 декабря 1922 г. С. 118.

⁹⁵ АВПРФ. Ф. 415. Оп. 1. П. 3. Д. 10. Л. 90.

⁹⁶ Русские беженцы. С. 216.

⁹⁷ Левицкий Д. О положении русских в независимой Латвии // Новый журнал. 1980. № 141. С. 214.

⁹⁸ Закон и суд. 1934. № 4 (44). С. 883.

⁹⁹ Снегирев В. К вопросу о пенсии бывшим русским пенсионерам // Закон и суд. 1932. № 9 (29). Ст. 953–958.

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. 7067. Оп. 1. Д. 365. Л. 18.

¹⁰¹ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 44. Л. 34.

¹⁰² ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 44. Л. 35.

¹⁰³ Там же. Л. 39.

¹⁰⁴ Там же. Д. 41. Л. 87.

¹⁰⁵ АВПРФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 216. Д. 52657. Л. 3.

¹⁰⁶ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 44. Л. 19.

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. 5814. Оп. 1. Д. 6. Л. 96. Циркуляр МВД Польши от 13 февраля 1924 г. Ограничение проживания (и даже временных поездок) русских эмигрантов на территории 7 восточных воеводств, где преобладающее население являлось для них родным по языку и вере и где они легче, чем в другом месте, могли найти для себя заработок, чрезвычайно отягощало положение.

¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 34. Л. 8–10.

¹⁰⁹ 12.10.1920 в Риге был подписан договор о перемирии и прелиминарных условиях мира между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей, с другой // Дипломатический словарь. Т. 3. – М., 1986. С. 273.

¹¹⁰ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 44. Л. 18.

¹¹¹ См. циркуляр Русского попечительного комитета об эмигрантах в Польше по правовой помощи № 705 // Русские беженцы. С. 342–344.

¹¹² ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 467. Л. 3.

¹¹³ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 41. Л. 89–90. Письмо В.М. Горлова М.Н. Гирсу от 21 января 1923 г.

¹¹⁴ Там же. Л. 19.

¹¹⁵ Там же. Л. 19об.

¹¹⁶ Там же. Д. 44. Л. 18.

¹¹⁷ ГА РФ. Ф. 5814. Оп. 1. Д. 6. Л. 22–27.

¹¹⁸ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 44. Л. 21–21об.

¹¹⁹ Подробнее см. меморандум по вопросу о правовой помощи русской эмиграции в Польской республике, представленный правлением Русского попечительного комитета об эмигрантах в Польше министру внутренних дел от 25 октября 1923 г. // Русские беженцы. С. 344–349.

¹²⁰ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 44. Л. 20.

¹²¹ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 44. Л. 36.

¹²² Представителями нансеновской организации в Польше, Эстонии, Латвии были Шарпантье, затем Арну, с начала 1927 г. Галлати. 16 февраля 1934 г. в Русском Доме в Варшаве состоялось прощальное чествование Галлати, в связи с его уходом с поста представителя Офиса // ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 44. Л. 97. Сотни человек были спасены им от высылки из Польши, Эстонии, Латвии, получили рабочие контракты и визы во Францию. Он многое сделал благодаря ходатайствам перед польским правительством для улучшения правового положения российских беженцев. После ликвидации делегации международного офиса им. Нансена оказанием помощи российским эмигрантам ведал Польский Красный Крест // АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 56. Л. 145об.

¹²³ Бюллетень № 56 РЗГК. С. 19.

¹²⁴ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 34. Л. 11.

¹²⁵ Въездную визу польские консулы выдавали только, получив согласие местных административных властей. Воеводы же такое согласие давали в исключительных случаях // ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 34. Л. 12.

¹²⁶ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 34. Л. 15.

¹²⁷ Русские беженцы. С. 350.

¹²⁸ Дата подписания Рапальского договора – 16 апреля 1922 г. – стала рубежной для российских эмигрантов. Это событие взволновало русскую колонию. Всех беспокоили вопросы: каково будет положение русских граждан; где они будут брать виды на жительство; не будут ли им чиниться стеснения и препятствия в проживании на территории Германии, т. к. существовали и без того строгие паспортные правила, требование разрешения на наем не только квартиры, но и комнаты, визы на проезд в некоторые государства империи. См.: *Неманов Л.* Эмигрантские будни // Последние новости. – Париж, 1922. 30 мая.

¹²⁹ Руль. – Берлин, 1922. 5 марта.

¹³⁰ В условиях свертывания работы нансенамта и угрозы его закрытия Е.А. Фальковский жаловался в письме М.Н. Гулькевичу от 14 ноября 1933 г.: «Куда денется весь драгоценный документальный материал многолетней работы? В папках представительства [Лиги Наций] зафиксированы сведения о большей части беженцев в Германии, это многие тысячи семейств. При том явлении, что у беженца русские бумаги отсутствуют или исчезли, а заграничные также с неизбежностью исчезают» // ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 114. Л. 2.

¹³¹ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 44. Л. 61; см. также: *Schlögel K.* Berlin: «Stiefmutter unter den russischen Städten» // *Der große Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941.* – München, 1994. S. 238.

¹³² Руль. – Берлин, 1922. 16 июня.

¹³³ РГВА. Ф. 720к. Оп. 1. Д. 102. Л. 44, 45, 23об.; *Volkman H.-E.* Die russische Emigration in Deutschland, 1919–1929. S. 30, 29.

¹³⁴ РГВА. Ф. 720к. Оп. 1. Д. 103. Л. 86.

¹³⁵ ГА РФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 537. Л. 25. Информационный листок РЗГК № 40–41. – Париж, 1924. 10 июля.

¹³⁶ Руль. 1922. 14 июня.

¹³⁷ ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 46. Л. 227. Письмо И.Н. Ефремова М.Н. Гирсу из Берна от 20 июля 1922 г.

¹³⁸ Наш век. Берлин. 1932. 6 ноября.

¹³⁹ См.: ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 31. Л. 15.

¹⁴⁰ ГА РФ. Ф. 5908. Оп. 1. Д. 19. Л. 3.

¹⁴¹ Там же. Ф. 5981. Оп. 1. Д. 111. Л. 33.

¹⁴² *Volkmann H.-E.* Die russische Emigration in Deutschland, 1919–1929. S. 31.

¹⁴³ *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. С. 18.

¹⁴⁴ Русский альманах / под ред. В.А. Оболенского и Б.М. Сарача. – Париж, 1931. С. 197.

¹⁴⁵ *Маклаков В.А.* Новые элементы в улучшении положения русских беженцев во Франции // Закон и суд. 1930. № 10. Ст. 336–340; Бюллетень № 56 РЗГК. 15 января 1930 г. С. 18–19.

¹⁴⁶ Руль. 1922. 10 октября.

¹⁴⁷ ГА РФ. Ф. 6006. Оп. 1. Д. 37. Л. 15. Сведения о положении русской эмиграции. №. 4. Берлин. Июль–август 1924.

¹⁴⁸ Руль. Берлин. 1922. 10 октября.

¹⁴⁹ После ратификации конвенции 1933 г. Францией в 1934 г. за сертификат д'идантите надо было уплатить 15 золотых фр.

¹⁵⁰ Последние новости. – Париж, 1931. 14 марта.

¹⁵¹ *Бойко Ю.В.* О влиянии смешанных браков на процессы социальной адаптации россиян во Франции 1920-х годов // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках. – М., 1996. С. 112.

¹⁵² Последние новости. 1935. 17 ноября.

¹⁵³ *Косик В.И.* Русская Югославия: фрагменты истории, 1919–1944 // Славяноведение. 1992. № 4. С. 22.

¹⁵⁴ Нансеновские паспорта выдавались префектурой Белграда беженцам, проживавшим в Сербии и Воеводине, полицейским управлением в Люблянах – в Словении, префектурой Загреба – в Хорватии, полицейским управлениям в Сараеве и Сплите – в Боснии и Герцеговине и Далмации. Префектуры и полицейские управления направляли прошения на рассмотрение МВД, и оно давало разрешение соответствующему полицейскому управлению выдать просителю паспорт. Предваряла выдачу паспортов проверка беженцев, дабы их не могли получить «русские коммунисты и большевистские агенты и провокаторы» // Русские беженцы. С. 326–332.

¹⁵⁵ *Козлитин В.Д.* Русская и украинская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.). – Харьков, 1996.

¹⁵⁶ *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция... С. 76–77.

¹⁵⁷ 21 октября 1924 г. объединенное заседание представителей русских общественных организаций в Загребе приняло решение о невозможности участия в голосовании, т. к. беженцы не являлись гражданами этого государства. Были высказаны сомнения в рациональности данной позиции. Так, полковник Калинин писал в Державную комиссию, что

поскольку югославское правительство предоставило право участия в выборах и рассчитывает на поддержку эмигрантов, то отказ от голосования может привести к изменению отношения к русским в худшую сторону, и это обстоятельство следовало бы учитывать // АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 98. Л. 5, 8–9.

¹⁵⁸ Там же. Л. 10.

¹⁵⁹ *Косик В.И.* Указ. соч. С. 22–23.

¹⁶⁰ Бюллетень № 59–60 РЗГК. 15 мая 1930 г. С. 20.

¹⁶¹ По сведениям Державной комиссии к 1 января 1926 г. число нетрудоспособных русских беженцев достигало 2032 человек // АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 108. Л. 1 об.

¹⁶² Инвалиды 1-й группы (категории), потерявшие 100% трудоспособности, ежемесячно получали 800–400 динаров, 2-й (потерявшие 75–100% трудоспособности) – 400–200 динаров, 3-й (утратившие 50–75% трудоспособности) – 200–100 динаров. Всего к 1926 г. в КСХС для выплат 1954 русским военным инвалидам государство тратило 6 млн. динаров в год. Практически безотказно правительство удовлетворяло просьбы о бесплатном лечении на курортах, в санаториях и больницах, выдаче троекратного половинного годового проезда по железной дороге, бесплатного направления на лечение, о протезах, направляло «для дожития» в сербские инвалидные дома, на инвалидные заводы для изучения ремесел (как и сербов-инвалидов) // АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 108. Л. 16.

¹⁶³ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 98. Л. 92–92 об.

¹⁶⁴ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 98. Л. 116 об.

¹⁶⁵ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 98. Л. 133.

¹⁶⁶ *Козлитин В.Д.* Русская и украинская эмиграция в Югославии. С. 137–139.

¹⁶⁷ Конституция Болгарии была принята в 1879 г. и действовала до 1946 г., считалась самой демократической.

¹⁶⁸ *Кьосева Ц.* Руска емиграция в България. С. 538.

¹⁶⁹ АВПРФ. Ф. 415. Оп. 6. П. 50. Д. 76. Л. 1–2.

¹⁷⁰ Бюллетень № 61–62 РЗГК. 15 июля 1930. С. 17.

¹⁷¹ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 64.

¹⁷² Бюллетень № 61–62 РЗГК. 15 июля 1930 г. С. 10–13.

¹⁷³ *Кьосева Ц.* Указ. соч. С. 198.

¹⁷⁴ *Кьосева Ц.* Указ. соч. С. 59.

¹⁷⁵ *Кьосева Ц.* Указ. соч. С. 202–203.

¹⁷⁶ *Кьосева Ц.* Указ. соч. С. 201–201; ГА РФ. Ф. 7067. Оп. 1. Д. 365. Л. 18.

¹⁷⁷ Цит. по: *Гольденвейзер А.А.* Иммиграционные законы в Соединенных Штатах // Закон и суд. 1938. № 8–10. Ст. 4109.

¹⁷⁸ Обращение к переписи 1890 г. объяснялось тем, что таким путем достигался желательный национальный состав иммигрантов. В 1890 г. в стране было еще сравнительно мало выходцев из Италии и России и пропорционально больше англичан и немцев. Национальность определялась исключительно местом рождения. Подданство никакой роли не играло. Исчисление количества выходцев из разных стран, находивших-

ся в Соединенных Штатах в 1890 г., потребовало сложных статистических исследований, в особенности потому, что приходилось считаться с происшедшим с тех пор распадом прежних государств и образованием новых. Поэтому квоты были установлены окончательно только в прокламации президента от 22 марта 1929 г. Общее допустимое число иммигрантов составило 150 тыс. в год. Русская квота (для лиц, родившихся на территории в границах тогдашней СССР) была установлена в размере 2712 человек // Закон и суд. 1938. № 8–10. Ст. 4109–4110.

¹⁷⁹ Подалко П. Э. Деятельность российских дипломатов в Японии в 1918–1924 гг. // Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион. – Владивосток, 2000. № 1. С. 74.

¹⁸⁰ Русская эмиграция. Альманах. 1920–1930 гг. Вып. 1. – Белград, 1931. С. 32.

¹⁸¹ Он заявил, что Б.А. Бахметев с самого начала своей деятельности в стране был самозванцем, т. к. якобы никогда не представлял настоящих полномочий, присвоил и растратил 187 млн. долларов, в которых так и не отчитался перед американским правительством, взял под свое покровительство «монгольское чудовище» – Г.М. Семенова, и вместе с ним строил политические козни. Б.А. Бахметев в письме сенату парировал, что общая сумма займов, предоставленных казначейством США Временному правительству составила 187 129 750 долларов, большая часть из которых была истрачена до его прибытия в США, что Семенов действительно посетил посольство, но официальных отношений с ним никаких не было, что все приезжающие русские за исключением сторонников восстановления старого режима или большевиков обычно заходят в посольство. Однако 27 мая Бора официально заявил, что Б.А. Бахметев по-прежнему признается американским правительством в качестве русского посла и потому не подлежит юрисдикции сенатской комиссии // Последние новости. 1922. 28 мая.

¹⁸² Русские без отечества. Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов. – М., 2000. С. 52.

¹⁸³ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 79. Л. 20. Циркулярное письмо М.Н. Гирса российским представителям от 15 июля 1922 г.

¹⁸⁴ Там же. Остававшиеся средства посольства «на хранении» оказались у С.А. Угета, который обосновался в Вашингтоне в качестве эксперта по российским делам. До признания СССР он пользовался официальным статусом «атташе по финансам и хранителя собственности российского посольства в США» и проживал в здании посольства, которое было закрыто весной 1924 г. // Окунцов И.К. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес, 1967. С. 381–382; Браун Д. Исчезнувшие архивы российского посольства в США, 1922–1949 // США–Канада. Экономика, политика, культура. 2001. № 6. С. 54; Будницкий О.В. Б.А. Бахметев – дипломат, политик, мыслитель // Россия в США. – М., 2001. С. 42; Нитобург Э.Л. Русские в США. С. 149.

¹⁸⁵ Нитобург Э.Л. Русские в США. С. 132–134.

3

СТРУКТУРИЗАЦИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ РОССИИ

Попытки создания преемственного органа власти

Правительство П.Н. Врангеля после поражения в Гражданской войне утратило остатки внутринационального и международного признания. Тем не менее, главнокомандующий попытался сосредоточить в своих руках необходимые полномочия и создал **Русский совет**. 15 ноября 1920 г. на общем собрании представителей русских общественных организаций в Константинополе бывший член Государственной думы Н.В. Тесленко предложил резолюцию, в которой русские общественные деятели различных политических ориентаций заявляли, что видят «в лице генерала Врангеля, как прежде, главу русского правительства и преемственного носителя власти, объединяющего русские силы»¹. Это стало первым шагом на пути к созданию Русского Совета, претендующего быть преемственным органом законной власти и сосредоточившего в своих руках значительные финансы. Торжественное открытие Совета состоялось 5 апреля 1921 г. В некоторых эмигрантских кругах он приветствовался «как орган, объединяющий представителей различных политических течений, как орган русской власти и управления»². В него вошли монархисты, кадеты и даже народные социалисты³. Так, энес А.А. Демьянов был избран управляющим делами Совета. Несмотря на огромные претензии Русского Совета, его главной задачей стала забота об эвакуации остатков белой армии из Турции и размещение ее на Балканах. Но постепенно Совет превратился в арену для политической борьбы,

что побудило П.Н. Врангеля внести предложение о прекращении его деятельности. Последнее заседание состоялось 20 сентября 1922 г. Большая часть эмиграции не признала его всероссийским заграничным представительным органом. Противники Русского Совета слева выступали против идеи и дела белого движения, а противники справа объясняли его крах отказом от политической борьбы, нерешительностью вождей взять знамя реставрации монархии в России. Вместе с тем шло постепенное сужение опоры Совета – ликвидирующейся армии. Находясь в отдалении от мировых столиц, он бойкотировался и международной дипломатией.

Поскольку бывшие военные чины Русской армии составляли значительную часть эмиграции, а ее командование осуществляло власть на последних рубежах России, остатки этой армии за границей стали «средоточием идеи о Зарубежье, как подлинном русском государстве, сохраненном и прикровенно продолжающем свое бытие, в чаянии грядущего возрождения»⁴. П.Н. Врангель и его окружение, чтобы сохранить свой личный политический вес и авторитет армии в русском Зарубежье, в 1924 г. создали центр объединения всех военных обществ и союзов эмиграции – Русский общевоинский союз (РОВОС). Армия фактически трансформировалась в конгломерат различных военных обществ и союзов в разных странах, объединенных общим руководством.

Реальными властными полномочиями, влиянием на рассеянные по миру российские диаспоры обладал дипломатический корпус (несоветской России), претерпевший определенные изменения, но уже имевший готовые структуры и соответствующий аппарат. 2 февраля 1921 г. в Париже было создано **Совещание послов** как неофициальный орган, объявивший о правопреемстве интересов российских граждан и «российского достояния» за рубежом.

К началу Первой мировой войны российское дипломатическое представительство за рубежом состояло из 9 посольств (в Берлине, Вашингтоне, Вене, Лондоне, Париже, Константинополе, Мадриде, Риме и Токио), 24 миссий, включая диппредставительства, которые возглавлялись министрами-президентами, 36 генеральных консульств, 84 консульства и 34 вицеконсульства. На 1914 г. штаты загранучреждений составляли 431 человек. После Февральской революции из царских

дипломатов добровольно расстался с должностью лишь один посол в США Ю.П. Бахметьев. Временное правительство приступило к постепенному обновлению состава российских представителей за границей. Ключевые дипломатические посты в союзных и нейтральных державах буржуазное правительство доверило не профессиональным дипломатам, а представителям политической общественности, лояльной к республиканской власти в России. Октябрь 1917 г. изменил ситуацию. 22 ноября (5 декабря) 1917 г. НКВД предложил всем служащим посольств, миссий и консульств сообщить, согласны ли они проводить внешнюю политику советского правительства. Ответа не последовало⁵. 28 послов, посланников и сотрудников посольств были уволены. Не признавшие советскую власть дипломатические и консульские службы, считали своим долгом продолжать действовать в рамках своих обязанностей и осваивая новые функции. Иностранные правительства по-прежнему сносились с ними как с официальными представителями России.

Дипломатические миссии стали выдавать паспорта, на основании которых россияне могли жить за рубежом. Таким образом, бывшие послы выступили «символом и хранителем идеи российской государственности», а паспорта, выданные еще губернаторами или российскими дипмиссиями, – свидетельством принадлежности к Зарубежной России.

Совещание поставило своей задачей «охранить до последней возможности идею общерусской государственности, дабы не дать расплыться всем организованным силам противобольшевистской России в их тяжелой борьбе за русское дело»⁶. Было решено, что «до тех пор, пока державы отказываются признавать большевиков, – единственным органом, имеющим характер постоянности, законной преемственности и сравнительной независимости от хода событий, является русское дипломатическое представительство за границей. В частности, только оно может нести ответственность за судьбу русских государственных средств и казенного имущества»⁷. Постоянным органом Совещания стал Совет послов во главе со старейшим русским дипломатом М.Н. Гирсом, сыном министра иностранных дел при императоре Александре III. После смерти М.Н. Гирса в 1932 г. его преемником стал В.А. Маклаков. Полномочия Совета послов были признаны

международным сообществом. Совет имел своего представителя при верховном комиссаре по делам русских беженцев Лиги Наций – К.Н. Гулькевича.

Существовавшую в России власть большая часть эмиграции рассматривала как антинациональную, не легитимную, лишенную не только правового, но и морального основания. За ней отрицалось право на осуществление государственного и национального суверенитета. Поэтому старые дипломатические и иные представительства за границей считали своим долгом продолжать деятельность от имени законной власти, от имени России. Основанием для своей деятельности они считали, помимо признания их правительствами стран-реципиентов, «правовое ощущение формального существования национальной России, которую они представляли, вопреки насильственному захвату ее территории антинациональной и неправомерной властью»⁸.

Делению на две России содействовал Декрет ВЦИК и СНК от 15 декабря 1921 г., когда были лишены российского гражданства лица, а) покинувшие Россию после Октября 1917 г. и не получившие от советских представительств заграничных паспортов до 1 июня 1922 г., б) выехавшие из России после 7 ноября 1917 г. без разрешения советской власти и в) добровольно служившие в армиях, сражающихся против советской власти. Желавшие могли подавать заявления о восстановлении своих прав через ближайшие представительства РСФСР⁹. Но в советские посольства ходили немногие. Кроме того, в целом ряде стран (особенно до середины 1920-х гг.) дипломатические учреждения РСФСР (СССР) отсутствовали, и декрет стимулировал образование эмигрантских центров, защищавших права русских.

В распоряжении Совещания русских послов оказались определенные материальные и финансовые средства за рубежом¹⁰, права на которые оспаривались Советским государством. На содержание русских делегаций выделялось по 1 тыс. ф. ст. в месяц, а также генералу Д.Г. Щербачеву, представителю русских армий при союзных правительствах, РОКК (старая организация), Земскому союзу, РПЦ за рубежом, Русскому освободительному комитету в Лондоне¹¹.

Защита интересов граждан бывшей Российской империи легла на дипломатические представительства и в тех странах,

где, строго говоря, они не были признаны, т. к. представляли уже не существующее правительство, а русский мир за рубежом. Ситуация складывалась неоднозначно. Например, в Швейцарии дело осложнялось расторжением по инициативе Временного правительства Конвенции о водворении и торговле, заключенной между Россией и Швейцарией 14 (26) декабря 1872 г. Официально было заявлено, если нет признанного Швейцарией российского правительства, и таких органов русской власти, которые имели бы бесспорное право совершать акты правительственной власти, то и выданные этими властями документы, паспорта и свидетельства (в том числе и дипломатические) не имеют силы; снабженные же ими лица должны быть признаны не имеющими законных видов на жительство¹². Эти «беспаспортные иностранцы» попадали под действие закона, дающего право высылать их из кантона и даже из Швейцарии или лишь терпеть их пребывание под условием залога или поручительства. Однако благодаря авторитету и личному влиянию представителей российских дипломатических кругов и переговорам с Федеральными властями Департамент юстиции и полиции издал циркуляр, в котором рекомендовал местным властям «относиться как можно благожелательнее к русско-подданным», предъявлявшим подписанные этими лицами документы. Залоги и поручительства являлись гарантией для местных коммун и кантонов от возможных расходов по содержанию неимущих русских¹³.

Главный политический Представитель августейшего блюстителя государева престола кн. Д.П. Голицын-Муравлин писал М.Н. Гирсу 26 августа 1922 г.: «То тяжкое положение, в которое была поставлена Россия губительными событиями 1917 г., вынудило находящихся за границей наших соотечественников ради исхода из неопределенного условия быта признать, если не вполне правильной, то, во всяком случае, удобную наличность посольских учреждений, опирающихся на предположение о продлении бытия Временного правительства, возникшего под возглавлением кн. Львова и под управлением Керенского, переставшего существовать. Учреждения эти, под высшим водительством Вашего Превосходительства, оказали нашему многострадальному большинству несомненные услуги. Блестящая опытность Ваша, на Государевой службе приобретенная, принесла делу великую пользу. Ныне, после того, как состоялось

провозглашение его императорского высочества в.кн. Кирилла Владимировича Блюстителем Государева Престола, дальнейшее оставление упомянутых учреждений как бы искусственным продлением Временного правительства, создает предположение, нисколько не отвечающее действительности». На что глава Совета послов отвечал, что заграничное представительство никогда не выставляло себя как продолжателя того или иного правительства, и видело в себе символ хранителя идеи российской государственности¹⁴. Ответ опытного дипломата «размежевал» задачи дипломатов и последовательных защитников монархии.

Попытки возглавить эмиграцию делались в монархической среде. Потенциальными наследниками Николая II были в.кн. Николай Николаевич и в.кн. Кирилл Владимирович. Равновесие между претендентами нарушил Кирилл Владимирович, который 26 июля 1922 г. подписал манифест и объявил себя «блюстителем» пустующего русского трона, ссылаясь на несогласную кончину царя и наследника.

Внешний эффект монархического единения отнюдь не означал согласия в царской семье. Шаги в.кн. Кирилла Владимировича не были согласованы и с иностранными государствами. Не оправдались надежды и на поддержку Врангеля, за которым стояла военная эмиграция, преимущественно монархически настроенная. С.Н. Ильин в доверительном письме писал 17 августа 1922 г. из Белграда главе российской дипломатической миссии в КСХС В.Н. Штрандтману: «11 августа 1922 г. генерал Врангель получил от в.кн. Кирилла Владимировича телеграмму: «я как блюститель Государева Престола неизменно рассчитываю на Ваше творческое сотрудничество, единодушие в великом деле спасения России. Высылаю манифест. Уважающий вас Кирилл». П.Н. Врангель ответил, что он, как и громадное большинство его соратников, мыслит Россию такой, как того пожелает русский народ, пламенно веря в то, что народная мудрость вернет Россию, как и триста лет назад, на ее исторический путь. Указывая на то, что великий князь уже ныне, на чужбине без участия народа предрешает этот вопрос, генерал П.Н. Врангель сообщил великому князю, что при таком условии он «не вправе обещать ему сотрудничество, которое ему угодно было предложить генералу Врангелю»¹⁵.

Как замечал С.С. Ольденбург, работа по объединению национальных сил встретила «препятствия во взаимном недоверии организаций с различным историческим прошлым. При общей цели, при общем противнике, при отсутствии разногласий даже относительно средств борьбы, старые счеты и взаимные подозрения затрудняли реальное объединение»¹⁶.

Наряду с попытками сплочения вокруг армии и монархической идеи, предпринимались шаги по объединению членов бывших российских законодательных учреждений (Государственной думы и Государственного совета, как казалось, более представительных и признанных в международных кругах) в **Русский парламентский комитет** (РПК). Идея его создания возникла 12 декабря 1920 г. на Совещании членов законодательных палат, состоявшемся в Париже, в помещении русского посольства. РПК взял на себя задачу содействовать делу борьбы путем организации связи и сотрудничества с представительными учреждениями Европы¹⁷. Центральный Комитет находился в Париже. Среди членов парижской группы РПК были И.А. Бунин, В.Л. Бурцев, А.В. Карташев, Н.Н. Шебеко, Д.С. Пасманик, А.Н. Анциферов¹⁸. В обращении членов комитета говорилось: «Третий Коммунистический интернационал захватил последний клочок русской земли, на котором сохранялась русская государственность. Последняя вооруженная опора правовой русской власти, – армия генерала Врангеля, – находится на чужбине. Неотделимым спутником правовой государственности и одним из самых мощных выражений ее служит во всем мире парламентаризм, – участие народа, в лице представительных учреждений»¹⁹. «Парламентские комитеты» возникли во всех крупных эмигрантских центрах. 3 января 1921 г. 20 из 28 оказавшихся в Константинополе бывших членов Государственной думы и Государственного совета составили собрание под председательством Н.Н. Львова, бывшего крупного помещика, члена ЦК партии кадетов в 1905 г., лидера прогрессистов, депутата I, III, IV Государственной думы, одного из руководителей Русского комитета объединенных организаций в эмиграции. В.Х. Даватц назвал парламентские комитеты «ядрами русской национальной мысли, особенно ценными потому, что мысль эту они выражали не только декларативно, но и помогали своей практической работой»²⁰. Ни парламентарии других стран, ни собственно эмигрантская среда не поддержали широко РПК,

т. к. события 1917 г., Гражданская война вывели на историческую арену новые политические и общественные силы.

Поэтому парижская группа кадетов еще в конце 1920 г. опубликовала предложение создать Национальный комитет, в который бы вошли силы, оказавшиеся на гребне политической волны в Феврале 1917 г. Предложение кадетов встретило отклик со стороны левых партий, воздерживавшихся до сих пор от каких-либо совместных действий с несоциалистической демократией. Социалисты-революционеры 15 декабря 1920 г. ответили компромиссным предложением созвать 8 января 1921 г. **заграничный съезд членов Учредительного собрания 1917 г.** Таким образом, при содействии французского правительства 8–17 января состоялось совещание бывших членов Всероссийского Учредительного собрания²¹. Из 56 членов, находившихся к тому времени в эмиграции²², приехали 33 человека. 20 – игнорировали предложение, 3 – отказались. Среди участников совещания были представители эсеров (22), кадетов (5), по одному октябристу и энесу, один представитель от казаков, двое от татарской буржуазии кадетской ориентации. Председательствовал на совещании Н.Д. Авксентьев, член ЦК партии эсеров, бывший председатель исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов, министр внутренних дел во втором коалиционном Временном правительстве, председатель Временного совета Российской республики. Надо сказать, что кадеты были с самого начала против реанимации Учредительного собрания за границей и хотели использовать совещание для объединения демократических сил и обсуждения актуальных вопросов эмигрантской жизни. Избранная Совещанием постоянно действовавшая Исполнительная комиссия (в составе 5 кадетов и 4 правых эсеров) оказалась не столько органом объединения, сколько разъединения. Известно, что совещание стало главной причиной раскола между правыми и левыми группами кадетов в эмиграции.

Плодотворной стала попытка создания надпартийного, широконационального союза в лице **Русского национального объединения** (РНО), выставившего лозунг «За Родину, за Отечество, за Россию!». Съезд РНО состоялся 5–12 июня 1921 г. В нем приняли активное участие представители Торгово-промышленного объединения, Парламентского комитета, Русского Совета, редакции газеты «Общее дело» (прежде всего В.Л. Бур-

цев), правых кадетов и октябристов. Группа П.Н. Милокова от участия в съезде отказалась, эсеров и меньшевиков не приглашали. Основу объединения составила идея свержения большевизма, отказ от восстановления старого общественно-политического строя, признание народовластия на основе конституционной демократии, всеобщего избирательного права, политических и гражданских свобод и т. д. Заявлялось, что социальный строй должен базироваться «на внеклассовых основаниях», отстаивался принцип частной собственности, провозглашалось правовое закрепление и государственное урегулирование совершившегося перехода земель в руки крестьян на началах частной собственности²³. Съезд принял программу, избрал Русский национальный комитет (РНК) под председательством А.В. Карташева. Несмотря на то, что РНО, с отделами и представительствами в разных странах (Англии, Франции, Сербии, Болгарии, ЧСР, Финляндии, Турции, Греции, США, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Германии, Прибалтике, Польше, Персии) не сыграло роль объединяющего центра, его инициативы и реальная работа имели действенный эффект по защите интересов русских беженцев.

Роль общественных организаций в адаптации русских беженцев

Русские общественные организации сыграли огромную роль в структуризации и самовыражении русского мира. Наиболее крупные из них начали свою деятельность еще в России (Земгор, Российский Красный Крест). Общественные организации имели как общеэмигрантское, так и местное, региональное, локальное значение. Можно выделить следующие принципы объединения: профессиональный, корпоративный, по землячествам (московское, петроградское, крымское, северо-западное). Направления и виды деятельности общественных организаций были чрезвычайно разнообразны. Это была гуманитарно-благотворительная, профессиональная, культурно-просветительная, правовая, трудовая, медицинская и другая помощь, могли быть «клубы по интересам». В результате выстраивалась система социальной защиты и помощи. Функции самоорганизации,

урегулирования юридического положения, жизнеобеспечения и адаптации беженцев, взятые на себя различными объединениями, позволили сплотиться, представлять интересы русского мира перед правительствами разных стран, в международных организациях, в том числе в Лиге Наций, сохранить национальные традиции, организовать национальную систему образования, поддерживать и стимулировать активную культурно-просветительскую работу.

В первую очередь беженцы нуждались в питании, одежде, обуви, жилище. Организации, призванные заботиться о военнослужащих, перенесли центр тяжести на беженцев. Опыт работы, материальными средствами, международными связями обладало *Российское общество Красного Креста* (старая организация) (РОКК). Оно возникло в 1879 г., а 6 января 1918 г. было распущено советским правительством, но продолжило свою деятельность за границей, используя имевшиеся на его счету средства. К 1919 г. образовалось Парижское совещание по делам РОКК, возглавляемое П.Н. Игнатьевым²⁴. В феврале 1921 г. в Париже собрались члены Главного Управления, в том числе представители временных управлений по делам Красного Креста, образовавшихся на Юге России и в Сибири, и образовали Особую комиссию для решения текущих вопросов²⁵. Таким образом, за границей были объединены уцелевшие части старой организации. О решениях этого совещания были уведомлены Международный комитет Красного Креста (МККК), национальные Красные Кресты и их Лига и российские (не советские) посольства. МККК в качестве национального краснокрестного общества России признавал до 15 октября 1921 г. именно эмигрантское РОКК, позже – советский Красный Крест, образовавшийся 20 ноября 1918 г. После международного признания советского Красного Креста к прежнему названию РОКК в эмиграции было принято решение добавлять в скобках «старая организация». Представителем РОКК (старая организация) при Международном комитете Красного Креста и при международных организациях в Женеве стал Ю.И. Лодыженский. В «Отчете деятельности РОКК» говорилось, что не удалось добиться признания за старой организацией РОКК права русского национального Красного Креста, но смогли достигнуть сохранения за ней на местах, соответствующего его достоинству и значению учреждения, представлявшего бывший РОКК и преемственно продолжавшего его дело.

Заграничная работа РОКК началась осенью 1916 г. После Октябрьской революции его деятельность активизировалась в разных странах. К 1925 г. было образовано 27 местных комитетов. Средства РОКК, отпущенные для опеки военнопленных, размещались в западных странах еще со времен мировой войны, кроме того, дополнительно поступали первоначально от белого главного военного командования, а также союзного командования, иностранных благотворительных и краснокрестных организаций, Лиги Наций, представителей христианских церквей. Государственные средства составляли примерно 55 %, и 45 % – пожертвования правительств, общественных и частных иностранных и русских организаций. Финансовый совет при Соединении послов, в ведении которого находились остатки финансовых ресурсов бывшей Российской империи и Временного правительства, отпускал средства для РОКК и контролировал их расходы²⁶.

Расходы распределялись следующим образом: 51 % – на медицинскую помощь, 24 % – инвалидам, детям, престарелым, нетрудоспособным, 11 % – на питательную и 7 % – на благотворительную помощь. Через РОКК в 1925 г. в Европе было выдано 3201556 бесплатных обедов и 892338 единиц одежды и обуви, а также организовано 8 общежитий и 2 столовые²⁷. На медико-санитарные учреждения легла задача общего лечения массы беженцев и даже местных жителей. Хирургические госпитали стали общими больницами, хронически переполненными, т. к. выздоравливавшие часто оставались на больничных койках сверх срока, поскольку другого пристанища у них не было. Возможности РОКК к середине 1920-х гг. значительно сократились. Если в 1921 г. в ведении Главного управления было 13 госпиталей, 6 санаториев, 4 лазарета, 26 столовых, 11 складов, 37 мастерских для беженцев, то в 1925 соответственно: 4 (в 1938 – 3²⁸), 1 (в 1938 – 3²⁹), 3, 2, 7 и 3³⁰.

Со временем РОКК сосредоточилось на медицинской помощи беженцам. Первоначально были использованы свои средства. Когда они истощились, главное внимание стали уделять изысканию финансов из других источников, налаживанию связей с международными краснокрестными организациями, а также представительству и защите интересов беженцев на разных уровнях. Преимущественное значение РОКК (старая

организация) имела в странах-лимитрофах и на Дальнем Востоке, т. е. там, где не проявлял активности РЗГК. В ведении РОКК в 1921 г. находились 55 специальных амбулаторий. В 1925 г. их осталось 30³¹, в 1937 – только 5³².

Одна из амбулаторий располагалась в Берлине. Она ставила цель – всесторонняя помощь российским беженцам в Германии. Но реально амбулатория обслуживала не только выходцев из Российской империи. Врачи амбулатории оказывали бесплатную медицинскую помощь на дому.

За 15 лет деятельности амбулаторию посетили 171955 человек. Наибольший наплыв наблюдался в 1920–1924 гг. – в среднем по 20 тыс. человек в год. (Ср.: за это же время число обращений в амбулатории Главного управления РОКК (старая организация) составило 1392417 (или 587451 человек)³³). В 1925–1929 гг. в амбулаторию обратилось в 2 раза меньше людей. Русская эмиграционная волна отхлынула из Германии. Однако после прихода Гитлера к власти число посещений увеличилось. Чуть больше, чем обычно (на 800) зафиксировано визитов в 1934 г. – 11244 человек. Рост числа обращений продиктован процессом общего обеднения русской колонии в Берлине. Если раньше многие вызывали врача на дом, то теперь вынуждены были сами идти до амбулатории, чтобы меньше платить. Однако 3/5 посетителей не смогли заплатить за свои визиты³⁴. Увеличилось число коренных берлинцев, обратившихся в амбулаторию. Более половины (62,6 %) прибегнувших к помощи были по национальности русскими, 18,5 % – немцы, 11,2 % – евреи, 3,7 % – украинцы, 1,6 % – жители Кавказа, 1,6 % – татары, 0,2 % – поляки, число которых возросло в 1934 г.³⁵ В первые 5 лет амбулаторию активнее посещали мужчины, в следующие 5 лет их число уравнилось с женщинами, с 1931 г. на 9 обратившихся женщин приходилось 7 мужчин. Наиболее часто обращались к врачам люди в возрасте от 41 до 50 лет (33 % или 3739 из 11244 в 1934 г.). Среди детей-подопечных многие были воспитанники русских школ в Германии.

Большая часть страдала сердечными заболеваниями, которые «легко появляются под влиянием жизненных условий»³⁶. В первые годы существования амбулатории было громадное число обращений по хирургическим вопросам, касающимся последствий огнестрельных ранений. Лишь со второй полови-

ны 1920-х гг. их стало меньшинство³⁷. Число ревматиков ограничивалось десятками. Тогда русская колония была моложе, богаче ее представители, лучше условия жизни. В целом, 58,8 % составляли внутренние заболевания. Стабильно высоким был процент нервных больных (10,1 % в 1934 г.). На первом месте стоял алкоголизм. Реже встречались больные чахоткой, т. к. отмечалось «исключительно хорошее санитарное состояние германских городов, систематическая борьба государства с туберкулезом как социальным злом, предупредительное отношение города к туберкулезному больному, даже если он русский эмигрант»³⁸. Главные причины гинекологических обращений – климакс. У русских беженек этот критический период начинался раньше, чем у местных жителей (примерно с 55 лет), что также было связано с тяжелыми условиями жизни.

Деятельность амбулатории не ограничивалась медицинской помощью, включала и профилактическую заботу: выдача мыла, предоставление ночлега, бесплатных лекарств за счет частных благотворителей и организаций. С осени 1930 г. ежемесячно выделялось 240 марок на квартирную помощь. условия При этом условия проживания в предоставляемых квартирах были весьма удовлетворительными: теплая вода, душ. Ночь стоила 45 пфеннигов. С декабря 1931 г. германские власти всех нуждавшихся в квартире помещали в городские ночлежные дома. За счет благотворителей выдавались одежда, карточки на бесплатные обеды в городской столовой³⁹.

Заботу о беженцах РОКК делило с *Российским Земско-городским комитетом помощи российским беженцам за границей* (Земгор, РЗГК), официально распущенным советской властью в 1918 г. Свою деятельность Земгор возродил под влиянием массовой эвакуации с Юга России. Бывшие гласные российских земских собраний и городских дум, члены органов местного и краевого управления, находившиеся за рубежом, в составе Всероссийского земского союза, Всероссийского союза городов решили в феврале 1921 г. объединиться с целью организации помощи нуждавшимся беженцам, используя свой авторитет перед иностранными и международными органами. Земгор был зарегистрирован в парижской префектуре⁴⁰. Председателями РЗГК являлись Г.Е. Львов, затем А.И. Коновалов, Н.Д. Авксентьев. Через Земгор шло распределение средств, выделяемых финансовой комиссией Совещания послов (в том

числе и для Земгора). Средства РЗГК складывались также из членских взносов (не менее 10 фр. в месяц или одновременно 100 фр.), отчислений отделов, правительств разных стран, иностранных благотворительных организаций, русского финансового и промышленного мира за границей, сумм, хранившихся в иностранных банках на счетах Всероссийского земского союза.

В первый год существования образовалось 17 местных организаций Земгора преимущественно в европейских государствах (Германии, ЧСР, Болгарии, Турции, Польше, Финляндии, Эстонии, Египте и др.). РЗГК ставил следующие задачи: 1. представительство и защита интересов русских беженцев перед иностранными правительствами и международными организациями; 2. изыскание и распределение денежных и материальных средств; 3. планомерное осуществление различных видов помощи и создания условий для работы беженских организаций; 4. организация помощи на местах и поддержка учреждений, ведающих этой помощью. Особо подчеркивался неполитический характер Земгора. Так, Комитет отказался участвовать в совещании русских организаций по поводу приглашения представителей советской власти на предстоящую конференцию в Женеве⁴¹.

Понимая, что решение сложного вопроса об устройстве более двух миллионов русских беженцев не по силам частным гуманитарным организациям, Земгор считал необходимым стать посредником между правительствами стран-реципиентов, международными организациями, Лигой Наций и беженцами. Делегаты комитета в Женеве, в Совещании представителей правительств и гуманитарных организаций при верховном комиссаре по делам русских беженцев – Н.И. Астров и С.В. Панина – осуществляли связь с работавшими здесь гуманитарными организациями, Лигой Наций, привлекали внимание мирового сообщества к проблемам эмигрантов. К ним стекалась информация о положении русского беженства, которую систематизировали, сообщали верховному комиссару и другим заинтересованным учреждениям и лицам. При его содействии образовывались независимые общественные организации (союзы студентов, увечных и престарелых воинов и др.). Земгор стремился к налаживанию сотрудничества со всеми гуманитарными и культурными русскими организациями за границей с целью координации и достижения наибольшей эффективности их усилий. Его представители входили во все сколько-нибудь значащие

объединенные общественные организации. Одним из первых таких союзов стал Центральный объединенный комитет (ЦОК) РОКК, Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов в Константинополе. Он субсидировался союзниками и через него российские беженцы снабжались продуктами питания, предметами первой необходимости, получали медицинскую помощь, кров.

Первоначально круг деятельности Земгора был чрезвычайно широк. Он занимался расселением, трудоустройством, учетом беженцев, благотворительностью, организацией медицинской и юридической помощи, общежитий, библиотек, театров, приютов, т. е. культурно-просветительскими вопросами. Трудовую помощь осуществлял РЗГК через Бюро труда, Земельную комиссию (председатель А.И. Коновалов), которая способствовала заключению контрактов (на 3–12 месяцев) через министерства земледелия тех или иных стран и МБТ в Женеве, предоставляла ссуды, осуществляла поиск ферм для аренды, давала консультации, справки. Кроме этого, Земгор создавал рабочие места, организуя артели, мастерские и т. д.

Со временем РЗГК сосредоточился лишь на помощи в деле образования беженцев дошкольного и школьного возраста, а также студентов, закончивших средние учебные заведения, находившиеся в ведении Земгора. Культурно-просветительная комиссия Земгора способствовала не только поступлению русских студентов в зарубежные учебные заведения и зачислению их стипендиатами РЗГК, но и ходатайствовала о помощи перед Американским союзом христианской молодежи, АРА. Эта деятельность дополнялась правовой и трудовой помощью. Авторитет РЗГК, состоявшего в основном из людей демократической и социалистической ориентации, был высок в странах, где монархические настроения не были ярко выражены. В Югославии и Болгарии его деятельность не была столь успешной, как, например, в ЧСР или Франции.

С прекращением деятельности за границей российских консульских учреждений и дипломатических представительств возросла роль российских общественных организаций в сфере правовой помощи беженцам. Они приняли на себя несвойственные им функции, превратившись «в своеобразные публично-правовые институты»⁴². Например, Земгор, его правовые отделы либо юридические консультации в отдельных странах

при необходимости снабжали документами, удостоверяющими личность беженца, его семейное положение, образование, профессию, имущественное состояние, правоспособность и т. п.; заверяли копии документов, их переводов, подписей; ходатайствовали перед соответствующими местными учреждениями о выдаче внутренних и заграничных паспортов, о праве проживания в определенных районах; выдавали всякого рода рекомендации, свидетельства о благонадежности и пр.⁴³ Те же функции брали на себя и другие общественные организации, в частности, профессиональные.

Отделы правовой помощи были организованы при тех российских организациях, которые являлись посредниками между местными властями и эмигрантским обществом. В условиях отсутствия твердых правовых положений, законодательно урегулированного статуса эмигранта, при недостаточном знании многими россиянами языка страны проживания, структуры местной власти это обстоятельство имело большое значение.

Непосредственную юридическую помощь оказывали различные союзы юристов, оказавшихся в эмиграции⁴⁴. Так, в 1920 г. начал свою деятельность Союз русских адвокатов за границей (Париж). В декабре 1921 г. Бюро защиты прав русских граждан за границей организовало в Париже Русское юридическое общество во главе с Б.Э. Нольде. Весной 1921 г. был избран Совет российских адвокатов в Константинополе (председатель Н.С. Каринский).

Юридический отдел Российского комитета в Польше во главе с К.Н. Николаевым решал конкретные правовые проблемы, с которыми сталкивались российские эмигранты в этой стране. Русский попечительный комитет в Польше в 1923 г. через свой правовой отдел оказал помощь 6983 эмигрантам⁴⁵; в 1925 г. завел 288 дел, из них 277 закончил, из отдела вышло 631 бумаг различной правовой направленности, были даны юридические консультации. Комитет также отстаивал юридические права беженцев в правительственных учреждениях. Лица, нелегально перешедшие советско-польскую границу, обращались с просьбой посодействовать в получении права политического убежища⁴⁶.

Отдел юридической помощи имело Русское общество в Латвии. К концу 1922 г. количество членов Общества превысило 2 тыс. человек. Его отделения и представители находились

в Двилугодиенске, Либаве, Митаве, Режице, Люцине, Якобштадте, Кресловке, Балтонаве, Колунь, Гавры. Отдел юридической помощи оказывал бесплатную юридическую помощь, составлял разнообразные бумаги, ходатайства и удостоверения по вопросам административного, гражданского и уголовного права. Не менее существенной поддержкой являлось непосредственное обращение к местным судебным и административным учреждениям. В 1921 г. число обращений в Отдел составило более 8 тыс.⁴⁷ За второе полугодие 1922 г. с просьбами о правовой защите обратилось около 3500 человек. Самым острым оставался вопрос получения права пребывания в Латвии⁴⁸.

Аналогичную работу вел Юридический отдел Особого комитета русских эмигрантов в Латвии, куда обратились в том же году 3774 беженца, правовой отдел в Центральном комитете русских эмигрантов в Эстонии⁴⁹.

В августе 1920 г. в Берлине в помещении учрежденного в 1916 г. Общества помощи русским гражданам была открыта юридическая консультация, порядок работы которой и непосредственное заведование осуществляла комиссия в составе Н.А. Залемана, Б.М. Гиддина, Я.И. Конгиссера, Н.Н. Переселенкова и И.М. Рабиновича. В известность были поставлены все важнейшие организации российского Зарубежья, германские учреждения, посольства различных стран, деятельность которых была связана с проблемами беженцев из России⁵⁰. Действовала она до начала 1928 г. В первые годы консультацией заведовал А.Л. Зильберштейн, затем прибывший из Константинополя Е.А. Фальковский. Дважды в неделю дежурный представитель Союза за умеренную плату давал российским эмигрантам юридические консультации.

Примерно тогда же инициативная группа петербургских присяжных поверенных избрала комиссию для выработки устава Союза русской присяжной адвокатуры в Германии. Союз ставил задачу не только взаимной поддержки и защиты профессиональных интересов, но и применения знаний по вопросам русского права, юридической помощи российским беженцам⁵¹. Посетители обращались в юридическую консультацию преимущественно по паспортным вопросам, относительно права жительства, за составлением тех или иных бумаг (как правило, на немецком языке). Председателями Союза были И.М. Рабинович, а с 1921 г. – Б.Л. Гершун.

В Берлине был организован Постоянный русский третейский суд в Берлине. Его устав разработала группа сотрудников Союза русской присяжной адвокатуры в Германии в 1921 г. 6 мая 1921 г. после двухмесячной предварительной подготовки, ведущую роль в которой играли В.А. Гольденбург, О.С. Трахтерев и Я.Г. Перский, третейский суд начал действовать как орган, куда российские эмигранты могли представлять свои внутренние споры. Обращаться к суду могли и иностранные граждане. В Постоянный третейский суд избирались опытные авторитетные юристы. Председателем был Н.Н. Чебышев, возглавлявший Союз русских судебных деятелей. Судьи избирались сроком на один год российскими общественными организациями в Берлине (от 1 до 5 представителей). В 1922 г. в список этих организаций входили Общество русских инженеров в Германии, Общество русских врачей в Германии, Союз взаимопомощи офицеров бывшей русской армии и флота, Центральный союз русских увечных воинов в Германии, Профессиональный союз русских сценических деятелей в Германии, Общество русских евреев, Общество помощи русским гражданам в Берлине, Центральное бюро артелей, Союз русских торгово-промышленных и финансовых деятелей в Германии, Союз русской присяжной адвокатуры в Германии, Союз вкладчиков и владельцев недвижимостей в России, Союз русских судебных деятелей за границей. Средства Третейского суда формировались из взносов организаций-участников и сторон, обращавшихся в суд. Из доходов по каждому делу 75 % предоставлялось судьям, 25 % шло на оплату расходов суда. Органами суда являлись общее собрание судей и Бюро (6 человек). Члены Бюро и секретарь не имели права быть поверенными в делах, разбиравшихся в суде. При обращении к суду стороны вносили 3 % спорной суммы или стоимости спорного предмета; неимущие пользовались судом бесплатно по решению Бюро. Третейский суд был автономен от немецкой юстиции⁵². Первые 2–3 года работа суда было активной, потом стала затихать.

Одними из первых за рубежом стали образовываться союзы военных чинов, составивших не менее 4 % русского мира 1920-х гг. Этот процесс усилился с рассеиванием Русской армии. Первоначально консолидация шла по территориальному принципу, затем – на основе воинской специализации. Коман-

дование армии содействовало, прежде всего, объединению офицеров. Офицерские союзы должны были проявлять заботу о солдатах и казаках. Военные организации объединялись по странам проживания для соединения усилий в оказании материальной и моральной поддержки, представительства и защиты интересов своих членов. Так, в Совет Союзов и Обществ бывших русских воинов, находившихся в Турции, вошли Союз русских инвалидов, Общество кавалеров ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия, Общество офицеров генерального штаба, Союз участников 1-го Кубанского похода и др. В 1921 г. в Совет объединенных офицерских обществ в Королевстве СХС вошли все существовавшие офицерские общества. Вместе с тем отдельные военные союзы входили и в общеэмигрантские организации. Например, Объединение русских эмигрантских организаций (ОРЭО) в ЧСР включало Галлиполийское землячество, Русский союз участников Великой войны и ряд других. В сентябре 1924 г. все армейские организации, союзы, общества от Южной Америки до Азии объединились в Русский общевоинский союз во главе с П.Н. Врангелем (с ноября 1924 г. – в.к. Николаем Николаевичем), существующий и поныне.

Объединения казаков в эмиграции нельзя назвать чисто военными, они выполняли гораздо более широкие функции, чем предусматривали армейские союзы. Казачество не растворилось в основной массе эмигрантов и проживало довольно обособленно в зарубежных казачьи станицах и хуторах. Декларируя свой неполитический характер, казачьи союзы содействовали трудоустройству казаков в различных странах, в том числе переселению в страны Латинской Америки, обучению в вузах, на сельскохозяйственных курсах, а также открытию библиотек, проведению докладов и бесед по казачьим вопросам, выпуску газет, обеспечивали благотворительную, правовую помощь и т. д.

Крупнейшими казачьими объединениями стали Общеказачий сельскохозяйственный союз в ЧСР (под таким названием организация возникла еще в Константинополе в январе 1921 г. и была воссоздана в Чехословакии), Казачий союз в Париже, Казачий союз в Шанхае (к концу 1920-х гг. он насчитывал около 500 человек). Учредительный съезд Общеказачьего сельскохозяйственного союза состоялся 29 сентября 1923 г. Во главе

его стоял В.И. Сидорович. Союз издавал журнал «Казачий путь» (1924–1926), затем «Путь казачества» (1927–1928). Созданный при содействии Земгора, он получал субсидии от чехословацкого правительства. Союз просуществовал до 1941 г.⁵³ Начало формирования Казачьего союза в Париже относится к 1924 г. Но лишь два года спустя он был официально зарегистрирован французскими властями. Председателем правления союза стал Н.М. Мельников. К концу 1920-х гг. Казачий союз в Париже объединял 188 казачьих организаций, существовавших в 18 странах мира⁵⁴. Союз имел отделы в ЧСР, Харбине (Восточный казачий союз). Печатными органами стали «Казачий союз. Сводка» (1925–1926), «Вестник Казачьего союза» (1925–1928), «Родимый край» (1929–1931).

Вторая мировая война внесла свои коррективы в жизнь казачков и разметала союзы и объединения, созданные ими.

Особенно важными были организации, объединявшие усилия по защите нетрудоспособных беженцев. Это, прежде всего, союзы русских инвалидов, созданные в разных странах. Зачастую инвалиды не могли заработать средства не только на пропитание и образование детей, но и на собственное содержание. Численность только военных инвалидов в начале 1920-х гг. достигала 10 тыс. человек⁵⁵. Их консолидация началась еще в конце 1920 г. В Константинополе в помещении русского посольства состоялось первое организационное собрание русских инвалидов и было избрано правление во главе с генералом Барановским, которого вскоре сменил генерал Н.Н. Баратов. Подобные объединения возникли в Болгарии, Бельгии, Германии, Греции, Польше, ЧСР, Югославии, Франции, во второй половине 1920-х гг. – в Англии, Дании, Эстонии, на Дальнем Востоке и др. Для объединения усилий в Париже в 1926 г. был создан Комитет для русского инвалида, а годом позже в Белграде собрался первый съезд делегатов союзов инвалидов, избравший правление. Последующие съезды состоялись в Праге (1930), Софии (1933), Белграде (1938).

Для организации разносторонней помощи военнопленным и интернированным Исполнительной комиссией Совещания членов Учредительного собрания был создан соответствующий подотдел во главе с О.С. Минором. Русские военнопленные и интернированные из германских лагерей, а также лица, служившие во французском иностранном легионе, обраца-

лись с просьбами о высылке книг, словарей, о содействии вернуться в Россию, об оказании юридической помощи (вплоть до запросов, что необходимо сделать, чтобы вступить в брак) и др. О.С. Минор отвечал на каждое письмо. А также вел переписку по поводу репатриации с министром иностранных дел Франции (с просьбой «поставить нас в известность о подробностях отправки»⁵⁶), русским генеральным консулом в Марселе Л.П. Гомелем (об условиях выезда в Советскую Россию⁵⁷), Ф. Нансеном, составил письмо в адрес Лиги Наций к конференции по делам русских беженцев (сентябрь 1921 г.), проанализировав сложный состав русских за границей и внося предложение по урегулированию их правового положения.

В связи с ростом возвращенческих настроений в эмигрантской среде в начале 1920-х гг. стали возникать Союзы возвращения на родину в Болгарии (1922 г.), Греции (1922 г.), Франции (1924 г.), попытки создания такого союза были сделаны в Югославии. Целями Союзов возвращения стали объединение бывших русских граждан, утративших подданство, коллективное ходатайство перед представительством СССР о восстановлении в правах гражданства и разрешении въезда в пределы СССР, оказание материальной и моральной помощи для скорейшего возвращения на родину, проведение планомерной воспитательной работы для ознакомления с основами советского строительства, Советским Союзом⁵⁸. Длительность существования союзов зависела от взаимоотношений стран, из которых шла репатриация, с СССР (РСФСР), возможностей союзов реально содействовать возвращению на родину и желания Советского Союза принять репатриантов. Так, болгарский Совнарод вел активную деятельность на протяжении нескольких месяцев, а французский – до 1929 г.

Эффективным способом самоорганизации и самопомощи студенчества в Зарубежье стало создание соответствующих объединений. Их образовалось множество, и часто не по одному в стране, в том числе из-за политических разногласий. Тем не менее, Первый эмигрантский студенческий съезд в 1921 г. в Праге ознаменовался появлением Объединения русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО), которое представляло на международном уровне русское студенчество за границей. К этому времени русские студенческие организации находились в 22 странах. В разное время в ОРЭСО

входили 54 организации из 17 государств Европы, 2 – Африки и по одной из Азии и Америки. Организационная работа была направлена на выяснение числа бывших студентов российских высших учебных заведений за границей, перемещение студентов в страны, предоставлявшие возможность учиться или работать, изыскание средств для материальной и академической помощи учащимся и желавшим учиться, улучшение правового положения студенчества, на культурно-просветительскую работу и т. д. Всего через ОРЭСО прошли 12 тыс. студентов. В 1923 г. Объединение было принято Советом Международной студенческой конфедерации в качестве ее свободного члена, что утвердил конгресс Конфедерации в 1924 г. Правление ОРЭСО находилось в Праге. Первым его председателем являлся И.А. Черкесов. При Объединении работали молодежные спортивные общества Русских соколов, витязей, скаутов. Печатным органом ОРЭСО стал литературно-художественный и научно-публицистический журнал «Студенческие годы» (1922–1926), который первый год издавал Союз русских студентов в Чехословакии. В 1926 г. журнал выходил под названием «Годы». ОРЭСО действовало до конца 1934 г.

Для религиозно-культурно-образовательной работы среди молодежи были организованы и религиозные союзы. Крупнейшим из них стало Русское студенческое христианское движение. С конца 1921 г. в Праге, Белграде, Софии, Париже и других университетских центрах, где скопились русские студенты-эмигранты, возникли студенческие христианские кружки, представители которых в октябре 1923 г. собрались в местечке Пшеров близ Праги на первую русскую студенческую христианскую конференцию за рубежом. Средства для созыва конференции дал Христианский союз молодых людей (УМСА). Здесь присутствовали выдающиеся русские религиозные мыслители: о. С. Булгаков, П.И. Новгородцев, А.В. Карташев и др. Первым докладчиком был Н.А. Бердяев. В результате конференции возникло «Объединение русских студенческих христианских кружков», позже принявшее наименование «Русское студенческое христианское движение» (РСХД). Центральным органом стало Бюро. Председателем объединения был избран В.В. Зеньковский, секретарем Л.Н. Липеровский. Общие съезды РСХД проводились во Франции до 1930 г. ежегодно. Последний (IX-й) общий съезд состоялся в 1933 г.

Движению покровительствовал митрополит Евлогий, который присутствовал на всех съездах, проходивших во Франции. С 1925 г. работа РСХД охватила большинство стран Европы, в том числе Прибалтику. После второй мировой войны деятельность РСХД стала невозможной в славянских странах и Прибалтике. Печатным органом движения является «Вестник РСХД».

Ученые и преподаватели высших школ, оказавшись за пределами своей родины, видели свою главную задачу в воссоздании академического сообщества, чтобы получить возможность защищать свои интересы, публиковать труды, обеспечить научную смену. В 16 странах (Англии, Болгарии, Германии, Италии, Латвии, Польше, Турции, Франции, Финляндии, Чехословакии, Швеции, Швейцарии, Эстонии, Югославии, Харбине, позже других в США) образовались академические группы. Союз русских академических организаций действовал на основе разработанного им устава. Целью союза стало объединение русских ученых, прием экзаменов, трудоустройство научных работников, налаживание связей с русскими и иностранными учеными и учебными учреждениями, представительство всех русских академических организаций за границей перед правительственными, общественными и научными кругами, материальная и моральная поддержка молодых ученых, молодежи, поступающей в вузы, организация русских высших и средних учебных заведений. Так, образованная осенью 1922 г. в Таллинне Русская академическая группа во главе с проф. И.М. Тютрюмовым, способствовала организации Высших политехнических курсов, первого русского высшего заведения в Эстонской республике. Академические группы играли роль официальных учреждений, занимавшихся вопросами науки и образования русских за рубежом, и признавались местными властями.

Первый съезд русских академических организаций состоялся в октябре 1921 г. в Праге. Председатель проф. А.С. Ломшаков зачитал приветствие русских ученых из Советской России. Затем вставанием почтили память 84-х ученых, погибших после Октябрьской революции. На I съезде (как и на втором) главными были вопросы организационные. Но уже третий съезд, проходивший осенью 1924 г. в Праге, был целиком посвящен научной работе. Участники съезда были разделены на

4 секции: юридических и экономических наук; наук философских и историко-филологических; естественных наук и медицины; фундаментальной и прикладной математики и технических знаний. В программе съезда значилось 160 научных докладов. Первое и заключительное заседания были посвящены чествованию выдающихся представителей русской науки: П.И. Новгородцева, Н.И. Андрусова, Н.П. Кондакова, жившего в России физиолога И.П. Павлова (по случаю его 75-летия).

Социализация молодого поколения русских в рассеянии стало заслугой объединенных усилий эмигрантских организаций и правительств стран-реципиентов, общественных организаций зарубежных государств, что способствовало сохранению русских культурных традиций и накоплению научных знаний и опыта различных стран. В дееспособности национальной системы образования русских за рубежом значительную роль сыграло учительство. Центром объединения русских учителей за рубежом стала Прага. Этому способствовала правительственная политика. В Чехословакии оказалось наибольшее количество педагогов (к 1926 г. – более 200 человек). К сожалению, не всем удалось найти работу по специальности. В 1922 г. здесь начал функционировать Союз русских педагогов средней и низшей школ во главе с В.Н. Светозаровым, который просуществовал до 1935 г. Подобные союзы стали появляться и в других странах. В ноябре 1924 г. преподаватели русских учебных заведений в Болгарии объединились в Союз русских педагогов. Во Франции Русский учительский союз был основан осенью 1925 г. Первый всеэмигрантский педагогический съезд в 1923 г. признал необходимость создания единой организации. Возникло «Объединение русских учительских организаций за границей» с центром в Праге. Тогда же для единого руководства воспитанием подрастающего поколения в зарубежье в апреле 1923 г. было создано Педагогическое бюро во главе с В.В. Зеньковским, просуществовавшее до 1933 г. Оно выпускало «Бюллетени Педагогического бюро», «Вестник Педагогического бюро», помогало организации Дней русской культуры, Дней русского ребенка и т. д. В 1924 и 1925 г. состоялись II и III всеэмигрантские педагогические съезды. К концу 1927 г. Объединение русских учительских организаций за границей входили русские учительские организации Англии, Болгарии, Германии, Финляндии, Фран-

ции, Чехословакии, Югославии, Эстонии. До конца своей деятельности (1931 г.) Объединение представляло русских учителей на международных педагогических конгрессах. В Праге Земгором издавался журнал «Русская школа за рубежом». Профессиональные союзы обеспечивали спрос на квалифицированный труд и защиту корпоративных интересов.

Союзы русских инженеров, юристов, медиков, артистов, литераторов и журналистов, музыкантов, художников и т. д. не только обеспечивали правовую, материальную, трудовую поддержку своих членов, но и оказывали материальную и моральную помощь коллегам на родине. Объединение интеллигенции по профессиям было закономерным процессом, обусловленным объективными трудностями адаптации к новой среде и желанием продолжать творческую деятельность в деле сохранения и приумножения духовных ценностей русской национальной культуры.

В зарубежье существовали и чисто благотворительные организации, заботящиеся об интеллигенции. Старейшим русским общественным благотворительным фондом, поддерживавшим ученых, литераторов и журналистов по всему миру, был Литературный фонд в Нью-Йорке во главе с М.Е. Вейнбергом⁵⁹. Во Франции в 1920 г. был основан Комитет помощи литераторам и ученым под председательством Н.В. Чайковского. Комитет проводил большую работу: выпускал художественные сборники с произведениями русских писателей, собирал пожертвования, в апреле 1922 г. обратился во французское министерство народного просвещения с целью организовать посредством крупных французских издательств публикацию произведений русских писателей, проживавших во Франции. Следует отметить, что общественные организации, находившиеся во Франции, зачастую распространяли свою деятельность на всю российскую диаспору за рубежом.

Одним из «желательнейших способов объединения и подъема духа всех русских людей»⁶⁰ стало празднование юбилейных дат, что требовало создания временных (или более долгосрочных) союзов с организационными задачами, координирующих работу эмигрантских учреждений.

Как правило, в одной стране насчитывались десятки, а то и сотни русских организаций, но действовавших разрозненно, без общей платформы. Многочисленность и многообразие россий-

ских общественных организаций явилось результатом не только стремлений облегчить участь беженцев, но и разногласий, порой непримиримых, в том числе идеологических. Например, в повестке дня одного из заседаний Союза русских врачей в 1925 г. стояли два вопроса: 1. К казуистике желчекаменной болезни; 2. Об участии в Зарубежном съезде. И даже в одной организации, по словам Н.И. Астрова, могли существовать два течения, «борьба разных самолюбий»: «Маклаков уязвлен наличием Гирса [в Совете послов. – З.Б.], заслоняющего его своим авторитетом. Денисов не признается Третьяковым [в Торгово-промышленно-финансовом союзе. – З.Б.]. В Красном Кресте Гучков старается подставить ножку Иваницкому»⁶¹. Выявлялись злоупотребления отделения Земского союза в Болгарии, бесконтрольно распоряжавшегося финансами. Председатель Временного правления общества «Русско-болгарская дружба» Б. Ивинский писал, что «материально русским живется очень нелегко, т. к. огромное большинство работоспособных почти ни откуда почти никакой помощи почти не получают. И РОКК, и некоторые благотворительные учреждения так оказывают “помощь”, что многие давно махнули на нее рукой», ибо были убеждены, что «больше сапог изобьешь, а уж унижений нахлебашься с три короба»⁶².

Тем не менее, общественные организации играли структурообразующую роль, способствовали адаптации, бытовому благоустройству беженцев, их профессиональной реализации. Консолидации беженских общественных организаций добивались местные власти, которым легче и проще было бы контактировать с объединением, представлявшим интересы всей эмиграции.

Политическая жизнь зарубежной России

В Зарубежье переместился центр оппозиционной российской общественно-политической мысли. Сложились три направления: традиционалистско-консервативное, либеральное и умеренно-социалистическое⁶³. В эмиграцию перенесли свою деятельность почти все политические партии, вытесненные большевиками с внутрироссийской политической арены. В этом

наблюдалась, скорее, традиция, чем особенность послереволюционной эмиграционной волны. Члены той или иной партии, посредством работы в общественных организациях, реализовывали на практике партийные решения, влиявшие на жизнь русского мира за рубежом.

На поле политической деятельности эмиграция была в высшей степени разобщена. Идею развитие ее «определялось напряженным отношением, балансирующим между разрывом и преемственностью»⁶⁴. С одной стороны, русское зарубежье олицетворяло собой преемственность с дореволюционным прошлым, с другой – пережила существенный мировоззренческий переворот, грозивший разрывом с той Россией, которая привела к революции. С одной стороны, по словам И.В. Гессена, «и красно, и пестро, но пустоцветом расцвели на неблагоприятной чужой почве все старые политические партии»⁶⁵, с другой – возник спектр послереволюционных идейных течений, по-новому осмысливших ход российской истории и оценивших причины и результаты революций, выстраивавших будущее своей родины.

Принято выделять правый, центральный и левый секторы политической эмиграции.

Правый лагерь состоял в основном из *монархистов* и имел первоначально скорее не столько политическую, сколько психологическую природу. Для многих был важен не принцип монархии, а сохранение российской государственности, устойчивость которой связывалась с дореволюционным периодом. Н.В. Устрялов замечал, что «в эмиграции каждый воробей на ветке норовит чирикать антидемократически»⁶⁶. После эвакуации остатков белой армии правый фланг оставался наиболее многочисленным. Армия казалась единственной организованной силой, которая должна стать центром объединения разбросанных на чужбине людей.

В Европе географический фронт монархической эмиграции можно провести от Дании через страны Балтии, Францию, Германию и Польшу до Балкан. На Дальнем Востоке – через Маньчжурию и Китай. Отдельные центры монархистов существовали в США, Канаде, странах Центральной и Южной Америки, Африке.

Попытки организовать самостоятельные монархические группы и начать выпуск своих печатных органов были сделаны

еще в 1919–1920 гг. Но после крымской катастрофы реставрационно-монархические силы были поглощены не столько восстановлением своих организаций, сколько созданием «преемственного» органа законной власти.

Монархические настроения нашли свое оформление лишь в июне 1921 г., на съезде по экономическому восстановлению России в Рейхенгалле в Баварии. Более 150 человек представляли 10 монархических организаций. Выступавшие требовали объединения эмиграции вокруг монархистов и продолжения борьбы с большевизмом. Формально съезд объединил монархистов в одну организацию, признав, что «единственный путь к возрождению великой, сильной и свободной России есть восстановление в ней монархии, возглавляемой законным государем из Дома Романовых, согласно Основным законам Российской империи»⁶⁷. Однако споры о форме правления, полноте власти монарха, лидере движения не прекратились.

Съезд избрал Высший монархический совет (ВМС). До 1922 г. он находился в Берлине и его возглавлял Н.Е. Марков-второй, после переезда в Париж – А.Ф. Трепов. Печатным органом Совета являлся «Еженедельник ВМС». К началу 1922 г. признали руководство ВМС 85 монархических организаций⁶⁸. Рейхенгалльский съезд направил делегацию в Данию к вдовствующей императрице Марии Федоровне, матери Николая II, с просьбой созвать семейный совет для избрания временного блюстителя престола до окончательного решения вопроса о его замещении «законным государем-императором». Государыня императрица уклонилась от ответа, а двоюродный дядя Николая II в. к. Николай Николаевич наотрез отказался возглавить монархическое движение. Возможной кандидатурой на возглавление оставался двоюродный брат Николая II – в. к. Кирилл Владимирович, который и объявил себя 26 июля 1922 г. блюстителем пустующего русского трона.

Однако на ноябрьском совещании монархистов в Париже (1922 г.) было принято решение «стремиться к возглавлению монархического движения в.кн. Николаем Николаевичем, а вопрос о «блюстительстве престола» предоставить решению императорского дома»⁶⁹. Такое решение вызвало протест кирилловских организаций и они были исключены ВМС из монархического объединения. Так монархисты разделились на сторонников в.кн. Николая Николаевича (николаевцев) и

Великий князь Николай Николаевич

Великий князь Кирилл Владимирович

в.кн. Кирилла Владимировича (кирилловцев). К 1923 г. из 128 монархических организаций 108 поддерживали Н.Н. Романова⁷⁰. Его преимущество можно объяснить тем, что он являлся бывшим главнокомандующим царской армии в Первой мировой войне, его знали воинские чины, союзники. К тому же он не скомпрометировал себя участием в Гражданской войне, да и по возрасту был старейшим членом Императорской фамилии. Но неоднократные просьбы к Н.Н. Романову возглавить монархическое движение им отклонялись.

Лишь в мае 1924 г. в.кн. Николай Николаевич «вследствие настойчивых просьб русских, проживающих вне России, и озлобленный со взглядами русских, оставшихся на Родине, убедился в том, что они желают видеть» его «во главе освободительного движения» и решил «исполнить свой долг перед отечеством до конца»⁷¹.

В свою очередь, в. к. Кирилл Владимирович 31 августа 1924 г. издал манифест о восшествии на престол и объявил своего сына Владимира наследником. Программа кирилловцев отрицала интервенцию, делала ставку на внутренние силы в России, для привлечения которых объявлялась невозможной «механическая реставрация» дофевральских порядков, провозглашала сохранение системы Советов, которая могла быть увенчана царем.

Сторонники в. к. Николая Николаевича стали готовить объединительный съезд. Специально на средства нефтепромышленника А.О. Гукасова была создана газета «Возрождение», редактором которой стал П.Б. Струве. Но часть влиятельных эмигрантских группировок отказалась участвовать в явно монархическом съезде. Тем не менее, съезд состоялся 4 апреля 1926 г. и собрал 500 делегатов из 26 стран. Он заявил о себе как Зарубежный съезд, претендуя на объединение всех эмигрантских политических группировок. Перед заседанием митрополит Евлогий отслужил молебен. Председательствовал на съезде П.Б. Струве.

Единства решений на съезде достигнуто не было и широкого политического объединения не сложилось. После Зарубежного съезда правый фланг эмиграции раскололся настолько, что часть его приняла в свои программы «левые» элементы (младороссы, национал-максималисты), а часть увлеклась фашизмом. Газета А.Ф. Керенского «Дни» 16 октября 1923 г.

писала, что фашизм стал модной этикеткой для искателей русского престола.

Монархические настроения в эмиграции поддержали правые кадеты. Их уклон вправо разрушал русский либерализм. *Кадетская партия* в России была поставлена вне закона еще в ноябре 1917 г. и многие ее активно действовавшие члены переехали за границу. Уже в апреле 1920 г. в Париже состоялось совещание представителей кадетской партии под председательством приехавшего из Лондона П.Н. Милюкова. Оно и дало толчок созданию и деятельности кадетских комитетов в Берлине, Софии, Белграде, Константинополе, Праге. В Харбине сложилось объединение бывших кадетов, но оказалось мало активным и сошло на нет. Руководящую роль в жизни партии первоначально играла парижская группа кадетов. Считалось, что в эмиграции примыкало к кадетам примерно процентов 15 русского мира⁷².

Берлинскую группу, во главе которой стояли В.Д. Набоков, И.В. Гессен, А.И. Каминка, отличало положительное отношение к белой идее, союз с монархистами, непредрешенческая позиция в вопросе о форме правления в постсоветской России, они поддерживали идею о возможной интервенции, т. к. не верили, что народ можно поднять против большевиков. После гибели В.Д. Набокова в марте 1922 г. активность берлинской группы стала падать.

Более левые силы представлял П.Н. Милюков. Он сформулировал основы новой тактики, которая заключалась в следующем: отказ от вооруженной борьбы с большевиками и переход к политической, решительное отмежевание от реставраторских и монархических тенденций и групп, ставка на внутрироссийские общественные силы. Новая тактика пересматривала и программные моменты: по аграрному вопросу предусматривалось закрепление земли за крестьянами, принимались принципы республики, федерации. Провозглашалось установление «правового демократического строя, покоящегося на основах частной собственности»⁷³.

На парижском совещании кадетов в мае – июне 1921 г. произошел раскол по тактическим вопросам, большинство присутствовавших критически отнеслось к новой тактике. Это повлекло за собой и раскол парижской группы. Меньшинство, стоявшее за новую тактику, отделилось и начало самостоятельное существование, приняв название «демократической»

Павел Николаевич Милюков

(а позднее «республиканско-демократической») группы партии народной свободы. Сторонники новой тактики считали целесообразным идти на сотрудничество с другими политическими силами из демократического лагеря и, прежде всего, с эсерами. П.Н. Миллюков разъяснял: «Нас объединило с эсерами признание необходимости продолжения борьбы с большевиками и отрицание прежних методов борьбы»⁷⁴.

В газете «Руль» 10 сентября 1921 г. появилось заявление видных кадетских деятелей И.И. Петрункевича, Ф.И. Родичева, Н.И. Астрова и гр. С.В. Паниной, выступивших против новой тактики. Их поддержали софийская, константинопольская и большинство белградской группы кадетов. Они опасались, что коалиция усилит эсеров, а кадеты потеряют свое лицо. По словам С.П. Мельгунова, «новая тактика согласия с социалистами привела к полному развалу старой партии народной свободы»⁷⁵.

К 1924 г. коалиция социалистической и республиканской демократии сложилась и получила организационное оформление. «Сговором лиц – от левых кадетов до правых социалистов» – стало Республиканско-демократическое объединение (РДО), председателем которого явился Ю.М. Арнольди. Его организационная структура не была четко оформлена. Считалось, что такая аморфность способствует объединению различных политических группировок эмиграции в новой обстановке, а республиканская демократия есть та золотая середина между монархией и коммунизмом, «куда все равно приведет история»⁷⁶. Для пропаганды внутри и вне России Объединение вело значительную издательскую деятельность, используя ее как единственное оставшееся оружие против большевиков⁷⁷. Советский писатель и драматург Н.С. Каржанский назвал учреждение РДО «верхом политической ловкости Миллюкова», ибо «кадетская партия, оставаясь таковой и являясь центром» Объединения, становится главной базой, вокруг которой «должны обрастать правое и левое крыло»⁷⁸. Набрав силу в первые годы своего существования, РДО к середине 1930-х гг. потеряло авторитет.

В эмиграции находилась небольшая группа членов *Трудовой народно-социалистической партии* (энесов). 26 мая 1920 г. по инициативе проживавших в Париже членов ЦК состоялось совещание, обсудившее вопрос об объединении

осколков партии и согласовании их деятельности. Был образован Заграничный комитет во главе с Н.В. Чайковским, избрано Исполнительное бюро. Активно себя проявила и группа энесов в Праге. Однако «мнения членов этой группы, объединяющей представителей русской интеллигенции и больше похожей на политический клуб, чем на политическую партию, далеко разошлись в противоположные стороны»⁷⁹. Левые позиции занимал А.В. Пешехонов, признавший советскую власть и призывавший эмиграцию вернуться на родину. Правое крыло представлял С.П. Мельгунов, который считал, что большевики могут быть свергнуты только вооруженным путем. В 1930-е гг. активность энесов сошла на нет.

За границей в течение 1919 г. формировались группы *партии социалистов-революционеров (ПСР)*, т. к. ВЧК развернула настоящую охоту на ее руководящих деятелей. Уже в марте–апреле 1918 г. в Стокгольме Н.С. Русанов, В.В. Сухомлин, Д.О. Гавронский образовали Заграничную делегацию (ЗД) ПСР, которая информировала западноевропейскую общественность о происходивших в России событиях, о позиции эсеров, а также представляла партию в международном социалистическом движении. С ноября 1918 г. ЗД обосновалась в Париже, с конца 1923 г. – в Праге. Приоритетные позиции заняли «парижане», представители правого крыла партии, не отвергавшие коалиции с буржуазными группировками и мирившиеся с иностранной интервенцией. По существу они находились в оппозиции по отношению к руководящим партийным органам в России, и в своих действиях дистанцировались от них. Здесь же, в Париже, в 1920 г. поселился А.Ф. Керенский, сплотив вокруг себя центристские силы. В конце августа 1920 г. по настоянию ЦК ПСР покинул пределы родины В.М. Чернов. Он прибыл за границу как полномочный представитель ЦК ПСР, занимавшего левые позиции, и руководство ЗД перешло в его руки⁸⁰.

Десятый Совет ПСР, состоявшийся в августе 1921 г. в Самаре, вынес постановление об образовании за границей партийных групп с обязательным участием в них всех находившихся за рубежом членов партии и подчинением их общему руководству партийных центров⁸¹, и принял специальную резолюцию «О партийном печатном органе», официально оформив статус журнала «Революционная Россия», который начал

издавать В.М. Чернов в Эстонии, как центрального органа партии.

К концу 1923 г. были образованы 12 партийных групп (пражская, парижская, берлинская – наиболее крупные, а также виленская, ревельская, двинская, варшавская, белградская, лондонская, нью-йоркская и др.), в которых состояли 147 человек⁸². Странники правого крыла, группировались вокруг журнала «Современные записки» (редакторы В.В. Руднев, И.И. Фондаминский-Бунаков, А.И. Гуковский, Н.Д. Авксентьев и М.В. Вишняк), к ним примыкали правоцентристы (О.С. Минор, В.М. Зензинов, А.Ф. Керенский, издававший газету «Дни»). В Праге обосновались приверженцы левых взглядов, центристы, левоцентристы. Здесь издавались газета, затем журнал «Воля России» (редакторы В.И. Лебедев, М.Л. Слоним, Е.А. Сталинский, В.В. Сухомлин), в 1924–1929 гг. – «Революционная Россия»⁸³.

Ввиду острых противоречий между правыми, левыми эсерами и центром, существовавшими со времен образования партии, организационное оформление партийной эмиграции было весьма продолжительным. Во время Гражданской войны в России углубился конфликт между действовавшей в стране частью ПСР и большинством ее заграничной эмиграции. Нарастали противоречия и внутри эсеровской колонии за рубежом. Как писал Ем. Ярославский, эсеры разбились в эмиграции на «семь-восемь групп, говоривших будто бы на разных языках»⁸⁴. Разногласия в эсеровском зарубежье разгорелись с новой силой после окончательной ликвидации белого движения и интервенции. Тем не менее, вся полнота партийного представительства постепенно перешла к эмиграции, т. к. летом 1922 г. большевики организовали судебный процесс над 34 членами ПСР, который практически привел к упадку внутрироссийских организаций партии. В декабре 1922 г. на эсеровской конференции в Берлине была сделана попытка скоординировать деятельность заграничных групп, в частности по вопросам о текущем политическом моменте, землеустройстве и др. К единому мнению по вопросу о будущей тактике партии, ее программе ликвидации «большевистского наследства» в случае падения большевиков так и не пришли.

Идейно-политическую платформу эсеровской эмиграции во многом определяли «парижане» – правые социалисты-революционеры. Они выступали за общий пересмотр всей партийной

программы, за коалицию с несоциалистической демократией, за «внепартийные методы» политической деятельности, за возврат к «здоровому капитализму». Их поведение в значительной степени диктовалось стремлением проводить собственную политическую линию, нежеланием быть подконтрольными в своей зарубежной политической деятельности представителям ЦК. Они были уверены в большей действенности «внепартийной» нежели «узкопартийной» работы, с одной стороны, и в скором крушении большевиков, с другой, что обусловило отрицание необходимости создания прочной партийной организации за границей.

В свою очередь, ЗД ПСР, состоявшая из левоориентированных эсеров, считала для себя невозможным вступать в какие-либо контакты с правыми и центристами, обосновавшись в Париже. В то время как личные амбиции последних позволяли им считать себя более заслуженными и авторитетными деятелями ПСР. Заграничная делегация ПСР главную задачу видела лишь в информировании Европы о России и о позиции ПСР, и «никакой дисциплинарной власти и организационно-руководящей роли по отношению к членам партии, наход[ившимся] за границей, особо не присвоила»⁸⁵. Поэтому правые обвиняли ЗД в бездействии.

Временный компромисс между различными группировками эсеров был достигнут на Первом съезде заграничных групп ПСР (Прага, 16–24 ноября 1923 г.), результатом чего стало создание Заграничной областной организации во главе с Заграничным Областным комитетом (ЗОК), избранным на паритетной основе. Всякие сепаратные выступления отдельных групп или их членов от имени партии или ее местных учреждений и организаций, равно как и соглашения с инопартийными группировками, прекращались. В компетенции Заграничной делегации оставались «внешние функции»: 1. общее представительство партии, как целого, за границей; 2. сношение с инациональными партиями и Социалистическим Интернационалом; 3. передача за границу всех директив центральных учреждений и исполнение специальных поручений центров партии. Съезд определил компетенцию ЗОК: «а) непосредственное руководство всей партийной работой за границей среди русской эмиграции, беженства, учащейся молодежи, военнопленных и тех масс русского населения, которые

Николай Дмитриевич Авксентьев

ANNALES CONTEMPORAINES

**СОВРЕМЕННАЯ
ЗАПИСКИ**

**ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКІЙ
и ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ**

I

**1920
ПАРИЖЪ**

исходом мировой войны включены в пределы других государств, б) всемерное содействие русской работе» и др.⁸⁶ Но достигнутое на пражском съезде формальное единство не было прочным. Активная политическая деятельность 1920–1921 гг. с середины 1920-х гг. сменилась ожесточенными внутрипартийными дискуссиями о перспективах развития российской политической системы и задачах партии в этой связи. Ситуацию усугубила потеря связи с партийным подпольем в СССР. С 1925 г. организованная деятельность ПСР в России окончательно прекратилась, и она превратилась в партию эмигрантскую.

В июне 1926 г. в Заграничной делегации произошел раскол, и вскоре ее деятельность прекратилась.

Постепенно с внутривнутриполитической арены России были вытеснены и *меньшевики*, перебравшиеся или высланные за границу. Усилившиеся в 1922–1924 гг. аресты и высылки меньшевиков привели к тому, что РСДРП как организация фактически перестала существовать. К концу 1922 г. из 23 членов и кандидатов в члены меньшевистского ЦК, избранных в мае 1918 г., из партии вышли 10 человек. Властями было инспирировано ликвидационное движение среди меньшевиков, и они распускали на местах свои организации и выходили из партии⁸⁷. В 1922 г. произошла реорганизация руководящих учреждений ЦК меньшевистской партии. Вместо прежнего ЦК партию возглавил новый ЦК, составленный из Бюро ЦК в России и Заграничной делегации за рубежом. По мере усиления репрессий внутри страны последняя, находившаяся вне досягаемости ГПУ, постепенно приобретала (и к середине 1930-х гг. приобрела) первостепенное значение и именно ее голос стал голосом партии. Заграничную делегацию меньшевиков возглавили Ю.О. Мартов и Р.А. Абрамович (Р.А. Рейн), издававшие журнал «Социалистический вестник»⁸⁸. С 1 февраля 1921 г. (№ 24) журнал стал именоваться центральным органом социал-демократической партии меньшевиков. После смерти Ю.О. Мартова (Берлин, 4 апреля 1923 г.) лидерство в левой меньшевистской зарубежной организации перешло к Ф.И. Дану и Р.А. Абрамовичу. В начале 1933 г. Заграничная делегация перебралась в Париж.

Меньшевикам не удалось добиться единства воззрений. В дискуссиях Ю.О. Мартова с П.Б. Аксельродом, П.Б. Аксельрода

с А.Н. Потресовым намечались пути развития большевистской России, международной социал-демократии. Летом 1924 г. «Социалистический вестник» опубликовал платформу меньшевиков, сформулировав задачи РСДРП в период нэпа, а также ее тактику. Сердцевиной партийной платформы явился постулат, что советский режим субъективно проникнут социалистическими устремлениями, а это находится в противоречии с объективным характером революции, которая ввиду экономической отсталости России не может не быть революцией буржуазной. Предлагалась демократическая ликвидация большевистской диктатуры (эволюция, а не революция)⁸⁹.

За рубежом образовались и внепартийные меньшевистские группы. На правом фланге такая группа сложилась вокруг журнала «Заря» (Берлин, 1922–1925). В нее вошли бывшие члены плехановской группы «Единство», сотрудники газеты «День». Во главе ее стояли С. Иванович, С. Загорский, Л. Сибиряков и др. Неприязнь официальных меньшевистских органов к «заристам» вызывала их поддержка интервенции и белых генералов. К группе «Заря» близко стоял А.Н. Потресов, считавший, что глупо надеяться на перерождение большевизма, и призывал вести с ним активную борьбу.

В среде политической эмиграции было немало и *анархистов*. После ряда перемещений по Европе они сформировали к 1925 г. три основных центра, вступивших в полемику между собой. В динамике эта полемика представляла собой постепенное вытеснение радикальной идеологии более эволюционной.

Первые две эмигрантские группы располагались в Париже и возглавлялись одна – Н. Махно и П. Аршиновым, другая – В. Волиным. В Чикаго сложился круг общения анархистов, лидером которого был анархо-синдикалист Г. Максимов. Существовали и другие группы, влияние которых на анархический мир было значительно более скромным. Острая полемика между этими группами вспыхнула в 1926 г., после того, как Н. Махно и П. Аршинов опубликовали свой проект «Организационной платформы Всеобщего союза анархистов». Авторы проекта считали, что он может стать основой для объединения всех анархистов в единую организацию с жесткой дисциплиной. «Платформисты» предлагали модель послереволюционного устройства общества, которая не очень подходила к определению анархии и предусматривала даже армию. В одном

Юлий Осипович Мартов

модель была радикальна – она требовала немедленного перехода к безрыночному обществу коммунистического типа. Вместо того чтобы внимательно анализировать свои экономические просчеты во время попытки построения рыночного социализма в махновском районе в 1919 г., Н. Махно и П. Аршинов пришли к выводу о необходимости «перескочить» неприятную рыночную стадию. Они предлагали систему централизованного регулирования экономики⁹⁰, которая отличалась от коммунистических и социал-демократических построений тем, что регулирующие органы должны создаваться снизу вверх. Но степень централизации экономики в построениях «платформистов» все же была слишком велика, чтобы анархистский мир мог отнестись к ней спокойно. Их предложения были многими восприняты как покушение на основу анархизма – идею самостоятельности общественных субъектов.

Первый удар по этой теории был нанесен с позиций еще более радикальных. В. Волин выпустил от имени своей группы ответ на «Платформу», в котором обвинил ее составителей в большевизме. Но сам не выдвинул сколько-нибудь цельной конструктивной программы.

Свой вариант ответа на вопрос о программе анархизма дал сторонник переходного периода от социальной революции к анархии Г. Максимов в работах «Конструктивный анархизм», «Мое социальное кредо», «Беседы с Бакуниным о революции». Он одержал фактическую победу в дискуссии вокруг «платформы». В качестве конкретной модели переходного периода предлагалась полузабытая в XX в. бакунинская система производственной демократии – федерация самоуправляющихся коллективов⁹¹. Эта концепция рыночного социализма без государства предлагала альтернативу государственно-монополистическому обществу XX в.

В 1929–1931 гг. Н. Махно вышел из идейной борьбы, а П. Аршинов заявил о своем разрыве с анархизмом, после чего вернулся на родину.

Революции 1917 г. и их последствия углубили противоречия между различными политическими силами. Осколки политических партий на эмигрантской почве не пользовались популярностью. Демократов и социалистов обвиняли в том, что случилось с великой Россией, реставраторские силы становились все более одиозными, часто их деятельность расценивали

Фёдор Ильич Дан

как политическую игру. Требовалась свежая идейная струя, новые подходы к объяснению исторического хода событий в России, ее роли в мире, причин развала империи и исхода в эмиграцию. Эмигрантская почва стимулировала выход на политическую арену идейных течений, учитывавших новые геополитические реалии, предлагавших выход из эмигрантского тупика, и главное – не отягощенных политическими ошибками прошлого.

Пореволюционные идейные искания

Русский мир Зарубежья, сосредоточивший крупные интеллектуальные силы, оставил богатое философское, историческое, идейное наследие. Социальная катастрофа, в результате которой сформировалась Россия № 2, заставила переосмыслить давнее и недавнее прошлое. В результате для пореволюционных идейных течений стало характерным признание: 1. Октябрьской революции, ее результатов; 2. большой роли православия в истории России и в грядущем возрождении страны; 3. миссионерской роли России.

Мировая война, революции, противостояние белых и красных принесли страдание и разруху. Неудивительно, что в эмигрантской среде раздавались голоса о примирении красной и белой идей. Так, еще в 1919 г. в Берлине, в среде русских военных, интернированных Германией, сложился небольшой кружок единомышленников «Мир и Труд», объединивший представителей различных в прошлом политических течений, не принимавших участия в братоубийственной Гражданской войне. Возглавил группу В.Б. Станкевич, энес, профессор уголовного права, писатель, бывший до революции активным сотрудником журнала «Современник». Ее печатным органом стал журнал «Жизнь», выходивший с апреля по ноябрь 1920 г. и ставший одним из первых журналов русской эмиграции. По своей нравственной концепции журнал был реакцией интеллигенции, оказавшейся за рубежом, на пожар Гражданской войны. Организация «Мир и Труд» ставила своей задачей «борьбу с морально-политическими и умственными последствиями войны и пропаганду терпимости в борьбе за классовые,

национальные и государственные интересы» и считала, что скоро наступит творческий период русской революции⁹². Доминантой ее концепции стало «культурное примиренчество». Эта организация русских эмигрантов оказалась вскоре поглощенной более заметным общественно-политическим течением – сменовеховством⁹³.

Основателем идеологии *сменовеховства* считается Н.В. Устрялов, профессор, приват-доцент Московского университета, в 1918–1920 гг. – один из руководителей Бюро печати при правительстве Колчака, обосновавшийся с 1920 по 1935 гг. в Харбине. Проповедь старой программы действий в существенно новых условиях Н.В. Устрялов считал наихудшей формой измены своим принципам. Устряловские идеи, изложенные в книге «В борьбе за Россию» (Харбин, 1920), нашли отклик и развитие в целом слое эмигрантской интеллигенции.

Программным для нового движения стал сборник «Смена вех». Он вышел в Праге в июле 1921 г. Вскоре его издание было распространено и в советской России для пропаганды среди буржуазной интеллигенции. Авторы сборника – либералы, кадеты Ю.В. Ключников, Н.В. Устрялов, С.С. Лукьянов, С.С. Чахотин, А.В. Бобрищев-Пушкин, Ю.Н. Потехин. Позже под тем же названием – «Смена вех» (29 ноября 1921–25 марта 1922 гг.) – в Париже стал издаваться еженедельный журнал. Затем его сменила газета «Накануне» (26 марта 1922–15 июня 1924 гг.), выходившая уже в Берлине. Она находилась под покровительством Н.Н. Крестинского, советского полпреда в Германии. Для создания прочной экономической базы газеты было организовано «Акционерное общество издательского дела «Накануне»». С деятельностью газеты современные исследователи связывают складывание левого крыла в сменовеховском движении. Сменовеховство не было организацией, но «направлением мысли», «умонастроением», выросшим в муках «приятия» или «неприятия» революции.

Сменовехизм стал для интеллигенции протестом, прежде всего, против собственных политических взглядов⁹⁴, а также против той русской интеллигенции, которая продолжала отрицать значение Октябрьской революции и оставалась враждебной ей⁹⁵. Это было «широкое движение русской интеллигенции от борьбы с революцией к примирению с ней»⁹⁶. Таким образом, платформой для объединения сменовеховцев стало «принятие Великой Русской Революции»⁹⁷.

Признав прогрессивную роль революции, сменовеховцы шли дальше, утверждая, что советская общественно-политическая система в том виде, в котором она оформилась в России к началу 1920-х гг., имеет глубокие национальные корни и достаточно широкую национальную базу. Большевики вернули России ее былую государственную мощь, утраченную в 1917 г., и стали единственно прочной государственной властью в России. Советская власть, по мнению сменовеховцев, при всех ее дефектах, – «максимум власти, могущей быть в России, пережившей кризис революции» и Гражданскую войну. А.В. Бобрищев-Пушкин писал, что другой власти в России быть не может, т. к. «никто ни с чем не справится, все перегрызутся»⁹⁸. Сменовеховцы считали новую власть представительницей и защитницей национальных интересов России, которой удалось прекратить кровопролитие, анархию, восстановить российскую государственность. А новая экономическая политика, введенная большевиками, открыла широкий простор для творчества и созидания.

Поскольку революция и ее завоевания были организованы коммунистической партией, действия ее признавались в основном правильными, а диктатура пролетариата – неизбежной. Сменовеховцы отмечали, что диктатура – не случайный исторический каприз, а внутренняя историческая необходимость, и задача интеллигенции – ее смягчить. Демократия в России не прижилась. Но из диктатуры должно развиваться подлинно трудовое государство.

Многолетний спор интеллигенции с государственной властью считался оконченным, т. к. «большевизм не только сумел вовремя учесть стремления масс – он пришел безоговорочно исполнить и заветы истории русской интеллигенции»⁹⁹.

Н.В. Устрялов утверждал, что «в большевиках и через большевизм русская интеллигенция преодолевает свое историческое отщепенство от народа и психологическое отщепенство от государства»¹⁰⁰. Провозглашалось добровольное политическое самоограничение беспартийных спецов и их активная деловая лояльность по отношению к советской государственности. Сменовеховство признавало отказ небольшевистской общественности от самостоятельной политической роли и согласие «активно и честно работать в деле восстановления России под знаком наличной власти»¹⁰¹. Н.В. Устрялов писал, что

П.Б. Струве и П.Н. Милуков должны вывариться в советском котле, чтобы не сгнить заживо, и пойти на выучку к комсомольцам, ибо они определяют ход мировой истории. Вместе с тем, он опасался, что европейская группа идет в примиренчестве дальше, чем следует: «Пусть большевики говорят «они с нами» – это не беда. Но, чтобы ни в коем случае не могли сказать «они наши». Ю.В. Ключникова он обвинял в том, что тот стремился быть левее здравого смысла.

Закономерно, что идеи сменовеховцев вызвали самый широкий резонанс как в эмиграции, так и в России. За границей сборник «Смена вех» был быстро раскуплен. Его авторов приглашали участвовать в диспутах. Практически все газеты и журналы, как в России, так и за рубежом, отреагировали на появление сборника «Смена вех» (в эмиграции, как правило, негативно). П.Б. Струве отмечал: «В известном морально-психологическом смысле «Смена вех» есть самое чудовищное явление в истории духовного развития России». Он называл сменовеховство «хамским» и «трусливым» приспособленчеством к революционной власти¹⁰². Газета А.Ф. Керенского «Дни» писала об авторах сборника как о «людях нанятой мысли»¹⁰³. П.А. Сорокин в статье ««Смена вех» как социальный симптом» анализировал причины появления нового движения, его социальную базу. Он утверждал, что «Смена вех» – идеология 1) той части интеллигенции, которая носит название «госспецов», и 2) той пестрой группы лиц, которая коммерчески питается от власти в форме разных подачек, sinecur, концессий и т. п.» Ученый предрекал сборнику незначительную практическую роль в виду незначительности влияния группы «госспецов» и «госклиентов» и был убежден, что только «личный почин, личная инициатива, личная энергия» интеллигенции, производительная работа «по совести», а не согласно указке и капризам кого бы то ни было, – вот то, что нужно» для возрождения России¹⁰⁴.

Советское правительство через печать, публичные выступления, личные контакты советских представителей за границей содействовало расширению сменовеховского движения. В решении XII Всероссийской конференции РКП(б), состоявшейся в августе 1922 г., говорилось: «Так называемое сменовеховское течение до сих пор играло и еще может играть объективно прогрессивную роль. Оно спланивало и спланивает те

группы эмиграции, которые «примирились» с советской властью и готовы работать с ней для возрождения страны»¹⁰⁵. Но уже ко второй половине 1920-х гг. сменовеховское движение «выродилось в чисто прикладное ремесло “наканунников”, возглавляющих доходное и небезынтересное предприятие»¹⁰⁶.

Иногда формой сменовеховства называют *евразийство*, хотя последние резко отмежевывались от него. Действительно, их сближало понимание большевистского режима как власти, способствовавшей сохранению Российского государства, критика механизмов европейской демократии, а также вывод о связи коммунистической идеологии с господствовавшим до революции умонастроением российской интеллигенции. Однако евразийство было намного глубже, охватывало все сферы гуманитарного знания, его идейный багаж актуален до сих пор.

Контуры евразийской концепции были заложены в книге князя Н.С. Трубецкого «Европа и человечество», изданной в 1920 г. в Софии. Евразийские принципы далее излагались в сборниках «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (София, 1921), «На путях. Утверждение евразийцев» (София, 1922), «Евразийский временник: Непериодическое издание» (Берлин, книги третья, четвертая, пятая, 1923, 1925, 1927), «Евразийство (Опыт систематического изложения)» (Париж, 1926). С 1925 по 1937 г. вышло 12 выпусков «Евразийской хроники». Сборник «Тридцатые годы» (Париж, 1931) подвел итоги десятилетней деятельности евразийцев. В 1931 г. П.Н. Савицкий под псевдонимом Степан Лубенский выпустил «Евразийскую библиографию», содержащую пространные аннотации всех важнейших изданий¹⁰⁷.

В ряду основоположников этого нового пореволюционного идейно-теоретического течения – филолог, культуролог Н.С. Трубецкой, экономист и географ П.Н. Савицкий, богослов и историк Г.В. Флоровский, историк Г.В. Вернадский, юрист, политолог Н.Н. Алексеев. Этих весьма разных по подходам и научным интересам людей объединяло некое общее настроение и мироощущение, умение делать обобщения на стыке разных наук. Посылая Р.О. Якобсону первую евразийскую книгу «Исход к Востоку», Н.С. Трубецкой писал 28 июля 1921 г., что новое направление носится в воздухе: «Я чувствую его в стихах М. Волошина, А. Блока, С. Есенина и в «Путях России» Бунакова-Фондаминского, в то же время в разговорах

правых и даже у одного заядлого кадета. Похоже, что в сознании интеллигенции происходит какой-то сдвиг, который, может быть, сметет все старые направления и создаст новые, на совершенно других основаниях». Молодые ученые обозначили свое течение «может быть, не очень удачным, но бьющим в глаза» термином «евразийство».

Секрет популярности евразийской концепции заключался, прежде всего, в том, что она способствовала преодолению острого духовного кризиса соотечественников за рубежом, объясняла причины революции, изгнания, указывала пути выхода из создавшегося положения. А.А. Кизеветтер метко заметил, что евразийство развивалось, или, по крайней мере, психологически определялось в прихожих тех помещений, в которых томились эмигранты, ожидая устройства своей судьбы¹⁰⁸. Русская интеллигенция пережила разочарования в связи с поражением демократических чаяний в революции 1905 г., эйфорию Февральской революции, трагедию Первой мировой войны, ужасы Гражданской войны, горечь изгнания. По словам бар. А. Штейгера, евразийство «родилось в оскорбленном интеллигентском самолюбии, не выдержавшем двойного позора: крушения демократии... и позора крушения Белого Движения»¹⁰⁹.

1920–1922 гг. стали временем создания евразийской системы взглядов, обсуждавшихся в основном в узком кругу университетских профессоров и преподавателей в Софии. В 1923–1928 гг. произошло распространение и углубление евразийских основ. С осени 1926 г. в Париже открылся евразийский семинар. К евразийству стали примыкать русские офицеры, появилась необходимость создания евразийских организаций на местах. Евразийские группы образовались в Праге, Париже, Брюсселе, Белграде, Лондоне, городах Германии, Польши. Сами евразийцы наиболее важными ячейками признавали парижскую, пражскую, варшавскую.

Диспуты и доклады евразийцев собирали тысячи человек. Генерал А.А. фон Лампе в своем дневнике 20 марта 1925 г. сделал следующую запись: «Был на лекции евразийцев, с большим подъемом читал Савицкий... Оппонировали целых 10 человек, из которых только двое «за», остальные «против». А между тем такой полной аудитории я не видел в Берлине даже в период, когда здесь было много народу»¹¹⁰. Целый

штат разъездных лекторов по всему свету устраивал различные мероприятия для пропаганды и разъяснения основных принципов евразийской теории. В эти годы к евразийцам шла молодежь, особенно на Балканах и в Чехословакии. Литературно-публицистическая и издательская деятельность их приобрела широкий размах. В 1923 г. для «обслуживания евразийского движения» было создано «Евразийское книгоиздательство».

Происхождение понятия «евразийство» П.Н. Савицкий объяснял географическим фактором. В массиве земель Старого Света евразийцы различали срединный материк – «Евразию», на пространстве которой разворачивается вся история России. Деление на «Запад – Европу» и «Восток – Азию» евразийцы считали нецелесообразным. Более естественным, по их мнению, является деление на Европу, Азию и Евразию. «Европа» в евразийском понимании – это океаническая, со сложным рельефом Западная Европа. «Азия» – это Юг и Восток Азии. «Евразия – это континентальная равнинная часть Европы и Азии, объединяющая три равнины: восточно-европейскую, «беломорско-кавказскую», западно-сибирскую и туркестанскую. Эта объединенная равнина со всех сторон окружена горами. Россия-Евразия есть обособленное целостное «месторазвитие». Этим ключевым в евразийской теории понятием Савицкий обозначил социально-политическую среду, рассматриваемую неотрывно от ее территории. Они взаимно влияют друг на друга и сливаются в единое целое. Месторазвитие является понятием многоуровневым, всеобъемлющим. Это – «месторождение полезных ископаемых; местоформование почв; местопроизрастание растительных сообществ; местообитание животных сообществ; месторазвитие человеческих сообществ»¹¹¹. Отдельным месторазвитиям присущи определенные формы культуры. Культурные традиции оказываются как бы выросшими в географический ландшафт, отдельные месторазвития становятся «культурно-устойчивыми», приобретают особый «культурно-исторический тип». Вместе с тем евразийцы признавали и внеместные начала, относящиеся к духовной сфере, подтверждая множественность форм человеческой истории и жизни.

Основной географической составляющей Евразии Трубецкой признавал «систему степи», окаймленную с севера поло-

сой лесов, за которой идет полоса тундр. С юга она граничит с горными хребтами. Эти четыре параллельные полосы, тянувшиеся с запада на восток – тундровая, лесная, степная, горная – в меридиальном направлении пересекаются системами больших рек. Поскольку речных систем много, а степная одна, то господство над степью обеспечит господство во всей Евразии. Впервые, по словам Трубецкого, евразийский культурный мир предстал как целое в империи Чингисхана, который выполнил великую задачу, поставленную самой природой. Таким образом, монголы положили начало политическому единству Евразии. Прошлое России-Евразии интерпретировалось как история борьбы между «лесом» и «степью» (оседлыми славянами лесной зоны и урало-алтайскими степными кочевниками). Лес и степь – не только ландшафты, это два образа жизни, два типа мировосприятия, две системы духовных ценностей. Ценой татарского ига была сохранена верность исконному Православию. Преемницей монголов стало Московское государство, которое приняло на себя их культурно-политическое наследие. Москва собрала русские земли и явилась новой силой, объединившей евразийский мир. Империя продолжила дело Москвы и почти закончила государственное объединение евразийского материка. Но ориентация правящего слоя (правительства и интеллигенции) на Запад вместо создания собственной организующей русской идеи, привело к тому, что этот слой потерял свою русскую душу, не приобретя, впрочем, и европейской. Россия-Евразия представлялась правящему слою как культурно отставшая часть Европы. На этой почве, считали евразийцы, выросла пропасть между ним и народными массами, остающимися приверженными национальной идее, национальным традициям. Включаясь в европейскую жизнь и политику, Россия поставила себя на грань полного разрушения. Поэтому большевистская революция представлялась евразийцам как факт, означающий «выпадение» России из рамок европейского опыта и вместе с тем, как начало новой русской культуры. Революция была поддержана ими «как катаклизм, который повалил и вдребезги разбил весь предшествующий культурный уклад русской жизни, построенный на подражании европейским образцам»¹¹².

В евразийской теории Россия-Евразия предстает как особая самостоятельная цивилизация, отличная от Европы и Азии.

Поэтому культура России не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание из элементов той и других. Она – специфическая культура, обладающая не меньшей самоценностью и не меньшим историческим значением, чем европейская или азиатские.

Важнейшей религиозной основой культуры Евразии провозглашалось православие. История России рассматривалась как история рождения, становления и развития Православной Русской Церкви. РПЦ – это симфонически-личное бытие евразийско-русской культуры и высшая форма этого бытия, ибо культуру создает и определяет религия. Культурное единство сказывается на единстве этнологическое, а этнологический тип выбирает (находит) «свою» территорию и по-своему ее преобразует.

Этнологическим типом Евразии являются евразийцы. Первенствующее значение принадлежит русскому народу. Сопоставляя этнологически населяющие территорию России народности, строился некий ряд, в центре которого оказывались великороссы. Этот особый этнический ряд (тип), по евразийству, на периферии сближался с азиатским и европейским (прежде всего славянским), где этнические отличия выступают более резко, чем в ряду евразийских народностей. Этническое единство русской территории подчеркивают формы быта, основные тенденции народного искусства, психический уклад и т. д. Чтобы осознать себя русскими, подчеркивали идеологи евразийства, необходимо осознать себя евразийцами.

Из национальных культур составляется «радужная сеть», единая и гармоничная. Евразийцы основывались на мультилинейной схеме исторического процесса. Отвергая идею однонаправленности развития, Трубецкой пересматривал традиционный взгляд на прогресс, как поступательное движение вперед. Прогресс, в его понимании, – реализация разнообразия возможностей, заложенных в различных культурах. Трубецкой ввел принцип качественной несоизмеримости культур, исключающий практически возможность оценки той или иной культуры. Поэтому концепция однонаправленности развития, в соответствии с которой Европа стоит впереди остальных культур как наиболее передовая, – это яркое проявление романо-германского эгоизма.

Н.С. Трубецкой писал, что «европейская цивилизация не есть общечеловеческая культура, а лишь культура определенной этнографической особи, романогерманцев, для которой она и является обязательной»¹¹³. Европейская цивилизация, стремящаяся во всем мире нивелировать и упразднить все индивидуальные национальные различия и утвердить единообразные формы быта, общественного государственного устройства и одинаковые понятия, России ничего хорошего не дала. Именно в эпоху европеизации она стала страной милитаристской и крепостнической. Плодом романо-германского ига явился и большевизм, так же как когда-то московская государственность стала плодом татарского ига. Сопоставляя итоги того и другого влияния на Россию, евразийцы делали вывод, что татарская школа была не так плоха и имела благоприятное влияние на судьбы русского народа. Европейская же культура оценивалась как упадочная, разлагающая и ведущая человечество в тупик.

Образцом антизападнических настроений стали также теоретические воззрения евразийцев на государство¹¹⁴. Евразийцы находили, что демократический строй в 1920-е гг. явно приобретает признаки обветшания и разложения. В народных массах его престиж подорван. Но вместе с тем демократия подготовила почву для нового типа отбора правящего слоя, а, следовательно, для создания нового типа государства с совершенно новым политическим, социально-экономическим и культурным укладом. Новый тип отбора евразийцы обозначили как идеократический строй, строй, в котором присутствует «путеводная *идея* государства, как целого, его основное призвание, его цель», где стабилизировалось общественное мнение и отпала необходимость в многопартийности¹¹⁵. Отбор правящего слоя в идеократическом государстве должен производиться, полагали евразийцы, на основе общности мирозерцания.

Евразийцы выделяли следующие основные черты идеократического строя: 1) государственный максимализм (активное и руководящее участие государства в хозяйственной жизни, в развитии культуры), который требует широкого применения выборных начал и участия общественных организаций в государственном строительстве; 2) усиленное огосударствление общественных организаций. Сообразно с этим изменялось са-

мо понятие партии, которая становится сочетанием государственно-идеологической организации с корпорацией правящего слоя. Фактическим главой государства в таких условиях является лидер «единой единственной партии». Причем сама власть и лидерство основаны не на выборах и не на наследстве, а на фактическом престиже данного лидера в партийных кругах.

Евразийцы признавали, что в СССР сложился идеократический строй, но это – лжеидеократия, и потому предсказывали распад государства. Трубецкой отмечал, что основным фактором, спаивавшим Российскую империю в одно целое, являлась «принадлежность всей территории этого государства единому хозяину – русскому народу, возглавляемому своим русским царем»¹¹⁶ (равно как в Британской империи все народы объединялись «гегемонией правящей расы»¹¹⁷). Но после образования СССР, когда русский народ утратил роль хозяина и оказался одним из равноправных народов, в качестве объединяющего неизбежно должен был выступить иной фактор. В новых условиях русский национализм явился бы дестабилизирующей силой, нарушающей равновесие составных частей государства. Этим новым фактором стала общность социального идеала, осуществление социальной справедливости. Но поскольку общности социального идеала недостаточно для объединения разных народов в одном государстве (его можно осуществить и на национальной основе), то националистически-сепаратистским стремлениям отдельных частей СССР была противопоставлена «классовая ненависть и сознание солидарности пролетариата перед лицом постоянно грозящей ему опасности». Таким образом, центр тяжести переносился из сферы национальной в сферу социальную. Единым хозяином всей государственной территории признавался пролетариат (а не русская нация). Идея диктатуры пролетариата, как объединяющая, с точки зрения евразийцев, могла являться лишь временной, преходящей. По мере стабилизации государства, развития образования, создания собственной «туземной» интеллигенции должен был расти национализм отдельных народов, а классовые перегородки и противоречия блекнуть. С развитием этих процессов идея диктатуры пролетариата окажется бессильной перед «живучими и постоянными националистическими инстинктами». Единым национальным субстратом

евразийцы считали многонародную нацию – евразийство, проживающую на единой территории – Евразии и обладающую своим национализмом – евразийством.

Евразийцы ставили задачу вытеснить чужеродную коммунистическую идеологию, заменив ее идеологией евразийской: «Побороть коммунизм может только новая живая идеология, возникшая не из угасенного, но из полного энергии творческого духа. Такую идеологию и дают евразийцы»¹¹⁸. Коммунизм оценивался не только как ложная, но и вредоносная вера, ибо свои еретические идеалы он утверждает путем самого жестокого принуждения.

Водворение идеократического строя во всем мире потребует перекройки карты земного шара. Н.С. Трубецкой предрекал, что Европа к подлинной идеократии может придти только после кровавых и глубоких потрясений. К концу 1930-х гг. действительно началась перекройка всей мировой системы.

В борьбе за влияние на российскую эмигрантскую молодежь евразийство конкурировало с более напористой, но менее притязательной идеологией, носителями которой были *младороссы*.

Политические искания, попытки оригинального идейного и программно-политического творчества были особенно актуальны для подросшего молодого эмигрантского поколения. В 1917 г., в самый разгар революции, у многих, тогда еще подростков, появилось тревожное ощущение, что Россия, лишившись монархической государственности, сходит с национального исторического пути и потому обречена на кровавые испытания. Так возник «Российский союз монархической молодежи». В 1923 г. представители молодых русских монархистов съехались из разных стран эмигрантского рассеяния в Мюнхен. В итоге этого съезда был образован союз «Молодая Россия» во главе с А.Л. Казем-Бекком. По воспоминаниям писателя Р. Гуля, А.Л. Казем-Бек был человеком среднего роста, хорошего сложения, приятного облика, в лице что-то отдаленно-восточное (сам он казанский), хорошо воспитан, явно неглупый¹¹⁹.

Союз быстро развил свою деятельность. В 1925 г. он был переименован в «Союз младороссов», т. е. союз последователей молодой новой России. Девизом стал призыв: «К молодой России!».

Герб, символизирующий идею младороссов о царе и советах

Младороссов отличали монархические убеждения. В их основе лежали взгляды на историю нации. Жизнь нации они рассматривали как единый, органический процесс, нормальное и плодотворное развитие которого обуславливается исторической преемственностью. Историческую преемственность они видели, прежде всего, в преемственности верховной власти. Та верховная власть, которая создавалась веками русской истории, не случайна, утверждали младороссы. Она детерминирована служением национальной идее. Под русской монархией они понимали, прежде всего, ту власть, которая была бы способна вернуть и сохранить историческое направление национальной жизни, стала бы живым органическим звеном, связующим прошлое и будущее в один органический процесс. Такой властью, с точки зрения младороссов, могла бы стать только наследственная монархия.

А.Л. Казем-Бек писал, что не меньшее значение для пореволюционной действительности имеет и другое свойство русской монархии: способность вызывать центростремительные

тенденции. Кроме того, только монархии присущи надсословность и надпартийность, которые нужны для активного и плодотворного посредничества между различными социальными слоями. Ту же роль монархия будет играть и при решении национальных проблем, т. е. в деле объединения отдельных народов. Младороссы утверждали, что монархия, как верховная власть, уживается со всеми видами правительственной власти: с диктатурой, демократией, аристократией. Монархии свойственно творчество, поэтому после революции она должна явиться наиболее передовой властью, преодолевшей реставрационные тенденции. Путь назад – это путь к смуте, которую Россия уже пережила. Путь вперед – это строительство новой государственности, нового быта. Таким образом, по мнению младороссов, пореволюционному российскому монархизму необходимо выбирать между кладбищем и колыбелью. Следовательно, важно учесть новые условия, созданные революцией, и не отвергать советскую систему народного представительства, обеспечив свободное избрание в советы представителей всех слоев населения.

Поскольку республика способна в лучшем случае удовлетворить лишь самые элементарные запросы нации, ее предельное развитие возможно только через монархию. Республика в России, считали младороссы, выродилась в классовую диктатуру. В российских условиях «всякая республика окажется беременной своими Железныковыми». Таким образом, будущее России может быть обеспечено лишь при выполнении требования единой центральной верховной власти, олицетворяемой в личности монарха, при самом широком развитии общественного самоуправления народа. Эмигрантская пресса ехидно замечала, что программа младороссов является смесью идей русского монархизма, иностранного фашизма, приправленная «для вкуса» псевдобольшевистским перцем.

Союз младороссов был хорошо оформлен организационно. Очаги, ячейки, спортивные отделы, строгая партийная иерархия, наличие «главы», значков, знамен, особых приветствий, рубашек – все это увлекало молодежь. Когда А.Л. Казем-Бек выступал с публичными докладами, десятка два младороссов выстраивались на эстраде шеренгой и при его появлении, подняв правую руку римским приветствием скандировали: «Глава! Глава! Глава!»¹²⁰.

Таким образом, многообразие партийных группировок, идейных течений свидетельствует об отсутствии единства в эмигрантской среде. Наблюдался рост антидемократических идей и настроений. По выражению М.В. Вишняка, демократия в эмигрантском сознании была не в чести, т. к. «считалась скомпрометированной и в лучшем случае величиной спорной»¹²¹. Старые политические группировки не оказали большого влияния на ее жизнь в силу своей немногочисленности, непопулярности, в силу того, что большая часть эмигрантов была озабочена борьбой за хлеб насущный. Они уходили с политической арены вместе со смертью своих лидеров, не увлекая молодежь, которая искала своих путей. Их деятельность имела смысл при наличии партийных центров в самой России, но утверждение однопартийной системы, уничтожение сторонников оппозиционных партий делали это невозможным. Эмигрантские политические группировки со временем имели все меньшее отношение к внутренним процессам, происходившим в России и превращались в сторонних наблюдателей. Политическая эмиграция вываривалась в собственном котле. Программы, директивы, лозунги, разрабатываемые стратегии и тактики оставались мертвым грузом, который не мог преодолеть «железный занавес», спустившийся над Россией. Писатель А.М. Дроздов, сотрудничавший в Отделе пропаганды при Особом совещании главнокомандующего Добровольческой армии (Осваге), отмечал: «Дореволюционные партии, в большинстве нежизнеспособные, так как дышали затхлым воздухом подполий, зовут по-прежнему к своим дорогам, в большинстве не торным, потому что по ним ни разу еще не гремела государственная телега»¹²².

Если дореволюционная политическая эмиграция сохраняла тесную духовную связь с силами, работавшими в самой России, ее идеи были созвучны настроениям народных масс, то эмиграция «первой волны» не смогла протянуть невидимые, но крепкие нити, связывающие ее с родиной. Однако, политическая эмиграция, внимательно следя за тем, что происходит на родине, накопила большой и ценный материал, помогала западному миру понять Россию. Послереволюционные течения несли в себе большой положительный потенциал, увлекали глубиной мысли, находили большее число сторонников, особенно среди молодежи, их аналитическое наследие сохраняет свою актуальность.

По своему положению, по ограниченной возможности влиять на ход событий в России эмиграция могла добиваться только частичных политических успехов и играла лишь подсобную, а не решающую роль в истории родины.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русский Совет. – Париж, 1921. С. 1.

² Мельгунов С.П. Н.В. Чайковский в годы гражданской войны. (Материалы для истории русской общественности 1917–1925 гг.). – Париж, 1929. С. 235.

³ Лидеру энесов Н.В. Чайковскому, возглавлявшему в 1917 г. Временное правительство Северной области, также предлагали войти в Русский Совет, но тот ответил решительным отказом.

⁴ Ранопорт Ю. Конец Зарубежья // Современные записки. – Париж, 1939. № 69. С. 374.

⁵ Исключение составили поверенный в делах в Португалии П.Л. Унгерн-Штернберг и временный поверенный в делах в Испании Ю.Я. Соловьев.

⁶ Чему свидетели мы были... Кн. 2. С. 406.

⁷ Там же.

⁸ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 56. Л. 80 об. Письмо Г.Э. Божинского-Божко В.Н. Штрандтману от 1 мая 1933 г.

⁹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1922. № 1. Ст. 11. Изданный 29 октября 1924 г. декрет «О союзном гражданстве» (Собрание Законов, 3 декабря 1924 г.) еще несколько расширил круг лиц, утративших гражданство СССР, включив в него выехавших за пределы СССР и не возвратившихся по требованию соответствующих органов власти. Поэтому эти категории эмигрантов были признаны апатридами.

¹⁰ Как пишет О. Будницкий, Русская политическая делегация в Париже фактически распорядилась деньгами, находившимися только в Европе. К.К. Миллер, агент министерства торговли и промышленности в Японии, Б.А. Бахметев, российский посол в США, и финансовый агент С.А. Угет соглашались переводить деньги лишь на конкретные нужды // Диаспора. Новые материалы. Париж-СПб., 2002. Т. 4. С. 465–467. Так, в 1923 г. К.К. Миллер по ходатайству М.Н. Гирса переслал 6 тыс. франков для уплаты вознаграждения личному составу Управления правительственного уполномоченного по делам русских беженцев в КСХС // АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 62. Л. 9.

¹¹ Будницкий О. Дипломаты и деньги. Ст. первая. «Колчаковское золото» // Диаспора. Т. 4. С. 472.

¹² ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 46. Л. 47.

¹³ ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 46. Л. 48.

¹⁴ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 79. Л. 24 об.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 79. Л. 24.

¹⁶ Русская мысль. Ежемесячное литературно-политическое издание под ред. П. Струве. Кн. 6–8. – Прага–Берлин, 1923. С. 374–375.

¹⁷ Проект положения о РПК за границей см.: ГА РФ. Ф. 5868. Оп. 1. Д. 73. Л. 4.

¹⁸ Список членов РПК в Париже см.: там же. Л. 24, 58. На 24 марта 1921 г. значилось 27 фамилий (4 вычеркнуты).

¹⁹ Под обращением стояли подписи 17 человек, в том числе, Г.А. Алексинского, члена Государственной думы и Государственного совета, Вл. Андреевского, члена Государственного совета по выборам, Е.П. Ковалевского, депутата III и IV Государственных дум // ГА РФ. Ф. 5868. Оп. 1. Д. 73. Л. 1–3.

²⁰ *Даватиц В.* Годы. Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926. С. 37.

²¹ См. подробнее: Бюллетени Совещания членов Учредительного собрания. – Париж, январь–февраль 1921 г. № 1–6.

²² Общий состав Учредительного собрания, избранного в 1917 г. – 715 депутатов. Из них эсеров – 412 (70%); большевиков – 183 (22,5%); меньшевиков – 17; кадетов – 16.

²³ Задачи, характер и программа русского национального объединения. Б.-м., б. г. С. 29–30.

²⁴ Русский Красный Крест после 1917 г. Очерк деятельности РОКК (старой организации). – Париж, б.г. С. 14–18.

²⁵ В комиссию вошли П.Н. Игнатьев, Б.Е. Иваницкий, Б.Э. Нольде, А.Д. Чаманский, М.Л. Киндяков, Э.П. Беннигсен, Г.Г. Витте, Д.В. Яковлев, Н.С. Долгополов, Г.А. Алексеев.

²⁶ Русский Красный Крест после 1917 года. Очерк деятельности Российского общества Красного Креста (старой организации). – Париж, б. г. С. 19–35.

²⁷ Русский Красный Крест после 1917 года. С. 35–36.

²⁸ Последние новости. 1938. 3 декабря.

²⁹ Там же.

³⁰ Русский Красный Крест после 1917 года. С. 34.

³¹ Русский Красный Крест после 1917 года. С. 34.

³² Последние новости. 1938. 3 декабря.

³³ Русский Красный Крест после 1917 года. С. 34.

³⁴ РГВА. Ф. 1371к. Оп. 1. Д. 1а. Л. 25–26.

³⁵ Подсчитано по: Там же. Л. 15.

³⁶ Там же. Л. 16.

³⁷ Там же. Л. 19.

³⁸ Там же. Л. 18.

³⁹ В 1934 г. одна фирма предоставила 24 новых рубахи, 24 пары новых кальсон, 72 пары новых чулок // РГВА. Ф. 1371к. Оп. 1. Д. 1а. Л. 23.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 6006. Оп. 1. Д. 8. Л. 144. Устав см.: там же. Л. 144–147.

⁴¹ Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей. Отчет о деятельности (февраль 1921 - апрель 1922 гг.). – Париж, 1922. С. 16.

⁴² Русские в Праге. 1918–1928 гг. – Прага, 1928. С. 15.

⁴³ Постоянная Русская юридическая консултация Земгора в Праге образовывалась «для лучшего удовлетворения потребности русских эмигрантов и эмигрантских учреждений в ЧСР в юридической помощи, которая до сих пор оказывалась лишь частично русским и чешским юрисконсультами Комитета Земгора». Постоянно действующий орган призван был заниматься не только оказанием правовой помощи русским по личным делам, но и «с надлежащей авторитетностью научно разрабатывать общие юридические вопросы», возникавшие «в международных пределах в связи с положением эмиграции», а также с целью дать необходимую практику молодым русским юристам // ГА РФ. Ф. 5764. Оп. 6. Д. 4. Л. 9.

⁴⁴ Подробнее см.: *Гришунькина М.Г.* Российская адвокатура в эмиграции в 1920–1930-е гг. – М., 2005; *Она же.* Профессиональные корпорации юристов в российском зарубежье. 1920–1930-е гг. – М., 2004 и др.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 5814. Оп. 1. Д. 10. Л. 17.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 5814. Оп. 1. Д. 10. Л. 8.

⁴⁷ Бюллетень РЗГК № 9–10 от 15 декабря 1922. С. 118.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 5764. Оп. 1. Д. 149. Л. 238. Информационный листок № 2 РЗГК от 8 декабря 1922 г. Париж.

⁴⁹ Русская печать в Эстонии. 1918–1940. Био-библиографические и справочные материалы к изучению культурной жизни русской эмиграции. В 2-х Вып. – М., 1998. С. 111.

⁵⁰ Русская адвокатура в Германии: Отчет о деятельности Союза за 10 лет (1920–1930). – Берлин, 1930. С. 5.

⁵¹ Там же. С. 3, 6.

⁵² См.: Русская адвокатура в Германии. С. 11; ГА РФ. Ф. 5890. Оп. 1. Д. 6. Л. 38–42.

⁵³ *Худобородов А.Л.* Вдали от родины: российские казаки в эмиграции. Уч. пособие. – Челябинск, 1997. С. 33–34.

⁵⁴ Там же. С. 38.

⁵⁵ *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. С. 225.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 5804. Оп. 1. Д. 50. Л. 3.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. 5804. Оп. 1. Д. 53. Л. 24, 92.

⁵⁸ АВПРФ. Ф. 197. Оп. 3. Д. 140. П. 108. Л. 2об.

⁵⁹ *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. С. 227.

⁶⁰ На чужой стороне. 1925. № 10. С. 306.

⁶¹ ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 1131. Л. 71.

⁶² *Ивинский Б.* Среди братьев // Русские в Болгарии. – София, 1923. С. 50.

⁶³ Подробнее см.: *Шелохаев В.В.* Основные течения политической мысли в Русском Зарубежье в 1920-е гг. // Зарубежная Россия. – СПб., 2003. С. 22–25; *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). – СПб., 2008; *Антропов О.К.* Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.). – Астрахань, 2008 и др.

⁶⁴ Люкс Л. К вопросу об истории идейного развития «первой» русской эмиграции // Вопросы философии. 1992. № 9. С. 160.

⁶⁵ Гессен И.В. Годы изгнания. – Париж, 1979. С. 63.

⁶⁶ Наше время. Шанхай, 1934. С. 62.

⁶⁷ Двуглавый орел. 1921. 1(14) июля. С. 16.

⁶⁸ Милюков П.Н. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции. Т. 2. – Париж, 1927. С. 27.

⁶⁹ Милюков П.Н. Россия на переломе. Т. 2. С. 248.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Россия. Русский эмигрантский альманах. – Шанхай. 1926. С. 65.

⁷² Каржанский Н. Зарубежная Россия // Новый мир. 1926. № 8–9. С. 289.

⁷³ Милюков П.Н. Россия на переломе. Т. 2. С. 243.

⁷⁴ Цит. по: Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. – М., 1987. С. 23.

⁷⁵ Мельгунов С.П. Н.В. Чайковский в годы гражданской войны. (Материалы для истории русской общественности. 1917–1925 гг.). – Париж, 1929. С. 250.

⁷⁶ Тактические тезисы // Бюллетень Республиканско-демократического объединения. 1926. Октябрь. С. 3.

⁷⁷ Подробнее см.: Базанов П.Н. П.Н. Милюков как инициатор и руководитель издательской деятельности Республиканско-демократического объединения // Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков. – М., 2009. С. 162–172.

⁷⁸ Каржанский Н. Зарубежная Россия // Новый мир. 1926. № 8–9. С. 288.

⁷⁹ Милюков П.Н. Россия на переломе. Т. 2. С. 266.

⁸⁰ 19 октября 1921 г. состоялось частное совещание эсеров, принявшее решение о том, что новый состав Заграничной делегации формируется только из членов ЦК ПСР, находящихся за границей. 5 января 1922 г. Центральное бюро (ЦБ) в России утвердило предложенные совещанием кандидатуры В.М. Зензинова, И.А. Рубановича, Н.С. Русанова, В.В. Сухомлина и В.М. Чернова в качестве членов ЗД // Партия социалистов-революционеров: документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. – М., 2000. С. 799. Таким образом, был окончательно сформирован персональный состав ЗД в качестве коллегиального высшего полномочного органа партии, представлявшего ее перед международным рабочим классом и руководившего заграничной партийной организацией.

⁸¹ Сталинский Е. Политические иллюзии. (О г. Милюкове, «правых» эсерах и политических соглашениях) // Воля России. 1923. № 20. С. 54.

⁸² Чубыкин И.В. Российские социалисты-революционеры в эмиграции (1920-е годы). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1996. С. 16.

⁸³ До Праги ж. «Революционная Россия» с 25 декабря 1920 г. выпускался в Ревеле, в 1922–1923 гг. – в Берлине.

⁸⁴ Ярославский Е.М. Третья сила. – М., 1922. С. 115.

⁸⁵ Цит. по: Гусев К.В. В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. – М., 1999. С. 159.

⁸⁶ Материалы и документы. Из резолюций съезда заграничных организаций партии социалистов-революционеров // Воля России. 1923. № 20. С. 73–75.

⁸⁷ Урилов И.Х. Судьбы российской социал-демократии // Вопросы истории. 2006. № 3. С. 138.

⁸⁸ Социалистический вестник издавался сначала в Берлине (1921–1933), затем в Париже (1933–1940) и в Нью-Йорке (1940–1963).

⁸⁹ Социалистический вестник. 1924. № 12–13 от 20 июня. С. 1–6.

⁹⁰ Махно Н. Под ударами контрреволюции. – Париж, 1936. С. 147.

⁹¹ Максимов Г. Беседы с Бакуниным о революции. – Чикаго, 1934. С. 37.

⁹² Жизнь: вестник мира и труда. – Берлин, 1920. № 1. С. 1.

⁹³ Подробнее см.: Квакин А.В. Между белыми и красными. Русская интеллигенция 1920–1930 годов в поисках Третьего Пути. – М., 2006.

⁹⁴ Большинство авторов «Смены вех» были во время Гражданской войны связаны с белым движением: Н.В. Устрялов сотрудничал в Бюро печати, Ю.В. Ключников был министром иностранных дел в правительстве адмирала Колчака, А.В. Бобрищев-Пушкин также был колчаковцем; Г.Л. Кирдецов занимал ключевые позиции в отделе агитации и печати правительства Юденича.

⁹⁵ Накануне. 1922. 14 мая.

⁹⁶ Накануне. 1922. 12 ноября.

⁹⁷ Накануне. 1922. 27 апреля.

⁹⁸ Бобрищев-Пушкин А. Новая вера // Смена вех. – Прага, 1921. С. 100.

⁹⁹ Ключников Ю. Смена вех // Смена вех. С. 15.

¹⁰⁰ Накануне. 1922. 26 марта.

¹⁰¹ Накануне. 1922. 7 мая.

¹⁰² Струве П. Прошлое, настоящее, будущее // Русская мысль. 1922.

№ 1–2. С. 227.

¹⁰³ Дни. Париж. 1922. 14 декабря.

¹⁰⁴ Вестник литературы. 1921. № 12. С. 20–23; Философские науки. 1992. № 1. С. 4–7.

¹⁰⁵ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 2. – М., 1983. С. 393.

¹⁰⁶ Письмо Н.А. Ухтомского Н.В. Устрялову. 1923 г. // Русский – Берлин, 1921–1923. По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. – Париж, 1983. С. 45–46.

¹⁰⁷ См.: Славяноведение. 1992. № 4. С. 88–104.

¹⁰⁸ Мейснер Д.И. Миражи и действительность. – М., 1960. С. 188.

¹⁰⁹ Младоросс. 1932. № 15. С. 7.

¹¹⁰ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 19. Л. 115.

¹¹¹ Мир России – Евразия. Антология. – М., 1995. С. 222.

¹¹² Там же. С. 316.

¹¹³ Там же. С. 44.

¹¹⁴ См.: *Алексеев Н.Н.* На путях к будущей России (советский строй и его геополитические возможности). – Париж, 1927; *Он же.* Теория государства. Теоретическое государствоведение, государственное устройство, государственный идеал. – Париж, 1931; *Он же.* Русский народ и государство // *Путь.* 1927. № 8; *Он же.* Советский федерализм // *Евразийский временник.* – Берлин, 1927. Кн. 5; *Он же.* Евразийцы и государство // *Евразийская хроника.* Вып. 9. – Париж, 1927 и др.; *Трубецкой Н.С.* О государственном строе и форме правления // *Евразийская хроника.* Вып. 8. – Париж, 1927; *Он же.* Общевразийский национализм // Там же. Вып. 9. – Париж, 1927; *Он же.* Идеократия и армия // Там же. Вып. 10. – Париж, 1928; *Он же.* Об идее-правительнице идеократического государства // Там же. Вып. 11. – Париж, 1935.

¹¹⁵ *Алексеев Н.Н.* Евразийцы и государство // *Евразийская хроника.* Вып. 9. – Париж, 1927. С. 38; См. также: *Алексеев Н.Н.* Теория государства. С. 168.

¹¹⁶ *Трубецкой Н.С.* Общевразийский национализм // *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. С. 419.

¹¹⁷ *Алексеев Н.Н.* Теория государства. С. 32.

¹¹⁸ Евразийство и коммунизм. Б.-м., б. г. С. 20.

¹¹⁹ *Гуль Р.* Я унес Россию. Апология эмиграции. Т. II. Россия во Франции. – Нью-Йорк, 1984. С. 13.

¹²⁰ Подробнее см.: *Косик В.И.* «Молодая Россия». Вариации на тему национализма в маршах эпохи. – М., 2013; *Массип М.* Истина – дочь времени. Александр Казем-Бек и русская эмиграция на Западе. – М., 2010.

¹²¹ Наше время. Шанхай, 1934. С. 119.

¹²² *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин. – Париж, 1983. С. 18.

4

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОГО МИРА В ЗАРУБЕЖЬЕ

Канонические разногласия и раскол Русской Православной Церкви за границей

Философ, богослов Н.М. Зернов писал, что для большинства из эмигрантов подлинная связь с родиной воплощалась в *церкви*. Недаром говорили, что, если двое русских появляются в Париже, то тут же основывают две политические партии и пять церквей. Утрата психологической устойчивости и духовных ориентиров, крушение идеалов и надежд, за которые пришлось страдать, потеря стабильной основы и смысла жизни подтолкнули многих эмигрантов к церкви. Заметим, что на рубеже веков наблюдался явный отход от Русской Православной Церкви (РПЦ). Об этом писали богословы, общественные деятели, об этом говорилось на Всероссийском Поместном Церковном Соборе 1917–1918 гг. В № 12 «Русского Богатства» за 1912 г. сельский священник писал, что «никогда не было такого ужасающе спокойного, молчаливого отпадения от церкви как ныне. Точно дух жизни угас в церкви... Не одна интеллигенция ушла, – народ ушел». Религиозная жизнь проходила около церковных стен.

Лишь катаклизм 1917 г., крушение прежних основ заставило россиян искать именно в православной вере то, что могло бы дать им опору, объединять, а не разъединять. Характерной чертой русского мира стала уцерковленность веры, снижение влияния прежнего, интеллигентского вольнодумства¹. Возрождение Церкви на эмигрантской почве явилось источником утешения и внутренней силы. Г. Трубецкой писал: «Мы, бе-

женцы, как скинию Завета вынесли в своих странствованиях святыню нашей родной Матери православной Церкви. Она заменяет нам на чужбине родину, в ней находим мы поддержку, бодрость и утешение и неумирающую надежду»². Православная церковь стала стержнем, притягивающим соотечественников, тем институтом, который позволял эмиграции сплотиться, проявить милосердие друг к другу, найти душевное спокойствие, осознать общность корней. Как вспоминал митрополит Евлогий, «в церковь шли не только помолиться, но и встретиться в церковной ограде со знакомыми, обменяться новостями, поговорить о политике, завязать какие-нибудь деловые связи... Несмотря на горечь и ужас жизни, веяло религиозной весной...»³.

Пришедшая в упадок за годы мировой войны и революций русская церковь за границей стала восстанавливаться. Посольские храмы на рю Дарю в Париже, на Унтер ден Линден в Берлине, святителя Николая в Праге, приходские церкви в солнечных и курортных европейских городах становились средоточием эмигрантской жизни. В Западной Европе первые русские церкви появились в XVII в., с установлением и расширением дипломатических связей. В XVIII в. их число увеличилось и не только в Лондоне, Берлине, Париже, но и в Северной Америке, Китае. XIX в. стал периодом расцвета русского церковного строительства в Западной Европе, а затем и в Южной Америке. Почти все зарубежные церкви императорской России (всего около 50) подчинялись Петербургскому (Петроградскому) епархиальному начальству, но материально зависели от министерства иностранных дел.

Исход из России усилил потребность в новых храмах и приходах. В эмиграции возродилась традиция малых церквей. Инициатива их создания, как правило, исходила снизу. На аренду старых и строительство новых церквей денег, как правило, не хватало, и они устраивались в подвальных помещениях, в заброшенных или разваленных домах, уютно обстраиваясь изнутри. Подчас богослужения состоялись в инославных церковных зданиях. Приспосабливались под православные службы и католические костелы, и протестантские кирхи. Большой радостью становилось строительство новых православных храмов.

Часто прихожане не в состоянии были содержать своего священника, тогда их обслуживал разъездной. Большая же часть членов Синода оказалась в эмиграции. В 1923 г. за границей находилось 32 русских епископа. Общее число лиц духовного звания среди эмигрантов, по некоторым данным, составляло полпроцента, т. е. 7–10 тыс.⁴

Среди священнослужителей были как рукоположенные в России (назначенные за границу до октября 1917 г., а также эмигрировавшие из страны, среди них значительное количество военных и флотских священников), так и рукоположенные в эмиграции (начавшие духовное образование в России, но по разным причинам не закончившие его и рукоположенные уже в эмиграции или родившиеся в России и получившие духовное образование в эмиграции, ибо многие пришли к вере именно за рубежом). Интересен тот факт, что большая часть русского православного священства в эмиграции происходит из семей, относившихся до революции к духовному сословию. На священнослужителях лежала задача сплотить паству.

Положение церкви и приходов осложнялось разногласиями, обусловленными наличием нескольких русских православных юрисдикций за рубежом. Не обошли церковь стороной канонические споры и политические противоречия. Камнем преткновения стал вопрос о подчиненности русских православных церквей, находившихся за границей. До революции вне пределов России в крупнейших государствах существовало несколько русских приходов, по большей части при посольствах. Зарубежные русские церкви и приходы находились под юрисдикцией митрополита Санкт-Петербургского, который подчинялся Священному Синоду. Духовенство, находившееся за рубежом, не признало решений общерусского церковного Собора 1918 г., отменившего Священный Синод и избравшего патриарха после прихода к власти большевиков.

8 октября 1919 г. патриарх Тихон объявил о гражданской лояльности по отношению к советской власти и политической нейтральности и заявил, что церковь и духовенство не будут поддерживать тот или иной политический режим, одну политическую партию против другой. По этой причине он отказался благословить Белую армию. Отделение церкви от государства освободило церковь от обязанности требовать от своих чад и духовенства, как граждан, того или иного политического

курса, участия или неучастия в политической деятельности. Но воинственно атеистическая, антицерковная и антиправославная политика советского правительства поставила под вопрос выживание России как христианской державы. 20 ноября 1920 г. Тихон издал указ № 362 о праве местных архиереев создавать временные автокефалии, если связь с Москвой будет невозможна. Этот указ касался канонической территории Московского патриархата и учитывал возможность исчезновения центрального управления. В дальнейшем он неправомерно использовался для углубления раскола церкви за рубежом при обосновании ее самостоятельности.

В мае 1919 г. в Новочеркасске и Ставрополе состоялся Южно-русский Церковный собор, признанный патриархом Тихоном, на котором, было основано Высшее Церковное Управление (ВЦУ) на Юге России, возглавляемое вначале епископом Вениамином (Федченковым), затем митрополитом Антонием (Храповицким). Ему подчинялись епархии, отрезанные Гражданской войной от Московской патриархии. Создавался он только на время Гражданской войны. 19 ноября 1920 г. на пароходе «Великий князь Александр Михайлович» в Константинопольском порту состоялось первое за пределами России заседание ВЦУ на Юге России, в котором участвовали митрополиты Киевский Антоний (Храповицкий), Херсонский и Одесский Платон (Рождественский), архиепископ Полтавский Феофан (Быстров) и епископ Севастопольский, епископ армии и флота Вениамин (Федченков). На заседании было вынесено решение о продолжении деятельности ВЦУ. Позднее в Константинополе местоблюститель Вселенского патриарха митрополит Дорофей разрешил епископам-эмигрантам основать временное Высшее русское церковное управление за границей, которое им было признано 29 декабря 1920 г. Константинопольский патриарх сохранял за собой все судебные прерогативы. Но ВЦУ создавалось без ведома и согласия патриархии Московской. Вскоре оно приняло приглашение патриарха Сербского Димитрия переехать в КСХС в город Сремские Карловцы, являвшийся резиденцией патриарха Сербии, и объявило себя временным местоблюстителем Священного Синода Российской империи. Благодаря присутствию в его составе митрополита Антония (Храповицкого), бывшего митрополита Киевского и Галицкого, человека выдающегося по

своей образованности и пользующегося большим авторитетом, ректора Петербургской духовной семинарии, а затем Московской Духовной академии, ВЦУ было признано русской православной церковью за рубежом и к его мнению прислушивались.

КСХС в 1920-е гг. становится центром русской церковной жизни вне России. В ноябре 1921 г. в Сремских Карловцах по инициативе епископа Севастопольского Вениамина и с согласия патриарха Сербского Димитрия был созван первый Всезаграничный церковный собор. Среди 163 членов Собора (оказавшихся за рубежом и сумевших добраться до Сремских Карловцев русских архиереев, членов поместного собора 1917–1918 гг., делегатов от приходов, от эвакуированной армии, от монашествующих, приглашенных) было 11 епископов (2 сербских), 22 представителя монашествующих и белого духовенства, 67 военных и политических деятелей. Участие в Соборе руководителей Высшего Монархического Совета Н.Е. Маркова и А.Ф. Трепова, которым сочувствовал митрополит Антоний, придавало его решениям подчеркнуто политический характер. Последний председатель Государственной думы М.В. Родзянко, присутствовавший на Соборе как член Всероссийского поместного собора, был с негодованием изгнан с его заседаний. Его обвиняли в развале Российской империи⁵. К сожалению, политические эмоции одержали верх над церковным сознанием. Отчасти это произошло потому, что собор был созван по инициативе Первого монархического съезда в Рейхенгалле (май – июнь 1921 г.). В послании Всезаграничного церковного собора чадам РПЦ в рассеянии и изгнании сущим говорилось: «Да вернет господь на Всероссийский престол Помазанника, сильного любовью народа, законного Православного царя из Дома Романовых». Собор принял также обращение к Генуэзской конференции, призывавшее спасти российский народ от большевизма. С этими решениями собора не был согласен ряд церковных деятелей, среди них и архиепископ (с 30 января 1922 г. – митрополит) Евлогий, который призвал к благоразумию, не отягчать положение патриарха. 34 члена Собора (в том числе архиепископ Евлогий) сделали письменное заявление, утверждавшее, что постановка вопроса о монархии с упоминанием при том и династии носит политический характер. Но Собор не внял голосу оппозиции.

Результатом принятия Всеаграничным собором политических решений, имевших явную монархическую ориентацию, явился указ патриарха Тихона от 5 мая 1922 г. об упразднении ВЦУ. Указ этот гласил: «1. Признать “Послание Всеаграничного Церковного собора всем чадам Русской Православной Церкви в рассеянии и изгнании сущим” о восстановлении в России монархии с царем из рода Романовых, напечатанное в “Новом времени” от 3-го декабря 1921 г. № 184 и “Послание мировой конференции от имени Русского Всеаграничного собора”, напечатанное в том же “Новом времени” от 1 марта сего года за № 254 за подписью председателя Заграничного Синода и Высшего Русского Церковного Управления заграницей митрополита Киевского Антония, – актами, не выражающими официального голоса Русской Православной Церкви, и в виду их чисто политического характера, не имеющими церковно-канонического значения.

2. В виду допущенных Высшим Русским Церковным Управлением за границей означенных политических от имени Церкви выступлений и принимая во внимание, что за назначением тем же Управлением преосвященного митрополита Евлогия заведующим русскими православными церквами заграницей, собственно для Высшего Церковного Управления там не остается уже области, в которой оно могло бы проявить свою деятельность, означенное Высшее Церковное Управление упразднить, сохранив временно управление русскими заграничными приходами за преосвященным митрополитом Евлогием, поручив ему представить соображения о порядке управления названными церквами.

3. Для суждения о церковной ответственности некоторых духовных лиц за границей за их политические от имени Церкви выступления озаботиться получением необходимых для сего материалов и самое суждение, ввиду принадлежности некоторых лиц к епископату, иметь по возобновлении нормальной деятельности Священного Синода, при полном указанном в Соборных правилах числе его членов, о чем, для зависящих по предмету данного постановления распоряжений, уведомить ваше преосвященство»⁶.

Митрополит Антоний решил подчиниться указу патриарха, но большая часть членов ВЦУ высказалась против. В сентябре 1922 г. собор епископов, собравшийся в Сремских Карловцах,

формально исполнил волю патриарха, распустив ВЦУ, но на его месте был создан Синод епископов русской церкви за границей под председательством митрополита Антония. Разница была только в том, что ВЦУ включало в свой состав двух священников и двух мирян, а в Синоде были только архиереи. Синод претендовал на полноту власти дореволюционного Священного Синода, сохранив влияние не только над зарубежными епископами, но и в самой России.

Назначение архиепископа Евлогия Управляющим русскими православными приходами в Западной Европе последовало 15 октября 1920 г. ВЦУ на Юге России. Это назначение подтвердили митрополит Петербургский Вениамин и патриарх Тихон. 8 апреля 1921 г. патриарх Тихон вместе с Синодом издали Указ о подчинении русских церквей в Западной Европе до восстановления нормальных отношений с Петроградским митрополитом, в юрисдикции которого они ранее находились, архиепископу Евлогию. Резиденция Евлогия находилась сначала в Берлине, а с 1923 г. в Париже, где он оставался до своей смерти (1946 г.)

Евлогий, уважая авторитет митрополита Антония, этому назначению не подчинился. Он предлагал сохранить органическую связь с Москвой при создании автономных митрополичьих округов⁷. Но это предложение не было поддержано на Соборе 1923 г.

Евлогий не считал себя подчиненным Синоду и нашел поддержку у церковно-общественных кругов: П.Б. Струве, А.В. Карташева, Н.А. Бердяева, о. С. Булгакова, Г.П. Федотова, митрополита Платона (Северо-Американская епархия). Митрополит Антоний, не желая быть камнем преткновения, решил в канун Рождества 1922 г. удалиться на Афон и принять схиму. Но Афонский Протат отказал ему. Летом 1923 г. Архиерейский Синод принял секретное определение о неисполнении указов патриарха Тихона, касающихся деятельности заграничных приходов, поскольку патриарх несвободен и его указы не соответствуют его подлинным намерениям. Евлогий, старавшийся последовательно уйти от политики, все больше расходился с карловчанами.

Арест патриарха Тихона, попытки православных церквей балканских стран распространить свою юрисдикцию на русские православные приходы обострили вопрос, кого же считать главой русской православной церкви за границей.

Напряженные отношения между митрополитом Евлогием и карловацким центром привели к формальному разрыву в июне 1926 г. в ходе очередного Архиерейского собора. Митрополит Евлогий потребовал в первую очередь рассмотреть вопрос об управлении Русской Православной Церковью за границей. Собор отказался менять повестку дня, и тот покинул Карловцы. За ним последовал митрополит Платон (Рождественский), которого Архиерейский Собор осудил за его попустительство автокефалистским тенденциям в Северо-Американской епархии. Вопреки мнению митрополита Евлогия Архиерейский Собор принял решение о выделении Германии в особую самостоятельную епархию во главе с епископом Тихоном (Лященко). Разрыв стал свершившимся фактом. Митрополита Евлогия поддержала большая часть парижской эмиграции: бывший председатель Совета министров В.Н. Кокцов, генералы и офицеры, профессора, литераторы, студенческая молодежь. С сочувственными статьями, одобрявшими аполитичную линию в управлении Церковью, выступили П.Б. Струве в «Возрождении», И.П. Демидов в «Последних новостях»⁸.

Писательница М. Каллаш с сожалением отмечала в письме митрополиту Евлогию в 1926 г.: «Беженство, чем дальше, тем больше, утрачивает духовную связь с православной Россией, и на этой почве, как плесень, растет грех автокефальных вождений». Призывая наложить трехдневный строгий пост, в совместной молитве за святую церковь, она считала, что русские люди почерпнут в этом «силы для преодоления страшного карловацкого соблазна»⁹. Дух евлогианской церкви привлекал беженцев своей терпимостью, большей степенью мягкости и свободы, отдаления от государственности, был «ближе к вселенскому образу православия». По словам Б.К. Зайцева, «бездомные и рассеянные более привлекаются внутренней стороной церкви, духовным миром, чем уклонами политическими»¹⁰. Писатель считал, что митрополит Евлогий подкупал своей рускостью: «все в нем было “сверхрусское”, отличный русский язык, любовь к православному богослужению, природе, народу, к России»¹¹.

«Карловчане» приняли 26 января 1927 г. постановление о запрещении в священнослужении митрополита Евлогия и его викариев и прерывании молитвенного общения с ними. В ответ

на это митрополит Евлогий обратился с посланием к духовенству и приходам, в котором отверг эти решения как неправомочные: «Собор и заграничный архиерейский Синод в нынешнем их составе не являются моею канонической властью и посему не могут вмешиваться в дела моей епархии и не могут ведать и решать духовную совесть вверенной мне пастыри. Отныне наша Западноевропейская митрополия становится на путь самостоятельного, не зависимого от заграничного архиерейского Синода существования, так же как независимо от него живут Американская Русская Православная Церковь с митрополитом Платоном во главе и со всеми его епископами, Латвийская Церковь с архиепископом Иоанном, Литовская с архиепископом Елевферием и другие»¹².

Еще большему расколу способствовала декларация митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского). Этот документ спровоцировал конфликт с Московской патриархией. Послание заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия и временного при нем Патриаршего Священного Синода («Декларация» Митрополита Сергия), датированное 16/29 июля 1927 г. было опубликовано 18 августа 1927 г. в «Известиях» и размножена в виде листовки тиражом 5000 экземпляров. Ее разослали по приходам. Декларация, в частности, гласила:

«Божиею милостию, смиренный Сергей, митрополит Нижегородский, Заместитель Патриаршего Местоблюстителя и Временный Патриарший Священный Синод.

Преосвященным архипастырям, боголюбивым пастырям, честному иночеству и всем верным чадам Святой Всероссийской Православной Церкви.

<...>Теперь, когда мы почти у самой цели наших стремлений, выступления зарубежных врагов не прекращаются: убийства, поджоги, налеты, взрывы и им подобные явления подпольной борьбы у нас всех на глазах. Все это нарушает мирное течение жизни, создавая атмосферу взаимного недоверия и всяческих подозрений. Тем нужнее для нашей Церкви и тем обязательнее для нас всех, кому дороги Ее интересы, кто желает вывести Ее на путь легального и мирного существования, тем обязательнее для нас теперь показать, что мы, церковные деятели, не с врагами нашего Советского государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и с нашим правительством.

Засвидетельствовать это и является первой целью настоящего нашего (моего и Синодального) послания. <...> Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти, могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть православными и в то же время сознать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи.

<...> Утверждение Советской власти многими представлялось каким-то недоразумением, случайным и потому недолговечным. Забывали люди, что случайностей для христианина нет и что в совершившемся у нас, как везде и всегда, действует та же десница Божия, неуклонно ведущая каждый народ к предназначенной ему цели. Таким людям, не желающим понять “знамений времени”, и может казаться, что нельзя порвать с прежним режимом и даже монархией, не порывая с Православием. Такое настроение известных церковных кругов, выражавшееся, конечно, и в словах, и в делах и навлекшее подозрения Советской власти, тормозило и усилия Святейшего Патриарха установить мирные отношения Церкви с Советским правительством. <...>

Особенную острогу при данной обстановке получает вопрос о духовенстве, ушедшем с эмигрантами за границу. Ярко противосоветские выступления некоторых наших архипастырей и пастырей за границей, сильно вредившие отношениям между правительством и Церковью, как известно, заставили почившего Патриарха упразднить заграничный Синод (5 мая / 22 апреля 1922 года). Но Синод и до сих пор продолжает существовать, политически не меняясь, а в последнее время своими притязаниями на власть даже расколол заграничное церковное общество на два лагеря. **Чтобы положить этому конец, мы потребовали от заграничного духовенства дать письменное обязательство в полной лояльности к Советскому Правительству во всей своей общественной деятельности** (выделено мной. – З.Б.). Не давшие такого обязательства или нарушившие его будут исключены из состава

клира, подведомственного Московской Патриархии. Думаем, что размежевавшись так, мы будем обеспечены от всяких неожиданностей из-за границы. С другой стороны, наше постановление, может быть, заставит многих задуматься, не пора ли и им пересмотреть вопрос о своих отношениях к Советской власти, чтобы не порывать со своей родной Церковью и Родиной».

Таким образом, декларация митрополита Сергия осуждала эмигрантское духовенство за открытые выступления против советской власти и предлагала заграничным русским архипастырям и священнослужителям дать письменное обязательство (за собственноручной подписью) «лояльности» по отношению к советскому правительству.

Митрополит Евлогий исполнил требование митрополита Сергия, но не безусловно. Он высказался за поддержание прочной организационной и духовной связи с Московской патриархией, заявил, что термин «лояльность» означает для него и паствы аполитичность эмигрантской Церкви, исключает использование амвона как арену политики. Быть лояльными по отношению к советской власти невозможно: в Зарубежье нет граждан СССР, да и СССР эмигрантов, не заявивших о желании принять гражданство, таковыми их не считает. Митрополит Сергей объяснением удовлетворился, но потребовал немедленно препроводить ему подписи всех зарубежных епископов и приходского духовенства. Предписание было направлено и в Сремски Карловцы. В епархии митрополита Евлогия духовенство подписи дало, за исключением нескольких приходов, перешедших в юрисдикцию Архиерейского синода, который декларацию митрополита Сергия отверг, подтвердил свой разрыв с ним и осудил Евлогия за раскольническую деятельность в зарубежье. Кроме митрополита Евлогия подписки о «лояльности» были поданы архиепископом Литовским Елевферием, архиепископом Японским Сергием, епископом Камчатским Нестором.

Митрополит Антоний в ответ на требование митрополита Сергия и Временного Патриаршего Священного Синода издал окружное послание, составленное в крайне раздражительном тоне: «Ныне повсюду пропечатаны в газетах и читаются во многих храмах, которые еще недавно были православными, два послания моих, увы, когда-то единомышленников

Митрополит Антоний (Храповицкий)

Митрополит Евлогий (Георгиевский)

и любимых учеников – митрополитов Сергия и Евлогия, ныне отпавших от спасительного церковного единства и связавшихся с врагами Христа и Святой Церкви – гнусными богохульниками большевиками, подчинившимися во всем представителям еврейского лжеучения, которое известно под именем коммунизма или материализма... И пусть те новые оболыстители не оправдываются, заявляя, что они не друзья большевиков и евреев, стоящих во главе большевистского царства: в душе они, может быть, и не друзья им, по они этим врагам Христовым, хотя бы и неохотно, подчинились и стараются расширить власть последних не только над злосчастными жителями Святой Руси, но и над всеми русскими людьми, хотя бы и далеко от Русской земли ушедшими»¹³.

Разделилось и общественное мнение. Н.А. Бердяев написал специальную статью в «Последних новостях» от 13 сентября 1927 г. в защиту митрополита Сергия¹⁴. В то же время Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус в своем письме к эмигрантской общественности высказали настоятельную просьбу не подписывать никаких обязательств¹⁵.

Русская церковь оказалась расколотой на приходы и епархии, одни из которых признавали заграничный Синод (Балканы, Маньчжурия, Китай, несколько приходов в Северной Америке, Германии), другие считали своим главой митрополита Евлогия (страны Западной Европы, Балтии, Северной Америки, Австралия). Возникали и нелепые в церковном смысле ситуации. Так, в Англии в одном храме служили по неделям (а в праздник по очереди) евлогианцы и карловчане.

Деятельность РПЦ в Зарубежье

Несмотря на канонические расхождения и противостояние в церковных верхах, священнослужители за рубежом выполняли свои «традиционные» обязательства, и более того, к ним добавились новые. *Обязанность окормлять*¹⁶ заграничную русскую паству в рассеянии была подтверждена ВЦУ в первых же своих решениях. Сохраняла свою актуальность задача заботиться о правильной метрической записи венчаний и крещений русских беженцев, имея в виду будущую необходи-

мость в этих документах по возвращении в Россию. «Метризация этих актов по Российским законам имеет юридически-правовое значение...» – отмечалось в протоколе ВЦУ от 3 (16) августа 1921 г., – «между тем в будущем, по восстановлении в России порядка и возвращении беженцев в Россию, получение документов об этих актах... будет крайне затруднительным...»¹⁷. Отмечалась важность ведения метрических записей именно *русским* церковным управлением, поскольку получение метрических записей от иностранных церквей могло в будущем, по возвращении в Россию, оказаться затруднительным.

Браки и разводы, регистрация родившихся, умерших – все эти вопросы находились в ведении управляющего русскими православными приходами в Западной Европе, либо Карловацкого Синода, а до их появления (после взятия власти большевиками) – архиепископа Алеутского и Северо-Американского в Нью-Йорке. Таким образом, деятельность РПЦ распространялась практически на все страны, где проживали соотечественники.

Были установлены церковные центры, куда следовало обращаться по вопросам о расторжении брака. Эмигрантские газеты эту информацию донесли до читателей. Проживавшим а) в Западной Европе – к Управляющему русскими православными заграничными церквями в Западной Европе митрополиту Евлогию (в Берлине); б) в Югославии – к Управляющему русскими православными общинами в КСХС митрополиту Антонию (Сербия, Сремски Карловцы); в) в Болгарии – к Управляющему русскими православными общинами Константинопольского округа архиепископу Анастасию; г) в Северной Америке – к архиепископу Североамериканскому Александру (Нью-Йорк) и епископу Алеутскому Антонию (Ситха); д) в Китае и Японии – к Начальникам российских духовных миссий, в Китае – к архиепископу Иннокентию (Пекин), в Японии – архиепископу Сергию (в Токио); е) в полосе отчуждения КВЖД – к архиепископу Харбинскому к Цицикарскому Мефодию (Харбин); ж) в прочих местах, не входящих в районы Управления означенных Преосвященных (Греция, о. Крит, Иерусалим, Египет, Южная Америка и пр.) – в Высшее Русское Церковное Управление за границей (Сербия, Сремски Карловцы)¹⁸.

В связи с сомнениями некоторых правительств в юридической силе разводов наших соотечественников и во избежание возможных недоразумений, по согласованию Совета послов с митрополитом Евлогием была выработана памятная записка, излагавшая юридическую сущность установившейся практики. И такой циркуляр с приложением памятной записки был разослан главой Совета послов М.Н. Гирсом российским (не советским) дипломатическим представительствам¹⁹.

В КСХС местный собор вынес краткое постановление о предоставлении заграничной русской церковной власти юрисдикции над русским духовенством на территории Сербской Церкви от 18 (31) августа 1921 г., а позднее сербский архиерейский собор поддержал перед гражданскими властями брачную юрисдикцию Русской Заграничной Церкви. В соответствии с решением Сербского собора, югославское правительство признавало метрические акты наших церквей и вслед за Сербской Патриархией заверяло эти документы, когда требовалось свидетельство министерства иностранных дел для пользования ими в других государствах.

Но с переходом европейских государств (причем разновременно) к гражданской форме брака и развода церковная юрисдикция становилась факультативной. Положение эмигрантов усугублялось отсутствием унификации в разных странах юридических норм в их отношении. В одних странах признавались за ними нормы национального права, в других – право местожительства, иногда формы брака регулировались правом места его заключения и пр.

Практика семейного права, в которой Церковь до революции занимала большое место, в Зарубежье стала чрезвычайно разнообразной. Например, деятельность русского православного духовенства в *Швейцарии* после 1917 г. претерпела мало изменений. На вопрос анкеты Лиги Наций И.Н. Ефремов, назначенный посланником и полпредом еще Временным правительством и сохранявший свои полномочия, в начале 1920-х гг. отвечал, что по-прежнему обязанности РПЦ распространялись на ведение метрических книг о рождении, смерти и бракосочетании. При обеих церквях в Женеве и Веве ведение этих книг продолжалось по старой системе, равно как и церковно-приходская отчетность. Например, за 1920 г. было совершено в обоих храмах: крещений – 14, браков – 12, погреб-

бений – 23. Браки совершались в церкви после гражданского брака по местным законам. За расторжением браков обращались к Отцу настоятелю. Тот поступившие просьбы направлял на имя высокопреосвященного Александра, архиепископа Алеутского и Северо-Американского в Нью-Йорк. После назначения к управлению всеми заграничными церквями Высокопреосвященного Евлогия, архиепископа Волынского и Житомирского, прошения о разводе Отцом настоятелем направлялись уже к нему²⁰.

В Финляндии при заключении и расторжении браков широко допускалось применение национальных законов иностранцев, если к тому не имелось препятствий по финляндскому закону. Эти вопросы решались церковью, которая считалась с особенностями положения беженцев. По закону 1929 г. решения светского суда поступали на утверждение церковной власти. С передачей вопроса о разводах компетенции светского суда он существенно осложнился, в особенности в случаях, когда один из супругов находился в СССР. Его местопребывание могло быть неизвестно, либо по другим причинам не было возможности получить от советских властей документ (который должен быть засвидетельствован в финляндском консульстве) о том, что брак, находившегося в СССР супруга расторгнут. Местный суд становился, как правило, на формальную точку зрения. В то время как по финляндским законам раздельное проживание супругов в течение одного года и одного дня являлось поводом к разводу. Подобная ситуация заставляла эмигранта прибегать к антизаконным действиям: лжесвидетельствованию, предъявлению сомнительных документов и т. п. Среди смирившихся с неполучением развода эмигрантов процветало незаконное сожителство, внебрачные дети. Однако в целом внебрачных детей в эмиграции рождалось мало. По крайней мере, в Югославии, что отмечал профессор Д.Н. Иванцов, сделавший демографические наблюдения, в Белграде внебрачная рождаемость составляла всего 4,8–2,16 %²¹.

Для вступления в брак эмигранту во Франции, как информировала 18 сентября 1925 г. (№ 804) газета «Дни», требовались следующие документы: 1. метрическое свидетельство (акт де нэссанс), 2. удостоверение о месте жительства, 3. удостоверение о семейном положении, выдававшееся Русским эмиг-

рантским комитетом²² и засвидетельствованное министерством иностранных дел. Церковный брак считался необязательным. Французская судебная практика основывалась на признании фактического отсутствия правосудия в России. К делам о разводах французские суды с 1922 г. стали применять положения, представляющие собой комбинацию русских дореволюционных законов с французскими. Вопрос о поводах для развода решался по старым русским законам. Сам развод совершался по французским законам.

В ЧСР в начале 1920-х гг. магистрат Праги отказывал в просьбе о регистрации брака, требуя предварительного заключения церковного брака. Вскоре гражданская форма брака стала законной, а церковный брак – факультативным. Однако при выезде в страну, где за русскими эмигрантами не отрицалось наличие их национального права, положение лиц, заключивших только гражданский брак, становилось неопределенным. Поэтому русским эмигрантам следовало заключать кроме гражданского брака также и церковный²³. Случались и казусы. Так, Е.В. Тараблин в статье «О правовом положении иностранцев в ЧСР» приводит следующий пример. Финляндская подданная, заключившая церковный брак с русским эмигрантом в Чехословакии, по приезду в Финляндию была арестована за нелегальный въезд, т. к., по мнению местных властей, заключив церковный брак, та потеряла гражданство. После мытарств ей был выдан в Финляндии нансеновский паспорт²⁴.

Трудности заключения браков были связаны с отсутствием потенциальной возможности получить метрические и предбрачные свидетельства из России. Поэтому совершенно незаменимой становилась деятельность русских общественных организаций или представительства верховного комиссара по делам русских беженцев (позже нансенамта) при установлении беженского состояния, при выдаче эрзацдокументов (например, свидетельств о рождении для женитьбы), при выяснении состояния семьи беженцев и т. д. В подобных случаях русские эмигранты ходатайствовали перед Земской политической Справой о так называемых диспенсах, т. е. об освобождении от представления этих документов, ограничиваясь удостоверениями, выданными Земгором, на основе показаний двух свидетелей, имевших право жительства в Чехословакии (предъявивших пружказ²⁵, выдававшийся сроком на один год).

В удостоверении Земгора указывалось, что такой-то является холостым, вдовцом или разведенным, и что для вступления его в брак препятствий нет. Разведенным, кроме того, к прошению следовало присоединить бракоразводное свидетельство. В Земгоре должную юридическую поддержку обеспечивала юридическая комиссия²⁶.

Оформление разводов являлось актуальной проблемой, т. к. процент разведенных среди русских был весьма велик. Это объяснялось, с одной стороны, разрывом семейных связей в ходе миграций, с другой, как писали сами беженцы, эмансипацией женщин в эмиграции. Бракоразводные дела занимали большое место в практике Русского юридического комитета в Праге. До 1927 г. неизвестно было не только русским эмигрантам, но и государственным учреждениям Чехословакии, где, в гражданском или церковном суде, надлежит вести соответствующую процедуру. Поэтому разводились и в гражданских судах, и в епархиальном Управлении в Париже, и в советском загсе, и в Живоцерковном Синоде, наконец, у местного епископа Савватия, у которого развестись было легче, дешевле и быстрее. С признанием главой православного прихода в Чехословакии епископа Горазда 23 февраля 1926 г., Савватий свое значение потерял²⁷. Правда, некоторое время он еще осуществлял свою бракоразводную деятельность, но государственные учреждения Чехословакии перестали признавать действительность этих разводов, что стало первым шагом к устранению бракоразводной неразберихи. Ввиду того, что расторжение брака в советском Загсе для подавляющего большинства заинтересованных лиц было недоступно, да и возможно лишь в случае нахождения одного из супругов в СССР, выбор ограничивался возможностью обращения к гражданскому суду ЧСР и к Епархиальному управлению в Париже. Бракоразводные свидетельства, выданные Епархиальным управлением, чехословацкими учреждениями безоговорочно признавались имеющими юридическую силу. В частности, Земская политическая справа выдавала на основании этих свидетельств разрешения на вступление в новый брак.

С июня 1927 г. Земская политическая справа перестала признавать юридическое значение за разводами, произведенными Епархиальным управлением в Париже, и стала требовать развода, произведенного в гражданских судах ЧСР²⁸. По-

скольку французская практика также не признавала юрисдикцию РПЦ, русские юристы ставили вопрос: Чешская Справа взяла за основание французскую практику или имеют место соображения более принципиального характера – отрицание за русскими эмигрантами, как лицами, утерявшими подданство, их национального права? Дело в том, что по русскому дореволюционному праву, а также согласно распоряжениям высших духовных властей, бракоразводные свидетельства Епархиального управления в Париже должны были считаться имеющими полную силу для находившихся в Чехословакии русских эмигрантов. Иное решение возможно только при условии квалификации русских эмигрантов как «бесподданных». Важнейшим выводом из последнего положения явилось бы отрицание существования у бывших подданных Российской империи какого бы то ни было национального права: как добольшевистского, так и советского. Одним из условий выдачи разрешения на вступление в новый брак должно было стать представление доказательств, подтверждающих право Епархиального управления в Париже расторгать браки²⁹.

В Германии в области семейного права браки русских граждан, заключенные после 1917 г. только по церковным обрядам и не зарегистрированные в гражданских учреждениях, не признавались, так же как не признавались церковные разводы³⁰. Подсудность бракоразводных дел русских граждан германским судам оспаривалась в имперском суде³¹. Возникло много путаницы с советскими браками и разводами. Германский суд безоговорочно признавал правовые последствия уже возникших в СССР семейно-правовых отношений, основываясь на их экстерриториальной силе. Но в вопросах применения советского семейного права часто прибегал к комбинированию начал советского и немецкого права.

Приведем случай, имевший место в берлинском 3-м ландсгерихте 15 ноября 1924 г. и описанный в книге Е.И. Кельмана. Истица, русская гражданка С., урожденная Д., 21 февраля 1918 г. вступила в Вятке в церковный брак с ответчиком С., германским подданным. Данный брак был оформлен лишь духовным лицом. После того, как супруги выехали в Германию и поселились там, 2 сентября 1923 г. ответчик, не расторгая данного брака, вступил в новый брак, оформив таковой в Отделе гражданских актов в Берлине. Истица предъявила к ответчику

и к его новой жене иск о признании их брака недействительным, как заключенного при не расторгнутом браке ответчика с истицей. Ответчик защищался встречным иском, в котором просил признать недействительным брак, заключенный между истицей и ответчиком 21 февраля 1918 г. в Вятке, указывая, что путем заключенного ими церковного брака не возникло брачных отношений, ибо с декабря 1917 г.³² в России действовали законодательные нормы о том, что брак должен быть заключен перед ведомственным должностным лицом, а церковное бракосочетание лишено всякой силы. Через советское полпредство в Берлине была запрошена официальная информация. Согласно представленной справке Наркомюста РСФСР церковный брак истицы и ответчика, заключенный в феврале 1918 г., являлся действительным, т. к. в Вятке записи гражданского состояния начались лишь с лета 1919 г. В результате суд признал брак истицы с ответчиком имеющим силу и расторг второй брак ответчика, заключенный в Германии³³.

В Югославии русские религиозные суды наделялись компетенцией развода русских беженцев. Сербская церковь, ведению которой по закону подлежали все вопросы о церковных браках и их расторжении, признавала компетенцию Архиерейского Синода, находившегося в Сремских Карловцах, в отношении чад РПЦ, независимо от того, подданными какого государства они являлись. После принятия международного соглашения от 30 июня 1928 г. относительно юридического статуса русских и армянских беженцев и последующего акта МИД Югославии от 5 мая 1930 г. под № 5831/1305 Делегация Лиги Наций по делам беженцев в Югославии стала удостоверить подпись митрополита Антония, возглавлявшего Синод. Более того, в отношении браков, венчанных в России, неоднократно бывали случаи, что на решение русского духовного суда Синодом Сербской церкви направлялись дела даже югославянских подданных. Архиерейский Синод придерживался принципа, в соответствии с которым в отношении церковных браков иностранно-подданных, принадлежавших к Русской церкви, он выносил свой суд, не входя в обсуждение гражданских последствий этого акта с точки зрения законов государства, подданным которого состояло данное лицо. В Югославии производили обычно и гражданский, и церковный развод. В тех государствах, где церковные акты не признавались,

заинтересованным лицам приходилось расторгать свой брак в гражданских учреждениях, но ни один священник не повенчал бы их на основании одного лишь гражданского акта о разводе³⁴.

Пастырская ответственность ощущалась церковным Зарубеьем не только в области метрических записей. Беженские условия жизни заграничной паствы поставили перед российскими архипастырями и пастырями, оказавшимися за границей, исключительные задачи. Проблемы нищенского существования беженцев, последствия трагедий разбитых гражданской войной семейств, опасность отпадения от Православия русских детей в инославной среде – со всем этим столкнулось РПЦ в первые же месяцы своего пребывания в Константинополе. РПЦ осознавало трудности *православного воспитания детей за рубежом*. Был поднят вопрос «о наблюдавшихся попытках к соращению в католичество русских детей, обучающихся в французских учебных заведениях». Против этих попыток ВРЦУ выступило, обращаясь к апостолическому делегату, а в мае 1922 г. составило «Обращение к Папе Римскому по поводу использования им тяжелого положения русских в целях соращения их из Православия», а также «Обращение к родителям русских детей с предостережением от католической пропаганды». Преподавание Закона Божьего в русских учебных заведениях или четверговых школах диктовалось не только программами дореволюционной поры, которые были взяты за основу, но и целесообразностью приобщения к православному учению как основы русскости.

Заграничных иерархов заботила также подготовка образованных пастырей для Русской Церкви за границей. Разумеется, что при крайней скудости средств создание духовных учебных заведений было более чем затруднительно. Тем не менее, уже в апреле 1921 г. в Константинополе организовались Высшие богословские курсы, которые вел архиепископ Анастасий (Грибановский), а в январе 1922 г. ВРЦУ утвердило проект создания пастырского училища в Болгарии под управлением епископа Дамиана. Характерно, что при этом имелась в виду нужда в пастырях не только за границей, но и в будущей, освобожденной России: «ВЦУ имеет в виду учреждение курсов четырехгодичных, дабы воспитанники их могли явиться правоспособными кандидатами священства и по воз-

вращении в Россию». Особое значение имело учреждение богословских факультетов. Церковь являлась стержнем духовной жизни Русского Зарубежья, и с притоком эмиграции прежнего количества православных приходов, священников было недостаточно. Кроме того, богословское образование компенсировало отсутствие подобной подготовки на родине после закрытия духовных академий. На зарубежную систему образования ставку делать не приходилось. Поэтому создание Православного Богословского института в Париже стало одной из важнейших церковных задач.

Развитию в зарубежье богословской школы в значительной степени способствовали религиозные философы. В эмиграции оказались почти все виднейшие представители русской религиозной философии. Эта отрасль знания в Советской России не развивалась. Религиозные мыслители покидали страну во время или сразу после Гражданской войны (Л.И. Шестов, В.В. Зеньковский, Н.Н. Алексеев, Д.С. Мережковский), других выслали в 1922 г. за границу как идеологически чуждые советской власти элементы (С.Л. Франк, Н.О. Лосский, о. С. Булгаков, И.Н. Ильин, Л.П. Карсавин). Их творчество, обогащенное духовным опытом революции, расцвело в эмиграции новым цветом. Многие произведения были переведены на иностранные языки. Наибольшая известность выпала при этом на долю Н.А. Бердяева, который был редактором выходившего в Париже русского религиозно-философского журнала «Путь». Годы эмиграции – это период завершения многих религиозно-философских систем, окончательного оформления русской религиозной философии как особой школы философской мысли, постепенного ее выхода на мировую сцену.

Большинство богословов в зарубежье составили не специалисты, получившие образование в России, а лица, начавшие заниматься данной дисциплиной только за границей. Россию покинуло ничтожное количество профессоров высших духовных учебных заведений и лиц, имевших богословскую ученую степень. Среди них были два доктора богословия – митрополит Антоний (Храповицкий) и бывший ректор трех Духовных академий Н.Н. Глубоковский. Поэтому при основании Высшей богословской школы в Париже (1925 г.) был привлечен целый ряд профессоров (13 человек из числа основных преподавателей), не прошедших через духовную школу, но посвя-

тивших себя изучению богословских дисциплин³⁵. Они читали лекции также на богословском факультете в Белградском и Софийском университетах³⁶.

Ректором Высшей богословской школы в Париже стал митрополит Евлогий, инспектором – епископ Вениамин. Существовала она в основном на пожертвования. С 1930-х гг., когда пожертвования сократились, ее материальное положение пошатнулось. В первый набор из 120 подавших прошение до 1 ноября 1925 г. было принято лишь 32 человека, из них 29 – студенты, 3 – вольнослушатели. Возрастной состав был различным. 19 – от 20 до 25 лет, 11 – старше 25 лет, двое – младше 20. Различным являлся и их образовательный уровень. Высшее образование имели 5 человек, продолжали состоять в других вузах – 5, среднее образование в военной школе получили 9, в гражданской – 18 человек. Полной стипендией были обеспечены 15 студентов. За 11 лет существования в Богословском институте воспитывались 133 студента (46 из Франции, 23 из Болгарии, 11 из Польши, 4 из Финляндии, 1 из Литвы, 10 из Югославии, 10 из Эстонии, 2 из Румынии, 1 из США, 17 из ЧСР, 6 из Латвии, 1 из Германии).

С 1922 г. стал издаваться официальный церковный журнал при заграничном ВЦУ, «Церковные Ведомости», с целью оповещения заграничной паствы о постановлениях ВРЦУ, а также для постепенной публикации всех постановлений Всероссийского Собора 1917–1918 гг.

На РПЦ легли и сугубо практические заботы. В первые же недели своего существования за границей ВЦУ было вынуждено взять на себя защиту заграничного имущества Русской Церкви. Начиная с ноября 1920 г., т. е. в первую неделю своего пребывания за границей, в ВЦУ поступали просьбы о принятии под покровительство от заграничных русских храмов и целых миссий, прежде всего Иерусалимской, на имущество которой притязал Иерусалимский Патриархат. Первое такое обращение, от 23 ноября/6 декабря 1920 г., касается храма в Буэнос-Айресе, на который притязал советский посланник Е.Ф. Штейн. Месяц спустя в ВЦУ поступило письмо из Бари с просьбой от имени Палестинского Общества, «принять в ведение Высшего Русского Церковного Управления имущество (храм и дом) Общества в Бари для ограждения его от возможных покушений большевиков». На все подобные обращения

заграничное ВЦУ отвечало ходатайствами перед иностранными государствами, выдачей документов о своей ответственности за имущество Русской Церкви.

Заграничная Русская Церковь будучи частью Московской патриархии следила за жизнью в самой России. Она делала все возможное, чтобы помочь голодающим, многократно обращалась к правительствам иностранных государств по поводу гонений на верующих в России. Так, например, в августе 1921 г. ВРЦУ постановило: «установить во всех русских православных заграничных церквях тарелочный сбор за каждым богослужением в пользу голодающего и страждущего населения России...», несколько же дней спустя при ВРЦУ был образован «Церковный Комитет помощи голодающей России», причем ВРЦУ обратился с особым воззванием «о голодающих в России, ко всем верующим в Бога правительствам и Народам всего мира». Пожертвования денежные предлагалось направлять в Белград, в ВЦУ, а снаряженные вагоны и пароходы на имя Всероссийского Патриарха Тихона в пограничные города или в Константинополь.

В мае 1922 г. ВРЦУ выступило в защиту арестованного Святейшего Патриарха Тихона. При этом по всем приходам Зарубежной Церкви был разослан указ служить молебны о Святейшем Патриархе. А на ектенях впредь постановлено на всех богослужениях, кроме обычного возношения имени Святейшего Патриарха Тихона, особые прошения «о в узах пребывающем Патриархе». Митрополит Антоний также обращался с протестами по поводу ареста Святейшего Патриарха «ко всем главам Православных и инославных церквей и ко всем светским главам государств мира».

Православным религиозным центром Парижа стал Александро-Невский храм на улице Дарю. На пожертвования русских парижан в столице Франции был приобретен участок земли с находившейся на нем заброшенной немецкой кирхой и другими строениями. Протестантская кирха была перестроена в прекрасный православный храм во имя преподобного Сергия Радонежского, отделанный в древнерусском стиле, который был освящен 1 марта 1925 г. в прощенное воскресенье митрополитом Евлогием. Храм вместе со строениями вокруг него получил название Сергиевского подворья. Вскоре на этом подворье разместился Сергиевский православный бого-

словский институт. По словам митрополита Евлогия, «Алекса́ндро-Невская церковь и Серге́евское подворье захватывали лишь тонкий слой беженцев, а эмигрантская масса, расселившаяся в отдаленных кварталах Парижа и в пригородах, в храмы не попадала, не говоря уже о тех тысячах эмигрантов, которые осели в фабричных и промышленных районах в провинции. Все эти эмигранты жили бесцерковно. Отсутствие церковного влияния сказывалось: люди морально опускались и духовно дичали. Некрещенные дети, незаконное сожителство, огрубение нравов, распущенность... Там, где храмов не было, положение казалось безвыходным, но и в Париже дело обстояло не лучше. Съездить в храм к обедне всей семьей – значило истратить на автобусы и метро больше, нежели позволяет бюджет рабочего. Старым, больным людям приходилось приезжать издалека, тогда как, будь церковь под боком, они бы усердно ее посещали. Все эти явления и соображения заставили меня задуматься о значении малых приходов и церквей».

Во второй половине 1920-х гг. в Париже были выстроены церковь общества галлиполийцев во имя преподобного Сергия и церковь преподобного Серафима Саровского, храм в Кламаре под Парижем, церкви в Бийанкуре, Медоне, Шавиле, Аньере, Пти-Кламаре, Клиши, Севре, Лилле, Лионе. Православные русские храмы строились и в городах других европейских стран: в Данциге, Праге, Прешове, Братиславе, Брно, Льеже, Антверпене, Милане, Осло, Гааге, Цюрихе. В Китае, в одной только Харбинской епархии, где жило большинство русских, эмигрировавших в Маньчжурию, к 1930 г. было уже 46 храмов, 2 монастыря, богослужение совершали 88 священников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Пономарева Л.В. Вселенская миссия русской православной эмиграции в XX веке // Русская эмиграция в Европе, 20–30-е годы XX в. – М., 1996. С. 43.

² Трубецкой Гр., кн. О единстве Церкви // Русская мысль. Ежемесячное литературно-политическое издание под ред. П. Струве. Кн. 6–8. – Прага– Берлин, 1923. С. 284.

³ Митрополит Евлогий. Путь моей жизни. – М., 1994. С. 458.

⁴ См.: Кандидов Б. Религиозная контрреволюция 1918–1920 гг. и интвенция. (Очерки и материалы). – М., 1930. С. 120–121; Гордиен-

ко Н.С. Современное православие. Л., 1987. С. 33; *Терецук А.В.* Русская церковная эмиграция в 1917–1927 гг. // Из истории российской эмиграции. Сб. науч. ст. – СПб., 1992. С. 41.

⁵ *Цыпин В.* История Русской Православной Церкви. 1917–1990. – М., 1994. С. 207.

⁶ Цит. по: *Грабе Гр., епископ.* Русская Церковь перед лицом господствующего зла // http://catacomb.org.ua/modules.php?name=pages&go=print_page&pid=408 Дата обращения: 15 февраля 2011 г.

⁷ *Митрополит Евлогий.* Путь моей жизни. – М., 1994. С. 555.

⁸ Там же. С. 558–562; *Цыпин В.* История Русской Православной Церкви. 1917–1997. – М., 1997. С. 790–791; *Попов А.В.* Российское православие зарубежье: история и источники. – М., 2005. С. 236–278.

⁹ Исторический архив. 1996. № 1. С. 95–96.

¹⁰ *Зайцев Б.* Дни. – Париж, 1995. С. 114.

¹¹ Там же. С. 111.

¹² Цит. по: *Цыпин В.* История Русской Православной Церкви. 1917–1997. – М., 1997. С. 791.

¹³ Цит. по: *Цыпин В.* История Русской Православной Церкви. 1917–1997. – М., 1997. С. 485.

¹⁴ См. также: Наука и религия. 1991. № 4. С. 6–7.

¹⁵ См.: Отечественная история. 1992. № 6. С. 136–137.

¹⁶ РПЦ до конца XVII вв. была монопольным регулятором брака. До 1722 г. регистрация браков в России велась при церквях, а с 1722 г. регулировалась и церковными, и светскими нормами права. Учреждений, в которых могли быть зарегистрированы браки без участия церкви, не существовало.

¹⁷ Цит. по: *Васса (Ларина), инокия.* «Русскость» Русской Зарубежной Церкви в период 1920–1945 гг. в аспекте церковной икономии // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ: Материалы 2004 г. – М., 2004. С. 312.

¹⁸ Последние новости. 1922. 1 июня.

¹⁹ АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/3. Д. 59. Л. 1, 2. Циркуляр № 392 М.Н. Гирса А.А. Смирнову от 8 мая 1923 г. В приложении – памятная записка Евлогия на фр. яз.; тот же циркуляр И.Н. Ефремову см.: ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 40. Л. 398.

²⁰ ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 46. Л. 107.

²¹ *Солонский А.А.* Демография русской эмиграции в Белграде // Записки РНИ в Белграде. Вып. 10. – Белград, 1935. С. 43.

²² Русский эмигрантский комитет начал свою работу 16.12.1924 г. Его создание было обусловлено признанием французским правительством СССР, что повлекло бы за собой потерю значения бывших российских консульских учреждений и посольства. Члены комитета избирались двумя группами российских организаций: 6 чел. от Комитета объединенных организаций, в котором были представлены 175 организаций, 3 – от Совета общественных организаций. Эмигрантский комитет выполнял

посреднические функции между полуофициальным Офисом по защите интересов российских беженцев (эмигрантского учреждения, ставшего преемником русского генерального консульства в Париже), французским правительством и русской колонией. Ввиду его значимости комитет распространял свою деятельность далеко за пределами Франции, был представлен в международных организациях.

²³ ГА РФ. Ф. 5764. Оп. 6. Д. 3. Л. 18–19.

²⁴ ГА РФ. Ф. 5764. Оп. 6. Д. 3. Л. 20.

²⁵ 31 января 1922 г. «Последние новости» сообщили об опубликовании чешским правительством распоряжения, предписывавшего всем русским и украинским подданным, проживавшим на территории ЧСР получить из русского отдела МИД особые виды на жительство в стране. Беженцы, не имевшие никаких доходов, могли получить эти паспорта по рекомендации одной из официально зарегистрированных русских организаций или по рекомендации двух чехословацких граждан, известных МИД. Эти удостоверения назывались «пруказы».

²⁶ ГА РФ. Ф. 5764. Оп. 6. Д. 3. Л. 16–17.

²⁷ М.В. Шкаровский в своей статье «Взаимодействие чешских и русских православных общин в Чехословакии в 1918–1945 гг.» пишет, что после заключения в 1924 г. правительствами ЧСР и Югославии договора, решившего вопрос в пользу юрисдикции Сербского Патриархата, почти вся православная паства перешла под омоф епископа Горазда, а у архиепископа Савватия остались лишь один небольшой приход в Праге и несколько общин в Закарпатской Руси. Завершил организацию своей епархии епископ Горазд в 1929 г. См.: Нансеновские чтения 2007. – СПб., 2008. С. 173–174.

²⁸ ГА РФ. Ф. 5764. Оп. 6. Д. 3. Л. 21.

²⁹ Там же. Л. 1–4.

³⁰ Там же. Д. 1. Л. 33.

³¹ Руль. – Берлин, 1922. 4 октября.

³² 20 декабря 1917 г. в Советской России был введен гражданский брак.

³³ Кельман Е.И. Советское право за рубежом. – М., 1927. С. 65.

³⁴ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 29. Л. 23–23об.

³⁵ Подробнее см.: *Евлогий митрополит. Путь моей жизни.* – М., 1994. С. 409–415 и др.

³⁶ Здесь нашли работу член-корр. Императорской академии наук Н.Н. Глубоковский (1863–1937); профессор, протоиерей А.П. Рождественский (?–1930); бывший профессор богословия петербургского Историко-филологического института, глава русского военного духовенства Г.И. Шавельский (1871–1951); бывший профессор киевской духовной академии М.Э. Поснов (1873–1931); профессор С.В. Троицкий. Ряд русских эмигрантов преподавали по совместительству в Софийской и Пловдивской духовных академиях, в русских эмигрантских средних учебных заведениях, болгарских духовных семинариях. Примечательно, что среди

слушателей русских богословов в болгарских академиях и семинариях оказалось немало эмигрантов из России, которые вместе со священнослужителями старшего поколения (Д. Григорович, И. Попов, Н. Рудников, И. Фролов, С. Черный и др.) стали священниками болгарской православной церкви, возглавив приходы в некоторых поселках и крупных селах. См.: *Бирман М.А.* (Израиль), *Горяинов А.Н.* Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии 1920–1930-х годов // Новая и новейшая история. – М., 2002. № 1. С. 178.

5

САМОСОЗНАНИЕ И ВОСПРОИЗВОДСТВО РОССИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РУССКОГО МИРА

Организация национального образования
в русском Зарубежье

Будущее Зарубежной России зависело преимущественно от того, удастся ли предотвратить денационализацию¹ в молодежной среде. Создавая систему образования на русском языке (от детских садов и начальных школ до высших учебных заведений), эмиграция попыталась сохранить и воспитать национальное самосознание подрастающего вдали от родины поколения.

По данным анкеты ОРЭСО 1922 г., студентов и юношей, окончивших средние учебные заведения в России, за границей оказалось более 14 тыс., а с учетом получивших среднее образование уже вне России – 16 тыс.² Детская статистика также приблизительна. Считается наиболее достоверным число детей-беженцев 18–20 тыс. В зарубежной русской школе обучалось примерно 12 тыс. человек, из которых 3 тыс. посещали школы национальных меньшинств в лимитрофных государствах. 6–8 тыс. детей получали образование в иностранных школах³. Таким образом, численность молодого поколения составила примерно 40 тыс., или более 2 % от общего числа эмигрантов. Задачей интеллектуальных сил было сделать все возможное, чтобы не потерять его для России.

Беженцы зачастую оказывались за границей без дипломов, без надлежащих документов, подтверждающих полученное об-

разование или обучение в том или ином учебном заведении, прерванное войнами. Дети не всегда могли опереться на родителей. Определенную компенсаторную функцию сыграли нансеновские офисы в странах-реципиентах. Они заверяли копии документов эмигрантов, составленные на русском языке, и их переводы на иностранный язык; подтверждали перед местными властями прежнее место службы, профессиональную квалификацию, университетские и академические звания. Представители верховного комиссара могли выдавать удостоверения, заменявшие утерянные или оставшиеся в России аттестаты и дипломы об окончании различных учебных заведений, о производственном стаже и пр.; рекомендовать беженца компетентным властям, в частности, по вопросам допуска в школы, библиотеки и т. д.

Но русским удалось сделать самое главное в результате консолидации академического и педагогического сообщества: создать единую образовательную концепцию и целостное образовательное пространство (общие принципы организации учебных заведений, школьных и вузовских программ, учебников, возможности перемещения учащихся и преподавательского состава из одних стран в другие, с более благоприятной конъюнктурой). Эта общность основывалась на общем руководстве со стороны русских организаций (Русского академического союза, РЗГК, Педагогического бюро и др.), в том числе чисто педагогических и академических, влиявших на формирование программ, кадровую политику, социально-профессиональную адаптацию выпускников и профессорско-преподавательского состава. Они действовали на основе Уставов и учебных планов образовательных учреждений дореволюционной России, имели русских преподавателей, вели занятия на русском языке. К основной их задаче – сохранению национального самосознания, приостановке процесса «денационализации» и утраты «русскости», – от одной образовательной ступени к другой добавлялись новые. Если в работе с детьми помимо чисто образовательных функций важную роль играло спасение детей от голода, беспризорности, восстановление их нарушенной психики, лечение искалеченных душ, то для национального высшего образования главной целью была подготовка кадров для зарубежной и постбольшевистской России.

Эмигранты верили, что «ввиду почти полного разрушения школы в России именно русская молодежь, выброшенная за

Прогимназия в Селимье

границу, доучившись здесь, должна будет восстанавливать Россию из развалин...»⁴. Однако распыление студентов-эмигрантов и детей по странам Европы и Америки могло привести к ассимиляции, растворению молодежи в странах расселения. Национальные образовательные учреждения призваны были предотвратить этот процесс, способствовать ее консолидации, подготовке для деятельности на родине.

Постепенно сформировались структуры, организовавшие образовательное пространство. Еще в Гражданскую войну по ходатайству МИД правительств Колчака и Деникина посольства и дипломатические миссии получали разрешение создавать экзаменационные комиссии в тех странах, «где в них будет надобность», в составе русских преподавателей, которым удалось найти работу в местных образовательных учреждениях⁵. Эти комиссии принимали переходные экзамены, экзамены на аттестат зрелости, что давало возможность молодым людям продолжить образование в высших учебных заведениях вне России. Как правило, испытательные комиссии считались постоянными и принимали экзамены в течение года. Первона-

чально созданные при российских посольствах, они могли функционировать при общественных организациях, а после образования русских академических групп утвердились при последних. Например, прошения о допущении к экзаменам в испытательной комиссии при российском посольстве в Швейцарии адресовались на имя российского поверенного в делах (И.Н. Ефремова) с приложением 1) метрических свидетельств, а для лиц таковых не имевших – паспортов; 2) какого-либо удостоверения личности или просто сведений о том, в каком учебном заведении, в каком классе и когда был учащийся в России; 3) от экзаменующихся на аттестат зрелости – краткого жизнеописания, написанного собственноручно; 4) двух фотографий с собственноручными подписями на них на русском и французском языках⁶. С санкции министра иностранных дел правительства Колчака лицам, выдержавшим экзамены на аттестат зрелости, выдавались удостоверения за подписями председателя и членов комиссии с приложением печати российской миссии⁷.

26 апреля 1922 г. Советом Союза Русских академических организаций за границей были приняты «Правила о государственных испытательных комиссиях». Они специально оговаривали состав таких комиссий (члены академических групп, не менее пяти ординарных и экстраординарных профессоров соответствующих специальностей, если не было такого количества профессоров, то могли пригласить членов комиссии из других академических групп, а в случае необходимости – из местных университетов), утверждавшийся Правлением Союза; приводили перечень лиц, которые могут быть допущены к испытаниям; круг предметов; программу испытаний и порядок их проведения; систему оценки знаний экзаменуемых; оговаривали дипломы, выдаваемые испытательными комиссиями, возможность переэкзаменовки, источники средств (плата за экзамены и иные поступления). Допускались к экзаменам лица, прослушавшие полный курс в российских университетах и представившие соответствующее удостоверение, представившие удостоверение об окончании высшего учебного заведения за границей и признанные правлением Союза российских академических организаций за границей соответствующими требованиям российских университетов, еще не прослушавшие полного курса в российских университетах

могли быть допущены с особого разрешения Правления Союза. Эти меры были предприняты с целью упорядочения процедуры подготовки и сдачи квалификационных экзаменов, для предоставления возможности русскому юношеству окончить высшие учебные заведения и получить магистерские степени. На выдаваемых дипломах ставилась печать Правления Союза русских академических организаций и подписи председателя правления Союза, председателя и членов комиссии. Дипломы I и II степени выдавались на условиях, принятых в российских дореволюционных университетах. Исключением являлись медицинские специальности⁸.

Испытательные комиссии были утверждены при Русских академических группах в ЧСР, Париже, при обществе русских ученых в КСХС, Русском Юридическом факультете в Харбине. С октября 1924 по январь 1927 г. были выданы следующие дипломы: 5 дипломов по окончании полного курса наук историко-филологического факультета (студентам из Латвии, Югославии и пр.), 2 – юридического, 1 – на звание инженера-механика, а также было выдано 1 удостоверение об окончании в России полного курса физико-математического факультета Харьковского университета, 1 – о прослушании в России полного курса того же факультета Петербургского университета, 1 – о получении в России звания лекаря на основании Высочайшего Повеления без сдачи государственных экзаменов, 1 – об окончании исторического отделения историко-филологического факультета Высших Женских курсов в Киеве и 1 – об окончании Киевского Политехнического института. Удостоверения о сдаче магистерских испытаний выдавались местными академическими группами за подписью председателя и секретаря Испытательной комиссии⁹.

Как отмечалось в отчете Русской академической группы (РАГ) в Париже за 1922 г., «группа приходила на помощь своим авторитетом тем из юношей, которые прошли среднюю школу, но утратили свои документы во время революции и эмиграции, вследствие чего не могли поступить в высшие учебные заведения Франции. Таким лицам устраивались при русской гимназии в Париже коллоквиумы, после чего Группою выдавались удостоверения, признающиеся до сих пор в секретариатах высших учебных заведений Франции эквивалентными русским аттестатам зрелости»¹⁰.

В ЧСР испытательная комиссия для производства экзаменов за курс средней школы возникла осенью 1923 г. Комиссия выработала программы по всем предметам за курс мужских гимназий и реальных училищ согласно изданным в России до 25 октября 1917 г. правилам. Комиссия выдавала свидетельства на русском и чешском языках, утверждаемые министерством народного просвещения. Они давали право поступления во все высшие учебные заведения ЧСР. С 1924 по 1927 г. такие свидетельства от Русской академической группы в ЧСР получили 52 человека¹¹.

Союз русских академических организаций разработал также правила приема экзаменов и защит магистерских и докторских диссертаций в соответствии с требованиями университетов и вузов¹². II съездом Русских академических организаций за границей 14 октября 1922 г. было принято Положение о производстве испытаний на ученые степени и по защите диссертаций¹³. Со временем в него были внесены изменения, чтобы привести в соответствие со сложившейся практикой. 27 декабря 1926 г. на заседании III сессии Совета Союза Русских академических организаций Правление Союза получало право при наличии особо уважительных оснований разрешать по ходатайствам академических групп отступление от установленных съездом академических организаций правил, по вопросам, носившим не принципиальный, а инструкционно-технический характер. Изменения не касались порядка приобретения степени доктора медицины. Сессия отклонила представление Русской академической группы во Франции о праве производить экзамены на степень магистра китайского языка и славистики, т. к. состав восточного факультета не имел достаточно числа специалистов¹⁴.

В Праге и Париже было защищено более 20 диссертаций¹⁵. Так, при РАГ в Праге Г.В. Флоровский защитил работу по теме «Историческая философия Герцена», В.С. Ильин – «Изменение осмотического давления и содержание крахмала в растительной клетке под влиянием увядания и солей», П.А. Остроухов – «Очерки Нижегородской ярмарки в XIX столетии до эпохи Великих Реформ»¹⁶. П.Н. Савицкий получил ученую степень магистра политической экономии статистики¹⁷. М.А. Циммерман 4 июля 1922 г. «весьма удовлетворительно» выдержал испытания на ученую степень магистра международного права¹⁸. Про-

фессор Юридического факультета в Харбине Н.И. Никифоров после поездки в Париж и Прагу (1927–1928 гг.) в 1928 г. защитил диссертацию «Сеньориальный режим во Франции в исходе старого порядка» и получил ученую степень магистра всеобщей истории¹⁹. Русская академическая группа в Чехословакии выдавала соответствующие удостоверения на основании протоколов Испытательной комиссии, переданных в Правление РАС, о сдаче аспирантом устных экзаменов на степень магистра и прочтении им пробных лекций в публичном собрании. Так, с октября 1924 г. по январь 1927 г. было выдано три таких удостоверения²⁰.

С момента признания работы удовлетворяющей требованиям, предъявляемым к магистерским диссертациям, до диспута должен был пройти трехмесячный срок. Однако в некоторых случаях допускались исключения. Так, указанный срок был сокращен для прибывшего из Харбина В.В. Энгельфельда из-за удаленности его проживания. Совет учел, что его книга заранее поступила в продажу, и научная общественность смогла с ней ознакомиться²¹.

Получение степени не гарантировало повышение социального статуса из-за несоответствия русских и иностранных ученых степеней и званий, неопределенности статуса специалиста, защитившего диссертацию в РАГ²².

Помимо организации экзаменов, РАС взял на себя разработку содержания, форм обучения, подбор профессорско-преподавательского состава и организацию учебного процесса в вузах, налаживание контактов с местными государственными структурами, зарубежными общественными, политическими деятелями и организациями. Покровительствовавший школьному образованию РЗГК первоначально занимался той же деятельностью. Но со временем в его руках осталось материальное обеспечение школ и содержание стипендиатов в вузах. Если в конце 1920 – начале 1921 г. культурно-просветительный отдел Земгора во главе с Т.И. Полнером пытался решить «спорный и сложный» вопрос о создании типа и программы средней школы²³, то в отчетах конца 1920-х гг. речь шла уже только о субсидировании школьных учреждений²⁴. Например, Учебный комитет при Всероссийском союзе городов в Болгарии в 1921 г. ставил задачу не только объединения деятельности всех учебных заведений и культурно-просветительных учреж-

дений, обслуживавших русских беженцев на территории Болгарии, но и выработки программ и учебных планов для русских школ всех типов, действовавших в стране. Комитет мог также заверить свидетельства об окончании курса или указание курса известного класса всех учебных заведений и учреждений, ходатайствовал перед болгарскими властями о предоставлении учащимся в русских школах прав и льгот, коими пользовались учащиеся в болгарских учебных заведениях соответствующих типов²⁵.

«С целью обеспечить находящемуся за границей русскому юношеству обоюго пола возможность получения или продолжения образования в высших учебных заведениях Франции и других стран» был учрежден в 1921 г. в Париже Центральный комитет по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей во главе с М.М. Федоровым. В него входили общества, учреждения, организации, а также, по особому постановлению Комитета, отдельные лица. Отделения Комитета работали в ряде европейских стран. Комитет изыскивал возможности трудоустройства, вступал в сношения с правительствами, органами городского самоуправления и другими органами публичной власти, а равно с высшими учеными и учебными учреждениями, благотворительными, профессиональными и иными обществами, а также с частными лицами, способными оказать Комитету содействие в достижении его целей в пределах всего российского Зарубежья²⁶.

Школьная система призвана была организовать многотысячную детскую массу, в которой процветало бродяжничество и беспризорность, сиротство. На 1 января 1924 г. в европейских государствах (преимущественно в славянских) насчитывалось 83 русские школы с 6765 учащимися²⁷. Местное начальное образование почти всюду было всеобщим и бесплатным, русская инициатива здесь проявилась в создании средних школ. Главной их задачей являлось «дать образование и воспитание в истинно национальном и патриотическом духе на православных началах», «сохранение детей для будущей России»²⁸. В странах-лимитрофах с ростом русофобских настроений число русских школ уменьшалось. В Финляндии вступительные экзамены в высшие учебные заведения страны проходили на финском или шведском языке по программам финляндских гимназий, что не способствовало росту числа русских школ²⁹.

Финансировались русские учебные заведения местными правительствами, русскими эмигрантскими и международными организациями, из частных пожертвований. Например, денежные ресурсы общества-учредителя русской школы в Париже, открытой 1 октября 1920 г. одним благотворительным обществом с целью дать детям беженцев из России возможность получить начальное и среднее образование на русском языке, принимавшая всех желающих детей школьного возраста, состояли: 1) из платы за учение детей состоятельных родителей (от 75 до 120 фр. в месяц, в зависимости от класса); 2) из субсидий французского правительства (20 тыс. фр. в год), министерства иностранных дел, министерства внутренних дел (3 тыс. фр. в год); 3) из пожертвований разных учреждений и частных лиц, благотворительных концертов, вечеров и других источников. Однако прогрессирующее обеднение беженской колонии вело к освобождению все большего числа учеников от платы, составляя подчас 40 %. Росли и недоборы с платных учеников³⁰. Содержание одного ученика в день обходилось в Турции 7,5 фр. франков (из них 3 – на еду), в Болгарии 2,5 (1 на еду), в Сербии 3 ($\frac{1}{3}$ на еду), в ЧСР – 6 (2–2,5 на еду)³¹. По мере истощения русских и иностранных благотворительных средств в бюджете русского школьного дела росли государственные ассигнования. Особенно в этом плане отличались Болгария, Сербия, Чехословакия.

Составление школьных программ было в компетенции Педагогического бюро по делам средней и низшей школы за границей во главе с В.В. Зеньковским, министерств народного просвещения в соответствующих странах, контролировалось школьным отделом РАС под управлением Е.П. Ковалевского. За основу были взяты игнатьевские программы 1913–1915 гг. Такой подход должен был обеспечить преемственность и приобщение к историческим национальным традициям.

Содержание и формы школьного национального образования широко обсуждались на педагогических съездах. Программная комиссия разработала учебные планы гимназий. Неизменным был набор предметов России: история, литература, русский язык, география, закон Божий, пение (иногда факультативно). Понимая необходимость и важность изучения истории, упор делался на изучение истории России. Предложение проф. Р.Ю. Виппера ввести русскую историю в общий курс

всеобщей истории встретило возражения Л.М. Сухотина, П.В. Копецкого и др.³² Аргументы заключались в том, что в этом случае русская история не составила бы стержня такого курса и потому не могла бы способствовать возрождению, оживлению чувства Родины. Четко осознавалась опасность отвлеченного схематического изображения исторического процесса. Преподавание должно быть наглядным, конкретным, знакомить с бытом, жизнью русского народа в возможно более живом материале³³. И.А. Ильин отмечал, что русский ребенок должен с самого начала почувствовать и понять, что он славянин³⁴.

Наряду с предметами Россики вводились предметы по истории, географии, литературе, языку страны проживания, что являлось одним из условий уравнивания в правах русских учебных заведений с государственными, а также способствовало облегчению адаптации к местной среде. Расширилось преподавание иностранных языков с целью дать возможность русской молодежи продолжить свое образование в иностранных школах, приспособить курс гимназии к требованиям современных программ высших учебных заведений. Больше внимания уделялось естественным дисциплинам, способствовавшим адаптации выпускников к инокультурной среде. В результате в гимназиях, готовивших в императорской России учащихся к поступлению в университеты, стали преподавать предметы, прежде входившие в программы только реальных училищ. Активно в гимназию проникало трудовое начало, дабы облегчить выпускникам самостоятельный заработок³⁵.

Так, положенные в основу школьной программы русской средней школы в Париже программы русских гимназий, действовавшие до 1917 г., претерпели изменения в смысле возможно полного изучения французских предметов. В каждом классе уроки русского и французского языка имели равное число часов. На русском языке преподавались: Закон Божий, русский язык и литература, латинский язык, математика, физика, история, география, логика, психология, законоведение и гигиена. На французском – французский язык и литература, история, география Франции, особый отдел высшей математики для реального отделения старшего класса. Как отмечалось в отчете Русской академической группы, такая постановка важна была, во-первых, с практической точки зрения, т. е. с целью

продолжения образования во Франции в высших учебных заведениях, а также для «зарождения и развития у детей, начиная с самых младших классов, чувства симпатии, уважения и благодарности к Великой Стране, под покровительством которой они находятся, помощью которой они пользуются»³⁶. Экзамены на аттестат зрелости производились в учрежденной при российском посольстве в Париже экзаменационной комиссии, состоявшей под председательством одного из членов посольства и в присутствии делегата от французского министерства народного просвещения. Экзаменационные комиссии выдавали соответствующие свидетельства об успехах и наградные книги.

27 января 1921 г. члены РАГ во Франции проф. А.Н. Анцыферов, П.П. Гронский, В.К. Кузьмин-Караваев и Е.П. Ковалевский открыли занятия, которые стали регулярно проводиться по четвергам (т. е. в дни, свободные от занятий в местных школах) для русских детей, обучавшихся во французских лицеях, т. к. многие из них начинали терять связь с русской культурой и забывать родной язык. Для привлечения возможно большего количества учащихся помещались краткие заметки и объявления в парижских русских газетах. Н.М. Могилянский 7 июня 1922 г. в «Последних новостях» в обращении «К родителям и воспитателям» призывал: «...посылайте детей на уроки русских предметов, преподающиеся в четырех французских лицеях. Дети, обучающиеся во французских лицеях, которые покинули Россию в 8–12 лет, чрезвычайно быстро денационализируются, забывая даже родную речь. Мы, преподаватели, с болью в душе констатируем, что забывается не только русское слово, но и дух языка, его образы, обороты и формы. Эмигранты через 2–3 года начинают употреблять нерусские слова и выражения, иначе строить звуковую фразу. Дети теряют всякое представление о своей родине, России, ее облик изглаживается из памяти. Не забывайте о трех утренних часах по четвергам. Не забывайте, что это – единственный день, когда ваши дети осваивают основы русского языка, русской литературы, истории и географии, единственный день, который не даст им забыть свою родину, наше общее прошлое».

Преподавательский состав русских учебных заведений формировался как из старых кадров, так и лиц, не имевших прежде

отношения к образовательной системе. Пополнение шло и за счет выпускников русских педагогических вузов. Многие бывшие военные, преподаватели вузов, люди науки работали в школе. О высоком уровне преподавания свидетельствует состав преподавателей четверговых школ. Следует назвать Н.Н. Головина, профессора Академии Генерального штаба (русская история), А.В. Карташева, профессора Духовной академии (русская литература), Н.М. Могилянского, бывшего директора Этнографического отдела Музея Имп. Александра III в Москве (география), Д.М. Одинца, профессора Психо-Неврологического института (русский язык), а также выпускниц историко-филологического факультета и физико-математического отделения Высших Женских Курсов в Петрограде.

Предметом особой заботы Зарубежья стал русский язык как основа национального самосознания. З.Н. Гиппиус говорила, что «из всего, что погибло в России, уцелел лишь русский язык». В статье «В защиту русского языка» Д.П. Голицын-Муравлин писал: «У нас сохранилось только два достояния: русская честь и русская речь»³⁷. Стремление обезопасить молодое поколение эмигрантов от «денационализации», повышенная озабоченность сохранением чистоты русского языка, боязнь утраты языка как органической основы многовековой русской культуры, традиций в семье, в быту стало одной из причин замедленной языковой адаптации русского мира 1920-х гг. Для учащихся русских средних учебных заведений «стихийным вихрем занесенных из «дали родной непогоды» в «блаженные» зарубежные страны», издавался журнал «ЭОС», «двухмесячник юной русской мысли». В первом же номере (1924 г.) была заявлена декларация: «Наша цель узка и скромна: не предавать здесь, на чужбине, среди чуждой обстановки, чуждых людей и чуждой речи забвению нашего великолепного родного языка, письменно упражняться в нем, предоставлять такую же возможность другим и общими силами совершенствоваться в нем для будущего»³⁸.

Со второй половины 1920-х гг. стала осознаваться необходимость изменений в преподавании русского языка: формировался психологически иной тип языковой культуры учащихся. Главной задачей становилось развитие правильной литературной речи. Чувство родного языка, воспитываемое средой, ухаживало. Острые споры вызвала программа преподавания русского

языка. На Втором съезде педагогических деятелей средней и низшей школы за границей (1925 г.) предметная комиссия предложила вместо игнатьевского варианта новую программу по родному языку. На русский язык до 8-го класса отводилось по 4 часа в неделю (кроме 1-го). Программа русского языка предусматривала освоение разных стилей письменной речи, объяснительное чтение, анализ прочитанного и его пересказ на уроке³⁹. В 1926 г. на педагогическом совещании в Софии была отмечена неразрешимая дилемма, которая встала перед русской школой всех ступеней: если она не будет отвечать программам заграничных учебных заведений, то окажется никчемной практически, если ее приспособить к этим программам, то станет непригодной для осуществления своей образовательной цели, т. е. предотвращения денационализации⁴⁰.

В 1927 г. кн. П.Д. Долгоруков на Педагогическом съезде российской эмиграции по дошкольному воспитанию в докладе «Денационализация в детском возрасте и борьба с нею» дал результаты анализа детских воспоминаний о родине. Отмечалось, что дети, покинувшие родину в возрасте от 3 до 6 лет, не имеют непосредственных воспоминаний о родине, следовательно, не имеют непосредственного чувства родины⁴¹. Отсутствие ощущения своих корней, чувства Родины в определенной мере ломало психику подростков. Эмигрантское сообщество внимательно следило за тем, чтобы в русских школах детям прививалось чувство любви к утраченной России. Ежегодно на выпускных экзаменах давались темы, связанные с патриотическими чувствами учеников. «Любовь и вера в Россию – это все наше богатство» – писали выпускники русских школ. Дети, обучавшиеся вне русских школ, быстрее ассимилировались и денационализировались.

Больше внимания, чем на родине, уделялось воспитательной работе, внеучебной деятельности, не характерной для гимназии до революции. В рамках такой работы ребенок мог реализовать свои интересы в сфере родной культуры.

Благодаря начальной и средней школе удавалось более 10 лет сдерживать давление чужого по культуре и языку социума и решать социальные задачи. Система национального школьного образования и внешкольного воспитания действовала в обстановке конкуренции процессам интеграции в иную социально-профессиональную среду. Даже во внутренней жизни

русская гимназия руководствовалась стремлением придать национальный характер учебному заведению и процессу, сохранив особенности русского быта, традиции русской школы.

Русские высшие учебные заведения были созданы в Париже, Харбине, Праге, которую называли русским Оксфордом, поскольку правительство не просто поддержало, но целиком взяло на себя финансирование русских учебных заведений. Попытки создать русские университеты в Сербии и Болгарии по финансовым причинам закончились неудачей, несмотря на благоприятные условия (много русской молодежи (более 3 тыс. в Сербии), наличие профессорско-преподавательского состава всех специальностей, дешевую валюту, благосклонное правительство). Комитет по организации Высшей русской школы в Софии был образован 12 ноября 1921 г. по инициативе А.В. Жекулиной. Помещение для нее предоставляла 9-я софийская прогимназия. Оплата за час лекции в русском университете должна была составлять 200 левов. Предполагалось привлечь к преподаванию Г.И. Шавельского (богословие), Г.В. Флоровского (философия), В.Н. Мочульского, С.Г. Вилинского (классическая философия), Н.С. Трубецкого (сравнительное языковедение), М.Г. Попруженко (славянская филология), Э.Д. Гримма (всеобщая история), М.Э. Поснова (история церкви), Н.П. Кондакова (история искусств) и др.⁴² Дипломатический представитель в Болгарии А.М. Петряев ходатайствовал перед болгарским правительством о возможности обеспечения высшего образования не только находившимся в Болгарии молодым людям, но и для студентов, входивших в состав Русской армии, которых следовало расселить с территории Турции. Одновременно он просил Совет послов выделить 21 тыс. долларов в год для обеспечения финансирования. Главное командование в лице генерала П.Н. Шатилова было согласно на выделение из состава армии всех студентов и гарантировало выплату 350 левов на человека, что должно было хватить для питания студентов⁴³. К октябрю 1921 г. средствами были обеспечены 358 студентов из состава русской армии, за содержание которых генерал Врангель уже уплатил болгарскому правительству⁴⁴. А.В. Жекулина через Н.И. Астрова пыталась надавить на Г.Е. Львова, Т.П. Полнера и Н.Д. Авксентьева, деятелей РЗГК, предпринявших поездку в США с целью поиска средств для русских общественных

организаций, прежде всего, Земгора, чтобы они убедили Б.А. Бахметева заплатить болгарскому правительству 45 тыс. долларов за 700 русских студентов, а также провели переговоры с главами христианской молодежи и других организаций в Америке о том, чтобы они дали 10 тыс. французских франков в месяц на содержание высшей школы в Болгарии⁴⁵. Представители американских организаций еще до создания оргкомитета обещали предоставлять до 10 тыс. франков ежемесячно на русскую высшую школу в Болгарии⁴⁶. Но в последний момент дело сорвалось: отказали в финансировании американские и европейские спонсоры. Как заявил предприниматель Вандерлип, «изучение права и филологии в современных условиях является роскошью, на которую нельзя тратить деньги»⁴⁷.

Учебные и академические задачи сочетали Русские научные институты (РНИ), созданные в Берлине, Белграде, Праге. Русский научный институт в Праге, учрежденный при правлении Союза академических организаций начал свою деятельность в 1922 г. Он получал поддержку министерства народного просвещения ЧСР. Возглавляли его в разные годы П.И. Новгородцев, А.С. Ломшаков и В.А. Францев. Согласно положению об институте, его целью являлось содействие сближению России и Чехословакии, распространение в ЧСР знаний о России, ее культуре и достижениях русских ученых, писателей и деятелей искусства. На лекции и курсы зачислялись слушатели по предварительной записи. Было опубликовано два тома лекций и трудов Института в 1929 и 1932 гг.

В Берлине по образцу пражского такой институт был создан группой профессоров, высланных из России советской властью – В.А. Мякотиним, С.Л. Франком, Б.П. Вышеславцевым, Н.А. Бердяевым при содействии «Немецкого общества для изучения Востока» проф. О. Хетча. Ректором института был избран В.И. Ясинский, проректором – С.Л. Франк. В состав ученого совета входили И.А. Ильин, С.И. Гессен, П.Б. Струве, А.А. Боголепов и др. Институт состоял из четырех отделений: духовной культуры, правового, экономического и хозяйственного. Курсы по русской истории читали А.А. Кизеветтер, В.А. Мякотин и др. При институте работал Кабинет по изучению современной русской культуры, задачей которого стало собирание, хранение, изучение и публикация исторических источников по истории России. Основатели РНИ заявляли:

«Нашей задачей является, во-первых, научно осмыслить полученный нами трагический опыт в вопросах религии, права, хозяйства и промышленности; во-вторых, посылить возобновить движение русской научно-исследовательской культуры; в-третьих, передать научный дух, научный метод, знание и культуру мысли лучшим кадрам молодого поколения. Этого дела нельзя откладывать: никто не знает, когда Россия позовет нас всех назад и сколько времени осталось еще жить нашему, ошибавшемуся и умудренному поколению научных деятелей»⁴⁸. Институт планировал оттянуть на себя русскую молодежь, прозябающую в иностранных университетах, а также оставшуюся за бортом образования в результате ликвидации из-за недостатка средств русских военных училищ. РНИ предполагал устроить около 300 юнкеров, позаботившись даже о въездных визах для них. «Эти кадры, – считали учредители Института, – являются драгоценным национальным достоянием России: люди, явившие жизненную преданность Родине, героически боровшиеся за ее достоинство и освобождение, обнаружившие несломленную силу характера, должны быть сохранены и поставлены в достойные условия, подготавливающие к дальнейшему мирному служению России»⁴⁹.

В основу организации и работы русских вузов лег университетский Устав 1884 г. Это касалось структуры вузов, перечня кафедр, регламентировавшихся ст. 57 Устава, программ. Русские учебные заведения, как правило, работали под патронатом правительств стран пребывания, факультеты – соответствующих факультетов. Например, высший надзор над Русским институтом сельскохозяйственной кооперации в Праге осуществляло министерство земледелия ЧСР. Постановление о разрешении особых дополнительных юридических курсов на русском языке было единогласно принято юридическим факультетом Сорбонны и утверждено Советом университета. Так же был создан Институт русского права и экономики⁵⁰. Но содержательная и оценочная сторона образовательного процесса оставалась в руках российских учреждений.

Специализация русских факультетов или высших учебных заведений обуславливалась, во-первых, необходимостью обеспечения национальных интересов, во-вторых, необходимостью компенсации провала профессиональной подготовки по ряду специальностей в Советской России, в-третьих, потреб-

ностями самой эмиграции в тех или иных кадрах для поддержания жизнедеятельности зарубежной России. В основе лежала ориентация на возвращение на родину. Отсюда вытекала и направленность создаваемых вузов и факультетов, восполняющих также пробелы, имевшиеся в системе местного образования: историко-филологические, юридические и педагогические. Эмиграция считала, что Россия «будет нуждаться и в судьях, и в нотариусах, не может быть оставлена без внимания и поддержки и русская филологическая наука»⁵¹. «Целые кадры патриотически мыслящей молодежи, – писал А.И. Гучков, – бедствуют за порогом иностранных университетов, которые к тому же бессильны дать им русскую науку, русскую традицию, новое знание о подлинной России»⁵². Русские юридические факультеты (в Сорбонне, Карловом университете, в Харбине) играли компенсаторную роль: молодому поколению русской эмиграции надо было передать не только общетеоретические юридические знания, но и знание о России, русского права, русской истории, русского быта, русской правовой культуры, живое чувство современной политической, хозяйственной и бытовой действительности России. Обучение на юридических факультетах других стран русскому студенту могло дать расширение кругозора, но не могло заменить национального юридического образования. В то же время русское юридическое образование за рубежом, т. к. ставка делалась на возвращение специалистов в постбольшевистскую Россию, не обеспечивало полноценной карьеры за границей.

Поскольку русское студенчество предпочитало поступать в высшие технические и агрономические учебные заведения, что не просто соответствовало мировой тенденции увеличения роли естественнонаучных дисциплин, но и упрощало процесс адаптации, шла подготовка в русских вузах по техническим и экономическим специальностям. Богословское образование продолжало свое существование только в эмиграции, т. к. эта отрасль знания в советской России была запрещена. Кроме того, на этих факультетах преподавались дисциплины, формирующие национальное самосознание. Их выпускники становились источником преподавательских кадров для средней школы, им принадлежало приоритетное место в борьбе с денационализацией.

В Зарубежье осуществлялась обширная издательская программа по подготовке учебников для русских учебных заведений. Она предусматривала публикацию как новых учебников, так и переиздание учебной литературы, наиболее известной в дореволюционной России: по физике С.Ф. Балдина; по истории С.Ф. Платонова, П.Г. Виноградова. Пытались привлечь западноевропейских авторов. Но дороговизна перевода и издания быстро сократили эту деятельность. До середины 1920-х гг. активно поступали книги из Советской России, например в 1923 г. было предложено более 100 наименований учебных пособий по математике. В Зарубежье были написаны и изданы учебники уже с учетом новых реалий. Так, появились книги по истории П.М. Бицилли (София), Л.М. Сухотина (Белград), Е.Ф. Шмурло (Прага), Р.Ю. Виппера (Рига) и др. Филологи С.О. Карцевский (Прага), Н.К. Кульман (Париж), С.В. Кузнецов (Харбин), Е.Н. Тихоницкий (Рига) написали учебные пособия по русскому языку. Н.О. Лосский подготовил сборник задач по логике для гимназий.

Вопрос о создании и содержании учебников обсуждался в 1923–1927 гг. на заседаниях Педагогического бюро по делам средней и низшей школы за границей и его предметных комиссиях. Первый съезд педагогических деятелей средней и низшей школы (март 1923 г.) обсудил проблему учебников по докладу И.Е. Орешина «Об учебниках и учебных пособиях, необходимых для переиздания и использования в учебном процессе»⁵³. К учебникам для детей русских беженцев предъявлялись особые требования. Они должны были не просто содержать необходимые сведения для образования в целом, но и учитывать оторванность детей от отечества, пребывание в иной социальной, национальной, языковой среде.

Журнал «Русская школа за рубежом» в специальном отделе публиковал рецензии на учебники, выходявшие как за рубежом, так и в СССР. Издания для вузов готовились под контролем РАГ, но при финансовой поддержке местных правительств, а также благотворительной помощи.

Учебные пособия на русском языке использовались также в вузах государств-лимитрофов. Так, проф. Н.Н. Салтыков в 1923 г. писал, что РАГ в КСХС нуждается в средствах для издания русских учебников. Он подчеркивал, что в стране почти нет учебных книг на сербском языке, на французском – недос-

тупны по своей цене, а немецкие – дороги из-за пошлин. «В Сербии до войны имели распространение германские издания, теперь сербское студенчество проявляет интерес к приобретению русских учебных книг, приобретает даже литографированные издания, и с большим уважением и вниманием относится к преподаванию русских профессоров», – отмечал профессор⁵⁴.

Вопрос о признании местными властями законной силы документов, выдававшихся русскими учебными заведениями, первоначально не особенно беспокоил эмиграцию. К тому же некоторые государства шли навстречу, понимая сложную ситуацию, в которую попали изгнанники. Так, все 117 выпускников русской школы в Париже с 1920 г. по 1922 г. поступили в вузы Франции, Англии, Бельгии, Швейцарии и Германии. Русская школа была уравнена в правах с болгарской, югославской, чехословацкой. Министр народного просвещения КСХС в письме, адресованном Всероссийскому союзу городов 16 октября 1922 г. сообщил о присвоении русским учебным учреждениям статуса правительственных средних школ⁵⁵. Афинской русской гимназии греческое правительство в 1927 г. особым декретом даровало исключительное право (сравнительно с другими иностранными учебными заведениями, находившимися в Греции) поступления ее воспитанников в Афинский университет им. Каподиастриа⁵⁶. Ряд ее выпускников продолжили образование также в Пражском, Лувенском (Бельгия) политехникуме⁵⁷. Более того, правительства славянских стран (в отличие от западноевропейских) считали свидетельства и дипломы об образовании, а также научные степени, полученные в России до Февральской революции, имеющими законную силу.

Укрепление советской власти актуализировало проблему признания. Русские вузы со второй половины 1920-х гг. серьезно озаботились уравниванием дипломов своих выпускников с дипломами местных университетов. Так, открытый Земгором (1925 г.) в Париже Русский коммерческий институт 30 декабря 1926 г. был включен распоряжением МНП в число частных учебных заведений, признаваемых государством, и его воспитанники могли получать официальные дипломы, что облегчало их трудоустройство. С 1926 г. начал работать Франко-русский институт – высшая школа социальных, политических

и юридических наук, дипломы которого приравнивались к дипломам французских факультетов. Диплом об окончании Русского высшего технического института в Париже (открыт 4 октября 1931 г.) приравнивался к аналогичным, выдававшимся во французских технических «эколь суперьер». А вот для трудоустройства выпускников Института ориентальных (восточных) и коммерческих наук, открывшегося в 1925 г. в Харбине, достаточно было иметь свидетельство о прослушанных курсах, и диплом о высшем образовании не требовался⁵⁸.

Чем дальше отодвигалась перспектива возвращения на родину, тем активнее на первый план выходил вопрос о трудоустройстве выпускников как русских вузов, так и зарубежных. Например, дипломы Русского юридического факультета в Праге, созданного с разрешения правительства ЧСР, но являвшегося, с юридической точки зрения, иностранным учебным заведением, требовали нострификации. Осложнения стали ощутимы после 1925 г. с насыщением зарубежного рынка квалифицированного труда. Использовались все возможные пути решения проблемы и, прежде всего, международные связи. Русские представительные организации начали переговоры о трудоустройстве с Международным бюро труда и его директором А. Тома, а также комитетом международной помощи студентам в Европе во главе с Г. Конрадом. Без наличия связей возможности дипломированному инженеру устроиться на работу были ограничены. Административная, судебная, адвокатская, медицинская или военная карьера, как правило, для русских не натурализованных эмигрантов была не доступна. Но на нее можно было рассчитывать, пройдя через колонии. Многие выпускники бельгийских вузов поехали работать в Бельгийское Конго как, например, доктор Б.А. Корнилов, основавший впоследствии русский Красный Крест в Брюсселе⁵⁹. В Швейцарии подыскивали работу для русских студентов Союз Христианской молодежи, Женский союз. Особоуполномоченный РОКК в Швейцарии Н.А. Касьянов в ходе личных переговоров с Сербской миссией в Берне возбудил вопрос о предоставлении возможности окончившим курс швейцарских университетов русским врачам получить места работы в Сербии⁶⁰.

Обострилась ситуация в ЧСР, приглашавшей еще в начале 1920-х гг. тысячи русских студентов. 1 марта 1925 г. Н.И. Астров

писал К.Н. Гулькевичу: «Как Вам известно, в высших учебных заведениях Чехословакии обучается до 4,5 тыс. русской молодежи. Беженская страда вступает в новую стадию. По установленному здесь правилу, студент, оканчивающий курс, получает 500 крон ликвидационных и снимается с иждивения правительства. Нечего и говорить, что никаких надежд устроиться в Чехословакии нет не только для всей массы оканчивающих курс, но даже для отдельных лиц». В том же письме он информировал, что в Праге существует Русский торгово-промышленный комитет, который объединяет представителей организаций, озабоченных судьбой студентов-выпускников вузов, а также представителей академической группы. После весеннего семестра следовало трудоустроить более 300 выпускников различных специальностей – техников, юристов, медиков и др. Их предполагалось направить во Францию. МБТ, которому с 1925 г. перешло попечительство о беженцах, в лице А. Тома, и верховный комиссариат по делам беженцев, в лице секретаря Т. Джонсона, заключили соглашение с французским министерством труда. Трудность составляли вопросы о визах, о том, будут ли приняты во внимание «профессия и факультет, пройденный ищущим работу» и т. д. Пока решался вопрос об отъезде молодых специалистов во Францию, они занимались «на земельные и строительные работы, подметальщиками улиц». «Но их и оттуда гонят по требованию коммунистов, – жаловался Н.И. Астров К.Н. Гулькевичу 28 мая 1925 г. – Из Франции идут отвратительные вести. Говорят, что министр земледелия взял назад свои обещания»⁶¹.

29 апреля 1927 г. М.Н. Гирс разослал циркулярное письмо своим представителям с просьбой содействовать трудоустройству русских студентов, окончивших вузы ЧСР, в различных европейских странах. В нем, в частности, говорилось: «Лишь в редких единичных случаях им удастся получить заработок в Чехословакии, хотя бы даже и в виде физического труда. Для большинства же окончание высшей школы является не радостным событием, а осложнением в жизни, ибо с этим связано автономное прекращение выдаваемого им иждивения. ... Правление Союза академических организаций постановило, по словам В.Г. Рафальского, обратиться в Лигу Наций с просьбой о действии, равно как и к президенту США Кулиджу, дабы ходатайствовать о включении в русскую квоту хотя бы

нескольких десятков лиц, окончивших высшие учебные заведения в Чехословакии»⁶².

Стремление сохранить национальную идентичность эмигрантской молодежи и образовательную деятельность следует рассматривать как меру формирования социального и интеллектуального ресурса небольшевистской России. Но перспектив эта работа не имела.

Создание собственной образовательной системы стало защитным механизмом транстерриториальной Зарубежной России, но вместе с тем осложняло процессы аккультурации и ассимиляции русских беженцев, поскольку ставка была сделана на формирование и накопление национального интеллектуального ресурса для «возрожденной после падения большевизма» России.

Помимо русских вузов, студенты могли получить образование в университетах и политехникумах Европы и США. Если для европейских стран обучение русского студента ложилось тяжелым бременем на бюджеты государственных или муниципальных органов, то иммиграционная политика США вне квоты допускала в страну студентов. Для этого нужно было 1) быть студентом одного из высших учебных заведений в Европе или иметь документы, подтверждавшие окончание среднего учебного заведения, знать английский язык, чтобы быть признанным к поступлению, 2) выбрать вуз и собственноручно на английском языке написать туда прошение о приеме, приложив официальный перевод документов (студенческой зачетной книжки и пр.), 3) получив от высших учебных заведений США уведомление о принятии на соответствующий факультет, следовало с этим документом и студенческими документами обратиться за визой к ближайшему американскому консулу, который, наведя справки и убедившись, что просящий удовлетворяет правилам въезда вне квоты, выдавал визу и рекомендовал к допущению «вне квоты» как студента, 4) заблаговременно известить вуз в США о названии парохода и дне прибытия в порт. Такие разъяснения давал Институт международного образования⁶³. Для получения визы студенты предоставляли местному американскому консулу, а также назначенному ими американскому колледжу особый бланк со сведениями о месте рождения, месте жительства на родине, о предполагаемом адресе в США, имена и адрес родителей, по-

печителей или других лиц, к которым колледж мог бы в случае надобности обратиться, имя и адрес намеченного колледжа или университета, на какой курс наук он желает поступить и когда именно, в каком учебном заведении он окончил курс, время поступления и выхода из него, полученные дипломы и время их получения. К заполненному бланку прилагались фотографическая карточка просителя, составленное по особой форме удостоверение руководства учебного заведения, в котором учился проситель, об успешности его занятий и пройденных им предметах, о том, что он достаточно знает английский язык для продолжения на нем курса занятий, и что он по медицинскому освидетельствованию (в последние 30 дней перед отъездом) был признан вполне здоровым⁶⁴. Прием в университеты проводился заочно. Временный въезд допускался не более чем на год, но мог быть продлен, если иностранец продолжал быть студентом.

В то время как в Женеве для содержания и обучения одного студента требовалось 150 франков в месяц, в Дрездене – 25⁶⁵, студенты, принятые в высшие школы США, могли получать стипендии, правда, их размер был значительно ниже прожиточного минимума.

При участии бывшего российского посла Б.А. Бахметева и поддержке американской деловой элиты в 1920 г. был создан Русский студенческий фонд. Фонд оказывал помощь в получении либо завершении высшего образования русским студентам, молодым американцам, русские родители которых оказались в США. К 1924 г. его содействием воспользовались 94 студента, в 1924/25 учебном году – 100⁶⁶. Условием оказания такой помощи являлась хорошая учеба. 44 % получавших помощь показали «отличную», 33 % – «хорошую», 22 % – «среднюю» и лишь 1 % – ниже «средней» успеваемость⁶⁷. Помимо этого Фонд регулировал численность подготавливаемых специалистов, необходимых экономике России. Большинство студентов были инженерами-электриками, тогда как агрокультура и коммерция не заполняли даже поставленных Фондом квот. Русским студентам усиленно рекомендовалась специализация в области деловой администрации, прежде всего в сфере организации индустрии, банковского дела и пр.⁶⁸ За 25 лет фонд помог 650 русским иммигрантам, обучавшимся в 106 различных колледжах и университетах⁶⁹. В Калифорнийском

университете был организован Комитет по изысканию стипендий для русских студентов.

В отличие от Западной Европы, выпускники американских вузов находили работу преимущественно по специальности. В Калифорнийском университете российские студенты предпочитали поступать на факультет горного дела. Его питомцы практически все устроились на высокооплачиваемую работу. К 1937 г. лишь 6 русских закончили философский факультет Калифорнийского университета, пятеро из них защитили докторские диссертации. Некоторые шли изучать славистику, и преуспевали в этом. Однако перспективы были менее благоприятными: их ждала работа в библиотеке, переводчиками, преподавателями, и зарплата была невелика⁷⁰. Положительная социальная мобильность у выпускников вузов США проявлялась более четко, чем у сверстников в Западной Европе. Однако потенциал ученых и студентов из России приумножал интеллектуальную копилку США, а для России оставался потерянным.

Историческая мысль Зарубежья

Ответить на вопрос, что Россия из себя представляет и какое место занимает в мире призвана была историческая мысль Зарубежья⁷¹. Претендуя на автономные позиции, позволяющие сохранить преемственность (методологическую и содержательную) с дореволюционной наукой, далеко не сразу она вошла составной частью в историографию разных стран.

В эмиграции оказались несколько десятков историков (по некоторым данным свыше 90⁷²). Это были не только специалисты, получившие образование в России, но и ученые, начавшие заниматься историческими дисциплинами за рубежом. Целью своей деятельности они считали развитие традиций русской исторической науки, воспитание молодого поколения ученых в духе лучших достижений их предшественников и всепомоществование в деле сохранения и популяризации русских национальных традиций. Поскольку в изгнании оказались историки разных возрастных групп, обеспечивалась преемственность научных интересов и методов исследований.

Единого центра исторических исследований в Зарубежье образовать не удалось. Отсутствие такого центра компенсировалось широким обменом научной литературой, в первую очередь, собственными работами, информацией об исторических исследованиях, архивных фондах по тем или иным проблемам в той или иной стране. Но переписка, несистематическое общение на исторических семинарах, международных форумах явно не могли восполнить недостаток сведений. А.В. Флоровский, будучи представителем пражского Русского исторического общества в образованной в Варшаве в 1927 г. Федерации исторических обществ Восточной Европы и славянских стран приступил к составлению «систематических обзоров русской научной исторической продукции как вне пределов России, так и в Советском Союзе»⁷³. Кроме того, в эмиграции далеко не равномерно оказались представлены отдельные исторические дисциплины. На тематику научной работы влиял отрыв от отечественных архивов и книгохранилищ, сужение источниковой базы. Затруднено было издание трудов из-за малого количества исторических сборников и журналов, их редкого издания или недолговечности. Публиковались преимущественно небольшие по объему исторические работы.

Тематика издаваемой исторической литературы была разнообразна. Она касалась как истории всеобщей, так и русской. В отдельную группу, весьма многочисленную, можно выделить литературу и мемуары по истории российской революции и Гражданской войны. В этом ряду следует назвать «Историю русской революции» П.Н. Милюкова, «Очерки русской смуты» А.И. Деникина, «Красный террор» С.П. Мельгунова, многотомный «Архив русской революции» под редакцией И.С. Гессена и др. По истории русской и всеобщей были написаны не только специальные труды, но и учебники, издавались переводные труды Ферреро, Мадлена, Дени, Нидерле и др.⁷⁴

Наиболее перспективным являлось изучение славянской тематики и проблем истории Византии и Западной Европы. Исследованиям в этих направлениях способствовали образовавшиеся в эмиграции средоточия научного общения, более или менее постоянный контакт с местной ученой средой, доступность лучших библиотек и богатейших европейских архивных собраний. Эмигрантские труды дополняли в опре-

деленной степени тематику исследований советских историков. Прежде всего, это касалось тем, ставших запретными на родине (но ранее бывших традиционными для русской историографии): история церкви и религиозной культуры, история права, изучение жизни славян и т. д.

До конца 1920-х гг. отечественная историческая наука развивалась в едином русле, не размежевываясь на эмигрантскую и советскую ветвь. На международном уровне были представлены преимущественно ученые-эмигранты. Хотя историки «старой школы», проживавшие в России, приглашались за рубеж для чтения лекций, участия в международных форумах и творческой работы, советская историческая наука международного авторитета не имела. Так, исключительно русские эмигрантские организации входили в состав Федерации исторических обществ Восточной Европы и славянских стран; лишь ученые-эмигранты были представлены в Комитете съездов славянских филологов, на международных съездах славистов и конгрессах историков (МКИ).

В 1923 г. на очередной пятый международный конгресс историков (Брюссель, 9–14 апреля) официальное приглашение получили Союз русских академических организаций, созданный учеными-эмигрантами в 1921 г., (медиевист П.Г. Виноградов, антиковед М.И. Ростовцев, экономист П.Б. Струве, историк Е.Ф. Шмурло) и Российская Академия наук (В.В. Бартольд, Е.В. Тарле, Н.П. Оттокар). Статус делегации из СССР был необычным – она представляла не государство, а только историков РАН. Примечательно, что на предыдущем IV конгрессе историков П.Г. Виноградов, М.И. Ростовцев и Е.В. Тарле входили в одну делегацию, представлявшую Россию.

Особенно внимательное отношение к ученым-эмигрантам было со стороны правительства Чехословакии. В Праге возникли многочисленные ассоциации и объединения. Историки здесь начали оседать с конца 1921 г. и через столицу прошло более 20 ученых. Известная высылка российских профессоров пополнила их состав. Постепенно прибывали новые ученые – как уже заявившие о себе на родине, так и молодежь, только в эмиграции начавшая свою деятельность. Прага, имевшая славу европейского центра славистики еще с начала XIX в., стала средоточием славистической эмиграции.

В 1923 г. было положено начало научным собраниям русских историков, которые два года спустя оформились в *Русское историческое общество в Праге* (РИО). Председателем (позже почетным председателем) стал Е.Ф. Шмурло. Его сменили А.А. Кизеветтер, А.Н. Фатеев, А.В. Флоровский, Е.А. Ляцкий, П.А. Остроухов. Своей научной задачей Общество ставило объективное изучение прошлого, а «потому события «вчерашнего дня», оценку которым невозможно дать в рамках спокойного, беспристрастного анализа, в программу Общества входить не должны»⁷⁵. Термин «история» понимался в самом широком значении этого слова, поэтому в Общество входили ученые русисты, византилисты, славяноведы, источниковеды, историографы, историки права, церкви, литературы, философии и т. д. Численность Общества при основании составляла 22 человека, через десять лет – 56. На положении пожизненных членов в РИО вошли и чешские ученые. Русское историческое общество входило в конфедерацию историков Восточной Европы, принимало участие в международных конференциях историков в Белграде, Кракове, Варшаве, Брюсселе.

На заседаниях Общества активно заслушивались доклады, посвященные памяти научных деятелей или лиц, чьи имена вошли в российскую историю: Александра I, декабристов, Петра Великого, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева. После выхода из печати первой книги «Записок Русского исторического общества» (1927 г.) начала складываться библиотека РИО. Как первый, так и последующие два тома Записок (1930 и 1937 гг.) появились благодаря материальной поддержке президента ЧСР Т.Г. Масарика. После оккупации Чехословакии деятельность Общества стала затухать, несмотря на попытки сохраниться в рамках Русского свободного университета (РСУ). Был даже подготовлен четвертый том «Записок по истории и литературе», который запретила фашистская цензура (1941 г.). С ликвидацией РСУ в 1944 г. исчезло и Русское историческое общество.

Рассредоточение историков по разным странам не способствовало созданию исторических школ. Но ученикам и почитателям Н.П. Кондакова (1844–1925), археолога, искусствоведа, соученика В.О. Ключевского по Московскому университету, профессора Петербургского университета, академика, после его смерти удалось основать Семинар его имени (1925 г.),

преобразовавшийся с 1931 г. в Институт. Это и учебное, и научно-исследовательское учреждение стало уникальным явлением в исторической науке эмиграции.

Эмигрантский период начался для Н.П. Кондакова в 1920 г. И.А. Бунин, с которым ученый покидал Россию, в своих «Воспоминаниях» ярко описал переход на маленьком, ветхом греческом пароходе «Патрас» до Константинополя. Затем последовали София, Прага и профессорство в Софийском, а с апреля 1922 г. в Карловом университете (Прага). Здесь у него появился ряд учеников, в том числе С.Я. Эфрон. Президент Чехословакии Т.Г. Масарик не только предоставил аванс для написания книги «Русская икона», но даже пригласил читать лекции по истории искусства своей дочери Алисе, а также предложил бесплатную квартиру.

При посредничестве премьер-министра К. Крамаржа, жена которого, Н.Н. Абрикосова, была из знаменитой богатой московской фамилии, шло финансирование Семинара (Института). Одним из главных инициаторов и меценатов стал также личный друг Н.П. Кондакова Ч. Крейн. Благодаря поддержке Ч. Крейна удалось издать последний труд Н.П. Кондакова «Русская икона», а также сборник, посвященный его памяти. 80 тыс. чешских крон, вырученных за продажу сборника, пошли в распоряжение возникшего 22 апреля 1925 г., Семинара имени Н.П. Кондакова, создав материальную возможность для дальнейшего развития научной и издательской деятельности.

Одним из вдохновителей Семинара стала княгиня Н.Г. Яшвилъ⁷⁶ – меценат и личный друг Н.П. Кондакова. Войдя в правление Семинара (Института) княгиня приняла активное участие в его научной, издательской и просветительской деятельности. Дочь Татьяна заведовала эмалевой мастерской, завещанной княгиней М.К. Тенишевой. Н.Г. Яшвилъ привлекла большое число благотворителей. При ее содействии удавалось устроить научные командировки сотрудникам Института в различные страны, издавать и оформлять институтские издания. Современники отмечали, что, живя аскетически, она все свои заработки от преподавания языков и продажи своих работ (репродукций икон, поздравительных открыток и другой художественной продукции), свои связи направляла на дело помощи эмигрантам⁷⁷.

По мысли президента ЧСР Т.Г. Масарика, помощь молодым ученым, должна была быть работой для будущего: когда Россия придет в более нормальное состояние, русские эмигранты из Чехословакии вернутся на родину и – если они получили образование в Праге, имели контакт с чешской культурой и с чехословацкими культурными и политическими кругами – это послужит на пользу обоим государствам. И он, кроме всего прочего, учредил при Кондаковском институте две стипендии для молодых, которые могли бы стать такими учеными и оказались бы полезны для будущих сношений Чехословакии с Россией.

Семинар проработал до конца Второй мировой войны, формально до 1953 г., занимаясь сравнительно-исторической разработкой проблем древнерусского, византийского и восточного искусства. Возглавляли его А.П. Калитинский, Г.В. Вернадский, А.А. Васильев, Н.П. Толль, Н.Е. Андреев, А.В. Флоровский. Со всей своей богатейшей библиотекой, очень хорошей коллекцией русских икон, замечательной коллекцией коптских тканей и другими богатствами, в частности богатейшим архивом, он был передан с согласия советской стороны Институту истории искусств Академии Наук Чехословацкой Республики.

Основные формы работы Семинара заключались в научных заседаниях и опубликовании научных трудов. В первые годы своего существования Семинар заседал довольно часто, каждую пятницу. Впоследствии заседания стали менее частыми – не более 15-ти в год. Большой резонанс вызвали споры по поводу старца Федора Кузмича, старец и Александра I, при изучении «дела дьяка Висковатого», отражения и движения идей Московской Руси в иконописных памятниках, творчества писателей.

В эмиграции тема истории России в определенном смысле отошла на второй план, прежде всего в силу недоступности архивных и библиотечных материалов. П.Е. Ковалевский писал В.Т. Пашуто 5 октября 1975 г.: «Надо подчеркнуть, что историей России занимались главным образом представители старшего поколения. Молодые ученые специализировались на точных науках и литературе»⁷⁸. Основное внимание в трудах, посвященных истории России, уделялось допетровской эпохе. И если «до революции линией «водораздела» между истори-

ками было отношение к Петровским реформам, то за рубежом таким критерием, противопоставляющим одних исследователей другим, был «норманнский вопрос», вернее проблема влияния норманнов на первый период истории Руси»⁷⁹. Общих курсов по русской истории учеными «первой» эмигрантской волны было создано немного.

На русском языке курсы по истории России выходили, прежде всего, для учащихся, изучавших российскую историю в средних и высших учебных заведениях. В Белграде, где существовала сеть русских школ, в 1927 г. вышел «Учебник русской истории», младший курс Л.М. Сухотина. Он был одобрен Учебным Советом при Державной комиссии КСХС по делам русских беженцев. Учебник поддержали профессора П.М. Бичилли, А.П. Доброклонский, А.А. Кизеветтер и др. Предназначался он для детей 12–14 лет. В авторском предисловии отмечено, что с детьми 11 лет не следует проходить систематического курса русской истории и начинать ознакомление детей с родной стариной следует с объяснительного чтения. При этом замечалось, что систематический курс истории нужно изучать в среднем и старшем возрасте (в разных объемах и различного содержания). Особенно это актуально в условиях зарубежья.

Примером университетского учебника может служить «Введение в российскую историю» Е.Ф. Шмурло, изданного в Праге в 1924 г. Книга выросла из университетских лекций и ставила двойную задачу: 1) изложить теорию истории, дать понятие о тех элементах, из которых она строится, научно обосновать ее построение и 2) выделить главные этапы российской истории, выявить духовные и материальные факторы, определившие направление развития и творчества русского народа. Отсюда и деление книги на две части. В одной высказаны общетеоретические положения, «приложимые к истории любой народности», во второй изложена история России. Отмечая, что история изучает жизнь общества, автор очерчивает круг человеческой деятельности четырьмя задачами: 1) организация общества, 2) внешние отношения, 3) материальная и 4) духовная культура. Они образуют ту схему, в соответствии с которой историк излагает жизнь русского народа на фоне всемирной истории.

Е.Ф. Шмурло выделил три фактора, определивших не только характер, но и содержание российской истории: территория

(географический), народность (расовый), религия (культурный). Русский народ расселился на восточном краю европейского мира, в непосредственном и постоянном соприкосновении с миром азиатским и был частью славянской ветви, которая являлась отпрыском арийским. Культурные основы базировались на христианстве, притом в православной форме. По мнению Е.Ф. Шмурло, через всю историю русского народа проходит основная черта – раздвоенность жизни, вынужденное сидение между двух стульев, между европейским Западом и азиатским Востоком.⁸⁰ Европейский тип развития, по Е.Ф. Шмурло, Россия создавала, развивала, культивировала сознательно. Азиатская история России – вынужденная, навязанная, неотвязчивая. И та и другая российские тенденции непримиримы, враждебны, но самостоятельны. Европа для России – символ культуры, развития, движения; Азия – застой и варварство. Увлечение Азией отвлекало от очага цивилизации. Историю России Е.Ф. Шмурло характеризовал как равнодействующую, образованную двумя силами, из которых каждая лишь противодействовала другой. Россию он сравнивал с двуликим Янусом, обращающим свои взоры и в сторону Запада, и в сторону Востока (как к Европе, так и к Азии).

Ученый уделил большое место особенностям исторического пути России и тем факторам, которые эти особенности определили, прежде всего, географическим. Духовные и материальные средства русского народа тонули в безбрежном море российского пространства. Поэтому, если характерной чертой Западной Европы стала энергия наступления, то России – энергия отставания. Дух Западной Европы – более либерален, а характерной чертой русской народности стал консерватизм⁸¹.

Анализируя ход исторических событий, автор приходил к заключению, что русский народ, обороняя себя от азиатских кочевников, одновременно охранял и Западную Европу от натиска варваров, служил ей щитом и опорой, во-первых, и путем ассимиляции и сближения передавал Востоку плоды европейско-христианской цивилизации, во-вторых. Русскую колонизацию Е.Ф. Шмурло рассматривает как победу европейской цивилизации над азиатским Востоком. Свою работу он заключил выводом о том, что неправильно противопоставлять Россию Европе, с которой она составляет единое целое и по территории, и по происхождению населяющей ее народности, и по культуре.

Таким образом, историческая наука Зарубежья решала важнейшие задачи – от поиска места России в мировом историческом процессе, осмысления и популяризации огромного культурного пласта, веками накопленного, но плохо известного Западу, до формирования исторического мышления, патриотического воспитания молодежи и сохранения исторической памяти, целостность которой решились нарушить большевики.

«К русским людям за рубежом»:

Формирование единого информационно-культурного пространства

Главную нагрузку по сохранению и формированию национального самосознания традиционно несла литература. Так сложилось в отечественной культуре, что она играла важную роль в общественной жизни, несла большой духовный заряд. Считается, что писатели – едва ли не виднейшие русские мыслители и самые одаренные политические деятели. Ушедшие в Зарубежье после социальной катастрофы 1917 г. литераторы не потеряли свое лицо, продолжали играть значительную роль в общественной жизни, и даже «при глубоко идущем политическом разъединении и крайней взаимной нетерпимости» эмиграции смогли объединиться «в местном масштабе»⁸². На них легла еще одна миссия – сохранение языка – основы русской культуры, национальной идентичности. Наличие массового читателя стало благоприятным фактором развития русской литературы за пределами родины. Однако чтобы развиваться, расширять читательскую аудиторию, надо было печататься и переводить произведения на иностранные языки.

В начале 1920-х гг. разделения на две литературные России не чувствовалось, общие корни давали о себе знать. Трибуной писателей различных общественно-литературных ориентаций, равным образом советских и эмигрантских, известных и второстепенных стал журнал «Русская книга» (с 1922 г. «Новая русская книга», издатель А.С. Яценко). Но уже к концу 1922 г. стало ясно, что сохранить нейтралитет и объединить две литературы невозможно. Отстаиваемые журналом прин-

ципы беспартийности и единства русской литературы «на обоих берегах» не оправдали себя. Образовалось «два рукава русской литературы», как писал И. Тхоржевский⁸³.

Первоначально литературным центром эмиграции стал Берлин. В 1921 г. здесь был образован «Дом искусств», проводивший литературные вечера, а годом позже, в противовес ему, – «Клуб писателей» по образцу Петроградского. После литературных скандалов 1922–1923 гг., отъезда писателей, порвавших с эмиграцией (А.Н. Толстого, И.С. Соколова-Микитова, И.М. Василевского и др.) литературный Берлин опустел. В 1924 г. писательница Н. Петровская отметила: «Берлин сейчас – это дно обмелевшей (литературно) реки. Люди выскребли все, что можно, и больше нечего взять. Из 33-х издательств осталось три!.. Берлин – это хуже лагуны Венецианской теперь»⁸⁴.

Литературную пальму первенства перехватил Париж. Сюда съехалось большинство писателей, здесь они нашли не только поддержку, но и признание. Значительного успеха достигали те, у кого книги выходили на французском языке. С 1926 г. функционировал «Клуб русских писателей в Париже» с целью «дать возможность молодежи приобщиться к культурным традициям и по возможности удовлетворить тех, кто стосковался по русской культуре». Прага также дала убежище на долгий или краткий срок множеству русских писателей и публицистов. И даже окончательно переселившись в страны Западной Европы, многие из них продолжали получать материальное пособие чехословацкого правительства. Эти пособия выдавались благодаря деятельности Комитета по улучшению быта русских писателей и журналистов, проживающих в Чехословакии (1922–1933). В рамках «русской акции» Комитет субсидировался правительством ЧСР. Субсидии выдавались на правах беспроцентной ссуды, которую литераторы обязывались возвратить «после того, как в России установятся возможности нормальной работы», т. е. после падения советской власти. В конце 1920-х гг. приветило литераторов КСХС.

Революция увела из России наиболее крупных писателей. И.А. Бунин, Д.С. Мережковский, А.И. Куприн, К.Д. Бальмонт, З.Н. Гиппиус, И.С. Шмелев, М.А. Алданов и многие другие оказались по другую сторону рубежа. Наиболее читаем и почитаем был А.И. Куприн, завоевавший признательность своими

старыми вещами. И.А. Бунин в годы эмиграции получил признательность во всей Западной Европе. Критики, правда, не находили единодушия в оценке таланта нобелевского лауреата (1933 г.). Его произведения были переведены на 19 языков, включая эсперанто, еврейский, турецкий, китайский. Несколько уступал И.А. Бунину и И.А. Куприну по количеству переводов и по степени популярности среди западных читателей Д.С. Мережковский. Следом за интеллектуалом Д.С. Мережковским шел И.С. Шмелев, «пишущий сердцем», и интерес к которому в западной публике все возрастал. Его переводили на французский, немецкий, английский, чешский, голландский. Однако дореволюционные произведения писателя оставались неизвестны на Западе, в то время как переиздавались в СССР.

Писатели активно участвовали в общественной деятельности и откликались на нужды эмиграции, писали воззвания в пользу студентов, детей, больных, инвалидов, артистов, организовывали благотворительные выставки, доклады по русской литературе и пр. С творческой точки зрения, эмиграция обострила национальные чувства, поэтому изображение России выиграло в художественности. Эмигрантские писатели больше дорожили связями с традициями русской литературы XIX в., чем искали новые берега. Хотя за рубежом развивались и модернистские направления (которые в большей степени были представлены в прибалтийских странах, например, в Эстонии). Литературному консерватизму эмиграции немало способствовало то, что признанные самыми крупными эмигрантские писатели – А.И. Куприн и И.А. Бунин – принадлежали и в России к самым правым литературным группировкам, всегда сторонились новшеств и более стремились к совершенствованию достигнутого, чем к открытию Америк. Это не значило, что они остановились в развитии. Писатели старого поколения искали новых способов выражения, новой литературной формы.

Пребывание на Западе обогатило русских эмигрантских писателей новыми темами и сюжетами. Некоторые писатели перешли на иностранные языки в своем творчестве. В.В. Набоков писал, что, если в России талант не спасает, то в эмиграции спасает только талант. Сам он до переезда в США в 1940 г. писал по-русски. Все его довоенные издания к этому времени были закончены и изданы, в кармане лежало приглашение читать летний курс лекций в Америке, а в столе – первый

законченный роман на английском языке «Истинная жизнь Себастьяна Найта».

Много печатали и переводили П.Н. Краснова, но в его революционном творчестве было столько злободневности, написанной на потребу дня, что его успех был непрочным. Газеты с его опусами сегодня выхватывали из рук, а завтра выбрасывали за ненадобностью⁸⁵.

Срединное положение между старым поколением писателей и молодым занимал М.А. Алданов. Его первая повесть «Святая Елена, маленький остров» появилась на страницах «Современных записок» в 1921 г., когда ему было 35 лет. Литературное творчество писателя в эмиграции могло бы составить 40 томов. Сын потомственного украинского сахарозаводчика, получивший широкое образование (химик, юрист, социолог), свободно владеющий шестью иностранными языками, неоднократно выдвигался на Нобелевскую премию. Его книги переводились почти на все европейские языки и даже на бенгали. Эрудиция М.А. Алданова поражала многих: он знал все исторические здания европейских столиц, знал, где были созданы знаменитые полотна и романы, помнил даты жизни знаменитых людей, любил отыскивать мельчайшие нарушения исторической правды в художественной литературе. По его книгам, получившим похвалы ученых-историков, можно изучать историю. Тиражи изданий М.А. Алданова расходились быстро. В отличие от многих других ему удавалось обходиться без «второго ремесла»⁸⁶.

Труднее в эмиграции приходилось молодым литераторам. Большинство из них зарабатывало на жизнь тяжелым физическим трудом. Людей состоятельных, таких как С. Прегель, в этой среде было единицы. Так, Д. Кнут на трехколесном велосипеде с ящиком развозил по домам товар, купленный клиентами в той фирме, где служил. Г. Газданов работал ночным таксистом, Н. Станюкович – дневным. Е. Бакунина арендовала деревянную будку, где продавала билеты Национальной лотереи. Ю. Софиев более 10 лет занимался мойкой витрин, стеклянных крыш, стекол в домах, магазинах. Ю. Терапиано работал в фармацевтической фирме «Биотерапия» в укупорочном отделе. Немногие устроились привилегированно: Гингер – инженером на фабрике своего дяди, Мандельштам – в редакции газеты «Возрождение».

Поддержку молодежи считали своим неременным долгом наиболее крупные литературные центры Праги – «Далиборка» и «Скит поэтов». Литературный кружок «Далиборка», получивший свое название по кафе, где первоначально собирались участники, был основан летом 1924 г. писателями С. Маковским, Д. Крачковским, В. Амфитеатовым-Кадашевым, П. Кожевниковым, который стал впоследствии его председателем. Членства в «Далиборке» не было, поэтому через нее прошла вся литературная русская Прага. Целью стало создание литературного очага, где было бы возможным общение между писателями, чтение и обсуждение литературных произведений, беседы, знакомства с чешской литературой и чешскими писателями. По вторникам устраивались так называемые «вольроссовские чаи», где проходили беседы на литературные темы. Вдохновителями этих «чаев» были редакторы журнала «Воля России» (1922–1932 гг.) М. Слоним, В. Лебедев, С. Постников, Н. Мельникова-Папоушкова. Начиная с 1927 г. журнал приглашал на «чай» молодых писателей. Здесь зачитывались и разбирались новые произведения, книги, обсуждались литературные темы (например, творчество И. Бабея, М. Цветаевой). В 1925 г. «Воля России» первый журнал из эмигрантской периодики напечатал стихи молодых поэтов под общим заголовком «Скит поэтов». Подборку стихов предвляло короткое сообщение об этом содружестве, которое возглавлял литературовед и критик А.Л. Бем. Сохранились протоколы заседаний «Скита», последний из которых датирован 6 сентября 1940 г. Начиная с 1933 г. «Скит» выпустил четыре сборника стихов под тем же названием.

В 1925 г. возник Союз молодых поэтов и писателей в Париже. Молодежь проходила хорошую школу, посещая собрания «Зеленой лампы» под критическим оком З.Н. Гиппиус, встречалась в кафе на бульваре Монпарнас или в убогих комнатах отелей, где вела по ночам споры о том, «чем должна быть поэзия», «как надо писать» и т. д. С молодыми поэтами-эмигрантами считались, каждый месяц выходил сборник стихов (правда, чаще всего за свой счет, редко за счет чудака-мecenата), который подвергали обстоятельному разбору в «Возрождении» В.Ф. Ходасевич, в «Последних новостях» – Г.В. Адамович.

Из Харбина начали свой творческий путь Вс. Иванов, участник белого движения, в 1931 г. принявший советское подданство и ставший позднее на родине известным прозаиком, поэты А. Несмелов (Митроольский), А. Ачаир (Грызов), В. Перелешин (Салатко-Петрище), М. Колосова (псевдоним Елена Инсарова), О. Скопиченко и др. В их книгах на первый план выступала тема родины, изгнания, китайские мотивы.

Литературная среда была многочисленна, организована, что, конечно, не означало отсутствие разногласий, споров, противоборства. В Париже уже в 1920 г. образовался Союз русских литераторов и журналистов. К 1928 г. было создано еще четыре подобных объединения: в Берлине (1920 г.), Праге (1921 г.), Белграде (1925 г.), Варшаве. Они ставили цель – объединение на профессиональных началах для улучшения своего материального и правового положения, содействия культурной работе и для защиты профессиональных интересов деятелей российской печати.

В пропаганде русской литературы в особенности и культуры в целом огромную роль сыграли *празднования Дней русской культуры* (ДРК). «Еще ни разу ни одной идее в эмиграции не удавалось объединить и собрать вокруг себя такого числа участников как в «День русской культуры» вокруг идеи национального культурного праздника, – читаем в отчете. – Эмигранты и русские меньшинства во вновь образовавшихся государствах, неграмотные крестьяне и дочь президента Российской академии наук в.кн. Константина Константиновича – Татьяна Константиновна, принявшая живое участие в празднике в Женеве, правые и левые – этому «Дню» удалось вынести что-то общее, равно приемлемое и бесспорное, за скобки»⁸⁷. Значение ДРК в жизни всей эмиграции трудно переоценить. Ежегодно русские люди за рубежом получали возможность продемонстрировать богатство и достижения мощного культурного пласта, накопленного российской историей. Население стран всех континентов знакомилось, глубже узнавало русскую литературу, театр, музыку и т. д. Росло ощущение духовного единения в рассеянии сущих, а также осознание ими своей национальной принадлежности.

В центре празднований стояло имя А.С. Пушкина. Впервые праздник отмечался как «День русского просвещения» в Эстонии в 1924 г. и был приурочен к 125-й годовщине со дня

рождения поэта. В марте 1925 г. правление Союза русских академических организаций за границей, Педагогическое бюро по делам средней и низшей русской школы, Объединение русских учительских организаций, Объединение русских эмигрантских студенческих организаций Праги и РЗГК выступили с обращением «К русским людям за рубежом» об устройстве ежегодного ДРК: «Мы обращаемся к местным русским ассоциациям, обществам и группировкам с призывом организовать ежегодный «День русской культуры» как средство объединения всех русских. Мы предлагаем выбрать дату 8 июня (26 мая старого стиля) для этого праздника – день рождения Пушкина, который более других оставил отпечаток своего гения в языке русского народа»⁸⁸. Это воззвание, изданное тиражом 1000 экземпляров, было разослано во все страны русского рассеяния, напечатано почти во всех русских газетах и получило широкое распространение. Инициативу поддержали, и празднование ДРК в 1925 г. состоялось в 13 странах. С тех пор этот День, вплоть до начала Второй мировой войны (возродившийся в 1947 г. был намного скромнее), стал всеобщим русским национальным праздником культуры, объединяющим эмиграцию.

Активную роль в подготовке и пропаганде ДРК играли А.Л. Бем, П.Д. Долгоруков, Е.В. Спекторский, П.Б. Струве, Н.А. Цуриков, избранные в состав совместных комиссий по организации ДРК в феврале 1925 г. Подобные комиссии создавались на местах. Велась широкая пропаганда. В 1927 г. Педагогическое бюро обратилось к известному художнику И.Я. Билибину, и им была исполнена специально ко ДРК художественная открытка с изображением России и текстом из М.В. Ломоносова. Открытка была издана в Риге. Тогда же был объявлен конкурс на лучшую скульптуру А.С. Пушкина. Жюри одобрило изваяние поэта в натуральную величину, исполненное А.С. Головиным (упаковка и пересылка скульптуры стоила 4,5 доллара)⁸⁹.

К 1927 г. сложились традиции проведения праздника, для координации работы местных комитетов создавался Центральный комитет ДРК под председательством В.А. Маклакова, в который вошло более 30 культурно-просветительских организаций и учреждений. Русские журналы выпускали к празднику специальные номера для детей и взрослых⁹⁰.

Праздник, собиравший тысячи человек, начинался торжественным богослужением, утром и днем проводились спектакли для детей, гуляния в садах и парках, литературно-музыкальные вечера, шли драматические, оперные и балетные спектакли, читались стихи. На торжественном заседании первый доклад посвящался русской культуре, второй – А.С. Пушкину. С 1928 г., т. е. со 100-летней годовщины со дня рождения Л.Н. Толстого⁹¹ в эти дни стали отмечать юбилейные даты текущего года.

В отчете за 1927 г. указывалось, что в Праге, Берлине, Париже, где программы празднования ДРК были перенасыщены разнообразными научными докладами и лекциями, речи о значении русской культуры пользовались меньшим успехом, чем в прежние годы. Всех заинтересовали вечера с чтением произведений русских писателей, исполнением музыки, спектаклей, демонстрацией на экране видов русских городов, или чисто народные праздники (как в Эстонии). Для русских этот день служил «толчком для пробуждения национального самосознания». Писали, что один из русских мальчиков, выходя с праздника, воскликнул: «Как хорошо быть русским!»⁹²

Имя А.С. Пушкина на долгие годы оставалось неоспоримым символом духовного единства, а русский язык – атрибутом национальной принадлежности. Подготовка и проведение ДРК стимулировали поиск новых исследовательских перспектив, развитие литературоведения, будили интерес к русской литературе, активизировали публикацию и перевод на разные языки сочинений русских писателей. Например, в ЧСР вышли сочинения А.С. Пушкина в чешских переводах под редакцией А.Л. Бема и Р.О. Якобсона. Первый том составила лирика в переводе чешского поэта П. Кржички.

А.В. Карташев в речи, произнесенной 9 июня 1925 г. в Сорбонне, отметил: «Слишком долго затянулось наше скитание по чужим дворам. Тем яснее становится сознание, что нам нужно собраться около наших светочей, наших очагов... Солнце нашей русской поэзии А.С. Пушкин всех нас греет, всех притягивает. Он выковал одно из чудес истории – наш свободный, великий русский язык. Этот язык есть залог нашего бессмертия»⁹³. Ту же мысль поддержал В.А. Маклаков в 1926 г., говоря о русской культуре и А.С. Пушкине: «...нам стал нужен национальный праздник России; нужен как сим-

вол, что Россия жива, хотя и запрещено ее имя; как символ того, что мы не только беженцы с паспортами Нансена, но граждане родины, которую у нас не отняли и не могут отнять никакие декреты; что, несмотря на все разномыслие... есть нечто, что выше всего, что соединяет нас между собой и с теми, кто остался в России»⁹⁴.

На праздновании ДРК в 1927 г. А. Черный обратился к значению книги в воспитании национального самосознания у русских детей, оказавшихся в эмиграции. В статье «Наши дети», опубликованной в «Возрождении» он писал: «России наши дети не видали и не знают. ...Путь один – русская книга»⁹⁵.

Развитие русской литературы в Зарубежье, публицистическая активность, наличие массового читателя стали основой для создания широкой сети русских издательств, газет, журналов, библиотек. Первенство литературных публикаций принадлежало периодической печати. Появились прекрасные эмигрантские журналы – литературные, литературно-политические.

В первой половине 1920-х гг. центром *издательской деятельности* Зарубежья являлся Берлин. К 1924 г. Союз русских издателей в Германии насчитал здесь 87 издательств из общего числа 130 во всей эмиграции. Берлинские издательства – «Слово», «Геликон», «Скифы» и др. – выпускали 145 наименований газет, журналов, альманахов и т. п. Любопытно, что на русском языке литературы выходило больше, чем на немецком. Когда берлинские издательства исчерпали себя, эстафету подхватил Париж, а след за ним – Белград. Белградское издательство «Издательская комиссия» в рамках трех изданий («Русская библиотека», «Библиотека для юношества», «Детская библиотека») выпустило более 60 книг на русском языке⁹⁶. Русские издательства существовали и в других странах⁹⁷. Так, в Эстонии недолго просуществовали «Кольца» (Таллинн), «Альфа» (Тарту).

Среди эмигрантских газетно-журнальных изданий на первом месте стояли литературно-политические журналы, на втором – литературно-художественные, на третьем – специальные. 90 % их выходили на русском языке, 5 % на украинском и белорусском. Книг в это же время было издано до 7 млн экземпляров. Из них по литературе и искусству – 1 653 наименования, детской литературы – 273, по истории – 303 (главным образом, по истории революции и Гражданской войны), фило-

софско-религиозных сочинений – 146, по социальным наукам – 428, естественным и прикладным – 655, учебников и словарей – 171⁹⁸. В 1933 г. С.П. Постников информировал Е.Д. Кускову о том, что с 1918 г. за границей вышло 1005 наименований журналов и около тысячи газет. К этому времени Русский заграничный исторический архив (РЗИА) получал по 200 газет и журналов⁹⁹.

Сотрудничество с различными газетами и журналами часто являлось основным источником дохода для литературной эмиграции. Финансирование периодических изданий шло из разных источников, и, в первую очередь, изыскивались спонсорские деньги. Это касалось как литературных, так и публицистических и политических органов печати. Для этого зачастую приходилось пускаться во все тяжкие, идти на различные ухищрения. Приведем один пример. С начала 1926 г. Д.П. Святополк-Мирский усиленно собирал деньги на издание проевразийского журнала «Версты» и прибегнул к помощи Харрисон. Она не только пожертвовала на журнал 50 фунтов стерлингов, но и посоветовала обратиться, в частности, к Леонарду Вулфу, а через него – к крупнейшему тогдашнему британскому экономисту и весьма состоятельному человеку Д.М. Кейнсу (1883–1946), члену влиятельного интеллектуально-художественного кружка Блумсбери (к каковому принадлежали и Вулфы). В письме Вулфу от 1 февраля 1926 г. Д.П. Мирский заявлял, что затевает журнал вне политики, главным образом для того, чтобы печатать талантливых, но не востребованных в эмиграции писателей – таких, например, как А.М. Ремизов, – а затем просил о посредничестве в контакте с Д.М. Кейнсом насчет спонсорства. Тонкий ход заключался в том, что, как Д.П. Мирскому стало известно через Харрисон, Д.М. Кейнс был лично знаком с Ремизовыми, а его жена, знаменитая русская балерина Л. Лопухова (1892–1981) испытывала большую симпатию к супруге А.М. Ремизова С.П. Довгелло (1876–1943). В том же письме Л. Вулфу, однако, дипломатичный Д.П. Мирский утверждал, что Л. Лопуховой якобы понравился сам Алексей Михайлович. В итоге Д.М. Кейнс, хотя и не сразу, дал на журнал 20 фунтов¹⁰⁰.

Большой популярностью пользовались выставки «Русская книга за рубежом», которые проводились в разных странах. Примечательна деятельность «Общества друзей русской книги

в Париже» (1925) – единственной в эмиграции организации, объединившей библиофилов. В журнале «Временник», издаваемом Обществом, С.Р. Минцлов опубликовал список библиотек, архивов, художественных коллекций, погибших в России во время мировой войны, революций, разгрома крестьянами барских усадеб. Вышло всего четыре номера журнала, последний из которых в 1938 г.

Потребность в книге была огромна. Вывезенных библиотек не хватало. Ширился спектр эмигрантских изданий. Интерес читателей – развлекательный и познавательный, образовательный и научный, – информационный голод стали факторами развития системы библиотек. Земгор учредил и содержал несколько библиотек, и первые из них – уже в Константинополе. Для интеллектуальной части Зарубежья важны были научные собрания книг. При научных учреждениях создавались библиотеки, которыми могли пользоваться не только эмигранты. В 1920 г. в Белграде возникла Русская публичная библиотека. Свой богатый фонд (52 тыс. книг) она разместила в здании Королевской сербской академии наук. Однако доступ к ее фондам первоначально был затруднен. 29 июня 1923 г. статистик, экономист Д.Н. Иванцов жаловался на отсутствие общедоступной библиотеки, «ни правительственной, ни частной». Коллекции книг в университете, Академии наук и некоторых правительственных учреждениях являлись не только бессистемными, но и труднодоступными, а книжная торговля заставляла желать много лучшего. Отношение к книге русских ученых и сотрудников Белградского университета, Сербской Академии наук было различным. Видимо, играло роль отсутствие собственной длительной научной традиции у сербов. «Книга, – писал Д.Н. Иванцов, – или совсем не ценится, или же ценится как определенного сорта материальный предмет, как один из элементов казенного инвентаря, подлежащего всяческой охране от лишнего прикосновения. В последнем случае идеальным, с точки зрения сербов, является такое состояние библиотеки, когда все книги оказываются налицо и под замком. Чтение книги представляется им опасным покушением на казенное добро; своей главной задачей они ставят всяческое противодействие этим покушениям»¹⁰¹. К концу 1920-х гг. по своему значению и масштабам белградская библиотека стала второй после библиотеки им. И.С. Тургенева

в Париже, которую писатель основал задолго до эмигрантского исхода «первой волны». При ней постепенно сформировался русский архив из эпистолярного наследия россиян-эмигрантов. К началу Второй мировой войны он обогатился трудами ученых, проживавших не только в Белграде, но и других европейских городах. Если во время войны библиотека оказалась разорена, то архив остался нетронутым и в послевоенное время перекочевал в СССР. В рамках «русской акции» в Праге чешское правительство основало Русскую (с 1927 г. Славянская) библиотеку. Ее базу составили фонды личной библиотеки русского библиографа и литературоведа В.Н. Тукалевского, переданные им в дар ЧСР.

Работники библиотек приняли участие в Международном съезде библиотекарей 1927 г., поддерживали связи с библиотечными и библиографическими мировыми центрами, Государственной центральной книжной палатой СССР. Библиотеки Зарубежья не только играли структурообразующую, просветительскую роль, но и выполняли функцию накопления исторической памяти.

Повседневная методичная работа по созданию пространства исторической памяти, творческая деятельность эмиграции вели к образованию культурного пласта, который неизбежно должен был осесть в архивах. И чем явственнее осознавалась нелепость «сидения на чемоданах», тем актуальнее становилась задача его сохранения, создания собственного архивного хранилища, где сосредоточились бы материалы не только по истории эмиграции, но и России в целом.

В ЧСР, где правительство оказывало существенную финансовую поддержку русским беженцам, сложились крупнейшие эмигрантские архивные и музейные собрания. 17 и 19 февраля 1923 г. постановлением комитета Земгора был образован *Русский заграничный исторический архив*, как учреждение при культурно-просветительном отделе пражского Земгора в составе его библиотеки, но финансирование осуществлял МИД Чехословакии. Своей задачей Архив русской эмиграции провозгласил собиране, хранение, систематизацию и научную обработку материалов по истории России и входящих в нее народов при соблюдении «аполитично-объективного» принципа деятельности архива, «в строго научных рамках, далеких от какой-либо партийности»¹⁰². Для ее осуществления

было сделано сообщение об образовании Архива российской эмиграции в эмигрантских газетах и журналах в Праге, Берлине, Белграде, разослана информация правлениям эмигрантских российских организаций, осуществлена их регистрация. Видные российские общественные и политические деятели получили письма с ходатайствами о возможности передачи или приобретения их архивов. Выявлялись сведения о наличии исторических документов. Многие газеты и журналы эмигрантских организаций включили архив в список учреждений, которым высылались обязательные экземпляры издаваемых материалов. Эффективную работу вели постоянные корреспонденты и представители архива в Европе, Азии, Африке, Америке, всего в 44 странах, где проживали эмигранты из России.

Заведующая архивохранилищем белогвардейских и эмигрантских фондов ГА РФ Л.И. Петрушева отмечает, что «в самые трудные для себя годы жизни на чужбине сотрудники РЗИА спасли для России документы большой исторической ценности. Тысячи русских изгнанников доверили Пражскому архиву свои документальные собрания, зная, что они впоследствии окажутся на Родине. Благодаря успешной и кропотливой собирательской деятельности пражских архивистов на полках РЗИА оказались исключительно ценные исторические собрания документальных материалов. Кроме архивов многочисленных эмигрантских организаций, личных фондов известных в России и эмиграции государственных, политических, общественных, военных деятелей, а также видных представителей русской науки и культуры сотрудникам РЗИА удалось собрать уникальные коллекции печатных изданий, фотографий, листовок, плакатов, денежных знаков и рисунков. Между тем, собирание буквально по крупичам документальных памятников истории и культуры России и русской эмиграции является, возможно, наиболее ярким свидетельством духовности русской эмиграции, ее роли в сохранении национального единения в изгнании, сохранении традиций русского народа»¹⁰³. Архив гордился почти полной коллекцией книг и брошюр по вопросам политики, идеологии, быта российской эмиграции, сосредоточил газеты и журналы с 1918 по 1945 г., значительную долю материалов, выходивших на территории России (особенно в период революции 1917 г. и Гражданской войны).

В 1924 г. было разработано положение об архиве, который переименовали в Русский заграничный исторический архив в Праге. Со временем (к концу 1925 г.) были сформированы органы управления архива. Во главе стоял Научный совет, который выбирал управляющего (позднее директора) архива. Первым управляющим РЗИА был В.Я. Гуревич, занимавший эту должность до 1928 г., впоследствии эту должность занимал В.Г. Архангельский.

В состав Научного совета РЗИА в разное время входили такие известные историки и общественные деятели как проф. А.А. Кизеветтер, проф. Е.Ф. Шмурло, проф. В.А. Мякотин, проф. А.В. Флоровский, проф. С.В. Завадский, генерал В.В. Чернавин, Н.И. Астров, В.Г. Архангельский, кн. П.Д. Долгоруков, В.Л. Бурцев, И.М. Брушвит, С.Н. Николаев, проф. Я. Славик, В.Я. Гуревич, Ф.С. Мансветов, Н.М. Михайлов, Ф.С. Сушков, Г.И. Шрейдер, проф. А.Н. Фатеев. Первым председателем Совета стал проф. А.А. Кизеветтер, который занимал этот пост до своей смерти в 1933 г. С 1933 г. по 1935 г. председателем был профессор С.В. Завадский, в 1935 г. на этот пост был избран проф. А.Н. Фатеев.

В состав Ученой комиссии архива в разные годы входили А.А. Кизеветтер – председатель, В.Г. Архангельский, В.Я. Гуревич, А.Ф. Изюмов, Е.Ф. Максимович, В.А. Мякотин, С.Н. Николаев, Н.И. Астров, С.Г. Пушкарев, П.Н. Савицкий, В.В. Саханев, А.В. Флоровский, В.В. Чернавин, Е.Ф. Шмурло¹⁰⁴. Ученая комиссия выполняла экспертные функции, давала заключения по вопросам предоставления документов и печатных изданий для исследовательской работы. С 1929 г. началась издательская деятельность архива.

В РЗИА были созданы книжно-журнальный, газетный отделы, отдел печатных изданий, отдел документов. Свое собрание архив оценивал как «Русскую книжную палату» за рубежом¹⁰⁵. Здесь сосредоточились сведения о деятельности академических организаций, студенчества, церкви, воинских формирований, информация о быте и материальном положении эмигрантов и т. д. В 1924 г. РЗИА занимал две комнаты в Тосканском дворце и при переезде на Малую Страну его материалы уместились на одной подводе. После ряда перемещений архив вернулся во дворец уже на 80 возах. Заведующий библиотекой Русского заграничного исторического архива, где

сосредоточилось около 100 тыс. наименований книг и журналов (эмигрантские издания были представлены полностью), С.П. Постников в 1923 г. стал одним из организаторов, членом библиографической комиссии Комитета русской книги. В 1924 г. он принял участие в издании и редактировании библиографического указателя «Русская зарубежная книга» с разделами по истории, географии, о революции, Гражданской войне.

Музы в изгнании

Аккумулируя ту часть культурного богатства, которая оказалась невостребованной коммунистической идеологией, Зарубежье сохранило значительный пласт русского наследия. Д.С. Лихачев считал, что XX век в истории русской культуры отмечен важнейшими явлениями: необычайным расцветом в первые два десятилетия и ее выходом за пределы России. О том же феномене десятилетиями раньше писал П.Е. Ковалевский. В книге «Исторический путь России» он сыскал место роли эмиграции, указав, что распространение России в XX веке пошло через искусство и, наконец, – через Рассеяние¹⁰⁶.

Парадокс в жизни российской эмиграции заключался в том, что она была разбита и раздроблена на попроще политической борьбы, которая казалась ей наиболее важной, и одержала победу там, где она не чаяла выделиться – на ниве культурной. Зарубежная Россия не только продемонстрировала мощный культурный пласт отечественного национального достояния, который получил мировой резонанс, но и создала на Западе (равно как и на других континентах) свой «остров культуры». П.Н. Милуков указывал на необходимость сохранения эмиграции во имя спасения русской культуры. В передовице журнала «Театр и жизнь» за 1921 г. говорилось: «Иностранцы иронически относятся к нашей политической бездарности, презрительно смотрят на наши бесконечные внутренние дразги, – но когда перед ними явление русского искусства, они невольно покорены и почтительно вспоминают о творческом первородстве России»¹⁰⁷.

Распространенное в Зарубежье мнение о том, что только эмиграция хранит культуру России неоднократно оспаривалось. А.В. Пешехонов считал, что родине нужны культурные силы и политически развитые люди, но обязательно связанные с русской почвой. Иначе они принесут не пользу, а вред. «Без нас не обойдутся... – писал он в статье “Родина и эмиграция”. – Это, в сущности, лежит в основе всех надежд эмиграции на возвращение ее в Россию... Я думаю, что это глубокое заблуждение»¹⁰⁸. С его точки зрения, если эмигрант чувствует себя русским, но не сливается (не может слиться) с другим народом, то его место в России. Если способен ассимилироваться, тогда – это твое право – оставайся за границей. Музыкальный критик П.П. Сувчинский («тайная ось русской культуры», как называл его поэт В.М. Козовой), один из основоположников евразийства, был убежден, что эмиграция как целое, как часть русской культуры не способна была к усвоению новых ценностей, к выработке новых ценностных критериев, что культура могла заостенеть в повторении затверженных азов так называемой «духовности».

Действительно, в культуре Зарубежья принято выделять две основные тенденции: стремление сохранить самобытность, русскую душу, что частично сдерживало ее развитие, ибо любое отклонение расценивалось как предательство русскости, с одной стороны, и, с другой – желание подготовиться к возвращению в Россию с определенным культурным и научным багажом, не только вывезенным из России и сохранным по мере возможностей в эмиграции, но и приращенным и обогащенным мировым опытом и наследием. Журнал «Жар-птица», выходивший в Берлине, в № 12 за 1923 г. писал: «... эмигранты накладывают свою печать на окружение. Искусство их не только сохраняет некую упорную и заостренную самобытность, оно кристаллизуется, костенеет, сохраняя свои свойства, оно не развивается. Часы их остановились с мгновения их ухода из России».

Узнавание России началось с балета, а точнее еще с дягилевских «русских сезонов» и доносилось на языке пластики. *Балет* занял совершенно исключительное место в истории российской диаспоры. Он не только положил начало триумфальному шествию русской культуры, но и всемирному возрождению балетного искусства. К концу XIX в. утвердилось

Тамара Платоновна Карсавина

мнение, что балетный театр изжил себя. Даже в странах с давними балетными традициями (таких как Италия, Франция), он перестал пользоваться популярностью. Там, где знали балет по гастролям иностранных трупп (например, Англия, США), почти забыли о существовании этого вида искусства. Кое-где балет выродился в феерию, переключался в мюзикхолл. Лишь в России балет остался живым организмом, несмотря на сложные процессы, протекавшие внутри балетного мира. Новое направление в балете, представленное прежде всего балетмейстером М. Фокиным, было связано с «Миром искусства». В рамках императорских театров ему трудно было развиваться, и С.П. Дягилев со своими Русскими сезонами выступил в Париже. Заблестали таланты Т. Карсавиной и А. Павловой.

Но возрождение балета в Парижской Опере началось лишь с эмиграцией крупных балетных сил из России. Были привлечены русские педагоги, выпустилось несколько поколений первоклассных балерин и танцовщиков. Балет обрел самостоятельность, занял подобающее ему место в культурной жизни Франции. После смерти С.П. Дягилева во Франции образовалось несколько балетных коллективов, частично сохранивших его репертуар. Здесь ставили новые балеты балетмейстеры, работавшие у С.П. Дягилева – М. Фокин, Л. Мясин, Б. Нижинская, Дж. Баланчин. Роль двух основных – «русского балета Монте-Карло» и «русского балета полковника Базиля» очень велика как для балета Франции, так и для других стран, тем более что с начала второй мировой войны они работали уже на американском континенте.

Балет в Англии практически всем был обязан С.П. Дягилеву, появившемуся здесь со своей труппой в 1911 г. Он пробудил интерес к этому виду искусства. Но собственные коллективы англичане стали создавать лишь с начала 1930-х гг. В дягилевской труппе в 1926 г. был поставлен первый спектакль, где использовалась английская национальная традиция, англичанином была написана музыка – «Триумф Нептуна» (балетный парафраз старинной английской пантомимы). Англичане появились в труппе с начала 1920-х гг. Таким образом, с С.П. Дягилева начался национальный английский балет. Русские артисты, впервые приехавшие в Англию с труппой С.П. Дягилева и позднее обосновавшиеся там – Т. Карсавина,

ставшая вице-президентом английской Королевской академии танца, Л. Лопухова – активно участвовали в работе первых английских трупп, одна из которых сейчас носит название Королевского балета Великобритании. Собственные балеты английские хореографы создавали на основе русских традиций, но в национальном духе.

Праздником русского балетного искусства в Праге стали гастроли Романтического балета и дягилевского балета. С колоссальным успехом прошли концерты А. Павловой и Т. Карсавиной, которые стали событием как для русской, так и для чешской публики. На сцене Народного театра в Праге работали Е. Никольская и Р. Ремиславский. Они выступали не только в качестве главных исполнителей и постановщиков спектаклей, но положили много сил и таланта на создание чешского балета, дали дорогу в балетное искусство многим артистам, воспитывая их на традициях русской классической балетной школы.

В США труппа С.П. Дягилева появилась позже, чем в большинстве стран Европы, но влияние имела не меньшее. В 1919 г. школу здесь открыл М. Фокин, и с 1922 г. начались выступления его учеников. Одна из первых американских трупп создана М. Мордкиным. Этими балетмейстерами культивировался классический танец. В 1930-х годах стали возникать самостоятельные балетные коллективы в США. В 1938 г. в Лос-Анджелесе собственную балетную школу открыла Б. Нижинская.

Исключительное значение имел дягилевский балет и труппы, возникшие на основе дягилевской в 1930-е гг., для развития балета в странах Латинской Америки.

С.П. Дягилев, чьим именем названа площадь в Париже и памятник которому поставлен в Монте-Карло, не только реабилитировал хореографический театр, раскрыл иностранцам разнообразие русской культуры в трех ее проявлениях: танце, живописи, музыке, но и возродил и даже основал балетное искусство за рубежом. Он показал миру Россию в ее художественном преломлении, вывел на театральную сцену целый ряд интересных живописцев, музыкантов, которые стали равноправными участниками русского театра. С.М. Лифарь продолжил его дело. Во время пребывания в СССР он подарил Пушкинскому Дому часть раритетов из коллекции С.П. Дягилева. С.М. Лифарь стал автором двух десятков книг о балете, создателем Парижского института хореографии (1947), Уни-

верситета танца (1957), с 1955 г. читал курс истории и теории танца, основал кафедру хореографии в Сорбонне, был избран членом Академии изящных искусств (1968), многих комитетов, жюри, учредил дипломы А. Павловой, В. Нижинского.

Большим успехом пользовались вечера русского балета в Эстонии, которые проводили балетная студия Е.В. Литвиновой (1877–1945), бывшей артистки Мариинского театра, участницы фокинских постановок, и Г. Чернявской. В 1925 г. в Ригу приехала А. Федорова, бывшая солистка Императорского Мариинского театра в Петербурге. Она стала балетмейстером Латвийской оперы, вела частную студию, поставила в Риге 18 балетов.

Свет русских балетных школ раскинулся по всем странам мира. Б.Г. Романов стал главным балетмейстером Королевского оперного театра в Риме, В.Б. Коралли – балетмейстером Королевского оперного театра в Бухаресте и т. д. На о. Мальта существовала «Русская академия танцев» кн. Путятиной-Табонэ, русский балет проник даже на маленький остров Лали в Зондском архипелаге, где предприимчивый сибиряк В. Климанов создал школу и модернизированную труппу из местных босоножек-весталок, обслуживающих языческие храмы¹⁰⁹.

В зарубежном русском балетном искусстве проявились парадоксальные сюжеты. За границей сохранили значительно больше балетов М. Фокина, чем в России. Многие страны получили русскую классику из рук англичан. Несомненное влияние на советское балетное искусство оказал Дж. Баланчин (с 1933 г. проживавший в США), создавший новый тип балета, обогативший его лексику. Приезд труппы Баланчина из США в СССР (1962, 1972) стал поворотным моментом в развитии советского балета. Волна русского влияния прокатилась по всему миру, и возвратилась значительно обогащенным то, что Россия дала когда-то Западу.

Глубокий след в культурной жизни эмиграции оставила русская опера и *музыкальное искусство*. Только в Париже было создано несколько оперных театров: Частная опера М.Н. Кузнецовой-Масснэ, Русская опера кн. Церетелли, Оперы К. Агренева-Славянского. О масштабах и значении Русской оперы свидетельствует то обстоятельство, что дирекция театра пошла на организацию собственной обширной костюмерной мастерской с десятками работниц-рукодельниц, где по эскизам

И. Билибина, К. Коровина и других известных художников шились костюмы не только для оперных и балетных солистов, но и для всего хора (60 человек) и всего балета (40 человек), хотя обычно театральные костюмы брались напрокат. Артисты предпочитали ставить русский репертуар: «Князь Игорь», «Борис Годунов», «Пиковая дама», «Евгений Онегин», «Хованщина», «Снегурочка», «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Щелкунчик», «Раймонда» и др.

Немало русских эмигрантов прошло превосходную школу в Пражской консерватории. Известная русская пианистка Е.М. Покровская занималась преподавательской деятельностью, обучая фортепьянной игре чешских и русских исполнителей, она дала пять сольных концертов в Пражской опере и Пражской филармонии. В лучших концертных залах Праги и других городов страны с большим успехом выступали многие русские артисты, как жившие в Чехословакии, так и приезжавшие на гастроли – Н.Р. Вирен-Рейман, С.И. Тимашова, А.Д. Александрович, О.П. Германова, А.П. Свечинская, Н.Л. Варенова. Дважды с гастролями приезжал Ф.И. Шаляпин. Огромную роль в музыкальной жизни Праги сыграл хор им. А.А. Архангельского, созданный еще в 1921 г., руководителем которого был приехавший из Петрограда А.А. Архангельский. В составе хора было 120 человек, его выступления пользовались огромной популярностью. В Праге существовали также Русский церковный хор при храме Св. Николая, Хор кружка Друзей русской музыки, Казачий хор под управлением В.А. Левицкого, Ученических хор при Русской реальной гимназии. С Прагой связана творческая деятельность Донского хора имени атамана Платова под управлением Н.Ф. Кострюкова. Гастрольные поездки хора принесли ему мировую известность¹¹⁰.

Русская музыка и пение подчиняли своей чарующей власти весь мир. В среде эмиграции находились такие музыканты и композиторы, как А.К. Глазунов, А.Т. Гречанинов, С.А. Кусевицкий, Н.К. Метнер, И.Ф. Стравинский, Н.Н. Черепнин... С.В. Рахманинов в 1917 г., вскоре после социалистической революции, с семьей покинул Родину, жил в Европе, в Америке, много концертировал как пианист и дирижер и гораздо меньше писал, словно разлука с родиной лишила его животворящего источника. Славу русского вокального искусства создавали

М.М. Куренко, А.И. Мозжухин, Ф.И. Шаляпин и др. Смена прославленным русским артистам готовилась в собственных консерваториях и музыкальных школах.

Вне конкуренции был Ф.И. Шаляпин, собиравший самые большие аудитории. Еще до эмиграции, в 1918 г. он первый из деятелей искусств был удостоен звания народного артиста Республики. Весной 1922 г. певец не вернулся с гастролей. Он объездил почти все страны мира и всюду пользовался неизменным успехом. Через пять лет после оставления отечества Ф.И. Шаляпин был лишен советским правительством звания народного артиста, ему в вину вменили помощь российским эмигрантам. В ответ певец заявил: «Я стыжусь за мою страну. В начале революции большевики ограбили меня. Затем в течение 5 лет я пел для русского народа. Мне ничего не платили. Жить было невозможно, я поехал петь за границу. Большевики меня упрекали, что я пожертвовал 5000 фр. в пользу русских безработных в Париже. Меня не интересовали политические убеждения нуждающихся. Я дал им деньги на хлеб. Они там, в России, совсем с ума сошли»¹¹¹. В 1935 г. артист был избран членом Королевской Академии музыки в Париже. После его смерти (апрель 1938 г.) в Париже были устроены национальные похороны – случай исключительный для Франции. Обычно эта высшая честь оказывалась только французским национальным героям и маршалам. Похороны привлекли массу людей. Отпевали певца в храме на рю Дарю. После отпевания процессия остановилась напротив Опера и были произнесены торжественные речи. Пятьдесят лет спустя, усилиями С.М. Лифаря, на стене дома, где жил и умер Ф.И. Шаляпин, была открыта памятная доска.

За рубежом России оказались талантливые представители и русского *драматического театра*. Театр являлся отдушиной, местом, где можно было уйти от реальности, жить другой, придуманной, а не нищенской и многотрудной жизнью. До становления профессионального театра возникали самодеятельные труппы, которые ставили спектакли как для взрослых, так и для детей.

Русский театральный мир пострадал в результате эмиграции меньше, чем художники и литература¹¹². В России остались значительные артистические силы. Как в России, так и за границей в 1920-х гг. наблюдался пестрый калейдоскоп самых

разных по направлению, художественной установке и качеству театральных представлений. Шли поиски новых форм и содержания. Вместе с тем в составе эмигрантских драматических трупп преобладали представители консервативных тенденций; авангардный театр, занявший после революции лидирующие позиции в России, появился в эмиграции позже. В этот период не было строгого разграничения между эмигрантскими культурными деятелями и приехавшими из России. В Берлине они встречались в Доме искусств, в Париже – в редакциях журналов и газет, в литературных кафе, в ателье художников, на театральных репетициях, на «русских вечерах» разных культурных и общественных организаций. Многие театральные деятели 1920–1930-х гг. принадлежали как советскому, так и зарубежному театру.

Продолжился «золотой век» Русского театра в Риге. Созданный в 1883 г., он возобновил свою деятельность уже в независимой Латвии в 1921 г. благодаря М. Муратову, бывшему актеру Московского Малого театра и А. Гришину, бывшему директору Большого драматического театра в Петрограде, которые стали в 1921–1925 гг. антрепренерами театра. На сцене выступали А. Толстой, А. Аверченко, Н. Тэффи и др. Широкой популярностью театр пользовался не только в стране, но и за рубежом. Специалисты утверждают, что он стал лучшим русским драматическим театром Западной Европы, имел очень богатый репертуар и, главное, – был единственным постоянно действующим русским театром в русском Зарубежье с 1920 по 1940 г. В нем гастролировало множество русских актеров, с 1932 по 1934 г. работал Михаил Чехов, имя которого позже стал носить театр.

Впервые в 1920-е гг. постоянный русский театр формируется в Эстонии (до Первой мировой войны были выступления лишь гастрольного типа). В конце 1918 г. в Таллинне оказалось довольно много актеров из России, правда, из числа малоизвестных. Они и образовали Русский театр (1918 г.), Новый русский драматический театр (1920 г.). Центрами русской театральной жизни стали Таллинн, Нарва, Тарту. Много русских преподавателей работало в Высшей музыкальной школе (консерватории), основанной в 1919 г. в Таллинне. В 1920 г. здесь на гастролях был Ф.И. Шаляпин. Кроме профессиональных в Эстонии действовали русские самодеятельные хоры,

оркестры, драматические кружки при культпросветобществах, школах, гимназиях, церквях. Были сильные русские церковные хоры, например, хор таллиннского Александро-Невского собора, созданного в 1919 г. местным меценатом купцом А.И. Соколом.

Театральными центрами стали Берлин и Париж, где этот вид искусства был неотъемлемой частью культурной жизни русского мира. Большинство театральных коллективов могли продержаться лишь 1–2 сезона. Особенно много их возникало в начале 1920-х гг. Костяк зрителей составляло русскоязычное население. Лишь со временем, когда сформировался и зарекомендовал себя профессиональный русский театр за рубежом, театральные залы пополнились местной публикой. Кроме того, французские режиссеры стремились в постановках русской классики занимать русских актеров, считая, «что само звучание роли на русском языке или с русским акцентом поможет французскому зрителю создать верное представление о характере Достоевского или Чехова»¹¹³.

Русский театр начала 1920-х гг. в Берлине в форме кабаре и камерной сцены переживал один из самых увлекательных периодов своей истории. Один за другим появлялись «Карусель» под руководством антрепренера Б. Евелинова, «Ванька-Встанька» поэта Н. Агнивцева, «Синяя птица» Яши Южного, «Кикимора» С. Вермеля, «Романтический театр» под руководством танцовщиков бывшего Мариинского театра Б. Романова, Е. Смирновой, А. Обухова, «Маски» актера Б. Неволлина и писателя-сатирика Л. Мунштейна, известного под псевдонимом Лоло, труппа В. Шумского – Л. Потоцкой, русская антреприза М. Бран, Русский художественный передвижной театр В. Гайдарова и О. Гзовской, театр Е. Полевицкой и И. Шмидта. Гастроли труппы Е.А. Полевицкой и ее мужа И.Ф. Шмидта в Болгарии неизменно привлекали внимание не только публики, но и организаторов театрального дела. О Елене Александровне газеты писали, что она «бесподобна», «ангел», «солнечный луч изящного искусства»¹¹⁴.

В Берлине произошел раскол труппы Московского Художественного театра и образование заграничной группы МХТ под руководством одной из ведущих актрис М.Н. Германовой (с 1929 г. П.А. Павлова). В 1922 г. в Берлине возникла русская актерская биржа. Событием огромного значения стало издание

Елена Александровна Полевицкая

специального театрального журнала, освещавшего вопросы профессиональной жизни русских актеров в эмиграции и пропагандировавшего русское сценическое искусство за рубежом, «Театр и жизнь» (с № 11 за 1922 г. – «Театр»), который позже перекочевал в Париж. В 1925 г. образовался Союз сценических деятелей.

Особенно популярной была «Синяя птица», синтезирующая достижения русского искусства в различных жанрах. Устав от политики и повседневности, русские беженцы уходили в кабаре от реальной действительности к веселому самозабвению в музыке, красках, игре¹¹⁵. Берлинские кабаре служили своеобразными культурными центрами, местом встреч для тысяч бездомных и тоскующих по родине русских. На первый план выступала не столько эстетическая функция театра, сколько коммуникативная.

Берлин сохранял звание театрального центра относительно недолго, перекочевав вслед за эмигрантами, т. е. за зрителем, в Париж.

Одной из самых долговечных была Пражская группа Московского художественного театра (МХТ), отколовшаяся в смысле географическом, но не по духу. Театр вел кочевой образ жизни, и пребывание в Праге было настолько продолжительным и успешным, что название «Пражской группы» за ним осталось во всех его переселениях. Гастролируя по всей Европе (Румынии, Германии, Англии, Бельгии, Балканам, Польше, Франции), группа создавала сильную конкуренцию местным эмигрантским театрам. В Югославии она имела настолько горячий прием, что правительство назначило Пражской группе МХТ субсидию. Репертуар и высокопрофессиональная актерская игра гарантировали хорошие сборы.

Русские театральные труппы в Белграде находились в трудном положении. Они не имели собственной сцены и вынуждены были переезжать из помещения в помещение, заняв лишь в 1933 г. концертный зал Русского Дома им. Николая II. Наиболее жизнеспособными оказались Русский драматический театр во главе с актрисой Ю. Ракитиной и Русский общедоступный драматический театр, выросший из любительских спектаклей, во главе с А. Череповым, постановщиком и талантливым актером. В труппу вошли и талантливые актеры сербских профессиональных театров: М. Ведринская, П. Павлов, В. Греч,

Н. Массалитинов, Е. Краснопольская. Перед началом войны А. Черепов уехал из Белграда и его сменил О. Миклашевский. После оккупации города русская театральная жизнь замерла, возродившись вскоре в Русском театре союза театральных деятелей.

Еще одним много гастролирующим театром стала «Летучая мышь» Н.Ф. Балиева, основанная в Москве в 1908 г. Несмотря на часто обновляющийся состав, труппа была очень слажена, отлично вживалась в разнообразие эпох, костюмов, настроений. Н.Ф. Балиев начал свою заграничную карьеру во Франции. Ввел много французских номеров. С 1924 г. начался его американский сезон. Театр посетил Вашингтон, Бостон, Филадельфию... Программа театра была исключительно русской, хотя спектакли игрались на языке принимающей страны, а приветственную речь Н.Ф. Балиев произносил на английском языке, обыгрывая свое плохое знание языка. В конце 1929 г. театр пригласили в Голливуд для съемки музыкального фильма.

Параллельно с русским «постоянным» театром имели место гастрольные и даже одиночные представления артистов. Некоторые принимали участие в иностранных антрепризах, переходя на иностранные языки (по словам О.К. Чеховой, Берлин не нуждался в русских актерах, не говорящих по-немецки), чтобы иметь постоянную публику и успех, кто-то основывал собственный театр. Так, свой театр основала Т. Павлова, осевшая в Италии и возглавившая здесь театральное дело. Знание иностранного языка помогало актерам не только найти работу, но и расширить поле применения своих знаний и опыта (например, в педагогической деятельности), адаптироваться к инокультурной среде.

Знаменитой артисткой, которая не желала играть на чужом языке была Е.Н. Рощина-Инсарова. Ее переезд из Риги в Париж в 1926 г. стал праздником для театральной публики, изголовавшейся по высоким образцам драматического искусства. В Париже артистка праздновала 25-летие своей сценической деятельности. Она мечтала создать во Франции настоящий русский театр. И ей это удалось сделать при поддержке кн. Ф.Ф. Юсупова. Свой театр Е.Н. Рощина-Инсарова открыла 15 мая 1928 г.

Собственно драматический русский театр возник во Франции как учреждение постоянное в 1924 г. До этого времени в Париже давались лишь отдельные, нерегулярные, не объединенные определенной дирекцией спектакли. Почин постоянного эмигрантского театра в Париже принадлежит А.И. Хорошавину, человеку высокой культуры, одаренного страстной любовью к сценическому искусству. Правление Союза инвалидов в Париже поручило ему, как председателю театральной комиссии, образовать театр. Он нашел помещение, оборудовал сцену, подобрал труппу. Режиссером был приглашен известный артист В.Д. Муравлев-Свирский (затем И.С. Панютин, И.Э. Дуван-Торцов). Однако старый, «затасканный» репертуар царской России не позволил театру долго просуществовать. В 1925 г. он закрылся¹¹⁶.

Позже в Париже возникали и распались «Театр миниатюр» Ф.Ф. Комиссаржевского, «Зарубежный камерный театр» Б.Н. Эспе, театр Оксинской и Южакова, «Бродячие комедианты» (нечто среднее между прославленными в дореволюционное время «Кривым зеркалом» и «Бродячей собакой»), «Объединенные русские артисты», антреприза Е.О. Скокан и Н.Г. Зелич...

Эмигрантскому театру удалось найти свое лицо. Он сочетал в себе дореволюционную российскую традицию (особенно в начале 1920-х гг., что вылилось в деятельность гастрольного типа), выступив в роли популяризатора русской театральной культуры, опыт советского театра и лучшие достижения зарубежного театрального искусства, став посредником между театрами разных стран.

Театр как массовое зрелище очень привлекал российских художников. Образно говоря, их слава росла на театральных подмостках. Эта тенденция сохранилась и в эмиграции. Россию покинуло много художников, прежде всего тех, кто не мог творить левое искусство. Главными причинами было отсутствие свободы творчества, нежелание исполнять социальные заказы, «пролетаривать» искусство и, следовательно, потеря рынка. Государственные закупочные комиссии скупали произведения левых художников, независимо от качества, давая им возможность получить паек и включиться в культурную жизнь страны. Большинство дореволюционных живописцев лишились своих заказчиков. С наступлением нэпа у определенной прослойки населения появилась возможность покупать

произведения искусства, не случайно в этот период художественная эмиграция ненадолго прекращается. Ситуация изменилась после смерти В.И. Ленина. Чем быстрее умирал нэп, тем быстрее нарастала эмиграционная волна, завершившаяся отъездом С. Чехонина в 1928 г.¹¹⁷

Оригинальные и передовые явления в живописи, особенно театральной, были тесно связаны с «русским стилем», который на первоначальном этапе существования эмиграции казался новаторским, а, с точки зрения иностранного зрителя, специфически-национальным. Тщательно сберегаемый этот стиль, отвечавший запросам русской публики за границей, представлениям иностранного зрителя о русской душе, со временем стал подавлять дальнейшие художественные поиски и приводил к повторениям. Только уйдя от «русского стиля», художник мог продолжать развиваться. Примером тому может служить творчество П. Челищева, ставшего художником-абстракционистом.

Немногим художникам удавалось заниматься в области «чистого искусства». Вынужденные братья за любую работу, чтобы добыть средства на жизнь, мастера кисти подчас не могли купить холст и краски. Приходилось преподавать в гимназиях, оформлять вывески и знаки фирм, а также дома культуры, библиотеки, школы к различным праздникам, подрабатывать на Севрской мануфактуре по производству фарфора во Франции, где выпускали художественные предметы по рисункам русских художников, в Софийской Торгово-индустриальной палате в качестве маляров, в больших ателье, создававших дамские моды, на фабриках шелковых тканей, на обойных, кукольных, игрушечных, по раскраске всевозможных кустарных изделий, в кинематографе, в театре. А. Бельцова стала виднейшим представителем кубизма и арт-деко в Латвии, одним из основателей национальной школы росписи фарфора. Декорации русских художников стали явлением значительным для мировой культуры.

За рубежом имя А. Бенуа, обогатившего сценическое искусство тончайшей поэзией, стало легендой; Н. Гончарова и М. Ларионов положили начало интересному направлению, известному под названием «лучизм», вместе с другими художниками они оказали влияние на ювелирные изделия, моду, сценографию; С. Судейкин прославился созданием декораций

в Метрополитен-Опере (США) на сюжеты многих русских опер, Е. Ващенко – в Кооперативном и в Народном театрах Болгарии; Н. Ремизов проявил себя в Голливуде...

В начале 1920-х гг. многие художники расселились в приграничных и славянских странах. В Латвию из Советской России эмигрировала целая плеяда русских художников. Академики бывшей царской России Н. Богданов-Бельский, С. Виноградов, К. Высоцкий организовывали в Риге свои частные художественные студии, воспитывали своих учеников, устраивали выставки. В Югославии уже в 1921 г. возникла русская художественная студия, расположившаяся в белградском Офицерском доме. Семь лет спустя было основано Русское художественное общество и открыта первая выставка 28 русских художников. После двухлетней подготовки Общество организовало Большую русскую выставку, в которой приняли участие 100 российских живописцев и скульпторов.

Более 50 художников проживали и творили в Болгарии. В целях развития и поддержки русского национального искусства, защиты профессиональных интересов примерно половина из них к 1930 г. объединились в Общество русских художников. С начала деятельности по 1945 г. Общество организовало семь выставок. Правда, число их участников было невелико. Несмотря на то, что Общество не стало авторитетной организацией и некоторые художники вступали в профессиональные объединения болгарских мастеров, оно сыграло свою роль в поддержке своих членов и пропаганде русского искусства.

Постепенно центром становится Париж. Наиболее влиятельной организацией, обнимающей значительную часть эмигрировавших российских и советских художников, был Союз русских художников в Париже. Союз был образован в 1921 г. и насчитывал 130 человек. Он организовал чествование Московского Камерного театра, В. Маяковского и др. В 1925 г. общим собранием союза была принята платформа советской власти, после чего группа, возглавляемая художником Ф. Малавиным, покинула союз. Члены организации (М. Ларионов, Н. Гончарова, Ю. Анненков и др.), поддерживали связи с представителями советского искусства, оказывали материальную и моральную поддержку коллегам на родине и за рубежом.

Довольно много русских художников было в Эстонии. В Таллинне в 1920 г. состоялись персональные выставки

В.А. Чернова, А.Д. Кайгородова. Тогда же в залах городского музея было положено начало совместным выставкам местных эстонских, русских и немецких художников «Агс».

Несмотря на тяжелые материальные условия, русской молодежи удавалось повышать свою квалификацию, учиться в художественных учебных заведениях тех стран, где обосновались: Высшей Школе искусств во Франции и Бельгии, Национальной школе декоративных искусств и Академии изящных искусств в Париже, Государственной Художественной академии в Софии, частных мастерских художников (французов, болгар и др.), парижской мастерской В.И. Шухаева, «Русской школе живописи», основанной в 1929 г. по инициативе Т.Л. Сухотиной-Толстой в Париже. Немало художественных студий и мастерских с преподаванием (в том числе иконописных) открыли русские художники-эмигранты в Китае¹¹⁸. Полноценным учебным заведением, отвечавшим всем требованиям, со своей системой классов, мастерских, производственных практик и регулярной выставочной деятельностью, стал Русский художественно-промышленный институт в Париже (его также называли: Школа прикладных искусств имени С.Г. Строганова, Школа Н.В. Глобы, т. е. по имени основателя, директора Императорского Строгановского художественно-промышленного училища, Институт князя Ф.Ф. Юсупова, т. к. существовал на его щедрые пожертвования, Институт декоративного искусства). Он давал возможность получить образование по специальностям фарфор, шитье, вышивка, ткачество, набойка, батик, роспись по тканям, искусство гравюры, художественное литье, скульптура, иконопись и др. За время работы Института его окончили более 200 человек¹¹⁹. Если школа Яковлева и Шухаева придерживалась академического направления, то этот Институт – декоративно-прикладного искусства. Специалисты выделяют еще третье художественное направление – «мирикусническое» (школы Билибина и Добужинского).

Важную, ценную часть культуры русского зарубежья составили произведения русских зодчих за рубежами России и *архитектура* российской диаспоры. За границей оказалось около 400 зодчих россиян¹²⁰.

Роль архитектуры как среды жизнедеятельности значительно возрастает вне пределов отечества, она становится существенной составляющей жизни и культуры русского человека, оторванного от родной страны. Это – материальное

и одновременно духовное наследие родины, пересаженное на новую почву. Отсюда повышенная требовательность к образности, специфике и оригинальности передачи национального колорита. Профессиональная печать 1920-х гг. призывала проектировать в «русском» стиле и таким образом знакомить западноевропейский и восточный мир с русской культурой. Призыв реализовался в церковных сооружениях, а для гражданской архитектуры стал скорее исключением (детский приют «Русский дом», «Розовая школа» в Харбине, пансионат для русских девочек Брюнелли в окрестностях Парижа, гостиница «Москва» в Белграде и др.)¹²¹.

Творчество архитекторов за рубежом затруднялось по ряду причин: 1) для занятия практическим проектированием необходимо было иметь лицензию или иные разрешительные документы, 2) в архитектуре сложнее, чем в других видах искусства происходит адаптация к среде, 3) конкуренция с местными мастерами, 4) частые правовые ограничения, затрудняющие идентификацию, атрибуцию, выявление авторства, стилевых влияний и пр. Поэтому для развития русской архитектуры более благоприятные условия сложились в странах, где ощущалась нехватка собственных кадров (Югославия, Болгария), и в тех областях, где русский стиль являлся неременным атрибутом (например, строительство русских храмов, церквей).

По проектам российских мастеров были построены православные соборы и церкви, сооружения гражданского назначения в Болгарии, Сербии, ЧСР, Греции, Палестине, Восточном Китае и других странах. Генеральный план Белграда, получивший награду на Парижской выставке (1925 г.), был создан русским инженером Ю.П. Ковалевским. Он сделал также проекты здания Студенческого дома в Белграде, построенного на средства короля Югославии, ряда других зданий не только столицы, но и провинциальных городов Югославии¹²².

Русская архитектура тесно связана с именами профессора В.А. Брандта, Н.П. Пашковского, С.Г. Клодта, которые в Праге осуществили строительство храма-часовни на Ольшанском кладбище, Успенский храм возведен в традициях древнего русского церковного зодчества.

В Тегеране по проектам русского архитектора Н.Л. Маркова были построены Министерство финансов, Военное министерство, Министерство юстиции, Медицинская школа при Тегеранском университете, Педагогический колледж, Сель-

скохозяйственная школа, в традиционно персидском стиле созданы здания старого муниципалитета, Альборц-колледж, школа Жанны д'Арк, сахарорафинадные заводы Варамин и Карадж. По канонам классической европейской архитектуры построены Певческая капелла на улице Саади, первый выставочный зал в Тегеране с большими зеркальными окнами, здание итальянского посольства, дом Гарагозла на улице Арбаб-Джамшид, дом Набави в Поле Руми¹²³.

Помимо непосредственного участия в средообразовательной деятельности русские архитекторы подготовили и воспитали несколько поколений местных мастеров, способствовали выходу зодчества Болгарии, Югославии, Румынии, Чехословакии на мировой уровень, внедрению новых стилевых направлений при сохранении культурных традиций и самобытности.

Своим творчеством русское Зарубежье показало (и доказало) невозможность духовного разрыва с родиной. Жизнь на стыке миров рождала необычайную насыщенность и напряженность духовной и художественной деятельности. Сложные условия конкуренции, инациональная среда не привели к вырождению, хотя любая культура не способна развиваться без почвы, без корней. Видимо, русскому Зарубежью 1920-х гг. удалось унести часть той почвы, на которой может развиваться культура. В «Слове о Родине» Б.К. Зайцев рассуждал о том, что, дома, до эмиграции, у просвещенного слоя специально не воспитывалось чувство России, в пример всегда ставился Запад. И лишь в изгнании с ясностью ощутилась «связь истории, связь поколений и строительства и внутреннее их духовное, ярко светящееся, отливающее разными оттенками, но в существе своем все то же, лишь вековым путем движущееся: свое, родное»¹²⁴. Не случайно И.Я. Билибин писал из Каира: «Я стал более ярым националистом, чем когда-либо, насмотревшись на всех этих носителей культуры – англичан, французов, итальянцев и пр.»¹²⁵

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под «денационализацией» имеется в виду угроза и реальные явления утраты личностных установок на сохранение национальной иден-

тичности, языка, культуры и принятие под давлением условий социальной среды социокультурных ценностей страны проживания.

² Вестник Русского национального комитета. – Париж, 1923. № 7. С. 31; ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 59. Л. 32.

³ Дети русской эмиграции. Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники. – М., 1997. С. 8.

⁴ ГА РФ. Ф. 5765. Оп. 1. Д. 59. Л. 2. Письмо М.М. Федорова И.Н. Ефремову от 5 декабря 1922 г.

⁵ ГА РФ. Ф. 5760. Д. 64. Л. 4.

⁶ ГА РФ. Ф. 5760. Д. 64. Л. 7, 1об.

⁷ ГА РФ. Ф. 5760. Д. 15. Л. 4, 25, 26.

⁸ ГА РФ. Ф. 5765. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–3.

⁹ ГА РФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 539. Л. 14.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 16. Л. 100.

¹¹ ГА РФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 539. Л. 17.

¹² См. подробнее: *Волошина В.Ю.* Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории». Омск, 2010. С. 108–122.

¹³ ГА РФ. Ф. 5765. Оп. 1. Д. 2. Л. 24–28.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 539. Л. 2–3.

¹⁵ В дореволюционный период функция утверждения результатов диссертационных испытаний с 1864 г. находилась под юрисдикцией Советов университетов. Сохранение института научной аттестации в эмиграции было тем более символично, что в Советской России он был ликвидирован декретом СНК РСФСР от 1 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской Республики», а ученые степени и звания отменялись (всем преподававшим в университетах и институтах не менее трех лет присваивалось единое звание «профессор», прочим – «преподаватель») // *Иванов А.Е.* Ученые степени в российской империи. XVIII – 1917 г. – М., 1994. С. 183.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 5765. Оп. 2. Д. 706. Л. 113.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 5765. Оп. 2. Д. 809. Л. 156.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 5765. Оп. 2. Д. 1007. Л. 78.

¹⁹ Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. С. 105.

²⁰ ГА РФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 539. Л. 14–14 об.

²¹ ГА РФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 539. Л. 15.

²² *Волошина В.Ю.* Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории». – Омск, 2010. С. 120.

²³ Бюллетень № 2 РЗГК. 15 марта 1921. С. 7.

²⁴ Бюллетень № 61–62 РЗГК. 15 июля 1930. С. 3–5.

²⁵ ГА РФ. Ф. 5767. Оп. 1. Д. 5. Л. 90–90об.

²⁶ ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 59. Л. 61.

²⁷ Зарубежная русская школа 1920–1924. – Париж, 1924. С. 266.

²⁸ Совещание по борьбе с денационализацией, созванное педагогическим бюро по делам средней и низшей русской школы за границей. – Прага, 1924. С. 6.

- ²⁹ *Нехорошев Н.И.* Положение русских беженцев в Финляндии // Вестник РНК. 1924. № 10. С. 127.
- ³⁰ ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 16. Л. 86–87.
- ³¹ Русская школа за рубежом. – Прага, 1923. № 1. С. 68.
- ³² *Конецкий П.* К вопросу о преподавании истории в средней школе // Вестник Педагогического бюро. 1928. № 9. С. 2.
- ³³ ГАРФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 258. Л. 5об. – 6.
- ³⁴ *Ильин И.А.* Путь к очевидности. – М., 1993. С. 239.
- ³⁵ ГА РФ. Ф. 5781. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.
- ³⁶ ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 16. Л. 86–87.
- ³⁷ Двуглавый орел. – Берлин, 1922. Вып. 23. С. 37. Цит. по: Русский язык в зарубежной России. – М., 2007. С. 7, 191.
- ³⁸ ЭОС. Двухмесячник юной русской мысли. 1924. № 1. С. 3.
- ³⁹ Русская школа за рубежом. Кн. 5. – Прага, 1924. С. 118.
- ⁴⁰ Русская школа за рубежом. Исторический опыт 20-х гг. Сб. документов. – М., 1995. С. 83.
- ⁴¹ Дети эмиграции. Сб. ст. под ред. В.В. Зеньковского. – Прага, 1925. С. 68. См. также: *Петрушева Л.И.* Дети русской эмиграции. – М., 1997.
- ⁴² ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 419. Л. 2 об.
- ⁴³ ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 418. Л. 1 об.
- ⁴⁴ ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 401. Л. 4.
- ⁴⁵ ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 401. Л. 5 об.
- ⁴⁶ ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 401. Л. 2.
- ⁴⁷ *Горяинов А.Н.* Учебные заведения русской эмиграции в Болгарии // Культура российского зарубежья. – М., 1995. С. 149–151; ГА РФ. Ф. 5767. Оп. 1. Д. 11. Л. 52–53, 62; Ф. 5913. Оп. 1. Д. 418, 419.
- ⁴⁸ ГА РФ. Ф. 5868. Оп. 1. Д. 18. Л. 13.
- ⁴⁹ ГА РФ. Ф. 5868. Оп. 1. Д. 18. Л. 13.
- ⁵⁰ ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 16. Л. 102.
- ⁵¹ ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 401. Л. 3 об.
- ⁵² ГА РФ. Ф. 5868. Оп. 1. Д. 18. Л. 13.
- ⁵³ Русская школа за рубежом. Исторический опыт 20-х гг. Сб. документов. – М., 1995. С. 70.
- ⁵⁴ ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 59. Л. 69.
- ⁵⁵ ГА РФ. Ф. 5771. Оп. 1. Д. 14. Л. 12.
- ⁵⁶ Бюллетень № 61–62 РЗГК. 15 июля 1930. – Париж, 1930. С. 18.
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф. 5781. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.
- ⁵⁸ *Павловская М.А.* Востоковедение в Институте ориентальных и коммерческих наук в Харбине (1925–1941 гг.) // Российская эмиграция на Дальнем Востоке. – Владивосток, 2000. С. 80–88.
- ⁵⁹ Страна Синей птицы. Русские в Бельгии. – М., 1995. С. 290.
- ⁶⁰ Вестник Российской торговой палаты. Лозанна, 1920. № 5. С. 46.
- ⁶¹ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 7. Л. 29, 30, 32 об.
- ⁶² АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/3. Д. 60. Л. 1–1об.
- ⁶³ Студенческие годы. – Прага, 1925. № 3. С. 45.

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 537. Л. 44–44 об. Информационный листок Российского Земско-городского союза помощи российским гражданам за границей № 45. 31 октября 1924 г.

⁶⁵ Предварительные расчеты «Союза российских студентов в Германии» показывали, что на содержание одного студента требовалась существенная сумма: комната – 150–200 марок, освещение, отопление – 5, стирка белья – 30, расходы на платье, обувь – 100, право учения – 400–1500 марок в семестр, учебные пособия – 300–800 марок в семестр // ГА РФ. Ф. 5859. Оп. 1. Д. 23. Л. 15.

⁶⁶ Студенческие годы. – Прага, 1925. № 1. С. 46.

⁶⁷ *Нитобург Э.Л.* Судьбы русских иммигрантов второй волны в Америке // Отечественная история. 2003. № 2. С. 112.

⁶⁸ Студенческие годы. – Прага, 1925. № 1. С. 46.

⁶⁹ *Нитобург Э.Л.* Судьбы русских иммигрантов... С. 112.

⁷⁰ *Батожок И.А.* Русские студенты из Китая в Калифорнии (1920–1923 гг.) // Наука и культура Русского зарубежья. Сб. науч. трудов СПбГАК. – СПб., 1997. С. 143.

⁷¹ О проблеме революции и реформ, белом движении, размышлениях о социализме в исторической мысли Зарубежья см.: *Вандалковская М.Г.* Историческая мысль русской эмиграции. 20–30-е гг. – М., 2009.

⁷² *Пауто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. – М., 1992. С. 13.

⁷³ *Пауто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. С. 239.

⁷⁴ *Арзунов А.* Литературно-издательская деятельность эмиграции // Свободная Россия. – Париж, 1924. № 3. С. 176.

⁷⁵ Русское историческое общество в Праге за девять лет существования. 1925–1934. – Прага, 1934. С. 5.

⁷⁶ Художник М.В. Нестеров подолгу жил в имении кн. Яшвил в Киевской губернии, написал ее портрет (сейчас хранится в Киевской картинной галерее). Дочь Яшвил, Татьяна, послужила моделью для мальчика в знаменитой картине М.В. Нестерова «Видение отрока Варфоломея».

⁷⁷ *Анналы Института им. Н.П. Кондакова.* Т. XI. – Прага, 1940. С. 248.

⁷⁸ *Пауто В.Т.* Русские историки эмигранты в Европе. – М., 1992. С. 264.

⁷⁹ *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. С. 171.

⁸⁰ *Шмурло Е.Ф.* Введение в русскую историю. – Прага, 1924. С. 110.

⁸¹ Там же. С. 125.

⁸² *Струве Г.* Русская литература в изгнании. – Париж–М., 1996. С. 138.

⁸³ *Тхоржевский И.* Русская литература. Изд. 2-е. – Париж, 1950. С. 531.

⁸⁴ Письма Н.И. Петровской к О.И. Ресневич-Синьорелли // Минувшее. Исторический альманах. № 8. – М., 1992. С. 128.

⁸⁵ *Тхоржевский И.* Русская литература. С. 538.

⁸⁶ *Чернышев А.* Четыре грани таланта Марка Алданова // *Алданов М.А.* Истоки. Т. 2. – М., 1991. С. 494–497.

⁸⁷ День русской культуры. Отчет о праздновании «Дня русской культуры» за рубежом в 1925 году / по поручению Педагогического Бюро составил Н.А. Цуриков. – Прага, 1926. С. 68.

⁸⁸ На чужой стороне. 1925. № 10. С. 306.

⁸⁹ День русской культуры. Краткий отчет о праздновании в 1927 году / сост. Н.А. Цуриков. – Прага, 1927. С. 18.

⁹⁰ Кузина Г.А. Значение «Дней русской культуры» в жизни российской эмиграции первой волны // Культура Российского Зарубежья. – М., 1995. С. 52.

⁹¹ См.: Лосский Н.О. Л.Н. Толстой как художник и мыслитель // Современные записки. – Париж, 1928. Кн. 37. С. 234–241; Толстая-Попова Анна. Дедушка Лев Николаевич (Воспоминания внучки) // Там же. С. 242–274; Маклаков В. Толстой – как мировое явление (Речь, произнесенная в Праге 15 ноября 1928 г. на праздновании юбилея Л. Толстого) // Там же. 1929. Кн. 38. С. 224–245 и др.

⁹² День русской культуры. Краткий отчет о праздновании в 1927 году / сост. Н.А. Цуриков. – Прага, 1927. С. 5–7.

⁹³ День русской культуры. Отчет о праздновании «Дня русской культуры» за рубежом в 1925 году / по поручению Педагогического Бюро составил Н.А. Цуриков. – Прага, 1926. С. 28.

⁹⁴ Маклаков В.А. «Русская культура и Пушкин». Речь в день празднования «Дня русской культуры» в Париже 6-го июня 1926 г. в Сорбонне // Маклаков В.А. Речи судебные, думские и публичные лекции, 1904–1926 / с предисл. М.А. Алданова. Издание юбилейного комитета, 1869–1949. – Париж, 1949. С. 217.

⁹⁵ День русской культуры. Краткий отчет о праздновании в 1927 году / сост. Н.А. Цуриков. – Прага, 1927. С. 13.

⁹⁶ Джурич О. Шестьдесят лет Русскому Дому имени императора Николая II в Белграде (1933–1993) // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940. Кн. 1. – М., 1994. С. 60.

⁹⁷ Подробнее см.: Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). – СПб., 2008.

⁹⁸ Аргунов А. Литературно-издательская деятельность эмиграции // Свободная Россия. 1924. № 3. С. 175.

⁹⁹ ГА РФ. Ф. 6065. Оп. 1. Д. 57. Л. 28.

¹⁰⁰ Диаспора. Т. 2. – СПб., 2001. С. 356, 365.

¹⁰¹ ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 16. Л. 136–137.

¹⁰² Павлова Т.Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 20,25.

¹⁰³ Родина. 2009. № 4. С. 56.

¹⁰⁴ См.: Петрушева Л.И. «Русская акция» правительства Чехословакии и эмиграция из России // http://www.rusarchives.ru/evants/exhibitions/minsk_p.shtml#vv

¹⁰⁵ РЗИА при МИД Чехословацкой республики в 1936 г. – Прага, 1936. С. 12.

¹⁰⁶ Ковалевский П.Е. Исторический путь России. – Париж, 1948. Т. I. С. 95.

¹⁰⁷ Цит. по: *Литаврину М.Г.* Русский эмигрант на randеву (к проблеме самосознания русской художественной среды в изгнании) // *Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского зарубежья*. – СПб., 2008. С. 24.

¹⁰⁸ *Воля России*. – Прага, 1925. № 7. С. 123.

¹⁰⁹ *Абданк-Коссовский В.* Русская эмиграция. Итоги за 35 лет // *Возрождение*. 1956. № 52. С. 127.

¹¹⁰ См.: *Петрушева Л.И.* «Русская акция» правительства Чехословакии и эмиграция из России // http://www.rusarchives.ru/evants/exhibitions/minsk_p.shtml#vv

¹¹¹ Цит. по: Рувль. – Берлин, 1927. 19 июня.

¹¹² *Театральная жизнь*. 1993. № 3. С. 1.

¹¹³ *Литаврину М.Г.* Театр русского зарубежья как культурно-исторический феномен (русские драматические труппы и студии в Западной Европе и США: 1920–1940-е гг.). Автореф. дисс.... доктора искусствоведения. – М., 1997. С. 13.

¹¹⁴ Цит. по: *Косик В.И.* Русские краски на балканской палитре. Художественное творчество русских на Балканах (конец XIX – начало XXI века). – М., 2010. С. 119.

¹¹⁵ *Der Blau Vogel*. Berlin. 1922. Vol. 1. S. 11.

¹¹⁶ *Еврешинов Н.* Памятник мимолетному. (Из истории эмигрантского театра в Париже). – Париж, 1953. С. 21–22.

¹¹⁷ *Лобанов-Ростовский Н.Д.* Воспоминания о русских художниках за рубежом // *Записки Русской академической группы в США*. Т. 26. – Нью-Йорк, 1994. С. 63–66.

¹¹⁸ *Астраханцева Т.Л.* Об изучении художественного образования в Русском зарубежье // *Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского зарубежья*. – СПб., 2008. С. 39.

¹¹⁹ Там же. С. 40–42.

¹²⁰ *Марков А.Н.* Архитектор Марков – строитель Тегерана // *Невский архив*. Вып. 2. – М.–СПб., 1995. С. 453.

¹²¹ *Левошко С.С.* Европейская и дальневосточная ветви русской архитектурной эмиграции: параллели и контрасты // *Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского зарубежья*. – СПб., 2008. С. 308–309.

¹²² Подробнее о Ю.П. Ковалевском см.: Альманах. *Русская эмиграция. 1920–1931 гг.* Вып. II. – Белград, 1931. С. 59–60.

¹²³ *Марков А.Н.* Архитектор Марков... С. 454.

¹²⁴ *Русская идея* / сост. и авт. вступ. статьи М.А. Маслин. – М., 1992. С. 375.

¹²⁵ *И.Я. Билибин в Египте. 1920–1925.* Письма, документы и материалы / сост., предисл. и примеч. В.В. Беляков. – М., 2009. С. 31.

6

МЕТРОПОЛИЯ И ЭМИГРАЦИЯ: ДИАЛОГ? КОНФРОНТАЦИЯ?

Лейтмотив взаимоотношений между родиной и эмиграцией в 1920-е гг. определяло противостояние, рожденное Гражданской войной. Произошел раскол (политический, идеологический, духовный) на две России, за каждой из которых стояла своя правда. Одна существовала примерно в географических рамках бывшей Российской империи. Другая – вне границ. И та, и другая считала себя подлинной Россией. Россия Зарубежная жила надеждой на смену власти и возвращение в свои территориальные пределы. Россия Советская добивалась исчезновения Зарубежья. Каждая пыталась идти своим путем, хотя связи, общение, сотрудничество существовали всегда. Совместные литературные и издательские проекты, субсидирование Советами газет и журналов, идеология которых импонировала СССР, научное сотрудничество, выступления в одних научных сборниках, переписка, поездки советских ученых, литераторов за границу и общение с коллегами эмигрантами – все это присутствовало в жизни той и другой России.

Для классово чуждых элементов родина становилась мачехой, и тогда в роли спасительницы выступало Зарубежье. Так, Б.П. Вышеславцев писал в Берлин профессору А.С. Яценко, издателю «Новой русской книги» 5 октября 1922 г.: «Я собираюсь отсюда уехать и слышал, что Вы организуете университет в Берлине. Если да, то имейте меня в виду в первую очередь и берегите для меня кафедру [...]. Если это неверно, то напишите, что Вы могли бы для меня устроить и не мог ли бы я существовать писательством. Однако сведения об этом здесь крайне неблагоприятны. [...] Жизнь здесь физически оч[ень] поправилась, но нравственно невыносима для людей нашего

миросозерцания и наших вкусов. Едва ли в Берлине Вы можете есть икру, осетрину и ветчину и тетерок и пить великолепное удельное вино всех сортов. А мы это можем иногда, хотя и нигде не служу [...]. Зарабатывать здесь можно много и тогда жить материально великолепно, но – безвкусно, среди чужой нации, в духовной пустоте, а мерзости нравств[енного] запустения...»¹.

В составе эмиграции большевики выделяли солдат и рабочих, считая, что их место не среди отщепенцев, а на родине, где установилась рабоче-крестьянская власть. Но классовый подход не мог вывести страну на международный уровень и способствовать ее признанию. К тому же практическая работа по восстановлению народного хозяйства показала, что за рубежом находятся специалисты в разных сферах, и советская власть в них нуждается. Относясь избирательно к допуску в СССР эмигрантов, правительство готово было идти на уступки для привлечения из-за границы квалифицированных кадров, необходимых обороне и промышленности. Допускалось их возвращение без предварительной изнурительной проверки. Как отмечал Ф.Э. Дзержинский, за границей оказался целый ряд довольно крупных специалистов и окончившей за рубежом учение молодежи. Большинство из них тяготилось условиями жизни и желало вернуться и работать на родине. В письме в Политбюро Ф.Э. Дзержинский писал 5 августа 1923 г.: «Из своего опыта на транспорте, должен сказать, что спецы, оставшиеся у нас, самые худшие, без инициативы, без характера. Тянут ляжку, чтобы жить. Самые лучшие, подвижные и инициативные у нас спецы – это, полученные нами (ГПУ. – З.Б.) и почему-либо не расстрелянные – от Колчака, Деникина и Врангеля»². Однако общей амнистии для интеллигенции решено было не объявлять, а нужным специалистам дать прощение и принять в русское гражданство «с тем, чтобы они обязались определенное время (1–2 года) работать там, где это требовалось. Такой принудительной работой интеллигенты должны были доказывать свою лояльность и «искренность раскаяния»³.

Эмиграцию большевистское правительство использовало также для прорыва дипломатической изоляции. Инструментом установления контактов с зарубежным миром стала репатриация. В ходе переговоров со странами Четверного союза и другими

заинтересованными государствами были заключены специальные соглашения, в рамках которых шел процесс обмена интернированными и военнопленными⁴. Репатриация оказалась одной из тех тем, которую мировое сообщество готово было обсуждать с Советами, пытаясь решить «русский беженский вопрос». РСФСР, в свою очередь, рассматривала эту проблему как локомотив для внедрения в зарубежные страны, способный, кроме того, разрушить единство эмиграции. Причем приветствовалось установление именно формальных связей с внешним миром. Так, в телеграмме НКВД РСФСР председателю торговой делегации России в Чехословакии П.Н. Мостовенко от 11 июля 1921 г. говорилось, что «завязать отношения с Болгарией безусловно желательно, но делегации должны иметь официальное качество», даже если будут называться «представительством по делам военнопленных»⁵.

Советское правительство выступало против безусловного возвращения в Россию «всех русских граждан, находящихся в концентрационных лагерях за границей, имея в виду, что некоторые державы Антанты еще не отказались полностью от попыток вооруженного вмешательства во внутренние дела России, и что, кроме того, среди самих беженцев, несомненно, имеется много таких, которые все еще таят злонамеренные умыслы против государственного и общественного порядка России»⁶.

Отсутствие нормальных дипломатических отношений со странами Антанты стало мотивом отказа во въезде в Россию «нежелательным элементам русского происхождения»⁷. Предложения о принятии депортируемых русских отклонялись до момента установления дипломатических отношений. Исключения допускались для «лиц, которые симпатизируют целям Советского правительства... ибо оно, естественно, заинтересовано в увеличении числа квалифицированных работников в России»⁸. Советская сторона настаивала на допуске специальных комиссий в страны, откуда должна идти реэвакуация. Таким комиссиям должны быть предоставлены иммунитет, благоприятные условия, необходимые для успешного осуществления их деятельности (т. е. проверка и отбор репатриантов), и ликвидированы «технические трудности» при репатриации большого количества беженцев. В последнем случае имелось в виду то обстоятельство, что врангелевцы увели Черномор-

ский флот и удерживали его в Бизерте (Тунис) и других портах. Не обладая кораблями, организовать перевозку репатриантов, обеспечить их одеждой и обувью Москва считала невозможным⁹. От британского правительства требовалось создание благоприятных условий «для возвращения всего Черноморского флота России, уведенного из России Францией»¹⁰.

С установлением дипломатических отношений менялось положение эмиграции в странах проживания, расширялись возможности возвращения на родину.

Посредническую и финансовую помощь в деле репатриации оказывала РСФСР (СССР) Лига Наций в лице Ф. Нансена – верховного комиссара по делам военнопленных и беженцев (1920–1921 гг.), затем верховного комиссара по делам русских беженцев (1921–1930 гг.). Замнаркома иностранных дел М.М. Литвинов отмечал, что «при всех недостатках нансеновской организации и его агентов мы должны предпочитать все-таки Нансена переходу дела репатриации непосредственно в руки союзников»¹¹. Ф. Нансену удалось установить достаточно доверительные отношения с советским руководством, выходящими далеко за рамки репатриационной практики. В 1923 г. он позволил себе в связи с арестом патриарха Тихона и обеспокоенностью этим обстоятельством мировой ответственности обратиться к Л.Д. Троцкому с письмом, заметив, что отрицательно относится ко всякому вмешательству во внутренние дела любого государства, но «общественное мнение всего мира, имеется или нет для этого достаточных поводов, глубоко взволновано». Верховный комиссар высказал опасения, «что, если патриарх Тихон будет расстрелян, то деятельность организаций, которые в настоящее время работают на восстановление России, будет серьезно скомпрометирована, так что нельзя будет рассчитывать на общественную помощь для продолжения дела, которое они совершают в интересах России»¹². Затем в 1924 г. Ф. Нансен зондировал почву по поводу вхождения СССР в Лигу Наций, но тогда советские представители лишь еще раз подтвердили свое негативное отношение к этой международной организации. В 1925 г. через комиссию под председательством Ф. Нансена советское руководство готово было пойти на обмен социалистов, заключенных в СССР, на заключенных коммунистов, находившихся в других странах¹³. Известна посредническая роль Ф. Нансена

между непризнанной Советской Россией и мировым сообществом в период голода в России.

Огромная деятельная работа по сокращению последствий голода¹⁴ развернулась также в эмигрантской среде. В ряде стран были созданы русские Комитеты (Общества) помощи голодающим России. Правда, объединить их усилия не удалось из-за разногласий по вопросу о возможности и целесообразности общения с Советами.

Советский Союз оспаривал претензии Зарубежной России на государственную преемственность, считая законной лишь советскую власть, установленную при поддержке большинства населения. Чтобы не допустить трат российских зарубежных активов на беженцев, НКВД обратился к заинтересованным государствам с нотой¹⁵. Правительствам стран-реципиентов было предложено высказаться относительно использования российских фондов, находившихся за границей, помимо разрешения Москвы и употребления сумм, принадлежавших ей, для помощи ее противникам. Однако претензии советского правительства поддержаны не были, и впоследствии не раз возникали конфликты на этой почве.

Целью молодого государства стало не только обладание денежными запасами российского государства, имуществом, находившимся в руках дипломатов и других структур, не признавших большевистскую власть, но и вытеснение прежних российских дипломатических представительств и замещение их советскими. Этот акт символизировал бы победу СССР над Россией № 2, Россией Зарубежной.

В качестве примеров можно привести следующие факты. Англия в 1921 г. признала Советскую Россию де факто. Российский поверенный в делах Е.В. Саблин удерживал за собой здание посольства до 1924 г., являясь представителем русских эмигрантов. В 1924 г. он приобрел в Кенсингтоне, посольском квартале Лондона, особняк, получивший название «Русского дома» и переехал туда, освободив посольство для советских представителей. В Болгарии посол А.М. Петряев в 1921 г. внес 11 млн левов на депозит болгарского государственного банка, полученных от совета послов на содержание русских военных контингентов. После отъезда посла¹⁶ средства перешли в распоряжение бывшего советника российского посольства С.Г. Богоявленского, остававшегося защищать интересы русских

беженцев при представителе Лиги Наций. Но болгарское правительство под влиянием советского руководства, как полагали эмигранты, попыталось конфисковать эти деньги. По крайней мере, так полагал Н. Терехов, представитель Державной комиссии в КСХС при железнодорожном комиссариате. В своем письме С.Н. Палеологу от 11 декабря 1922 г. из Цариброда он высказал предположение, что эти средства болгарское правительство не желает отдавать российской эмигрантской миссии и РОКК (старая организация) в Болгарии, предпочитая компенсировать ими иссякающие ресурсы большевиков, производивших репатриацию из страны. Французский посланник в Болгарии Ж. Пико, узнав об этом, заявил протест министру Даскалову, указав на незаконный образ таких действий. «...причем, – писал Терехов, – до того был взволнован, что выйдя из себя, позволил кричать на Даскалова, – как он сам выразился, “в жизни ни на кого так не кричал”. Пико предполагает принять дипломатические шаги через свое правительство признать, что эти деньги принадлежат французской республике и даны как субсидия русской миссии в Болгарии». И добавлял: «Говорят, что министру Даскалову обещаны 10 % из 11 млн левов»¹⁷. Более того, А.М. Петряев, уезжая, сделал заявление о том, что на содержание С.Г. Богоявленского желательнее переводить сумму не через представителя Лиги Наций в Софии Коллинса (который занимался репатриацией русских беженцев), а через французского посланника в Софии¹⁸.

Налаживание отношений Франции с СССР встревожило эмиграцию, рискующую стать «массой без отечества» из-за потери легального статуса частными и полугосударственными российскими учреждениями во Франции, и заставило задуматься, как защитить их от захвата советскими представителями. После признания Францией Советского Союза в октябре 1924 г. вместо российского посольства и консульств были учреждены офисы по делам русских беженцев.

Наступление на Россию № 2 шло и на идеологическом фронте. СССР видел в эмиграции не просто оппозицию, но и опасного противника. Выступая на III съезде Коминтерна в июле 1921 г., В.И. Ленин говорил о необходимости систематического наблюдения за важнейшими стремлениями, тактическими приемами, течениями русской контрреволюции за границей. «Эти контрреволюционные эмигранты, – считал он, –

очень осведомлены, великолепно организованы и хорошие стратеги»¹⁹. Политическая установка, как отметил исследователь Б.Г. Струков, советскими спецслужбами была переведена на лаконичный язык приказов и директив. В циркулярном письме ГПУ от 20 марта 1922 г., утвержденном заместителем председателя ГПУ И.С. Уншлихтом и подписанном начальником секретно-оперативного управления В.Р. Менжинским, местным органам предписывалось усилить работу по контрреволюционным организациям внутри и вне России, и предлагалось отнестись к этой работе «с наибольшей серьезностью, считая ее в настоящее время ударной»²⁰. 1923 г., по мнению специалистов, стал временем окончательного проникновения ОГПУ в Зарубежье.

Эмиграция, в свою очередь, предпринимала идеологическое и террористическое наступление (активизм стал частью жизни Зарубежья) на советскую власть. Уже на Рейхенгалльском съезде монархистов в июне 1921 г. говорилось о том, что главная работа должна быть перенесена в Россию, где следует раскинуть боевые организации и вести усиленную работу в Красной армии. Для этого предполагалось создать вооруженные силы вне России. Высший монархический совет в Берлине командировал в Россию группы с целью установления связей с монархическими силами²¹.

Олицетворением организованной антикоммунистической военной силы являлся Русский общевоинский союз (РОВС). В 1927 г. IV Управление штаба РККА информировало о военных белогвардейских организациях, насчитывавших 60 тыс. человек²². Не случайно РОВС занимал особое место в разведывательной и контрразведывательной деятельности спецслужб СССР. ОПГУ издало в 1924 г. специальные циркуляры «О пересмотре дел бывших белых офицеров, состоящих на особом учете», «О порядке регистрации бывших белых офицеров, состоящих на особом учете органов», «Об усилении агентурной работы среди бывших морских офицеров», «Об усилении работы по выявлению возвращающихся из-за границы белоэмигрантов нелегальным способом» и др. Чтобы пресекать попытки ведения разведывательно-подрывной деятельности, разлагать структуры РОВС, нейтрализовать лидеров советские спецслужбы развернули широкую сеть в эмигрантских организациях.

Такие меры не были беспочвенны. В начале 1920-х гг. эмигрантский активизм проявился в популярной идее вооруженных десантов на территорию СССР и реальных шагах по ее воплощению, в дискредитации советской власти перед иностранными державами, раздувании всяких сенсационных слухов о коммунистах и о СССР. Хорошо известна подрывная деятельность против Москвы особой законспирированной организации, созданной внутри РОВС в 1926 г., – «внутренней линии». Специально готовились кадры шпионов, террористов, велась разведка, было налажено сотрудничество со спецслужбами стран пребывания. Контрмеры ОГПУ облегчались негативными процессами внутри эмиграции: борьбой за лидерство, за остатки финансовых средств, идейными разногласиями и пр.

Известны посещения СССР резидентами эмигрантских организаций с целью добычи информации или установления контактов с оппозицией, доставки на родину различных изданий для пропаганды и агитации и др. Республиканско-демократическое объединение финансировало «линию связи» через советско-польскую границу. П.Н. Милуков для этого встречался с главой МИД ЧСР Э. Бенешем. Правда, лидер демократической коалиции сомневался в целесообразности реализации проекта, т. к. «весь план РДС работать на Россию» вскоре стал известен чекистам. Партнерам пришлось доказывать необходимость работы. В результате 600 экз. журнала «Свободная Россия» было переброшено в СССР, установлены контакты со сторонниками РДО. В частности, сотрудница Академии наук в Ленинграде Н.В. Воленс во время загранкомандировок предоставляла «устную информацию» о положении в Советском Союзе. В 1927 г. она вывезла за границу письмо группы советских литераторов под названием «Писателям мира» с обличением большевистской цензуры, появившееся в эмигрантской прессе в июне 1927 г. По возвращении резидентов в печати также появлялись статьи под рубрикой «Голоса из России»²³.

Если первоначально взаимоотношения метрополии и эмиграции балансировали на грани «диалога» и «конфронтации», то по мере укрепления советской власти, активизации Советского Союза на международной арене противостояние усиливалось, и Зарубежная Россия вынуждена была уступать одну позицию за другой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русский Берлин 1921–1923. По материалам архива Б.Н. Николаевского в Гуверовском институте / под ред. Л. Флейшмана, Р. Хьюз, О. Равеской-Хьюз. – Paris: YMCA-PRESS; М.: Русский путь, 2003. С. 238–239.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 370. Л. 13.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 370. Л. 13.

⁴ По мнению Ю.А. Полякова, к 1918 г. в плену оставались 3409,3 тыс. человек // *Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. – М., 1986. С. 100. По месту пребывания русские пленные распределялись так: в Австро-Венгрии – 56,9%, в Германии – 43,14%, в Турции – 0,59%, в Болгарии – 0,32% // *Щеров И.П.* Центропленбег в России (1918–1922 гг.). – Смоленск, 2000. С. 4. И.П. Щеров ссылается на: Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). – М., 1925. С. 39.

⁵ ДВП. Т. 4. Док. № 150.

⁶ Там же. Док. № 139.

⁷ Там же. Док. № 116.

⁸ Там же. Док. № 110.

⁹ Там же. Док. № 139.

¹⁰ Там же. Док. № 110.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 233. Л. 1.

¹² АВПРФ. Ф. 04. Оп. 50. П. 30. Д. 54665. Л. 10.

¹³ Подробнее см.: *Бочарова З.С.* Ф Нансен: между двумя Россиями // Нансеновские чтения 2007. – СПб., 2008. С. 22.

¹⁴ Подробнее см: *Бочарова З.С.* «Без России невозможно возрождение Европы». Помощь Фридьофа Нансена голодающей России (1921–1922 гг.) и международное сообщество // Россия XXI. 2012. № 1. С. 110–129; *Урядова А.* Голод 1920-х годов в России и Русское зарубежье. – СПб., 2010; *Белова Е.И.* Русская эмиграция и голод в РСФСР в начале 1920-х гг. // Нансеновские чтения 2008. – СПб., 2009. С. 39–59.

¹⁵ Путь. Гельсингфорс, 1921. 16 июля.

¹⁶ Одной из причин своего отъезда А.М. Петряев называл невозможность противодействия преследованиям русских «по наущению большевиков, бессильным свидетелем чего» не мог оставаться // ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 224. Письмо А.М. Петряева М.Н. Гирсу от 24 декабря 1922 г.

¹⁷ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 62. Л. 96. Ситуация разрешилась после приезда в Софию российского посланника в Риме А.И. Лысаковского, командированного советом послов. В результате С.Г. Богоявленский был переведен советником российского посольства в Берн, а Комитет по делам о русских беженцах вступал в частный контакт с советом российских послов. Болгарское правительство поручило своему посланнику в Париже генералу Савову начать переговоры с Гирсом о передаче означенных денег русским беженцам через Комитет по русским делам. Вырезка из газеты (возможно, «Русское слово» от 18 апреля

1923 г.) // АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 32. Л. 21. Своим представителем совет послов назначил Бориса Саввича Серафимова, который прибыл в Софию в конце апреля 1923 г. // Там же. Л. 22.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 32. Л. 15.

¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 40.

²⁰ Струков Б.Г. В начале противостояния: российская политическая эмиграция и советские спецслужбы после окончания Гражданской войны // Российские спецслужбы: история и современность. – М., 2003. С. 139. См. также: Чистяков К.А. Убить за Россию!: из истории русского эмигрантского активизма. (1918–1939). – М., 2000; Борейко А.М. Русский общевоинский союз и советские органы государственной безопасности (1924 – вторая половина 1930-х годов). Автореф. ... к.и.н. – М., 2002; Ларионов В.А. Боевая вылазка в СССР. Записки организатора взрыва Ленинградского партклуба (июнь 1927). – Париж, 1931.

²¹ Струков Б.Г. В начале противостояния... С. 143.

²² Там же. С. 142.

²³ Соколов М.В. П.Н. Милюков в поиске контактов с оппозицией в СССР в 20-е гг. XX в. // Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков. – М., 2010. С. 173–189.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Вся жизнь русской эмиграции, нужда одних, жертвы других, воля всех к сохранению своего социального уровня и своей собственной культуры, равно как их неустанная борьба за обеспечение хотя бы своим детям сносного будущего – все это заслужило бы обстоятельного изучения и особой книги»¹ – эти слова М. Ханссона, последнего директора Международного бюро по делам беженцев им. Ф. Нансена, могли бы стать эпиграфом к любому труду о жизни российской эмиграции межвоенного периода. Заступив на свой пост и прежде не имея никакого отношения к беженским проблемам, М. Ханссон был покорен замечательной стойкостью, с которой боролась эмиграция, оставшаяся без отечества, за свое существование, за свою Россию.

Создав свой «русский мир», эмиграция с трудом адаптировалась к иноязычному, инокультурному пространству, не допуская слияния с прежними дореволюционными колониями, а также массового растворения в местной среде. Замкнутость и относительная самодостаточность, надежда на скорое возвращение на родину, борьба с денационализацией стали ее доминантами.

После Крымской катастрофы были пересмотрены бывшие общенациональные связи живших в изгнании россиян. Потеря прежней государственной основы в деле защиты державных, национальных и частных интересов русских граждан породила за границей попытки воссоздания институтов, компенсирующих эту утрату, и привело к формированию феномена «перемещенной государственности», «беженской экстерриториальной России»². За границу были перенесены важнейшие элементы государственного и общественного строя, появились общеэмигрантские институты, с которыми считались мировые державы. В.Х. Даватц писал: «Теперь в эмиграции нашлись все

элементы бестерриториальной русской государственности, не только в дружественной, но во враждебной обстановке. Вся эта масса людей вне родины стала подлинной «Россией в малом», тем новым явлением, которое так не укладывается в обычные рамки»³. В публицистике родилось определение этому феномену – «Зарубежная Россия».

Власть, существовавшую в России, эмиграция рассматривала как антинациональную, не легитимную, лишенную не только правового, но и морального основания. За ней отрицалось право на осуществление государственного и национального суверенитета. С не декларированного одобрения правительств стран-реципиентов старые дипломатические и иные представительства, русские общественные организации за границей продолжили деятельность от имени законной власти, от имени России.

Защита интересов бывших граждан Российской империи легла на дипломатические миссии, в том числе и в тех странах, где, строго говоря, они не были признаны, т. к. представляли уже не существующее правительство.

Убеждение, что истинную Россию изгнанники унесли с собой, предопределило их созидательную деятельность по формированию защитных механизмов транснациональной Зарубежной России. Ее целостность была обеспечена особой структуризацией. Авторитет лидеров распростерся не только на диаспору, но и был признан на международном уровне. Зарубежье в течение 1920-х гг. смогло отстоять автономность.

Плодотворным стало общение с окружающим миром. Эмиграции удалось добиться признания в международном праве ее особого положения (*sui generis*). Впервые в мире лица, оставшиеся без покровительства своей страны, стали объектом специальной заботы мирового сообщества, что привело к выделению проблемы беженцев в самостоятельную, требующую комплексного разрешения. Представительство эмигрантских интересов на международном уровне, участие в урегулировании правового статуса русских беженцев явилось свидетельством признания Российского Зарубежья на международном уровне. Однако интеллектуальный ресурс эмиграции не был использован в надлежащей мере, на чужой почве не смогли в полной мере реализоваться потенциальные возможности. Лишь незначительная часть россиян нашла соответствующую их квалификации работу, а большинство вынужденно понизили свой

социальный статус. Создание «своей» России за рубежом в некоторой степени компенсировало эти утраты.

Опыт самоорганизации, сохранения национального самосознания, создания инфраструктуры русского мира, реализации интеллектуального и творческого потенциала российской эмиграции 1920-х гг., влияние на культуру стран-реципиентов, плодотворных взаимоотношений с инациональной средой неоспорим.

Русский мир являлся саморазвивающейся системой, существовал в режиме самосохранения, как структурированный институт компромисса между интересами мирового сообщества, принимающей страны и Зарубежья.

Чтобы сохранить корни, родную почву, русский мир создал свое пространство исторической памяти. Произошел отбор констант, «консервация» традиций, т. е. сохранено то, что не следовало менять, чтобы не утратить идентичность.

В интеллектуальной среде шло самопознание и переосмысление исторического опыта. Параллельно эмиграция повернула русскую культуру лицом к Западной Европе, опровергая стереотипы, связанные с господством ложных представлений о России как о варварской и некультурной, а о дореволюционной русской духовной культуре – как грубо реакционной. Культура стала главным стратегическим средством освоения и завоевания мира. Прорыв осуществился в той сфере, в которой эмиграция и не чаяла выделиться, увлекаясь политической жизнью, идеологическими прожектами.

Роль механизма самоорганизации выполнил менталитет, осознание принадлежности к великой культуре, государственности, боязнь утраты национальной идентичности, благодаря формированию единого культурно-информационного пространства Зарубежья, сохранению «старых» регуляторов жизни русского материка. И это несмотря на дисперсность расселения.

Создававшиеся для поддержки России вне границ и часто успешно действовавшие многочисленные русские и международные организации, не имевшие политической окраски, не получили признания и должной моральной и другой поддержки Советской России, хотя это не противоречило бы нормам международного права. Но и в эмиграции значительные силы, не желали идти на сближение с метрополией. Социальная катастрофа 1917 г., раскол общества как первопричина появления

Зарубежной России наложили глубокий отпечаток на взаимоотношения метрополии и эмиграции. Поэтому так долго пришлось идти к пониманию феномена Российского Зарубежья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Закон и суд. Рига. 1937. № 3. Ст. 3552.

² *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. – М., 1992. С. 172.

³ *Даватц В.Х.* Русская школа и наука // Часовой. 1939. 5. VI. № 236–237. С. 19.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Библиографические пособия

1. «А пришлось в разлуке жить года...» Российское зарубежье в Финляндии между двумя войнами. Материалы к биобиблиографии. 1987–2002. – СПб.: Сударыня, 2003. – 288 с.
2. *Алексеев А.Д.* Литература Русского Зарубежья: Книги. 1917–1940. – СПб.: Наука, 1993. – 200 с.
3. Библиография русской зарубежной литературы 1918–1968 / сост. Л.А. Фостер. – Бостон, 1970. – 1374 с.
4. *Грановская Л.М.* Русская эмиграция о русском языке: Аннотированный библиографический указатель (1918–1992) / Российская академия наук. – М.: АЗЪ, 1993. – 98 с.
5. Изучение литературы русской эмиграции за рубежом (1920–1990-е гг.): Аннотированная библиография (монографии, сборники статей, библиографические и справочные издания) / отв. ред. Т.Н. Белова. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 96 с.
6. Книги русского зарубежья в собрании Российской государственной библиотеки: Библиографический указатель. – СПб.: Пашков дом, 1997. – 312 с.
7. *Постников С.* Библиография: Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции. 1923–1957. – Прага, 1957. – 660 с. Путеводитель по русской и русскоязычной периодике в Европе // *Зарубин В.В.* Из записной книжки. – Мюнхен, 1988. С. 70–100; – то же: Москва. 1991. № 1. С. 198–207.
8. Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках. Аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг. – М.: РОССПЭН, 2003. – Т. 1. – 672 с.; М.: РОССПЭН, 2004. – Т. 2. – 696 с.; – Т. 3. – 640 с.
9. Русская печать в Эстонии. 1918–1940. Био-библиографические и справочные материалы к изучению культурной жизни русской эмиграции. В 2-х Вып. – М.: ИМЛИ – «Наследие», 1998. – 462 с.
10. Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке. 1920–1980. Сводный указатель статей / ред. Т.А. Осоргина, Т.Л. Гладкова. – Париж: Institut d'Etudes Slaves, 1988. – 661 с.
11. Русская эмиграция: Журналы и сборники на русском языке: 1981–1995: Сводный указатель статей = L'emigration russe: revues et recueils: 1981–1995: Index general des articles / под ред. Т.Л. Гладковой и Т.А. Осоргиной. Пред. М. Паева. – М.: РОССПЭН, 2005. – XII, 348 с. – (Bibliothèque russe de L'Institut d'etudes slaves. T. LXXX/2).
12. Русская эмиграция в славянских странах Югославия, Чехия, Болгария...: Книги и материалы из фондов «Славянской библиотеки»: Ката-

лог выставки / Краснояр. краевое обществ. объединение фонд «Славянский дом»: сост. С.И. Щеглов. – Красноярск, 1997. – 27 с.

13. Русское зарубежье. 1917–1994. Каталог изданий из фондов Архива Русского Зарубежья / сост. и предисл. Толстых Г.А. – Вып. 1. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1992. – 205 с.; Вып. 2. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2002. – 239 с.

14. Русское зарубежье: Каталог изданий, поступивших в Российскую национальную библиотеку в 1931–1993 гг. / сост. Т.И. Адрианова и др. – СПб.: Издательство Российской национальной библиотеки, 1997. – Вып. 1. – 240 с.

15. *Сабенникова И.В.* Библиография. Зарубежная архивная Россия // Вестник архивиста. 1998. № 5. С. 119–126, № 6. С. 88–100; 1999. № 1. С. 96–104, № 2/3. С. 100–107, № 4/5. С. 115–123; 2000. № 1. С. 143–152; 2001. № 4/5. С. 218–240; 2006. № 4/5. С. 236–265.

16. Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Русского зарубежья в библиотеках Москвы (1917–1996 гг.) / Сост. А.И. Бардеева, Э.А. Брянкина, В.П. Шумова. – М.: РОССПЭН, 1999. – 464 с.

17. Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга (1917–1992 гг.) / Сост. Э. Алексеева и др. – СПб.: Издательство Российской национальной библиотеки, 1993; – 142 с.; – 2-е изд., испр. и доп.: Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга (1917–1995 гг.) / сост. Г.В. Михеева и др. – СПб. Издательство Российской национальной библиотеки, 1996. – 200 с.

18. Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга (1917–1995 гг.). Дополнения и новые поступления за 1996–1999 гг. / науч. ред. Г.В. Михеева. – СПб. Издательство Российской национальной библиотеки, 2001. – 96 с.

19. *Талалай М.* Русская эмиграция в Италии: Краткий библиографический обзор // Факты и версии. Историко-культурологический альманах. Исследования и материалы. Кн. 3. Русское Зарубежье: политика, экономика, культура / гл. ред. В.Ю. Жуков. – СПб.: ИМИСП, 2002. – С. 127–132.

20. *Тюнин М.С.* Указатель периодических и повременных изданий, выходявших в Харбине на русском и других европейских языках: В 2 Вып. – Харбин, 1927–1936. – Вып. 1: По 1-ое января 1927 г. – Харбин: изд. Общества изучения Маньчжурского края, 1927. – 41 с. Вып. 2: С 1-го января 1927 г. по 31-ое декабря 1935 г. – Харбин: изд. Экономического бюро харбинского управления государственной железной дороги, 1936. – 36 с.

21. Указатель периодических изданий эмиграции из России и СССР за 1919–1952 гг. / Институт по изучению истории и культуры СССР. – Мюнхен, 1953. – 165 с. – (Исследования и материалы. 6).

22. Указатель периодических изданий эмиграции из России и СССР за 1919–1952 гг. – Мюнхен, 1953. – 165 с.

II. Справочные материалы

1. Грезин И.И. Алфавитный список русских захоронений на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. – М.: Старая Басманная, 2009. – 566 с.
2. Косик В.И. Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. Материалы к словарю-справочнику / В.И. Косик. – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2008. – 408 с.: илл.
3. Незабытые могилы. Российское зарубежье: Некрологи. 1917–1997. – М.: Пашков дом, 1999–2005. Т. 1–6.
4. Путеводитель. Т. 6. Перечень фондов Государственного архива Российской Федерации и научно-справочный аппарат к документам архива. – М.: ГАРФ, 1998. – 650 с.
5. Российское научное зарубежье: Биобиблиографический справочник. – М.: Парад, 2011. – 716 с.
6. Русская и украинская эмиграция в ЧСР 1918–1938. Путеводитель по архивным фондам и собраниям в Чешской республике. – Прага: Euroslavica, 1995. – Русская эмиграция в документах Архива Югославии и Государственного архива Российской Федерации. (1920–1939). Выставка. (Москва, 29 января – 21 февраля 2003 г.). – Белград–Москва, 2003. – 79 с.
7. Русская эмиграция, 1920–1930- гг.: альманах. – Белград: Изд. объедин. рус. эмиграции, 1931. – Вып. 1. – 96 с.; Вып. 2. – 80 с.
8. Русские в Болгарии: юбилейный информационный альманах Русского зарубежья в Болгарии, 1877–2007. – Пловдив, 2010. – 434 с.
9. Русские в Праге, 1918–1928 гг. / ред.-изд. С.П. Постников. – Прага: Пламя, 1928. – 343 с.
10. Русские во Франции: справочник / под ред. В.Ф. Зеелера. – Париж: С.М. Сарач, 1937. – 86 с.
11. Русский альманах: Справочник / ред. В.А. Оболенский, Б.М. Сарач. – Париж: С.М. Сарач, 1931. – 463 с.
12. Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция / под общ. ред. Л.А. Мнухина. – М.: Эксмо; Paris: YMCA-Press, 1993–1995. – Т. 1. – 630 с.
13. Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь / По общ. ред. В.В. Шелохаева. – М.: РОССПЭН, 1996. – 742 с.
14. Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России: (Материалы к истории Белого движения). – М.: Regnum: Рос.архив, 1997. – 235 с.
15. Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель / отв. ред. Т.Ф. Павлова. – М.: РОССПЭН, 1999. – 671 с.
16. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 360 с., ил.

17. *Шатов М.* Библиографический указатель русской печати за рубежом <1957–1960> // Мосты. 1959. № 3; 1961. № 6; 1962. № 8.

18. *Шатов М.* Библиография Освободительного движения народов России в годы Второй мировой войны (1941–1945). – Нью-Йорк, 1961. – XV, 208 с. – (Труды архива РОА, хранящиеся в Колумбийском университете; Т. 1).

19. *Штейн Э.* Журналы и газеты лагерей «Ди-Пи», находящиеся в собрании Колумбийского университета (Нью-Йорк, США) // *Штейн Э.* Русская печать лагерей «Ди-Пи». – Orange: Antiquary, 1993. С. 118–131.

20. Catalogue collectif des périodiques conservées dans les bibliothèques de Paris et dans les bibliothèques slaves en caractères cyrilliques; état des collections en 1950. Т. 1–2. – Paris, 1956.

21. Chronik russischen Lebens in Deutschland. 1918–1941 / Hrsg. Von Schlögel K.. – Berlin: Akademie Verlag, 1999. – 671 s.

22. *Golovin N.N.* Alphabetical Index of Books and Periodicals in Russian Dealing with the History of the World War, Russian Revolution and Civil War. – <Б. м. и изд., 1928?> – 332 л.

23. *Golovin N.N.* Index of Russian Periodicals Published Abroad. – <Б. м. и изд.> – 71 л.

24. Half a century of Russian serials. 1917–1968: Cumulative index of serials published outside the USSR: 4 vols. / Comp. by Michael Schatoff. Ed. by N.A. Hale. – New York: Russian Book Chamber Abroad, 1971–1972. Т. 1: 1917–1956. А–М. – 1972. – XVIII, 173 p.; Т. 2: 1917–1956. N–R. – 1971. – XIV, 174–355 p.; Т. 3: 1917–1956. S–Z. – 1972. – XV, 356–558 p.; Т. 4: 1957–1968. А–Z. – 1972. – XVI, 559–697 p.

25. Harbin Russian imprints: Bibliography as history, 1898–1961. Materials for a definite bibliography / Edited and introduced by Olga Bakich. – New York: Norman Ross Publishing, 2002. – XX, 584 p.

26. *Hellman B., Kjellberg J.* Suomen verajankylisen kirjallisunden bibliografia, 1813–1972 = Библиография русской литературы, изданной в Финляндии: 1813–1972. – Хельсинки, 1988. – 96 с. – (Publications of the Helsinki University Library. 52).

27. Historique de la Presse Périodique de l'émigration Socialiste Russe: 1917–1937 / By B.I. Nikolaevsky // Bulletin of the International Institute for Social History. 1938. Vol. 1. P. 5–17.

28. Historique de la Presse Périodique de l'émigration Socialiste Russe: 1917–1937 / By S. Postnikoff // Bulletin of the International Institute for Social History. 1938. Vol. 2. P. 97–104.

29. *Howells D.L.L.* Russian émigré serials 1855–1990 in Oxford libraries: Materials for a union catalogue. – Oxford: Meeuws, 1990. –X, 43 p.

30. *Kasack W.* Lexikon der russischen Literatur des 20/ Jahrhunderts. – Munchen, 1992; – русск. пер.: *Казак В.* Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года / Пер. с нем. Е. Варгафтик и И. Бурихин. – London: Overseas Publications Interchange, 1988. – 922 с.; 2-е, доп. изд.: *Казак В.* Лексикон русской литературы XX века / Пер. с нем.

Е. Варгафтик и И. Бурихин. Ред. М. Зоркая. – М.: РИК «Культура», 1996. – 492 с.

31. *Katchaki J.N.* Bibliography of Russian Refugees in the Kingdom of S. H. S. (Yugoslavia) 1920–1945. = *Качаки И.Н.* Библиография русских беженцев в Королевстве С.Х.С. (Югославии): 1920–1945. – Arnhem: Proteus & Hugiëia BV, 1991. – 352 p.; – 2-е изд., доп: *Качаки Јован.* Руске избеглице у Краљевини СХС – Југославији. Библиографија радова 1920–1944. – Београд: Изд. Универзитетске библиотеке «Светозар Марковић» и Книжаре «Жагор», 2003. – 452 с., илл.

32. *Kulikowski Mark.* A Neglected Source: the Bibliography of Russian Émigré Publications since 1917 // *Solanus. New Series.* 1989. № 3. P. 89–102.

33. *Kulikowski Mark.* Russian Émigré Bibliography: Another Look // *Solanus. New Series.* 2000. № 14. P. 58–67.

34. *Kulikowski Mark.* The Bibliography of Russian Émigré Publications since 1917: An Update // *Solanus. New Series.* 1995. № 9. P. 15–23.

35. *Lee Paul.* Bibliography of Russian Émigré Publications. – Washington: Propaganda Library, 1954.

36. L'émigration russe en Europe: Catalogue collectif des périodiques en langue russe. 1855–1940 / Établie par T. Ossorguine-Bakounine. = Русская эмиграция в Европе. Сводный каталог периодических изданий 1855–1940 / Сост. Т.А. Осоргина-Бакунина. – Paris: Institut d'Études Slaves, 1976. – 342 p. – (Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves. Tome XL/1); – Deuxième édition, revue et complétée: Paris, Institut d'Études Slaves, 1990. – 354 p.

37. L'émigration russe en Europe: Catalogue collectif des périodiques en langue russe. 1940–1979 / Établie par Anne-Marie Volkoff. = Русская эмиграция в Европе. Сводный каталог периодических изданий 1940–1979. – Paris: Institut d'Études Slaves, 1977. – 139 p. – (Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves. Tome XL/2); – Deuxième édition refondue: Paris, Institut d'Études Slaves, 1981. – 147 p.

38. *Lukšić Irena.* Popis periodičnih izdanja ruske emigracije u Jugoslaviji 1920–1945 // *Književna smotra.* Zagreb, 1987. Br. 65–66.

39. *Maichel K.* Soviet and Russian newspapers at the Hoover institution: A catalog / Hoover institution of war, revolution and peace. – Stanford, 1966. – X, 225 p. – (Hoover institution bibliographical series; 24)

40. Military Periodicals in the André Savine Collection: A Bibliographic Description / By Nicolae Harsanyi. – Chapel Hill, North Carolina, 2004. – 38 p.

41. Newspapers and Magazines in the Russian Language in Canada from 1915–1981 / By R. Bogusis // *Russian Canadians: Their Past and Present.* Ottawa: Borealis Press, 1983. P. 187–197.

42. Périodiques slaves en caractères cyrilliques; état des collections en 1950: Addenda et errata; état général des collections en 1960 / Rédigé par Eugène Belin de Ballu et Tatiana Ossorguine. – Paris: Bibliothèque nationale, 1965. – 231 p.

43. Périodiques slaves en caractères cyrilliques; état des collections en 1950: Supplément, 1951–1960 / Rédigé par Eugène Belin de Ballu. – Paris: Bibliothèque nationale, 1963. – 522 p.

44. Prace ruske, ukrajinske a beloruske emigrace vydane v Ceskoslovensku, 1918–1945 = Труды русской, украинской и белорусской эмиграции, изданные в Чехословакии в 1918–1945 гг. (Библиография с биографическими данными об авторах). Том I. Ч. 1–3 / Bibliogr. zprac. Zdeňka Rachůnkova a Michaela Řeháková. – Praha: Národní knihovna České republiky, 1996. – XVIII, 1427 с.; Ч. 1. – XVIII, 1–424 с.; Ч. 2. – 425–850 с.; Ч. 3. – 851–1472 с.

45. Russian Émigré Literature: A Bibliography of Titles Held by the University of California, Berkeley, Library / Comp. by Allan Urbanic. – Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1993. – 329 p.

46. Russian Émigré Military Publications: The Gering Bibliography. Second Edition, Revised and Enlarged / Anatol Shmelev Compiler = Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом А.А. Геринга. Издание 2-е, переработанное и дополненное / Составитель Анатолий Шмелев. – New York: Ross Publishing, 2007. – 212 p.

47. Russian Émigré Serials: A Bibliography of Titles Held by the University of California, Berkeley, Library / Comp. by Allan Urbanic. – Berkeley, 1989. – 125 p.

48. Russian Periodicals in the Helsinki University Library: a Checklist. – Washington Library of Congress, 1959. – 120 p.

49. Russian Publications in Izrael: List of Books, Pamphlets and Periodicals Published in Russian in Izrael [1952–1979] / Z. Ofer, I. Rudnitski. – Jerusalem, 1979.

50. Supplement to the List of Russian Serials Published by R. Bogusis / By M. Schatoff, R. Polchaninov // Russian Canadians: Their Past and Present. – Ottawa: Borealis Press, 1983. P. 199–201.

51. *Unbegaun B.O.* Catalogue des périodiques slaves et relatifs aux études slaves des bibliothèques des Paris / Avec une préface de André Mazon. – Paris: Librairie Ancienne Honore Champion, 1929. – 221 p.

52. *Volkoff A.* – М. L'emigration russe en Europe: Catalogue collectif des périodiques en langue russe. 1940–1979. – Paris, Institut d'Études Slaves, 1981. – 147 p.

III. Периодическая печать

1. Бизертинский Морской сборник. 1921–1923. Избранные страницы / сост. и науч. ред. В.В. Лобыцын. – М.: Согласие, 2003. – 560 с.

2. Вестник Маньчжурии. – Харбин

1926. – № 1–52.

1927. – № 7–27.

1928. – № 2–3.

1932. – № 2–3.

1933. – № 1–3.

3. Вестник Российской торговой палаты в Швейцарии. – Лозанна, 1920. – № 5.

4. Вестник Русского национального комитета / под общ. ред. А.В. Карташева. – Париж.
1923. – № 1–7.
1924. – № 8–10.
1926. – № 11.
5. Возрождение: орган русской национальной мысли / под ред. П. Струве. – Лондон–Париж, 1925–1940.
6. Воля России: журнал политики и культуры / ред. В.И. Лебедев, М.Л. Слоним, В.В. Сухомлин. – Прага.
№ 1–28. 1 (29)–7 (35). – 1922.
№ 1–20. – 1923.
№ 1–19. – 1924.
№ 1–12. – 1925.
№ 1–12. – 1926.
№ 1–12. – 1927.
7. Дни: ежедневная газета / ред. А.Ф. Керенский. – Берлин–Париж, 1922–1933.
8. Еврейская трибуна: еженедельник, посвящ. интересам рус. евреев. – Париж.
№ 1, 2, 3/4, 5/6–47, 49–53. – 1920.
№ 54–67, 69–86, 88–100, 102–105. – 1921.
№ 1 (106)–4 (129), 13 (118), 15 (120), 23 (128), 25 (130), 27 (132)–35 (140), 37 (142)–40 (145), 43 (148), 45 (150)–48 (153). – 1922.
№ 2– (155), 3 (156), 5 (158), 6 (159)–13 (166), 15 (168)–23 (176). – 1923.
№ 1 (177)–5 (181), 7 (183)–12(188), 14 (191)–17 (194). – 1924.
9. Известия Юридического факультета. – Харбин.
Т. 1. – 1925. – 248 с.
Т. 3. – 1926. – 339 с.
Т. 4. – 1927. – 356 с.
10. Накануне: ежедневная газета / ред. А.Н. Толстой, В.Ю. Ключников, Г.Л. Кирдецов. – Берлин, 1922–1924.
11. Наш Союз: еженед. обществ. – полит. и лит. – худож. журн.: орган обществ. организаций граждан СССР во Франции / ред. С.С. Лукьянов. – Париж.
№ 3, 5, 7–9, 11, 13, 16, 19–25, 27–32, 37, 35, 38, 43–45. – 1927.
12. Последние новости: еженед. газ. – Париж, 1920–1940.
13. Право и хозяйство: ежемес. журн. под ред. Б.Э. Нольде и Б.Е. Шацкого. – Париж.
№ 1–3. – 1925.
14. Руль: еженед. газ. – Берлин, 1920–1930.
15. Русская мысль: ежемес. лит. – полит. изд. под ред. П. Струве. – София; Прага; Париж, 1921–1923/24, 1927.
16. Русский экономический сборник / изд. Экон. кабинета при культ.-просвет. отд. Земгора; под ред. С.Н. Прокоповича. – Прага: Пламя
№ 1–4. – 1925.
№ 5–8. – 1926.

- № 9–11. – 1927.
 № 12. – 1928.
17. Русский эмигрант. – Берлин: Русская колония.
 № 1, 3–6. – 1920.
 № 7. – 1921.
18. Свободная Россия: респ. – демокр. орган. – Прага; Берлин.
 № 1–5. – 1924.
 № 6–8. – 1925.
 № 9. – 1926.
19. Современные записки: ежемес. обществ. – полит. и лит. журн. / ред кол.: Н.Д. Авксентьев, И.И. Бунаков, М.В. Вишняк, А.И. Гуковский, В.В. Руднев. – Париж.
 № 1–2. – 1920.
 № 3–8. – 1921.
 № 9–13. – 1922.
 № 14–17. – 1923.
 № 18–22. – 1924.
 № 23–26. – 1925.
 № 27–29. – 1926.
 № 30–33. – 1927.
20. Студенческие годы: ежемес. лит-худож. и науч-публицист. журн. / изд. Союза рус. студентов в Чехословакии; гл. ред. К.К. Цегоев. – Прага: Пламя.
 № 1–4. – 1922
 № 1–7 (5–11). – 1923.
 № 1 (12) – 6 (17). – 1924.
 № 1 (18)–5 (22). – 1925.

IV. Документальные публикации

1. «Беженским вопросом тяготятся»: доклад Н.И. Астрова Земско-городскому комитету, 1922 г. / публ. подгот. С.И. Голотик // Исторический архив. – 1994. – № 6. – С. 135–166.
2. Бюллетень Российской земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей. – Париж, 1921. – № 1–9/10.
3. Внешняя политика СССР, 1917–1944: сб. док. /сост. А.С. Тисминец, отв. ред. С.А. Лозовский; ред. и авт. прим. Б.Е. Штейн. – М.: Правда, 1944. – Т. II: 1921–1924.– 980 с. (Высш. парт. школа при ЦК ВКП(б). ДСП).
4. «Всякое лицо, приезжающее или выезжающее из Германии, обязательно...»: справка Российской делегации в Берлине, 1921 г. // Исторический архив. – 2000. – № 1. – С. 141–146.
5. Обзор деятельности Временного главного комитета Всероссийского союза городов за границей за 1920–1926 гг. – Прага: Объединения русских учительских организаций за границей, 1927. – 35 с.

6. Декреты Советской власти. – М.: Наука, 1957–2004. – Т. 1–16.
7. Дети русской эмиграции: книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники: сборник материалов. – М.: Терра, 1997. – 496 с.
8. «Доверительно сообщая Вам...»: Письма российского посланника в Ватикане А.И. Лысаковского 1919–1921 гг. / publ. М.И. Одинцова // Исторический архив. 1994. № 2.
9. Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1958–1965. – Т. 2–10.
10. Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939) / сост. З. Сладек и Л. Белошевская. – Прага: Euroslavica, 1998. – 343 с.
11. Документы по истории Российского Зарубежья из Коллекции баронессы Марии Врангель Гуверовского архива США / publ. А.В. Квакина // Вестник архивиста. – 2004. – № 1 (79). – С. 263–295; – № 2 (80). – С. 291–314; № 3–4 (81–82). – С. 272–286; № 5 (83). – С. 311–325.
12. Задачи, характер и программа русского национального объединения. – Paris, 1921. – 48 с.
13. И.Я. Билибин в Египте (1920–1925): Письма, документы и материалы / сост., предисл и примеч. В.В. Беляков. – М.: ДРЗ: Русский путь, 2009. – 320 с.
14. Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / сост. Н.И. Канищева. – М.: РОССПЭН, 2012. – 1111 с.
15. Отчет Константинопольского совета присяжных поверенных за время с 17 апреля 1921 г. по 17 апреля 1922 г. – Константинополь, 1922. – 36 с.
16. Отчет Объединения русских адвокатов во Франции за 1932-й год (с 1 февраля 1932 г. по 1 февраля 1933 г.). – Вып. VI. – Париж, 1933. – 47 с.
17. Отчет Объединения русских адвокатов во Франции за 1934 год (с 1 февраля 1934 г. по 1 января 1935 г.). – Париж, 1935. – 51 с.
18. Партия социалистов-революционеров: документы и материалы, 1900–1925 гг.: в 3 т. – М.: РОССПЭН, 1998–1999. – Т. 3. Ч. 1 – 957 с.; Ч. 2. – 1054 с.
19. Ильин И.А., Шмелев И.С. Переписка двух Иванов (1927–1934) / сост. и предисл. Ю.Т. Лисица. – М.: Рус. кн., 2000. – 553 с.
20. Политическая история русской эмиграции, 1920–1940 гг.: документы и материалы: учебное пособие / под ред. А.Ф. Киселева. – М.: Владос, 1999. – 776 с.
21. Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии 1905 – сер. 1930-х гг.: в 6 т. / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 1996–1998. – Т. 4–6.
22. Российская эмиграция в Маньчжурии: Военно-политическая деятельность (1920–1945 гг.): сб. док. / сост. Е.Н. Чернолуцкая. – Южно-Сахалинск, 1994. – 198 с.
23. Российский Зарубежный съезд. 1926. Париж. Документы и материалы / сост. М.А. Котенко, И.В. Домнин. – М.: Русский путь, 2006. – 848 с. (Серия: «Исследования новейшей русской истории». 6.)

24. Россия антибольшевистская: из белогвардейских и эмигрантских архивов [сб. док.] / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, Гос. арх. Рос. Федерации: [сост. Л.И. Петрушева, Е.Ф. Теплова; авт. предисл., отв. ред. Г.А. Трукан]. – М.: ИРИ РАН, 1995. – 442 с.

25. Русская адвокатура в Германии: Отчет о деятельности Союза за 10 лет (1920–1930). – Берлин, 1930. – 127 с.

26. Русская военная эмиграция 20–40-х годов: док. и материалы / Ит-т воен. истории М-ва обороны РФ и др.; сост.: *Басик И. И.*, (отв. сост.) и др.; пер. фр. док. – В. Карпов. – М.: Гея, 1998–2007. – Т. 1–4.

27. Русская молодежь в высшей школе за границей: Деятельность Центрального комитета по обеспечению высшего образования Русскому юношеству за границей (1922/1923–1931/1932 уч. гг.). – Париж, 1933. – 62 с.

28. Русская школа за рубежом: исторический опыт 20-х годов: сборник документов. – М., 1995. – 350 с.

29. «Русская эмиграция... совершенно не объединена ничем общим»: («белые» и «красные» о российском зарубежье: новые документы) / подгот. публ. А.В. Квакина // *Источник*. – 2003. – № 5. – С. 36–52.

30. Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы). Сборник документов и материалов / сост., публикация, введение, примеч., биографич. комментарий, именной указ. З.С. Бочарова. – М.: РОССПЭН, 2004. – 400 с.

31. Русские в Германии: юридический справочник / сост. И.М. Рабинович. – Берлин: Слово, 1921. – 167 с.

32. Русские сборники / под ред. Э.Д. Гримма и К.Н. Соколова. – Кн. 2. – София, 1921. – 38 с.

33. Русский Берлин (20-е гг. XX в.): сборник / сост., предисл. и персоналии В.В. Сорокиной. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. – 368 с.

34. Русский всезаграничный церковный собор. Деяния Русского всезаграничного церковного собора, состоявшегося 8–12 ноября 1921 года в Сремских Карловцах в Королевстве СХС. – Сремски Карловци: Срп. Монастирска штамп, 1922. – 156 с.

35. Русский дом им. императора Николая II в Белграде: открытие 9 апреля 1933 г. – Белград, 1933. – 45 с.

36. Русский Красный Крест после 1917 года: очерк деятельности Рос. о-ва Красного Креста (старой организации) за отчетный период, 1921–1925 гг. – Париж, 1926. – 40 с.

37. Русский Париж / сост., предисл. и коммент. Т.П. Бушлаковой. – М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. – 528 с.

38. Русский Совет. Положение о Совете. Задачи Совета. Обзор деятельности / с предисл. И.П. Алексинского. – Париж, 1921. – 44 с.

39. Русский учитель в эмиграции. Сб.ст. – Прага, 1926. – 287 с.

40. Русское благотворительное общество в Шанхае. Отчет Русского благотворительного общества в Шанхае за 1923 г. – Шанхай, 1923. – 116 с.

41. Русское национальное объединение. Париж. Съезд Русского национального объединения, 5–12 июня 1921 г. – Париж, 1921. – 31 с.

42. «рю Дарю, 12. Париж». Письма митрополиту Евлогию. 1921–1927 гг. / публ. *Одинцов М.И.* // Исторический архив. 1996. № 1.
43. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР, издаваемое Управлением Делами СНК СССР. – М., 1924–1927.
44. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, издаваемое Народным комиссариатом юстиции. – М., 1920–1923 гг.
45. Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 года): Подготовка. Проведение. Итоги: сб. док. / сост. С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин. – М.: РОССПЭН, 2002. – 1007 с.
46. Франция и большевистская Россия (1917–1921): документы из архива Военного министерства Франции / предисл., публ., пер., коммент. С.С. Поповой // Россия и Франция, XVIII–XX века. – М.: Наука, 2000. – Вып. 3. – С. 253–269.
47. Франция и проблема возвращения врангелевцев в Советскую Россию в 1921 году: Документы из архивов военного и морского министерств Франции / публ. и коммент. С.С. Поповой // Россия и Франция, XVIII–XX века. – М.: Наука, 1998. – Вып. 2. – С. 241–272.
48. Харбинский комитет помощи русским беженцам, 1923–1938. Отчет о деятельности. – Харбин, 1938. – 79 с.
49. Харбинский комитет помощи русским беженцам. Отчет Харбинского комитета помощи русским беженцам о его деятельности в Северной Маньчжурии (Китай) за 1930 год, заслушанный и утвержденный Общим собранием комитета 29 марта 1931 г. – Харбин, 1931. – 32 с.
50. Société des nations. Haut-Commissariat pour les réfugiés. Documents préparatoires et procès-verbaux de la Conférence intergouvernementale pour le statut juridique des réfugiés 28–30 juin 1928. Arrangement et accord du 30 juin 1928. – Geneve, 1930. – 24 p.

V. Мемуары

1. *Александровский Б.Н.* Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта / Б.Н. Александровский. – М.: Мысль, 1969. – 374 с.
2. *Андреев Н.Е.* То, что вспоминается: из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982) / Н.Е. Андреев; ред. Е.Н. Андреева, Д.Г. Андреев. – Таллинн: Авенариус, 1996. – Т. 1. – 335 с.; – Т. 2. – 319 с.
3. *Ариштам А.М.* Воспоминания / пер. с фр. М.Ю. Германа. – СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2010. – 164 с.
4. *Бунин И.А.* Окаянные дни / И.А. Бунин. – М.: Современник, 1991. – 255 с.
5. *Вишняк М.* Годы эмиграции / М. Вишняк. – Стэнфорд, 1970. – 412 с.

6. *Гессен В.И.* В борьбе за жизнь (записки эмигранта): Петербург – Берлин – Париж – Нью-Йорк / В.И. Гессен. – Нью-Йорк, 1974. – 189 с.

7. *Гессен И.В.* Годы изгнания / И.В. Гессен. – Париж: Ymca-Press, 1979. – 268 с.

8. *Гуль Р.* Я унес Россию: Антология эмиграции / Р. Гуль. – Т. 1–3. – М.: Б.С.Г. – ПРЕСС, 2001.

9. Евлогий митрополит. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной / митр. Евлогий. – М.: Московский рабочий; ВПМД, 1994. – 621 с.

10. *Савич Н.В.* Воспоминания / Н.В. Савич. – СПб.: Дюссельдорф, 1993. – 314 с.

11. *Еленевская И.* Воспоминания / И. Еленевская. – Стокгольм: б/и, 1968. – 214 с.

12. *Игнатъев А.А.* Моя миссия в Париже / А.А. Игнатъев; послесловие В.А. Авдеев. – М.: Гея, 1999. – 334 с.

13. *Ильина Н.* Дороги и судьбы / Н. Ильина. – М.: Московский рабочий, 1988. – 656 с.

14. *Красноусов Е.М.* Шанхайский русский полк, 1927–1945 гг. – Сан-Франциско: б/и, 1984. – 367 с.

15. *Львов Г.Е.* Воспоминания / Г.Е. Львов; предисл. И.А. Вырубова. – М.: Рус. путь, 1998. – 313 с.

16. *Любимов Л.Д.* На чужбине / Л.Д. Любимов. – М.: Сов. писатель, 1963. – 414 с.

17. *Маклаков В.А.* Из воспоминаний / В.А. Маклаков. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. – 410 с.

18. *Мейснер Д.И.* Миражи и действительность: записки эмигранта / Д.И. Мейснер. – М.: Мысль, 1966. – 302 с.

19. *Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники / С.П. Мельгунов. – М.: Индрик, 2003. – 527 с.

20. Меньшевики: От революций 1917 года до Второй мировой войны / *Далин Д., Деннике Ю., Ланде Л., Сапир Б., Волин С.*; сост.-ред. Л. Хеймсон. – М.: Собрание, 2009. – 552 с.

21. *Набоков В.В.* Другие берега / Владимир Набоков. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. – 265 с.

22. *Ратиев А.Л.* То, что сохранила мне память: мемуары / князь Александр Ратиев; сост. Г. Рупчева, Л. Любенова, Ц. Кюсева, Н. Дачева. – София: Изд-во Софийс. Ун-та им. Св. Климента Охридского, 1999. – 681 с.

23. *Савич Н.В.* Воспоминания / Н.В. Савич. – СПб.: Logos, 1993. – 314 с.

24. *Савич Н.В.* После исхода. Парижский дневник, 1921–1923 / Н.В. Савич. – М.: Рус. путь, 2008. – 568 с.

25. *Слободской А.* Среди эмиграции: мои воспоминания, Киев – Константинополь, 1918–1920. – Харьков: Пролетарий, 1925. – 131 с.

26. *Сорокин П.* Дальняя дорога / П. Сорокин. – М.: Московский рабочий, 1992. – 302 с.

27. *Старк Г.К.* Моя жизнь: (воспоминания контр-адмирала) / Г.К. Старк. – СПб.: Центральный военно-морской музей, 1998. – 131 с.

28. Тихонова Н. Девушка в синем. – М.: АРТ, 1992. – 366 с.
29. Шаляпин Ф.И. Страницы из моей жизни: Повести. – М.: Книжная палата, 1990. – 464 с.

VI. Публикации деятелей русского зарубежья

1. Африка глазами эмигрантов: россияне на континенте в первой половине XX века / сост. А.Б. Летнев, В.П. Хохлова. – М.: Вост. лит., 2003. – 214 с.
2. Белый Рыцарь. Письма П.Н. Врангеля жене // Новый журнал. – Н. У., 2005. – Кн. 238. – С. 76–120.
3. Гиппиус З.Н. Наше прямое дело / З.Н. Гиппиус. – Париж: Родник, 1930. – 54 с.
4. Даватц В.Х. Годы. Очерки пятилетней борьбы. – Белград, 1926.
5. Даватц В.Х. Русская армия на чужбине / Даватц В.Х., Львов И.Н. – Белград: Русское издательство, 1923.–122 с.
6. Илов М. Русские в Польше (1919–1939) // Новый журнал. – 1990. № 179.
7. Ильин И.А. Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993. – 431 с.
8. Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная деятельность русского зарубежья за полвека (1920–1970). – Париж, 1971. – 347 с.; Доп. Вып. – Париж, 1973. – 147 с.
9. Ковалевский П.Е. Наши достижения: роль русской эмиграции в мировой науке. – Вып. 1. – Мюнхен: Изд-во Центрального объединения политических эмигрантов из СССР, 1960. – 56 с.
10. Ковалевский П.Е. Русские ученые за рубежом (итоги русской науки за рубежом за 35 лет 1920–1955) // Возрождение. – Париж, 1955. – № 44. – С. 7–28; 1956. – № 56. – С. 121–127.
11. Милюков П.Н. Россия на переломе. – Т. 2. – Париж, 1927. – 281 с.
12. Милюков П.Н. Эмиграция на перепутье. – Париж, 1926. – 136 с.
13. Мирский Н. За кулисами Чeka. Из архивов советской миссии Красного Креста в Болгарии. Документы чрезвычайки. – София, 1923. – 47 с.
14. «Наступило время компромиссов и эволюций...». Переписка В.А. Маклакова и Б.А. Бахметева / публ. и предисл. А.В. Квакин // Источник. – 2001. – № 1.
15. Николаев К.Н. Правовое положение Православной церкви народа русского в рассеянии сущего. – Новый Сад, 1934. – 187 с.
16. Никольский Б.А. Наше экономическое представительство за границей. (Из записок торгового агента). – Гамбург: б/и, 1923. – 181 с.
17. Окунцов И.К. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. – Буэнос-Айрес: Сеятель, 1967. – 486 с.
18. П. Б. Крымская эвакуация // На чужой стороне. 1925. № 1. С. 173–198; № 12. – С. 113–157.
19. Падалкин А.П. «Союз возвращения на родину» в Болгарии в 1922–23 гг. и борьба с ним // Родимый край: Орган общеказахской мис-

ли. – Париж, 1963. № 46. С. 16–20; № 47. С. 36–71; № 48. С. 19–24; № 49. С. 23–29.

20. *Парчевский К.К.* В Парагвай и Аргентину. Очерки Южной Америки. – Париж, 1936. – 304 с.

21. *Парчевский К.К.* По русским углам. Цикл очерков о русской эмиграции во Франции между первой и второй мировыми войнами / Авт. вступ. ст. С.А. Беляев, Б.М. Парчевская. – М.: ИВИ РАН, 2002. – 220 с.

22. *Патек В.В.* Исповедь сменовеховца: Большевики в Болгарии. – София, 1924. – 152 с.

23. *Пешихонов А.В.* Почему я не эмигрировал? – Берлин, 1923. – 77 с.

24. *Пилкин А.П.* Парагвай. Краткий очерк. – Париж: Инициативная группа «Станицы им. ген. Беляева», 1934. – 32 с.

25. *Полнер Т.И.* Жизненный путь кн. Георгия Евгеньевича Львова. Личность. Взгляды. Условия деятельности. – Париж, 1932. – 309 с.; М.: Рус. путь, 2001. – 464 с.

26. Почему мы вернулись на Родину: Свидетельства реэмигрантов / сост., авт. предисл. и ввод ст. А.П. Осадчая, А.Л. Афанасьев, Ю.К. Баранов; изд. 2-е, доп. – М.: Прогресс, 1987. – 400 с.

27. *Руднев В.В.* Русская зарубежная школа: 1920–1924. – Париж, 1924. – 278 с.

28. Русская армия на чужбине. Галлиполийская эпопея / сост.-ред., пред. и коммент. д.и.н. С.В. Волкова. – М.: Центрполиграф, 2003. – 463 с.

29. Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие. К 90-летию начала Русской акции помощи в Чехословакии. Прага: Национальная библиотека Чешской Республики – Славянская библиотека; гражданское объединение «Русская традиция», 2012. – 359 с.

30. Русские в Болгарии. – София, 1923. – 64 с.

31. Русские в Галлиполи. Сб. ст., посвященных пребыванию 1-го Армейского корпуса Русской армии в Галлиполи. – Берлин: Типография Е.А. Гутнова, 1923. – 490 с.

32. Русские в Латвии. Сб. «Дня русской культуры». – Рига, 1933–1934. – Ч. 1–2.

33. Русские в Шанхае. – Шанхай, 1936; СПб.: Альфарет, 2009. – 87 с.

34. Русский Берлин, 1921–1923. По материалам архива Б.Н. Николаевского в Гуверовском институте / под ред. Л. Флейшман, Р. Хьюз, О. Раевская-Хьюз. – Париж: Умса-Press, 1983; Paris: Умса-Press; М.: Русский путь, 2003. – 422 с.

35. Русский язык в зарубежной России. – М.: Русский мир, 2007. – 480 с.

36. Русское зарубежье и славянский мир. Сб. трудов / сост. П. Буняк. Белград: Славистическое общество Сербии, 2013. – 595 с. URL: http://www.slavistickodrustvo.org.rs/pdf_dokumenti/russkoe_zarubezhje_2013.pdf

37. «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Макалов. Переписка, 1919–1951: в 3 т. – М.: РОССПЭН, 2001–2002.

38. *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. – Париж: ИМКА-Пресс, 1984. – 449 с.

39. *Таубер Л.Я.* Лига наций и юридический статут русских беженцев. – Белград, 1933. – 38 с.
40. *Федоров Г.* Путешествие без сантиментов (Крым, Галлиполи, Стамбул) / Г. Федоров. – Л.: М.: Книга, 1926. – 174 с.
41. *Ширинская А.А.* Бизерта. Последняя стоянка. Воспоминания. – М.: Рус. путь, 1999. – 244 с.

VII. Исследования

1. *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае / Н.Н. Аблажей. – Новосибирск: СО РАН, 2007. – 300 с.
2. *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае. Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.) / Н.Е. Аблова. – М.: Русская панорама, 2005. – 431 с.
3. *Абызов Ю.А.* Периодические издания Латвии // Балтийский архив. – 1999. – Т. 5. – С. 236–240.
4. *Абызов Ю.И.* А издавалось это в Риге. 1918–1940. – М.: Русский путь, 2006. – 416 с.
5. *Авдеев В.* Загадка «Решид-Паши». Заметки историка / В. Авдеев // Диалог. – М., 2001. – № 1. – С. 68–78.
6. *Адамович Г.В.* Василий Алексеевич Маклаков: Политик, юрист, человек / *Адамович Г.В.*. – Париж, 1959. – 260 с.
7. *Азаров Ю.А.* Диалог поверх барьеров. Русское литературное зарубежье: центры, периодика, взаимосвязи (1918–1940). – М.: Совпадение, 2005. – 235 с., ил.
8. *Азаров Ю.А.* Русская литературная эмиграция в США 1920–1930-х гг.: (По материалам периодических изданий) // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – 2000. – № 3. – С. 83–97.
9. *Азаров Ю.А.* Русская периодическая печать в Финляндии // Русская культура XX века на родине и в эмиграции. Имена. Проблемы. Факты. / под ред. М.В. Михайловой, Т.П. Буслаковой, Е.А. Ивановой. – М., 2000. – Вып. 1. – С. 236–257.
10. Акция Нансена. Сводка сведений об отношении Советской власти к реэмигрантам // Родина. – 1990. – № 10. – С. 57–59.
11. *Александров С.А.* Возникновение зарубежной России / С.А. Александров. – М.: АИРО-XX, 2003. – 56 с.
12. *Алексеева Е.В.* Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов, словенцев. (По документам Архива Югославии.) / Е.В. Алексеева // Отечественные архивы. – 1995. – № 6. – С. 20–26.
13. *Алексеева Е.В.* Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов, словенцев. 1920–1941 годы / Е.В. Алексеева // Отечественная история. 2000. № 1. С. 32–40.
14. *Алексеев М.И.* Русская молодежная печать в Маньчжурии // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт

взаимодействия и перспективы сотрудничества. – Хабаровск: Частная коллекция, 1998. С. 228–232.

15. *Ананьев О.В.* Петр Бернгардович Струве: жизнь, борьба, творчество. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Санкт-Петербург, 2009. – 208 с.

16. *Антоненко Н.В.* Идеология и программатика русской монархической эмиграции: Монография. – Мичуринск: Изд-во Мичуринского гос. аграрного ун-та, 2007. – 204 с.

17. *Антощенко А.В.* «Евразия» или «Святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории) / А.В. Антощенко. – Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2003. – 392 с.

18. *Антропов О.К.* Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.) / О.К. Антропов. – Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2008. – 326 с.

19. *Арсеньев А.Б.* Новый Сад – «новый остров» Петербурга / А.Б. Арсеньев // Берега. Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. – 2005. – Вып. 4. – С. 4–11.

20. *Арсеньев А.Б.* У излучины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду / под ред. В.Б. Кудрявцева / А.Б. Арсеньев. – М.: Рус. путь, 1999. – 423 с.

21. Архитектурное наследие русского зарубежья. Вторая половина XIX – первая половина XX в. / под ред. С.С. Левашко. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. – 428 с.

22. *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае. (1920–50-е гг.) / Е.Е. Аурилене. – Хабаровск: Частная коллекция, 2008. – 268 с.

23. *Афанасьев А.Л.* Полюнь в чужих полях / А.Л. Афанасьев. – М.: Молодая гвардия, 1984. – 285 с.

24. *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.) / П.Н. Базанов. – СПб.: СПбГУ-КИ, 2004. – 430 с.; – 2 изд., испр. и дополн.: СПб.: СПбГУКИ, 2008. – 468 с.

25. *Базанов П.Н.* Издательства и периодика «Ди-Пи» // Книга. Культура. Читатель. – СПб.: СПбГУКИ, 1998. С. 135–143.

26. *Балакиин П.П.* Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. – Сан-Франциско – Париж – Нью-Йорк, 1958. – Т. 1. – 430 с.; – Т. 2. – 375 с.

27. *Барихновский Г.Ф.* Идеино-политический крах белой эмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921–1924 гг.) / Г.Ф. Барихновский. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 160 с.

28. *Батожок И.А.* К вопросу о типологии российской эмиграции в Китае / И.А. Батожок // Российская культура глазами молодых ученых. – Вып. 4. Ч. 1. – СПб.: СПбГУКИ, 1995. – С. 158–165.

29. *Батожок И.А.* Русские в Китае. Поиск документов в архивах КНР / И.А. Батожок // Отечественные архивы. – 1996. – № 1. – С. 41–43.

30. *Батожок И.А.* Русские из Китая в Калифорнии (1920–1957). К вопросу о культурной специфике группы / И.А. Батожок // Культура на пороге III тысячелетия. – СПб.: СПбГУКИ, 1996. – С. 198–205.

31. *Башмакова Н.* Из истории и быта русских в Финляндии. 1917–1939 / Н. Башмакова, М. Лайонен // *Studia Slavica Finlandensia*. – Helsinki, 1990. – Т. 7. – С. 1–100.

32. *Белов В.* Белая печать. Ее идеология, роль, значение и деятельность (Материалы для будущего историка). – Пг.: Госиздат, 1922. – 127 с.
33. *Белоконь И.А.* Дипломатическая борьба П.Н. Врангеля за переброску Русской армии в Болгарию и Королевство СХС (1921–1922 гг.) // Новый исторический вестник. – 2004. – № 11.
34. *Беляева А.В.* Из истории Русской Православной церкви во Франции / А.В. Беляева // Россия и Франция. XVIII–XX века. – М.: Наука, 2003. – Вып. 5. – С. 275–287.
35. *Беляков В.В.* По следам «Пересвета». Россияне в Египте / В.В. Беляков. – Каир, 1994. – 232 с.
36. *Беляков В.В.* Приютила Африка Жар-птицу. Россияне в Египте / В.В. Беляков. – М.: Классика плюс, 2000. – 253 с.
37. *Беляков В.В.* Русский Египет. – М.: Вече, 2008. – 336 с.
38. *Бернев С.К.* Печать на оккупированной территории Северо-Запада России (1941–1944) // Книга. Культура. Общество: Сборник научных трудов по материалам 12-х Смирдинских чтений / Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусства; Науч. ред. И.А. Шомракова. – Т. 154. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – С. 195–202.
39. *Бирман М.А.* Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии 1920–30-х годов / М.А. Бирман, А.Н. Горяинов // Новая и новейшая история. – 2002. – № 1. – С. 173–193.
40. *Блюм Арлен.* Зарубежная русско-еврейская печать и литература в оценке коммунистической цензуры (по материалам «Секретного бюллетеня Главлита» за 1923 г.) // Евреи в культуре русского зарубежья. Вып. II: 1919–1939 гг. / сост. и издатель Михаил Пархомовский. – Иерусалим, 1993. – С. 240–246.
41. *Блюм Арлен.* Печать Русского Зарубежья глазами Главлита и ГПУ // Новый журнал. – 1991. – № 183. – С. 264–282.
42. *Бобрищев-Пушкин А.* Война без перчаток / А. Бобрищев-Пушкин. – М., 1925. – 140 с.
43. *Богдан Е.Б.* Казачество в эмиграции: Вопросы сравнительного анализа источников / Е.Б. Богдан // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. – М., 1996. С. 268–270.
44. *Бойко Ю.В.* Региональные аспекты адаптации российских эмигрантов к условиям жизни во Франции (1900–1930-е гг.) / Ю.В. Бойко // Исторический источник: Человек и пространство. – М., 1997. С. 235–237.
45. *Бортневский В.Г.* Загадка смерти генерала Врангеля: Неизвестные материалы по истории русской эмиграции 1920-х гг. / В.Г. Бортневский. – СПб.: Изд-во С-Петерб.ун-та, 1996. – 167 с.
46. *Бочарова З.С.* «...не принявший иного подданства». Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920–1930-е годы / З.С. Бочарова. – СПб.: Нестор, 2005. – 251 с.
47. *Бочарова З.С.* «Польское правительство не безразлично к судьбе русских эмигрантов»: к истории российской эмиграции в Польше в 1920-е гг. // Духовность. Научный журнал. – Сергиев Посад, 2010. – № 1. С. 124–155.

48. Бочарова З.С. Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории / З.С. Бочарова. – М.: АИРО XXI, 2011. – 304 с.

49. Бочарова З.С. «Без России невозможно возрождение Европы». Помощь Фритьфа Нансена голодающей России (1921–1922 гг.) и международное сообщество / З.С. Бочарова // Россия XXI. 2012. № 1. С. 110–129.

50. Бочарова З.С. Правовое положение русской эмиграции в Италии. 1921–1926 гг. / З.С. Бочарова, Л.И. Петрушева // Исторический архив. 2012. № 1. С. 93–101; № 3. С. 115–127.

51. Брюнон Ж. Иностраннный легион, 1831–1955 / Жан Брюнон, Жорж Маню. – М., 2003. – 523 с.

52. Будницкий О.В. Милоков и Маклаков: к истории взаимоотношений. 1917–1939 / О. Будницкий // П.Н. Милоков: историк, политик, дипломат. Материалы международной конференции. – М.: РОССПЭН, 2000. С. 358–384.

53. Будницкий О.В. Нетипичный Маклаков (О политической деятельности В.А. Маклакова) / О. Будницкий // Отечественная история. 1999. № 2. С. 12–26; № 3. С. 64–81.

54. Будницкий О. Дипломаты и деньги / О. Будницкий // Диаспора. Новые материалы. – Париж–СПб.: Феникс, 2002. Т. 4. С. 457–510; Т. 5. С. 283–332.

55. Булацель А. На родину их стана белых / А. Булацель. – М.: Гослитиздат, 1924. – 149 с.

56. Бутков В. Русская эмиграция в Болгарии / В. Бутков // Новый журнал=New Rev. N-Y. 1997. Кн. 206. С. 288–294.

57. Бялата эмиграция в България. Материалы от научна конференция. София, 23 и 24 септември 1999 г. – София: ИК ГУТЕНБЕРГ, 2001. – 456 с.

58. «В рассеянии сущие...» Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 15–16 февраля 2005). Сб. докладов. – М.: ДМЦ, 2006. – 384 с.

59. Ван Чжичен. История русской эмиграции в Шанхае / пер. с кит. – М.: Русский путь, 2008. – 576 с.

60. Вандалковская М.Г. Традиции русской общественной мысли в историко-философском наследии Н.А. Бердяева // История и историки: Историографический вестник. 2003. – М., 2003. – С. 141–168.

61. Вандалковская М.Г. Либерально-консервативная мысль эмиграции: сущность и особенности (20–30-е годы XX в.) // История и историки: Историографический вестник. 2004. – М., 2005. – С. 158–185.

62. Вандалковская М.Г. Эмигрантские прогнозы постбольшевистского преобразования России (30-е годы XX века) // История и историки: Историографический вестник. 2006. – М., 2007. – С. 172–183.

63. Вандалковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции. 20–30-е гг. – М.: ИРИ, 2009. – 432 с.

64. Варшавский В.С. Незамеченное поколение. – Нью-Йорк, 1956. – 387 с.; М.: Рус. путь, 2010. – 544 с.

65. Васильев В.В. Казачьи журналы // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940 / Т. 2. Периодика и литературные центры. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 188–203.

66. Вацек Йиржи, Бабка Лукаш. Голоса изгнанников. Периодическая печать эмиграции из советской России (1918–1945) / пер. с чешского И. Золотарев, А. Хлебина. – Прага: Русская традиция, 2009. – 125 с.

67. Владимиров Л. Возвратите их на родину: жизнь врангелевцев в Галлиполи и Болгарии / Л. Владимиров. – М., 1924. – 59 с.

68. Волков С.В. К вопросу о русской эмиграции в Корею в начале 1920-х годов / С.В. Волков // Российское краеведение. Альманах. – Вып. 2. – М., 2001.

69. Волков С.В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога / С.В. Волков. – М.: Русский путь, 2002. – 568 с.

70. Волков С. Трагедия русского офицерства / С.В. Волков. – М., 2002. – 234 с.

71. Волков С.В. Русская военная эмиграция: издательская деятельность. – М.: Пашков дом, 2008. – 552 с.

72. Вологонова О.Д. Образ России в философии русского зарубежья. – М.: РОССПЭН, 1998. – 325 с.

73. Волошина В.Ю. Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории». – Омск: Ом.гос.ун-т, 2010. – 219 с.

74. Воробьев А. Русская Бельгия: Путевые заметки с отступлениями / А. Воробьев. – Орел, б/г. – 15 с.

75. Галич Ж.В. Русская политическая эмиграция и большевистские дискуссии середины – второй половины 1920-х гг. / Ж.В. Галич // Русская эмиграция во Франции (1850-е – 1950-е гг.). – СПб.: Минерва, 1995. С. 89–96;

76. Ганин В.В. Система подготовки юридических кадров в СССР и российском зарубежье. 1917-середина 1980-х гг. / В.В. Ганин. – М., 2001. – 234 с.

77. Говердовская Л.Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг. / Л.Ф. Говердовская. – М., 2000. – 174 с.

78. Годы. Люди. Судьбы. История российской эмиграции в Китае: Материалы междунард. науч. конф., посвящ. 100-летию г. Харбина и КВЖД. Москва, 19–20- мая 1998 г. / Рос. АН. Ин-т рос. истории. – М., 1998. – 213 с.

79. Голдин В.И. Русская эмиграция в Норвегии. 1918–1940 / В.И. Голдин, Т.П. Тетеревлева, Н.Н. Цветнов // Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке / Под ред. В.И. Голдина, Й.П. Нильсена. – Архангельск, 1997. С. 103–124.

80. Голотик С.И. Российское общество Красного Креста (1917–30-е годы) / Голотик С.И., Ипполитов С.С. // Новый исторический вестник. – М., 2001. – № 2 (4). – С. 237–250.

81. Горбунова А.И. Литературно-критическая деятельность Н.М. Бахтина в периодических изданиях «русского Парижа» 1920-х гг. // Гуманитарные исследования: теория и реальность. Саранск, 2005. С. 148–150.

82. Горелик Б. Русская диаспора Южной Африки. Ассимиляция или адаптация? / Б. Горелик // Азия и Африка сегодня. – 2004. – № 5.

83. Горкавенко Н.Л., Гридина Н.П. Российская интеллигенция в изгнании. Маньчжурия, 1917–1946 гг. – Владивосток, 2002. – 156 с.

84. Горяинов А.Н. Культурно-просветительные организации русских эмигрантов в Болгарии (до начала 30-х годов XX века) // Славяноведение. – 1994. – № 4. – С. 23–33.

85. Горяинов А.Н. Учебные заведения русской эмиграции в Болгарии // Славянский альманах-1997. – М., 1998. – С. 182–195.

86. Горячкин Г.В. Последний царский генконсул в Египте // Азия и Африка сегодня. – М., 2001. – № 5. – С. 60–63.

87. Горячкин Г.В. Русская поликлиника в Каире: (о судьбах русской эмиграции в 20–30-х гг. XX в.) // Азия и Африка сегодня. – М., 1998. – № 11. – С. 75–77.

88. Горячкин Г.В. Русская эмиграция в Египте и Тунисе. (1920–1939 гг.) / Г.В. Горячкин, Т.Г. Гриценко, О.И. Фомин. – М.: Гуманитарий, 2000. – 219 с.

89. Григорьева Н.В. Путешествие в русскую Финляндию: Очерк истории и культуры. – СПб.: Норма, 2002. – 160 с.

90. Гришуныкина М.Г. Профессиональные корпорации юристов в российском зарубежье. 1920–1930-е гг. / М.Г. Гришуныкина. – М.: МАКС-Пресс, 2004. – 60 с.

91. Гришуныкина М.Г. Российская адвокатура в эмиграции в 1920–1930-е гг. / М.Г. Гришуныкина. – М.: МАКС-Пресс, 2005. – 50 с.

92. Гурко-Кряжжина Е.В. Источниковая база изучения культурной и общественной жизни русского зарубежья: Русскоязычная периодика Словакии и Подкарпатской Руси 1919–1944 гг. Вопросы библиографирования // Вестник архивиста. – 2006. – № 6. – С. 285–295.

93. Гусев К.В. В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. – М.: РОССПЭН, 1999. – 208 с.

94. Даватц В.Х. Годы. Очерки пятилетней борьбы / В.Х. Даватц. – Белград, 1926. – 237 с.

95. Даскалов Д. Издательская деятельность русской эмиграции в Болгарии / Д. Даскалов // Славяноведение. – 1996. – № 5. – С. 84–97.

96. Дедков Н.И. Консервативный либерализм Василия Маклакова. – М.: Аиро-XX, 2005. – 224 с.

97. Динерштейн Е.А. Советская власть и эмигрантская печать (20-е годы) // Книга: Исследования и материалы. – М., 2001. – Сб. 79. С. 197–228.

98. Дом в изгнании. Очерки о русской эмиграции в Чехословакии 1918–1945. – Прага: RT+RS SERVIS, 2008. – 512 с.

99. Домнин И.В. Военная периодика Русского Зарубежья как часть его культурного наследия // Роль Русского Зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры: Сб. ст. – М.: ИРИ, 1993. – С. 61–65.

100. Домнин И.В. Источниковая база изучения жизни и творчества воинства Русского Зарубежья: военная периодика // Проблемы зарубежной архивной России. – М., 1997. – С. 142–149.

101. Доронченков А.И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 216 с.

102. *Досталь М.Ю.* Печатные источники для изучения истории сла- вистики русского зарубежья: (Чехословацкий славистский центр) // Сла- вистика СССР и русского зарубежья 20–40-х годов XX в. – М., 1992. – С. 38–52.

103. *Дубинина Н.И.* Об особенностях дальневосточной ветви рос- сийской эмиграции (на материалах Харбинского комитета помощи рус- ским беженцам) / Н.И. Дубинина, Ю.Н. Ципкин // Отечественная исто- рия. – 1996. – № 1. – С. 70–84.

104. *Дьяков В.А.* «Русская идея» в эмигрантских изданиях 1920–1968 годов // Славяноведение. – 1995. – № 4. – С. 3–16.

105. *Евсеева Е.Н.* Объединение русских студенческих эмигрантских организаций (1920–1934) // Е.Н. Евсеева // Новый исторический вестник. – 2001. – № 1. – С. 243–247.

106. *Емельянов Ю.Н.* История в изгнании: Историческая периодика русской эмиграции (1920–1940-е годы). – М.: НП ИД «Русская панора- ма», 2008. – 494 с. – (Страницы российской истории).

107. *Ермичев А.А.* Русская философия и общественная мысль на страницах эмигрантских журналов // Вече. Альманах русской филосо- фии и культуры. – СПб., 1997. – Вып. 9. – С. 229–237.

108. *Ермичев А.А.* Философская и общественная жизнь в журналах русского зарубежья // Вестник Русского христианского гуманитарного института. – СПб., 1999. – № 3. – С. 325–343.

109. *Ершов В.Ф.* Российская военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. (организации, идеология, экстремизм) / В.Ф. Ершов. – М., 2000. – 294 с.

110. *Ершов В.Ф.* Студенческий мир Зарубежной России (1920–1940-е гг.) / В.Ф. Ершов // Российское студенчество: условия жизни и быта (XVIII–XXI века). Всероссийская научная конференция. Сб. науч. ст. – М., 2004. – С 183–192.

111. *Ершов В.Ф., Курамина Н.В.* Российские образовательные учре- ждения за рубежом: опыт 1920–1930-х годов // Исторические записки. – 2004. – № 7 (125). – С. 198–222.

112. *Жирков Г.В.* Между двух войн: Журналистика русского зару- бежья (1920–1940 годы): Уч. пособие. – СПб.: ИГУП, 1998. – 208 с. – (Библиотека гуманитарного университета)

113. Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков: Учебное по- собие / А.Ф. Бережной, Н.Л. Волковский, Л.П. Громова и др. Под ред. Г.В. Жиркова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – 320 с.

114. Зарубежная архивная Россия. Итоги и перспективы выявления и возвращения. – М.: б/и, 2001. – 254 с.

115. Зарубежная Россия. 1917–1939 гг. Сб. ст. / Ответ. ред. В.Ю. Чер- няев. – СПб.: Лики культуры, 2000. – 445 с.

116. Зарубежная Россия. 1917–1939 гг. Сб. ст. / Ответ. ред. В.Ю. Чер- няев. – СПб.: Лики культуры, 2003. – 512 с.

117. Зарубежная Россия. 1917–1945 гг. Сб. ст. / Ответ. ред. В.Ю. Чер- няев. – СПб.: Лики культуры, 2004. – 440 с.

118. *Зимина В.Д.* Эмигрантская казачья пресса 20–30-х годов как исторический источник // Преподавание и изучение историографии и источниковедения отечественной истории: проблемы, опыт, поиски, решения. – Тверь, 1992. – С. 70–80.

119. И в изгнании учить любви к Родине / В.А. Владыкина // Педагогика. – 1995. – № 3. – С. 58–51.

120. *Иванов А.С.* Однодневные газеты (1918–1940) // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940 / Т. 2. Периодика и литературные центры. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 288–294.

121. *Иванов В.П.* Российская эмиграция на Дальнем Востоке в 1920–1945 гг.: формирование, деятельность, институциональные основы / В.П. Иванов. – М.: МГОУ, 2003. – 160 с.

122. *Ивоницкая Л.А.* Периодическая печать эмиграции как источник по истории российского зарубежья // Из истории российской эмиграции: Сб. науч. ст. – СПб.: Третья Россия, 1992. – С. 58–62.

123. Изгои: российские беженцы в Финляндии (1917–1939) / Пека Невалайнен; сокр. авториз. пер. – СПб.: Журнал Нева, 2003. – 365 с.

124. *Иоффе Г.З.* В.А. Маклаков: вместо подчинения одним надо искать равновесие / Г.З. Иоффе, С.В. Кулешов // Кентавр. – 1993. – № 6. – С. 61–71.

125. *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции / Г.З. Иоффе. – М.: Наука, 1977. – 319 с.

126. *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. – М.: Ипполитов, 2004. – 376 с.

127. *Ипполитов С.С.* Три столицы изгнания. Константинополь, Берлин, Париж. Центры зарубежной России 1920-х – 1930-х гг. / С.С. Ипполитов, В.М. Недбаевский, Ю.И. Руденцова. – М.: РГГУ, 1999. – 208 с.

128. *Исаков С.Г.* Русские в Эстонии: 1914–1940: Историко-культурный очерк. – Тарту, 1996. – 400 с.

129. *Исаков С.Г.* Периодическая печать // Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940). – Тарту; СПб.: Крипта, 2001. – С. 234–272.

130. *Исаков С.Г.* Русские в Эстонии (1918–1940): Историко-культурные очерки. – Тарту: Компю, 1996. – 400 с.

131. *Исаков Сергей.* Русская печать в Эстонии (1918–1940) // Балтийский архив. – 1999. – Т. 5. – С. 166–226.

132. История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках. Сб. ст. / отв. ред. Ю.А. Поляков. – М.: ИРИ РАН, 1996. – 174 с.

133. История российского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX–XX вв.). Сб. ст. / отв. ред. Ю.А. Поляков. – М.: ИРИ РАН, 2004. – 255 с.

134. Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. Сб. ст. / под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. – М.: ИРИ РАН, 1997. – 191 с.

135. *Кабузан В.М.* Русские в мире. – СПб.: Блиц, 1996. – 351 с.

136. *Казнина О.А.* Русская эмигрантская община в Англии: 1920–1930 гг. // *Русский мир*. – М., 2000. – № 1. – С. 81–88.

137. *Казнина О.А.* Русские в Англии: из переписки Е.В. Саблина // *Россика в США: Сб. статей (Материалы к истории русской политической эмиграции; Вып. 7)*. – М.: Ин-т полит. и воен. анализа, 2001. – С. 161–185.

138. *Казнина О.А.* Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. – М.: Наследие, 1997. – 413 с.

139. *Калинин И.* В стране братушек. – М: Московский рабочий., 1923. – 240 с.

140. *Канищева Н.И.* Организационная структура заграничных групп Конституционно-демократической партии // *Проблемы политической и экономической истории России*. – М.: РОССПЭН, 1998. – С. 177–215.

141. *Канищева Н.И.* Эволюция идеологии и программы кадетской партии в период гражданской войны в эмиграции // *Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы*. – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 339–355.

142. *Канищева Н.И.* *Разработка П.Н.* Милюковым тактического курса эмигрантских кадетских групп // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 142–189.

143. *Канищева Н.И.* Центральное течение кадетской партии в эмиграции // *Призвание историка. Проблемы духовной и политической жизни России*. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 251–285.

144. *Канищева Н.И.* Петр Дмитриевич Долгоруков / Н. И., Канищева, В.В. Шелохаев // *Вопросы истории*. – 2001. – № 8. – С. 68–80.

145. *Карпенко С.* «Руль»: зеркало кадетского Берлина // *Новый журнал*. Нью-Йорк, – 1998. – Кн. 212. – С. 251–267.

146. *Карпов Н.* Крым – Галлиполи – Балканы. – М.: Рус. путь, 2002. – 168 с.

147. *Карпов С.В.* Послевоенная печать российской эмиграции в «холодной войне» // *Книга. Культура. Общество: Сборник научных трудов по материалам 12-х Смирдинских чтений / Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусства; Науч. ред. И.А. Шомракова*. – Т. 154. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – С. 220–227.

148. *Карпов С.В.* Российская эмиграция в информационной войне против Советского Союза // *Зарубежная Россия 1917–1939 гг.: Сб. ст. / отв. ред. В.Ю. Черняев*. – СПб.: Suomin Pietarin, Европейский Дом, 2000. – С. 108–113.

149. *Квакин А.В.* Между белыми и красными. Русская интеллигенция 1920–1930-х годов в поисках Третьего Пути. – М.: Центрполиграф, 2006. – 413 с.

150. *Квакин А.В.* Б.А. Бахметев – В.А. Маклакову: «Я завидую Ключникову...» (Переписка Б.А. Бахметева и В.А. Маклакова о новом лице русского либерализма начала 1920-х годов в архивном собрании Гуверовского института Стенфордского университета (США) // *Клио*. – СПб., 2001. – № 1. – С. 214–235.

151. *Квакин А.В.* История ботинок // Родина. – 2000. – № 8. – С. 62–63.
152. *Квакин А.В.* Общее и особенное в положении российской диаспоры «первой» волны: учебно-методическое пособие. Тверь, 1992. – 47 с.
153. *Кельман Е.* Советское право за рубежом. – М.: Изд-во НКЮ РСФСР, 1927. – 95 с.
154. *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция. 1920–1950-е годы / Цветана Кёсева. – М.: Русский путь, 2008. – 312 с.
155. *Киржниц А.* У порога Китая. – М.: ГИЗ, 1924. – 70 с.
156. *Кириенко Ю.К.* Казачество в эмиграции: споры о его судьбах (1921–1945 гг.) // Вопросы истории. – 1996. – № 10.
157. *Кисилева Г.Б.* Критико-библиографическая информация на страницах русскоязычных периодических изданий Чехословакии (1920–1939 гг.) // Культурная миссия Российского Зарубежья: История и современность. – М.: РИК, 1999. – С. 161–169.
158. *Кишкин Л.С.* Русская эмиграция в Праге: Печать, образование, гуманитарные науки (1920–1930-е годы) // Славяноведение. – 1996. – № 4. – С. 3–10.
159. *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). – Париж: Librairie Des Cinq Continents, 1971. – 348 с.; Доп. вып.: Париж: Librairie Des Cinq Continents, 1973. – 147 с.
160. *Ковальчук С.* Судьба журнала «Закон и суд» // Балтийский архив. – Т. 4. – Рига, 1999. – С. 88–103.
161. *Козлитин В.Д.* Общественная жизнь русских и украинских эмигрантов в Югославии (1920–1930-е годы) // Славяноведение. – 1996. – № 5. – С. 30–41.
162. *Козлитин В.Д.* Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев 1919–1923 // Славяноведение. – 1992. – № 4. – С. 7–19.
163. *Козлитин В.Д.* Российские учебные заведения в Югославии (1920–1944 гг.) // Педагогика. – 1998. – № 5. – С. 75–80.
164. *Козлитин В.Д.* Русская и украинская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.) / Харьковский государственный педагогический университет им. Г.С. Сковороды. – Харьков: Книжное рекламное агентство «РА», 1996. – 476 с.
165. *Комин В.В.* Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. – Калинин: КГУ, 1977. – 119 с.
166. *Коновалова О.В.* В.М. Чернов о путях развития России. – М.: РОССПЭН, 2009. – 394 с.
167. *Кононова М.М.* Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925 гг.). – М.: ИВИ РАН, 2004. – 240 с.
168. *Копришова А.* Российские эмигранты в Вшенорах – Мокропсах – Черновицах. – Прага, 2000. – 33 с.
169. *Корнилов А.А.* Русские общественно-политические организации Парижа в 1920-е годы: объединительные процессы / А.А. Корнилов, К.А. Лушина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лоба-

чевского. Международные отношения. Политология. Регионоведение. – 2007. – № 6. – С. 221–226.

170. *Косик В.И.* Вклад русской эмиграции в культуру Югославии / В.И. Косик, В.А. Тесемников // Педагогика. – 1994. – № 5. – С. 31–36.

171. *Косик В.И.* Из истории начала российской эмиграции / В.И. Косик // Славяноведение. – 1992. – № 4. – С. 3–6.

172. *Косик В.И.* «Молодая Россия». Вариации на тему национализма в маршах эпохи. – М.: б/и, 2013. – 204 с.

173. *Косик В.И.* Письмо генерала П.И. Залесского / В.И. Косик // Славяноведение. – 1994. – № 4.

174. *Косик В.И.* Русская молодежь в эмиграции / В.И. Косик // Славяноведение. – 2003. – № 4. – С. 47–53.

175. *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века) / В.И. Косик. – М., 2000. – 213 с.

176. *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии / В.И. Косик // Славяноведение. – 1996. – № 6. – С. 67–71.

177. *Косик В.И.* Русская Югославия: фрагменты истории, 1919–1944 / В.И. Косик // Славяноведение. – 1992. – № 4. – С. 20–32.

178. *Косик В.И.* Русские краски на балканской палитре Художественное творчество русских на Балканах (конец XIX – начало XXI века). – М.: Инслав, 2010. – 460 с.

179. *Костилов В.* Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции. – М.: Вагриус, 2004. – 464 с.

180. *Кочубей О.И., Печерица В.Х.* Исход и возвращение (Русская эмиграция в Китае в 20–40-е гг.). – Владивосток: ДВГУ, 1998. – 225 с.

181. *Крадин Н.П.* Харбин – русская Атлантида: очерки. – Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2010. – 368 с.

182. *Краснова Т.И.* Структура эмигрантского газетного текста // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. – Вып. 2. 1999. – С. 93–100.

183. *Краснова Т.И.* Типы эмигрантских газет 1918 года по содержательно-идеологическим признакам: Опыт изучения содержания и формы // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 2: История, языковедение, литературоведение. 1995. – Вып. 2. С. 110–113.

184. *Краснова Т.И.* Эмигрантский газетный дискурс эпохи революционного кризиса: типы источников известий (1917–1919) // Медиаскоп. 2010. 29 декабря. Вып. 4. <http://www.mediascope.ru/node/697>

185. *Кублицкая М.А.* Русская периодическая печать в Аргентине в XX веке // Кадетская переключка. – 2007. – № 78. – С. 136–180.

186. *Кувшинов В.А.* Кадеты в России и за рубежом (1905–1943 гг.). – М.: Унив. гуманитар. лицей, 1997. – 151 с.

187. *Кудрявцев Р.* Белогвардейцы за границей. – М., 1932. – 56 с.

188. *Кудрякова Е.Б.* Российская эмиграция в Великобритании в период между двумя войнами. – М.: ИНИОН, 1995. – 67 с.

189. Культура Российского Зарубежья / ред. коллегия: Ю.С. Борисов, Ю.В. Бойко, Т.А. Пархоменко. – М.: Рос. ин-т культуры, 1995. – 219 с.

190. Культурная миссия Российского Зарубежья: История и современность. Сб. ст. / отв. ред. Э.А. Шулепова. – М.: РИК, 1999. – 197 с.

191. Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917–1940-е гг.). – М.: Русский путь, 2002. – 444 с.

192. Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940. Кн. 1–2. – М.: Наследие, 1994.

193. *Курамина Н.В.* Высшая школа в зарубежной России. 1920–1930-е гг. – М.: МАКС-Пресс, 2003. – 117 с.

194. *Кустова Л.С.* Эмигрантские издания 20–40-х гг. XX в.: образ России // Медиаскоп. 2007. 13 декабря. Вып. 2. <http://www.mediascope.ru/node/74>

195. *Кьосева Ц.* Руската емиграция в България. България и руската емиграция 20-те – 50-те години на XX в. – София: IMIR, 2005. – 590 с.

196. *Лазарева С.И.* Проблемы адаптации российской эмиграции в Китае (20-е – середина 40-х годов XX в.) // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Материалы международной научной конференции. – Владивосток, 1997.

197. *Лазарева С.И., Сергеев О.И., Горкавенко Н.Л.* Российские женщины в Маньчжурии. Краткие очерки из истории эмиграции. – Владивосток: б. и, 1996. – 94 с.

198. *Левашко С.С.* Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX – первая половина XX века / С.С. Левашко; Российская академия архитектуры и строительных наук и др.; отв. ред. Н.П. Крадин. – Хабаровск: Частная коллекция, 2003. – 176 с.

199. *Ленцен И.* Использование труда русских военнопленных в Германии (1914–1918 гг.) / И. Ленцен // Вопросы истории. – 1998. – № 4. – С. 129–137.

200. *Леонидов В.В.* Альманахи // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940 / Т. 2. Периодика и литературные центры. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 9–20.

201. *Летнев А.Б.* Солдаты России в Алжире (1918–1920 гг.) / А.Б. Летнев // Вопросы истории. – 1998. – № 5. – С. 128–136.

202. *Литаврина М.Г.* Русский театральный Париж: 20 лет между войнами. – СПб.: Алетейя, 2003. – 224 с.

203. *Лукишић Ирена.* Руска емигрантска периодика у Југославији између два рата // Зборник Матице српске за књижевност и језик. Нови Сад, 1989. Књ. XXVII. № 2; – то же: Prilozi za istoriju srpske književne periodike. Spomenica Dragiљи Vitoљевичu / Под ред. А. Петрова. Matica srpska – Institut za književnost i umetnost. – Белград, 1990. – С. 223–237.

204. *Лукишич Ирена.* Белградская периодика русской эмиграции: взгляд из Загреба // Новый журнал. – 2010. – № 260.

205. *Лунченков И.* За чужие грехи (Казачи в эмиграции). – М.–Л., 1925. – 104с.

206. *Лысенко А.В.* Голос изгнания: Становление газет русского Берлина и их эволюция в 1919–1922 гг. – М.: Русская книга, 2000. – 368 с.

207. *Лысенко А.В.* Зарождение берлинской русскоязычной прессы в первые послереволюционные годы // Вестник Московского университета. – Сер. 10: Журналистика. – 1999. – № 1. – С. 6–16.

208. *Лысенко А.В.* Трансформация образа России в русскоязычной прессе Берлина 20-х годов (Период введения нэпа в России) // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. – 1999. – № 5. – С. 22–34.

209. *Львов К.В.* Маргиналы Русского Зарубежья / К.В. Львов. – М., 2002. – 112 с.

210. *Львов К.В.* Следствия и судебные процессы по делам русских эмигрантов во Франции в 1920–30-е гг. / К.В. Львов // Новый исторический вестник. – 2001. – № 1. – С. 146–162.

211. Люди и судьбы Русского зарубежья. – М.: СТУ, ИВИ РАН, 2011. – 276 с.

212. *Магеровский Л.Ф.* Русские газеты революции, гражданской войны и эмиграции // Славянская книга (Прага). – 1925. – № 9. – С. 147–151.

213. *Мартынов А.С.* Российские юристы в эмиграции (1920–1930) // Русская культура XX века на родине и в эмиграции. Имена. Проблемы. Факты. – Вып. 2. – М.: б/и, 2002. – С. 298–324.

214. *Мартынов Б.Ф.* Капитан Касьянов и другие... // Латинская Америка. – 1998. – № 7. – С. 70–76.

215. *Массип М.* Истина – дочь времени. Александр Казем-Бек и русская эмиграция на Западе. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 744 с.

216. Международная конференция «Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов: Прага, 14–15 августа 1995 г. Сб. докладов. – Ч. 1–2. – Прага, 1995–990 с.

217. Международный опыт защиты соотечественников за рубежом. Мировая и отечественная практика. – М.: Классикс Стиль, 2003. – 464 с.

218. Международный симпозиум «Русская эмиграция в сербской и других славянских культурах». Тезисы докладов. (Белград – Ср. Карловцы, 20–22 ноября 1997 г.). – Белград, 1997. – 213 с.

219. *Меймре А.* «Потенциальное издание» в системе русской периодики Эстонии (1918–1940). К постановке проблемы // *Studia Slavica: Сборник научных трудов молодых филологов. II.* – Tallinn: TPÜ Kirjastus, 2001. – С. 341–347.

220. *Меймре А.* История русскоязычной еврейской периодики в Эстонии (1918–1940 гг.) // Между востоком и западом. Евреи в русской и европейской культуре: Сб. ст. – Tallinn: TPÜ Kirjastus, 2000. – С. 258–278.

221. *Меймре А.* Русская периодика в Эстонии: Газетная борьба середины 1920-х годов // Русская литература XX века в контексте европейской культуры / Ученые записки Таллиннского педагогического университета. A13 Humaniora. – Tallinn: TPÜ Kirjastus, 1998. – С. 85–98.

222. *Меймре А.* Русские литераторы-эмигранты в Эстонии: На материале периодической печати. – Tallinn: Изд-во ТПУ, 2001. – 165 с.

223. *Меймре А.* Русские периодические издания Эстонии // Балтийский архив. – 1999. – Т. 5. – С. 227–235.

224. Меймре А. Русские юмористические периодические издания Эстонии // *Studia Slavica*: Сборник научных трудов молодых филологов. I. – Tallinn: TPÜ Kirjastus, – 1999. – С. 155–161.

225. Меймре Аурика. Система русской периодики в Эстонии в 1918–1940 гг. // Меймре Аурика. Русские литераторы-эмигранты в Эстонии: На материале периодической печати. – Tallinn: TPÜ Kirjastus, 2001. – С. 14–66.

226. Мелихов Г.В. Белый Харбин, середина 20-х / Г.В. Мелихов. – М.: Русский путь, 2003. – 440 с.

227. Мелихов Г.В. Зарисовки старого Харбина / Г.В. Мелихов // Проблемы Дальнего Востока. – 1990. – № 2–4.

228. Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая / Г.В. Мелихов. – М.: Наука, 1991. – 213 с.

229. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.) // Г.В. Мелихов. – М.: ИРИ РАН, 1997. – 245 с.

230. Мелихов Г.В. Русская эмигрантская печать как источник по истории адаптации эмигрантов в Китае // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. – М., 1997. – С. 96–105.

231. Мемуары в культуре русского зарубежья. Сб. статей / отв. ред. А. Данилевский. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.

232. Миграционные процессы в России и СССР / А.С. Брук, В.М. Кабузан. – Вып. 1. – М., 1991. – 29 с.

233. Мир детства в русском зарубежье. III Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века». Москва, 25–27 марта 2009 года. – М.: ДМЦ, 2011. – Мировая О.А. Работа юристов-эмигрантов в области коммерческого права (20-е годы) // Новый исторический вестник. – 2001. – № 1. – С. 137–145.

234. Миронова Е.М. Дипломатические представительства Белой России в эпоху революций, Гражданской войны и эмиграции. История деятельности. Создание новых форм. Принципы существования / Е.М. Миронова // Диаспора. – Париж-СПб.: Феникс, 2004. – Т. VI. – С. 89–133.

235. Миронова Е.М. Дипломатия белой России: От императорского МИДа к Совету Послов русского Зарубежья / Е.М. Миронова // *Rossica*. Научные исследования по русистике, украинистике и беларуистике. – Прага, 2002. – № 5–6 (2000–2001 гг.). – С. 119–142.

236. Миронова Е.М. Российская миссия в Белграде (1919–1940) // Россия в XVIII–XX веках. Страницы истории. – М., 2000. – С. 216–231.

237. Митрохин В.А. Историография и идеография русской эмиграции русской эмиграции первой волны. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. – 128 с.

238. Михайлов О.Н. Литература русского зарубежья. – М.: Просвещение, 1995. – 432 с.

239. Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. – Кн. 2. – М.: Международные отношения, 1993. – 686 с.

240. Михалев Н.М. Русская эмигрантская периодика как инструмент формирования мирового общественного мнения // *Медиаскоп*. 2009. 10 июля. Вып. 3. <http://www.mediascope.ru/node/442>

241. *Михалев Н.М.* Советская Россия в публицистике эмигрантских изданий в 1920 г. // Медиаскоп. 2009. 28 сентября. Вып. 3. <http://www.mediascope.ru/node/445>

242. *Михалев Н.М.* Фашистская идеология в печати русского зарубежья // Медиаскоп. 2009. 1 сентября. Вып. 3. <http://www.mediascope.ru/node/444>

243. *Михеева Г.В.* «Белая» печать: (Белогвардейские периодические издания как объект библиографирования в 1918–1922 гг.) // Библиография. – 1992. № 3/4. – С. 109–115.

244. *Молчанов Л.А.* Газетный мир антибольшевистской России. – М.: Посев, 2001. – 160 с.

245. *Мосейкина М.Н.* Из истории адаптации русской эмиграции в Аргентине в 1920–1930-е гг. / М.Н. Мосейкина // Россия и мировая цивилизация. Материалы международной научно-теоретической конференции. – М.: РУДН, 1996. – С. 43–45.

246. *Мосейкина М.Н.* «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. / М.Н. Мосейкина. – М.: РУДН, 2011. – 384 с.

247. *Мухачев Ю.В.* Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. – М.: Мысль, 1982. – 269 с.

248. Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков. Материалы международного научного colloquiuma. Москва, 23–25 сентября 2009 г. – М.: Любавич, 2010. – 289 с.

249. *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции / Михаил Назаров. – Изд. 2-е, испр. – М.: Родник, 1994. – Т. 1. – 416 с.

250. *Наземцева Е.Н.* Русская эмиграция в Сынцзяне (1920–1930-е гг.) / Е.Н. Наземцева. – Барнаул: Алтай, 2010. – 270 с.

251. Нансеновские чтения 2007–2009. – СПб.: Сударыня, 2008–2010.

252. Наука и культура Русского Зарубежья. – СПб., 1997. – 309 с.

253. Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. Сб. ст. – М.: ИРИ РАН, 2001. – 331 с.

254. *Ненароков А.П.* Последняя эмиграция Павла Аксельрода. – М.: АИРО-XX, 2001. – 168 с.

255. *Ненароков А.П.* Наследие российской социал-демократии // русских архитекторов-эмигрантов // Славяноведение. – 1992. – № 4. – С. 33–44.

256. *Николаев Д.Д.* Н.А. Тэффи и русские периодические издания в Чехословакии // *Творчество Н.А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века.* – М.: Наследие, 1999. – С. 111–147.

257. *Нитобург Э.Л.* Русские в США: История и судьбы, 1870–1970: Этно-исторический очерк / Э.Л. Нитобург; Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. – М.: Наука, 2005. – 421 с.

258. Общественная мысль Русского зарубежья: энциклопедия / Ин-т обществ. мысли; отв. ред. В.В. Журавлев. – М.: РОССПЭН, 2009. – 703 с.

259. *Окунцов И.К.* История русской эмиграции в Северной и Южной Америках. – Буэнос-Айрес: Сеятель, 1967. – 486 с.

260. *Олевская В.В.* Зарубежные периодические издания как источник поиска российских документов // Проблемы зарубежной архивной России. – М.: Рус. мир, 1996. С. 67–75.

261. *Олегина И.Н.* Историческая периодика «Русского Берлина» // Русские в Германии (1914–1933). – 2 е изд., доп. – СПб: Третья Россия, 1996. – С. 51–56.

262. *Онегина С.В.* Бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурии. 1930–1940-е гг. // Проблемы Дальнего Востока. – 1996. – № 5. – С. 141–146.

263. *Орлицкий Ю.Б.* «Что им Самара?..» [Русская эмигрантская печать начала 20-х годов о Поволжье] // Самарский краевед. – Самара, 1994. – С. 94–101.

264. *Осовский Е.Г., Сухачева В.А.* Русская школа в анклавах эмиграции (20–40-е гг. XX в.) // Регионоведение. – Саранск, 1998. – № 1. 89–102.

265. *Пакин Н.А.* Русские в Италии. – М.: Современник, 1990. – 285 с.

266. *Паламарчук П.* Под монаршим стягом: Обзор эмигрантской монархической прессы // Родина. – 1993. – № 1. – С. 116–118.

267. *Патек В. (В. Славич)* Большевики в Болгарии. Исповедь сменовеховца. – София, 1924. – 151 с.

268. *Пацуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. – М.: Наука, 1992. – 400 с.

269. Периодическая печать российской эмиграции. 1920–2000: Сборник статей / под ред. Ю.А. Полякова и О.В. Будницкого. – М.: ИРИ РАН, 2009. – 346 с.

270. *Петров В.П.* Русские в Америке. XX век. – Вашингтон: Русско-Амер. историч об-во, 1992. – 149 с.

271. *Печерица В.Ф.* Восточная ветвь русской эмиграции. – Владивосток: ДВУ, 1994. – 276 с.

272. *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии / Е.И. Пивовар. – М.: РГГУ, 2008. – 545 с.

273. *Пивовар Е.И., Грибенчикова О.А.* Некоторые проблемы истории русского бизнеса в зарубежной России (1920–1930-е гг.) // Русская культура XX века на родине и в эмиграции: Сб. статей / Изд. МГУ, Политехнический музей, МСЭУ. – М.: б/и, 2000. – Вып. 1. – С. 76–89.

274. *Пименов И.В.* Периодическая печать русского зарубежья // Ученые записки / Моск. гос. социал. ун-т М-ва труда и социал. развития РФ. – М., 2000. – № 2. – С. 164–172.

275. *Писарев Ю.А.* Российская эмиграция в Югославии // Новая и новейшая история. – 1991. – № 1. – С. 151–161.

276. *Писаревская Я.Л.* Две России в Маньчжурии: социальная адаптация и реэмиграция (20-е – начало 30-х гг.) // Новый исторический вестник. – 2000. – № 2. – С. 52–70.

277. *Подалко П.Э.* Япония в судьбах россиян: Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии в конце XIX – начале XX века. – М.: Крафт, 2004. – 352 с.

278. *Полчанинов Р.В.* Издания «ди-пи» в Нью-Йоркской Публичной библиотеке // *Полчанинов Р.В.* Заметки коллекционера. – London, 1988. – С. 232–240.

279. *Полчанинов Р.В.* Молодежь русского зарубежья. Воспоминания 1941–1951. – М.: Посев, 2009. – 416 с. – (Серия «Материалы к истории НТС». Вып. 2)

280. *Поляков Ю.А.* Проблемы эмиграции и адаптации в свете исторического опыта // Новая и новейшая история. – 1995. – № 3. – С. 8–15.

281. *Полякова О.Б.* Русское зарубежье и французская культура (вторая половина XIX – первая половина XX века) // Россия и Франция. XVIII–XX века. – Вып. 5. – М.: Наука, 2003. – С. 171–185.

282. *Пономарева Г.М., Шор Т.К.* Русская печать и культура в Эстонии во время Второй мировой войны (1939–1945). – Таллинн: Издательство Таллиннского университета, 2009. – 236 с.

283. *Попов А.В.* Русское зарубежье и архивы. – М.: ИПВА, 1998. – 386 с.

284. *Попов А.В.* Российское православное зарубежье: история и источники. – М.: ИПВА, 2005. – 619 с.

285. *Попова С.С.* В плену у союзников: О положении русских солдат и офицеров во Франции // Военно-исторический журнал. – 1996. – № 4. – С. 37–39.

286. *Попова С.С.* Судьба русского экспедиционного корпуса во Франции после революции в России. По неопубликованным материалам военного министерства Франции // Россия и Франция. XVIII–XX века. – М.: Наука, 1995. – С. 196–216.

287. *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – 550 с.

288. Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. – СПб.: Сударья, 2006. – 354 с.

289. Проблемы зарубежной архивной Россики. – М.: Рус. мир, 1996. – 240 с.

290. Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования. Вып. 1. / Ин-т всеобщ. истории. – М.; Наука, 2005. – 453 с.; Вып. 2. – М.: Наука, 2008. – 451 с.

291. *Пронин А.А.* Историография российской эмиграции. – Екатеринбург: Урал. ун-т, 2000. – 183 с.

292. Публицистика русского зарубежья (1920–1945): Сб. статей / Сост. И.В. Кузнецов, Е.В. Зеленина. – М.: Союзполиграфпром; Факультет журналистики МГУ, 1999. – 352 с.

293. *Пудовкина Ю.Н.* Сменовеховские журналы: к истории возникновения // Вестник Московского университета. – Серия 10: Журналистика. – 1992. – № 5. – С. 44–52.

294. Путеводитель по русской и русскоязычной периодике в Европе // *Зарубин В.В.* Из записной книжки. – Мюнхен, 1988. – С. 70–100; То же: Москва. – 1991. – № 1. – С. 198–207.

295. *Пушкарева Н.Л.* Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечественная история. – 1996. – № 1. – С. 6–18.

296. Раев М. Периодическая печать эмиграции // Новый журнал. – 2003. – № 232. – С. 205–219.

297. Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. – М.: Пресс-Академия, 1994. – 293 с.

298. Раев Марк. Галактика Гутенберга: Издательское дело на чужбине // Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – С. 96–123.

299. Ратушняк О.В. Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920–1939 гг.): Учеб. пособие. – Краснодар, 1997. – 164 с.

300. Ревякин А.В. 1922–1924: За кулисами дипломатического признания / Ревякин А.В. // Россия и Франция. XVIII–XX века. – М.: Наука, 1995. – С. 217–237.

301. Решетников Л.П. Русский Лемнос: исторический очерк / Леонид Решетников. – М.: Новоспасский монастырь, 2009. – 112 с.: ил.

302. Рожков С., Минкова М. Печатные издания Русского Зарубежья в Болгарии. 1990–2010 // Новый журнал. – 2010. – № 260.

303. Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры. Научная конференция. Москва, 13–15 апреля 1993 г. Тезисы докладов. – М.: РГГУ, 1993. – 105 с.

304. Российская военная эмиграция в 1920–30-е годы // Бегидов А.М., Ершов В.Ф., Парфенова Е.Б., Пивовар Е.И. – Нальчик: б/и, 1998. – 198 с.

305. Российская диаспора в Африке. 20–50-е годы. Сб. ст. – М.: Восточная литература, 2001. – 198 с.

306. Российская интеллигенция на родине и в зарубежье. Новые документы и материалы. Сб. науч. ст. – М.: РИК, 2001. – 228 с.

307. Российская интеллигенция на родине и в зарубежье. Сб. науч. ст. к 30-летию начала научно-педагогической деятельности профессора кафедры истории Российского государства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова А.В. Квакина. – М.: РИК, 2005. – 304 с.

308. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения) / Под ред. Е.И. Пивовара. – М.: б/и, 1994. – 117 с. (Серия «Новые учеб. пос. по историч. дисциплинам»)

309. Российская эмиграция на Дальнем Востоке. – Владивосток, 2000. – 184 с.

310. Российская эмиграция: вчера, сегодня, завтра // Кентавр. – 1994. – № 5. – С. 28–49.

311. Российские соотечественники в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Перспективы сотрудничества. Материалы III международной научно-практической конференции. Владивосток, 5–7 сентября 2001 г. – Владивосток: ДВУ, 2003. – 344 с.

312. Российское Зарубежье: история и современность / под ред. А.В. Квакина и др. – М.: РИК, 1998. – 295 с.

313. Россия в США: Сб. ст. – М.: ИВПИ, 2001. – 446 с. (Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. 7.)

314. Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. – М.: ИВИ, 1999. – 458 с.
315. Россия и Италия. Сб. ст. – М.: Наука, 1998. – Вып. 3: XX в. – 373 с.; Вып. 5. – М.: Наука, 2003. – 334 с.
316. Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Сотрудничество на рубеже веков. – Кн. 1–2. – Владивосток: ДВУ, 1997–1999.
317. Рудницкий А.Ю. Другая жизнь и берег дальний... Русские в австралийской истории / А.Ю. Рудницкий. – М.: Наука, 1991. – 192 с.
318. Русев Р.Д. Литературные газеты и журналы русской эмиграции в Болгарии (1921–1943 годы) // Славяноведение. – 2001. – № 4. – С. 83–90.
319. Русская литература в эмиграции: Сборник статей под редакцией Н.П. Полторацкого. – Питтсбург: Отдел славянских языков и литературы, 1972. – 409 с.
320. Русская эмиграция в борьбе с большевизмом / сост., науч. ред., предис. и коммент. С.В. Волкова. – М.: Центрполиграф, 2005. – 479 с.
321. Русская эмиграция в Европе, 20-е-30-е годы XX века. – М.: ИВИ РАН, 1996. – 268 с.
322. Русская эмиграция в Югославии. – М.: ИНДРИК, 1996. – 350 с.
323. Русская эмиграция во Франции (вторая половина XIX – середина XX в.). Тезисы республиканской научной конференции. Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, 20–21 апреля 1995 г. – СПб.: Минерва, 1995. – 195 с.
324. Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов: (Материалы международной конференции, Прага, 14–15 августа 1995 г.). Сб. докладов. – Прага, 1995. Ч. 1–2.
325. Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов. – М.: РГГУ, 2000. – 495 с.
326. Русские евреи во Франции: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Кн. 2 / Русское еврейство в зарубежье. Т. 4 (9). / сост., ред. и издатель М. Пархомовский; Научный редактор и составитель Д. Гузевич. – Иерусалим, 2002. – 503 с.
327. Русские в Болгарии. – София, 1999. – 175 с.
328. Русские в Германии. Сб. науч. ст. – СПб.: РГПУ, 1995. – 66 с.
329. Русские во Франции. Сб. науч. ст. – СПб.: РГПУ, 1995. – 189 с.
330. Русский исход как результат национальной катастрофы. К 90-летию окончания Гражданской войны на европейской территории России. – М.: РИСИ, 2011. – 327 с.
331. Русский общевоинский союз: Краткий исторический очерк / сост. И.Б. Иванов. – СПб., 1994. – 23 с.
332. Русское еврейство в зарубежье. Т. 2 (7). / ред. – составители М. Пархомовский, А. Рогачевский. – Иерусалим, 2000. – 552 с.
333. Русское зарубежье в Латинской Америке. Сб. ст. – М., 1993. – 80 с.
334. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь / Под общей ред. В.В. Шелохаева. – М.: РОССПЭН, 1997. – 748 с.

335. Русское зарубежье: 1917–1991 гг. – М., 1992. – 98 с.
336. Русское национальное меньшинство в Эстонской республике (1918–1940) / Под ред. С.Г. Исакова. – СПб. – Тарту, 2001. – 446 с.
337. Ручкин А.Б. Российское зарубежье 1920-х годов. Проблемы адаптации ученых-эмигрантов на примере Экономического кабинета С.Н. Прокоповича. – М.: б/и, 1999. – 196 с.
338. Ручкин А.Б. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века / А.Б. Ручкин. – М.: Изд-во Национального института бизнеса, 2006. – 464 с.
339. Рыжак Н.В. Периодическая печать русского Харбина в крупнейших библиотеках Москвы // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. – Хабаровск, 1998. С. 223–226.
340. Сабенникова И.В. Правовое положение русской эмиграции в Англии в межвоенный период // Русские в Англии. – М., 2002. – С. 9–28.
341. Сабенникова И.В. Российская эмиграция. (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование / И.В. Сабенникова. – Тверь: Золотая буква, 2002. – 431 с.
342. Сабенникова И.В. Русская эмиграция как социально-культурный феномен // Мир России. – 1997. – № 3. – С. 155–184.
343. Сабенникова И.В. Русская эмиграция межвоенного периода в странах Северной Европы // Актуальные проблемы и источники по истории Северных стран и их связей с Северо-западным регионом России. – СПб., 2001. – С. 122–128.
344. Сабенникова И.В. Русское зарубежье: сравнительно-исторический анализ // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании / И.В. Сабенникова – М., 1996. – С. 260–263.
345. Сабенникова И.В. Социальная и правовая помощь русским эмигрантам первой волны (20–30-е годы) // Российский журнал социальной работы. – 1995. – № 2. – С. 39–47.
346. Сабенникова И.В. Томаш Масарик и «Русская акция» чехословацкого правительства // Вестник архивиста. – М., 2000. – № 3–4.
347. Савицкий И. Прага и Зарубежная Россия. (Очерки по истории русской эмиграции, 1918–1938 гг.). – Прага: IDEG PRAGUE, 2002. – 151 с.
348. Свириденко Ю.П., Еришов В.Ф. Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920–1945 гг. – М., 2000. – 198 с.
349. Селезнева Т.В. Д.Д. Бурлюк – редактор-издатель (Период эмиграции: 1920–1967) // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940: В 2 кн. / Под общ. ред. Е.П. Чельшева, Д.М. Шаховского. – М.: Наследие, 1994. – Кн. 2. С. 441–445.
350. Селунская В.М. Проблемы интеграции эмигрантов в российском зарубежье между двумя мировыми войнами в отечественной историографии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 1998. № 4. – С. 3–26.
351. Селунская В.М. Русская диаспора в Финляндии между двумя мировыми войнами (1919–1939) // Вестник Московского университета. – Серия 8. – История. – 2004. – № 5. – С. 16–32.

352. *Сератионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике, 20–30 гг. – М.: ИСБ РАН, 1995. – 196 с.
353. *Серегин А.В.* Высший монархический совет и командование русской армии в европейской эмиграции В 1920 – начале 1930-х годов / А.В. Серегин // Отечественная история. – 2007. – № 5.
354. *Серков А.И.* Русские масонские библиотеки и печатные издания XX века // Тезисы докладов и сообщений конференции по итогам научной работы Российской государственной библиотеки за 1992 г. – М., 1993. – С. 89–91.
355. *Синдеев А.А.* Берлин 20-х гг. Русская эмиграция и немецкое окружение. К вопросу о взаимодействии культур в миграционной ситуации // Славянский мир: проблемы изучения. – Тверь, 1998. – С. 109–121.
356. *Скарлыгина Е.Ю.* Журналистика русской эмиграции: 1960–1980-е годы. Учебное пособие. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. – 102 с.
357. *Скарлыгина Е.Ю.* Русская эмиграция XX века и традиция русского «толстого» литературно-художественного журнала // Медиаскоп. 2008. 13 мая. Вып. 1. <http://www.mediascope.ru/node/72>
358. *Скарлыгина Е.Ю.* Структура периодики третьей русской эмиграции // Медиаскоп. 2009. 14 января. Вып. 1. <http://www.mediascope.ru/node/264>
359. *Сладек З.* Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «русской акции» // Славяноведение. – 1993. – № 4. – С. 28–38.
360. *Соловьева Н.А.* Периодические издания русской эмиграции в Харбине // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. – Хабаровск: Частная коллекция, 1998. – С. 226–228.
361. *Сонин В.В.* Крах белоэмиграции в Китае. Учеб. пособие. – Владивосток: ДВУ, 1987. – 156 с.
362. *Сонищева Н.Е.* На чужом берегу (к истории русской эмиграции в послеоктябрьский период). – М.: Знание, 1991. – 63 с.
363. Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX вв.) Сб. ст. / под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. – М.: ИРИ РАН, 1999. – 269 с.
364. *Спасов Л.* Врангеловата армия в България 1919–1923. – София, 1999. – 243 с.
365. *Стародубцев Г.С.* Берлинский съезд русских юристов 1922 года и вопросы международной защиты прав эмигрантов // Правозащитник. – 2000. – № 1. – С. 78–97.
366. *Стародубцев Г.С.* Международно-правовая наука российской эмиграции. (1918–1939) / Г.С. Стародубцев. – М.: Книга и бизнес, 2000. – 293 с.
367. *Стефан Дж.* Русские фашисты: трагедия и фарс в эмиграции 1925–1945. – М.: Слово, 1992. – 441 с.
368. Страна Синей птицы. Русские в Бельгии. – М., 1995. – 377 с.
369. *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. – Нью-Йорк: Изд. имени Чехова,

1956. – 408 с.; 2-е изд., испр. и доп.: Париж: YMCA-Press, 1984. – 426 с.; 3-е изд., испр. и доп.: Краткий биографический словарь русского Зарубежья / Р.И. Вильданова, В.Б. Кудрявцев, К.Ю. Лаппо-Данилевский. – Париж; М.: YMCA-Press; Русский путь, 1997. – 448 с.

370. Суомела Ю. Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды российской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918–1940 гг. / Юлитта Суомела; авт. перев. с финск. Л.В. Суни. – СПб.: Коло, 2004. – 352 с.

371. Сухарев Ю.Н. Материалы к истории русского научного зарубежья: В 2-х кн. – М.: Редакция альманаха «Российский архив», 2002.

372. Суяров А.В. Печать русского зарубежья (1920–1940): Учебное пособие для студентов факультета журналистики / МГУ. – М., 2005. – 46 с.

373. Сысоев Г. «Лучшее, что имела Россия». О судьбе нашей первой эмиграции в Югославии // Новое время. – 1992. – № 4.

374. Тарле Г.Я. Друзья страны Советов. Участие зарубежных трудящихся в восстановлении народного хозяйства СССР в 1920–1925 гг. – М.: Наука, 1968. – 371 с.

375. Тарле Г.Я. Изучение истории адаптации российских эмигрантов // Этот противоречивый XX век: К 80-летию со дня рождения акад. РАН Ю.А. Полякова. – М.: РОССПЭН, 2001. С. 65–77.

376. Тарле Г.Я. Источники разработки нормативных документов по истории иммиграции и реэмиграции в Россию. – Ч. 1.: 1917–1921 // Археографический ежегодник за 1996 год. – М.: Наука, 1998. – С. 143–161.

377. Тарле Г.Я. Рабочая реэмиграция в Советскую Россию после победы Октябрьской революции // Социально-классовая структура и демографические процессы в России и СССР: Вопросы комплексного изучения. Сб. ст. – М.: Институт истории СССР АН СССР, 1990. – С. 126–135.

378. Тарле Г.Я. Реэмиграция в Советскую Россию. 1917–1925 гг. (Постановка проблемы) // Тезисы докладов и сообщений VII Всероссийской конференции по демографии (Донецк, 14–16 мая 1991 г.). – М., 1991. – Ч. 1. – С. 96–97.

379. Тарле Г.Я. Российское зарубежье и Родина. – М., 1993. – 98 с.

380. Таскина Е. Неизвестный Харбин. – М.: Прометей, 1994. – 178 с.

381. Тен В.А. Иммиграционная политика США в XVII–XX вв. Краткий исторический очерк. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 136 с.

382. Терской А. В стране произвола и бесправия. Русские в Болгарии до и после переворота. – М.; Пг., 1924. – 181 с.

383. Тесемников В.А. Российская эмиграция в Югославии 1919–1945 // Вопросы истории. – 1988. – № 10. – С. 128–137.

384. Тимонин Е.И. Исторические судьбы русской эмиграции (1920–1945 гг.). – Омск, 2000. – 300 с.

385. Толстой И. Курсив эпохи: Литературные заметки. – СПб.: Пушкинский фонд, 1993. – 202 с.

386. У Нань Линь. Проблемы адаптации русских эмигрантов в Китае 20–30-х гг. XX века. – М., 2001. – 34 с.

387. У Нань Линь. Русская диаспора в Китае 20-х-30-х гг. XX века пер. с кит. – М., 2001. – 193 с.

388. *Урядова А.* Голод 1920-х годов в России и Русское зарубежье. – СПб.: Алетейя, 2010. – 168 с.
389. *Ушаков А.И.* Русская эмиграция в Германии 1920-е годы // Крайности истории и крайности историков. – М., 1997. – С. 121–128.
390. *Фельштинский Ю.* К истории нашей закрытости. Законодательные основы иммиграционной и эмиграционной политики. – М.: Терра, 1991. – 184 с.
391. *Фейгмане Т.Д.* Русские в довоенной Латвии. – Рига: БРИ, 2000.
392. *Флейшман Л.* Из истории журналистики Русского зарубежья. Т. 1: В тисках провокации: Операция «Трест» и русская зарубежная печать. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 357 с.
393. *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин, 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. – Paris: YMCA-Press, 1983. – 422 с.
394. *Хисамутдинов А.А.* Париж и русская эмиграция на Дальнем Востоке. Научная конференция в Париже // Проблемы Дальнего Востока. – 2001. – № 3. – С. 163–167.
395. *Хисамутдинов А.А.* По странам рассеяния: (История российской эмиграции первой волны в Китае, странах АТР и Южной Америке в 1900–1970-е годы. В 2 ч. Владивосток, 2000. – 360 с. – 1 ч.; 176 с. – 2 ч.
396. *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. – Владивосток: ДВУ, 2000. – 204 с.
397. *Хисамутдинов А.А.* Детская русская эмигрантская литература в Китае // Библиография. – 1999. – № 3. – С. 145–150.
398. *Хисамутдинов А.А.* Русская морская зарубежная библиотека // Мир библиографии. – 1998. – № 6. – С. 46–49.
399. *Хисамутдинов А.А.* Русская печать в Китае: Описание редких изданий в русской коллекции Гамильтонской библиотеки Гавайского университета // Россияне в Азии. – 1994. – № 1. – С. 254–282.
400. *Хитрова Е.В.* Культурная адаптация русских эмигрантов во Франции: 20–30-е годы (по мемуарным источникам) // Россия и Франция XVIII–XX в. – М.: Наука, 1998. – Вып. 2. – С. 217–232.
401. *Хитрова Е.В.* Русская диаспора во Франции в период между двумя мировыми войнами // Россия и Франция. XVIII–XX века. – М.: Наука, 2001. – Вып. 4. – С. 257–281.
402. *Хмельницкий Д.* Под звонкий голос крови. Советская эмиграция и национальная идея. – М.: Огни, 2004. – 235 с.
403. *Хотимский К.* Русская печать в Австралии // Хотимский К. Русские в Австралии. – Мельбурн, 1957. – С. 17–19.
404. *Худобородов А.Л.* Вдали от родины: российские казаки в эмиграции: Учебное пособие к спецкурсу. – Челябинск, 1997. – 112 с.
405. Художественная культура русского зарубежья 1917–1939. Сб. ст. / отв. ред. Г.И. Вздорнов. – М.: Индрик, 2008. – 480 с.
406. *Ципкин Ю.Н.* Положение российских эмигрантов в Харбине в начале 20-х гг. (по материалам ХКПРБ) // Дальний Восток России – Се-

веро-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. – Хабаровск: Частная коллекция, 1998. – С. 107–110.

407. *Чельшев Е.П.* Российская эмиграция: 1920–1930-е годы. – М., 2002. – 278 с.

408. *Чернолуцкая Е.Н.* Общественная деятельность татарской диаспоры в дальневосточном зарубежье. Исторический аспект // Вестник Дальневосточного отделения РАН. – 1998. – № 3. – С. 101–108.

409. *Чернявский Г.* Миссия Советского Красного креста в Болгарии 1922–1923 // Советское славяноведение. – 1976. – № 1. – С. 45–55.

410. *Чернявский Г., Даскалов Д.* Судьбы русской эмиграции в Болгарии // История СССР. – 1961. – № 1. – С. 109–117.

411. *Чирова О.А.* Роль Съезда русских юристов и его Комитета в правовом регулировании статуса эмигрантов из России (середина 20-х гг.) // Новый исторический вестник. – М., 2002. – № 2. – С. 86–96.

412. *Чистяков К.А.* Убить за Россию!: из истории русского эмигрантского «активизма». 1918–1939 / К.А. Чистяков. – М.: Изд-во Ипполитова: РГГУ, 2000. – 139 с.

413. *Чубыкин И.В.* Парижское межпартийное совещание членов Учредительного собрания 8–21 января 1921 г. // Политические партии России: Страницы истории. Сб. ст. – М., 2000. – С. 127–134.

414. *Шатилов А.Б.* Эмигранты из России в Австралии в 20–30-е годы // Славяноведение. – 1997. – № 5. – С. 67–80.

415. *Шинкарук И.С.* Военная периодика российской эмиграции 1920–30-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2000.

416. *Шинкарук И.С., Ершов В.Ф.* Российская военная эмиграция и ее печать. 1920–1939 гг. – М.: Ипполитов, 2000. – 100 с. – (Серия «Русские без отечества»).

417. *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции / Л.К. Шкаренков; изд. 3-е. – М.: Мысль, 1987. – 236 с.

418. *Шкаренков Л.К.* Наваждение белых миражей (О судьбах и утраченных иллюзиях русской эмиграции) // Переписка на исторические темы. – М.: Издательство политической литературы, 1989. – С. 281–307

419. *Шкаренков Л.К.* Российское зарубежье: заметки историка / Шкаренков Л.К. // Россия и современный мир. – 1994. – № 1. – С. 89–97.

420. *Шлегель К.* Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918–1945) / Карл Шлегель; пер. с нем. Л. Лисюткиной. – М.: НЛО, 2004. – 632 с.

421. *Шлегель К.* Русская эмиграция в Германии. 1918–1941 гг. // Россия и современный мир. – 1995. – № 1. – С. 55–65.

422. *Штейн Э.* Журналы русского Китая // Знамя. – 1990. – № 5. – С. 231–236.

423. *Щеров И.П.* Миграционная политика в России 1914–1922 гг. – Смоленск: СГПУ, 2000. – 316 с.

424. Эмиграция и репатриация в России. – М.: Попечительство о нуждах Российских репатриантов, 2001. – 490 с.

425. *Яковлева Т.А.* Далеко ли ушел поезд истории? Евразийская идеология в эмигрантской печати П.Н. Милюкова и П.Б. Струве в

1920-е гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. – Иркутск, 2008. – С. 480–484.

426. *Яковлева Т.А.* Политико-экономическая печать российской эмиграции: к истории создания // Историко-экономический научный журнал (Иркутск–Чита). – 1998. – № 3. – С. 32–36.

427. *Яковлева Т.А.* Пути возрождения: Идеи и судьбы эмигрантской печати П.Б. Струве, П.Н. Милюкова и А.Ф. Керенского. – Иркутск: Издательство Иркутской экономической академии, 1996. – 216 с.

VIII. Исследования на иностранных языках

1. *Ђурић Осмоја.* Руска литерарна Србија: 1920–1941 (писци, кружоци и издања). – Горњи Милановац–Београд, 1990.

2. *Balawyder A.* Russian Refugees from Constantinopol and Harbin // Canadian Slavonic Papers. – Monreal, 1972. – XIV. № 1.

3. *Beyer Thomas, Krafcz Gottfried, Werner Xenia.* Russische Autoren und Verlage in Berlin nach dem Ersten Weltkrieg // Beyer Thomas, Krafcz Gottfried, Werner Xenia. – <Berlin>: Arno Spitz, 1987. – 245 s.

4. *Cassarò L.* Russi a Milano. Università degli Studi di Milano. Facoltà di Lettere e Filosofia. Anno accademico. 1994–1995.

5. *Cazzola P.* I russi a San Remo tra Ottocento e Novecento. – San Remo, 1990. – 234 p.

6. *Champcommunal J.* La condition des Russes a l'étrangère et spécialement en France. – Paris, 1923. – 78 p.

7. *Chapin-Huntington W. Ch.* The Homesick Million, Russia-out of Russia. – Boston, 1933. – 178 p.

8. *Chyz Y.J., Roucek J.S.* The Russians in the United States // The Slavonic and East European Review. April, 1939. – V. 17. – № 51.

9. *Davie M.R.* World Immigration. – N. Y., 1946. – 189 p.

10. *Davis J.* The Russian Immigrant. – N. Y., 1922. – 78 p.

11. Der Grosse Exodus: Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941 / Hrsg. von K. Schlögel. – München, 1994. – 448 s.

12. Deutschland und die Russische Revolution, 1917–1924 / München, Zürich, Fink, 1998. – 675 s.

13. *Dodenhoeft B.* «Lasst mich nach Russland heim»: Russische Emigranten in Deutschland von 1918 bis 1945. Frankfurt a. – M., 1993. – 338 s.

14. *Duncan H.G.* Immigration and Assimilation. – Boston, 1933. – 622 c.

15. *Fields H.* The Refugee in the United States. – N. Y., 1938. – 123 p.

16. *Gordenker L.* Refugees in International Politics. – London, 1987. – 234 p.

17. *Gorman R.F.* Historical Dictionary of refugee and disaster relief organizations. – London, 1994. – 123 p.

18. *Hansen Marcus L.* The immigrants in American History. – Cambridge, 1940. – 272 p.

19. *Hassel E.J.E.* Russians Refugees in France and the United States Between World Wars. – Philadelphia, 1995. – 215 p.
20. *Hathaway J.* The Evolution of Refugee Status in International Law // International and Comparative Law Quarterly. Vol. 33. 1984.
21. *Hobsbawm E.J.* Nations and Nationalism since 1780. Programmer, Myth, Reality. Cambridge, 1992. – 345 p.
22. *Holborn L.W.* The League of Nations and the Refugee Problem // Annals. 1939. Vol. 6. P. 124–135.
23. I Russi e l'Italia. – Milano, 1995. – 234 p.
24. *Jakobson V.* Venekeelsed ajalehed Eestis saksa okupatsiooni ajal 1941–1944 [Русскоязычные газеты в Эстонии во время немецкой оккупации 1941–1944 гг.] // Eesti ajakirjanduse ajaloo. № X. Tartu, 1996. C. 84–98.
25. *Johnston B.V.* Russian-American Social Mobility: an Analysis of the Achievement Syndrome. – California, 1981. – 213 p.
26. *Johnston R.H.* New Mecca, New Babylon. Paris and the Russian Exeiles 1920–1945. – Kingston-Montreal, 1988. – 245 p.
27. *McMillin Arnold.* Exiled Russian writers of the third wave and the émigré press // Modern Language Review. 1989. P. 406–413.
28. Migration – Ethnizität – Konflikt: Systemfragen und Fallstudien. Bd. 1. – Osnabrück, 1996. – 458 s.
29. *Rimscha H.* Der russische Bürgerkrieg und russische Emigration 1917–1921. – Jena, 1924. – 156 s.
30. Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben in Europäischen Bürgerkrieg / Hrsg. von K. Schlögel. – Berlin, 1995. – 550 s.
31. *Saroyan Mark.* The Russian press in Manchuria 1920–1945 // Siberia II: question sibiriennes; histoire, cultures, literature / Ed. by Boris Chichlo. – Paris: Institut d'études slaves, 1999. P. 525–533.
32. *Savitsch M.D.* In Search of Comptions. – N. Y., 1940–393 p.
33. *Scandurra C.* L'emigrazione russa in Italia: 1917–1940 // Europa orientalis. – 1995. – № 14 (2).
34. *Schlesinger M.* Erinnerungen eines Aussenseiters im diplomatischen Dienst. Köln, 1977. – 378 s.
35. *Seabrock W.* These Foregners. – N. Y., 1938. – 123 p.
36. *Simpson J.H.* The refugee Problem. Report of a survey by Sir John Hope Simpson. – London, 1939. – 278 s.
37. The refugees. Information section. Geneva, 1938. – 78 p.
38. Unger Hartmut. Zwischen Ideologie und Improvisation. – Frankfurt-am-Main, 1996. – 314 s.
39. *Venturi L.* Rivoluzionari russi in Italia 1917–1921. – Milano, 1979. – 145 p.
40. *Volkman H.* – E. Die russische Emigration in Deutschland. 1919–1929. – Würzburg, 1966. – 254 s.
41. *Weis P.* The International Status of Refugees and Stateless Persons // Journal du Droit International. – 1956. – № 4.
42. *Williams Robert Ch.* Culture in Exile: Russian Emigrés in Germany, 1881–1941. Ithaca, – N.Y., 1972. – 404 p.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абданк-Коссовский В. – 105, 340
Абрамович (Рейн) Р.А. – 217
Абрикосов Д.И. – 63, 166
Абрикосова Н.Н. – 299
Аверченко А. – 325
Авксентьев Н.Д. – 87, 114, 185, 190, 213, 285
Агнивцев Н. – 326
Агренов-Славянский К. – 322
Адамович Г.В. – 307
Адор Г. – 80
Азеф Е.Ф. – 115
Аксаков С.А. – 109
Аксельрод П.Б. – 217
Алданов М.А. – 87, 88, 92, 114, 304, 306, 338, 339
Александр I – 298, 300
Александр III – 180, 283
Александр, архиепископ – 257, 259
Александрович А.Д. – 323
Алексеев Г.А. – 238
Алексеев Н.Н. – 226, 242, 265
Алексеева Е.В. – 107, 108
Алексинский Г.А. – 238
Амфитеатров А.В. – 114, 307
Амфитеатров-Кадашев В. – 307
Анастасий, архиепископ – 257, 264
Андреев Н.Е. – 300
Андреевский Вл. – 238
Андрусов Н.И. – 201
Анненков Ю. – 332
Антоний (Храповицкий), митрополит – 246–249, 253, 257, 263, 265, 267
Антоний, епископ – 257
Антропов О.К. – 239
Анциферов А.Н. – 184
Анциферов А.Н. – 282
Аргунов А. – 86, 339
Аргунов А.А. – 82, 86, 113, 338
Арнольди Ю.М. – 211
Арну – 174
Артамонов В.А. – 23, 139

Артамонов В.Н. – 172
Архангельский А.А. – 323
Архангельский В.Г. – 316
Арцыбашев А. – 86, 114
Аршинов П. – 218, 220
Астраханцева Т.Л. – 340
Астров Н.И. – 72, 74, 80–82, 113, 132, 171, 191, 203, 211, 285, 291, 292, 316
Ауссем В.Х. – 95
Ачаир (Грызлов) А. – 308

Б

Бабель И. – 307
Базанов П.Н. – 239, 240, 339
Бакунин М.А. – 220, 241
Бакунина Е. – 306
Баланчин Дж. – 320, 322
Балдин С.Ф. – 289
Балиев Н.Ф. – 329
Бальмонт К.Д. – 304
Барановский, генерал – 197
Баратов Н.Н. – 197
Бартольд В.В. – 297
Басевич В.В. – 105
Батожок И.А. – 338
Бахметев Б.А. – 28, 54, 91, 166, 167, 177, 237, 286, 294
Белич А. – 55
Белова Е.И. – 349
Бельцова А. – 331
Беляев И.Т. – 67
Беляев Н.Т. – 67
Беляков В.В. – 340
Бем А.Л. – 307, 309, 310
Беннигсен Э.П. – 238
Бенсис В. – 53
Бенуа А. – 331
Бердяев Н.А. – 199, 249, 256, 265, 286
Березовский Н.Ю. – 104
Беренс М.А. – 38
Бермондт-Авалов П.Р. – 22
Билибин И.Я. – 309, 323, 333, 335, 340
Бирман М.А. – 271

Бицилли П.М. – 289, 301
 Блок А. – 226
 Бобринцев-Пушкин А.В. – 102, 223, 224, 241
 Богаевский А.П. – 67
 Богданов-Бельский Н. – 332
 Боголепов А.А. – 286
 Богоявленский С.Г. – 345, 346, 349
 Божинский-Божко Г.Э. – 237
 Бойко Ю.В. – 175
 Бора У. – 166, 177
 Борейко А.М. – 350
 Борисенок Е.Ю. – 109
 Бортневский В.Г. – 104
 Боткин С.Д. – 68, 69, 110, 152, 156
 Бочарова З.С. – 102, 112, 349
 Бран М. – 326
 Брандт В.А. – 334
 Браун Д. – 73, 177
 Бредов Н.Э. – 22
 Бродовский С.И. – 36, 115
 Брунст – 69
 Брушвит И.М. – 75, 316
 Будницкий О.В. – 177, 237
 Булак-Балахович С.Н. – 146
 Булгаков С.Н. – 199, 249, 265
 Бунаков-Фондаминский И.И. – 226
 Бунин И. – 57, 76, 184, 299, 304, 305
 Бурвиг, советник – 151, 152
 Бурцев В.Л. – 115, 184, 186, 316
 Бухштаб В.М. – 83

В

Варенова Н.Л. – 323
 Варнеке Б.В. – 16, 19
 Варшавский В.С. – 354
 Василевский И.М. – 304
 Васильев А.А. – 300
 Васса (Ларина) – 269
 Ващенко Е. – 332
 Ведринская М. – 328
 Вейнберг М.Е. – 202
 Венденгаузен-Розенберг В. – 65
 Вениамин (Федченков), епископ – 246, 247, 249, 266
 Вермель С. – 326
 Вернадский Г.В. – 226, 300
 Вилинский С.Г. – 285
 Виноградов П.Г. – 289, 297
 Виноградов С. – 332
 Виппер Р.Ю. – 280, 289
 Вирен-Рейман Н.Р. – 323

Висковатый И. – 300
 Витте Г.Г. – 238
 Вишняк М. – 17, 86, 92, 114, 172, 213, 236
 Воленс Н.В. – 348
 Волин В. – 218, 220
 Волошин М. – 226
 Волошина В.Ю. – 336
 Вольф Л. – 169
 Врангель П.Н. – 27, 31, 32, 39, 44, 54, 55, 58, 70, 77, 102, 104, 112, 178, 179, 183, 184, 196, 285, 342
 Вулф Л. – 312
 Выборов В.И. – 67
 Высоцкий К. – 332
 Вышеславцев Б.П. – 286, 341
 Вязьмитинов В.Е. – 27

Г

Гавронский Д.О. – 212
 Газданов Г. – 306
 Гайдаров В. – 326
 Галлати – 174
 Германова М.Н. – 326
 Германова О.П. – 323
 Герцен А.И. – 277
 Гершун Б.Л. – 194
 Гессен И.В. – 77, 101, 111, 204, 209, 240, 286, 296
 Гзовская О. – 326
 Гиддин Б.М. – 194
 Гингер А.С. – 306
 Гиппиус З.Н. – 17, 74, 111, 256, 283, 304, 307
 Гирс М.Н. – 28, 31, 32, 35, 37, 67, 69–71, 78, 80, 81, 94, 102–104, 107, 110–113, 122, 126, 130, 132, 133, 148, 149, 169–173, 175, 177, 180, 182, 203, 237, 258, 269, 292, 349
 Гитлер А. – 189
 Глазов А.Л. – 172
 Глазунов А.К. – 323
 Глебов Ф.Л. – 40
 Глинка Г.В. – 70
 Глоба Н.В. – 333
 Глубоковский Н.Н. – 265, 270
 Годунов Б. – 323
 Голицын-Муравлин Д.П. – 182, 283
 Головин А.С. – 309
 Головин Н.Н. – 283
 Гольденбург В.А. – 195
 Гольденвейзер А.А. – 156, 176

Гомель Л.П. – 198
 Гончарова Н. – 331, 332
 Гордиенко Н.С. – 269
 Горлов В.М. – 145, 148, 173
 Горяинов А.Н. – 271, 337
 Грабе Гр. – 269
 Гревениц Б.Н. – 106
 Греч В. – 328
 Гречанинов А.Т. – 323
 Григорович Д. – 271
 Гримм Э.Д. – 285
 Гришин А. – 325
 Гришунькина М.Г. – 239
 Гронский П.П. – 123, 124, 282
 Гувер Г.К. – 28, 29
 Гукасов А.О. – 113, 208
 Гуковский А.И. – 114, 213
 Гуль Р. – 77, 111, 233, 242
 Гулькевич К.Н. – 28, 31–33, 37, 67,
 72, 74, 78, 81, 94, 102–105, 107,
 110–113, 118, 122, 123, 132–135,
 169, 171, 172, 174, 181, 292
 Гуревич В.Я. – 316
 Гусев К.В. – 240
 Гучков А.И. – 203, 288

Д

Даватц В.Х. – 184, 238, 351, 354
 Давтян Я.Х. – 115
 Дамиан, епископ – 264
 Дан Ф.И. – 217
 Д'Ансельм Ф. – 22
 Даскалов Д. – 115
 Даскалов Р.И. – 346
 Демидов И.П. – 250
 Демидова В.С. – 53, 107
 Демидова О.Р. – 101
 Демьянов А.А. – 178
 Дени – 296
 Деникин А.И. – 94, 274, 296, 342
 Денисов Н.Х. – 203
 Джонсон Т.Ф. – 70, 71, 73, 132, 133,
 135, 292
 Джурич О. – 339
 Дзержинский Ф.Э. – 92, 342
 Димитрий, патриарх – 247
 Дитерихс М.К. – 39
 Доброклонский А.П. – 301
 Добужинский М.В. – 333
 Довгелло С.П. – 312
 Долгополов Н.С. – 238
 Долгоруков П.Д. – 67, 89, 284, 309,
 316

Достоевский Ф.М. – 326
 Дроздов А.М. – 236
 Дуван-Торцов И.Э. – 330
 Дурново О.Д. – 71, 72, 111
 Дюмениль К. – 25
 Дю-Шайля А.М. – 78, 79
 Дягилев С.П. – 320, 321

Е

Евелинов Б. – 326
 Евлогий, митрополит – 200, 208, 244,
 247–251, 253, 256–259, 266–270
 Евреинов Н. – 340
 Елевферий, архиепископ – 251, 253
 Еленевская И. – 101, 106
 Есенин С. – 226
 Ефремов И.Н. – 71, 122, 124, 175, 258,
 269, 275, 336

Ж

Жанна д'Арк – 335
 Жекулина А.В. – 285

З

Завадский С.В. – 316
 Загорский С. – 218
 Зайцев Б.К. – 250, 269, 335
 Залеман Н.А. – 194
 Захаров В.И. – 105
 Зеелер В.Ф. – 108
 Зелич Н.Г. – 330
 Зензинов В.М. – 92, 213, 240
 Зеньковский В.В. – 199, 201, 265, 280,
 337
 Зернов Н.М. – 243
 Зильберштейн А.Л. – 194

И

Иваницкий Б.Е. – 62, 68, 107, 110,
 203, 238
 Иванов А.Е. – 336
 Иванов Вс. – 308
 Иванович С.О. – 87, 218
 Иванцов Д.Н. – 259, 313
 Ивинский Б. – 203, 239
 Игнатъев П.Н. – 187, 238
 Изразцов К. – 70
 Изюмов А.Ф. – 316
 Ильин А.И. – 281
 Ильин В.С. – 277
 Ильин И.А. – 286, 337

- Ильин И.Н. – 265
 Ильин С.Н. – 183
 Иннокентий, архиепископ – 257
 Иоанн, архиепископ – 251
 Ипполитов С.С. – 171, 172
 Ираклиди Л. – 57
 Исаков С.Г. – 106, 173
 Исмет Паша – 38
- Й**
 Йованович Л. – 55
 Йованович М. – 14, 19, 21, 101, 102, 107, 108
- К**
 Каган С.Б. – 115
 Казем-Бек А.Л. – 233–235, 242
 Кайгородов А.Д. – 333
 Калинин, полковник – 175
 Калитинский А.П. – 300
 Каллаш М. – 250
 Каминка А.И. – 209
 Кандидов Б. – 268
 Карагеоргиевич А. – 54
 Карамзин Н.М. – 298
 Каржанский Н.С. – 211, 240
 Каринский Н.С. – 193
 Карпов Н. – 101, 103
 Карлович М.М. – 91, 115
 Карсавин Л.П. – 265
 Карсавина Т. – 320, 321
 Карташев А.В. – 184, 186, 199, 249, 283, 310
 Карцевский С.О. – 289
 Касьянов Н.А. – 291
 Катаев В. – 57
 Квакин А.В. – 241
 Кейнс Д.М. – 312
 Кельман Е.И. – 262, 270
 Кемаль М. – 34, 35
 Керенский А.Ф. – 83, 86, 87, 92, 182, 208, 212, 213, 225
 Керзон Д. – 36
 Кизеветтер А.А. – 227, 286, 298, 301, 316
 Киндяков М.Л. – 238
 Кирдецов Г.Л. – 241
 Кирилл Владимирович, великий князь – 183, 205, 208
 Клее, адвокат – 156
 Климанов В. – 322
 Клодт С.Г. – 334
 Ключевский В.О. – 298
 Ключников Ю.В. – 223, 225, 241
 Кнут Д. – 306
 Ковалевский Е.П. – 108, 238, 280, 282, 300
 Ковалевский П.Е. – 104–106, 108, 173, 175, 239, 317, 336, 338, 339
 Ковалевский Ю.П. – 334, 340
 Кожевников П. – 307
 Козлитин В.Д. – 101, 175, 176
 Козовой В.М. – 318
 Коковцов В.Н. – 250
 Коллинс – 346
 Колосова М. – 308
 Колчак А.В. – 39, 223, 241, 274, 275, 342
 Комин В.В. – 105
 Комиссаржевский Ф.Ф. – 330
 Конгиссер Я.И. – 194
 Кондаков Н.П. – 16, 19, 201, 285, 298, 299, 338
 Коновалов А.И. – 190, 192
 Кононова М.М. – 168
 Конрад Г. – 291
 Копецкий П.В. – 281, 337
 Копп В.Л. – 96
 Коралли В.Б. – 322
 Корешков И.С. – 94
 Корнилов Б.А. – 291
 Коровин К. – 323
 Косик В.И. – 175, 176, 242, 340
 Кострюков Н.Ф. – 323
 Котельников А.А. – 53
 Крамарж К. – 61, 299
 Краснов П.Н. – 306
 Краснопольская Е. – 329
 Красноусов Е.М. – 109
 Крачковский Д. – 307
 Крейн Ч. – 299
 Крестинский Н.Н. – 78, 223
 Кржичка П. – 310
 Кудрякова Е.Б. – 105
 Кузина Г.А. – 339
 Кузнецов С.В. – 289
 Кузнецова-Масснэ М.Н. – 322
 Кузьмин-Караваев В.К. – 282
 Кулидж Дж. К. – 292
 Кульман Н.К. – 289
 Куприн А.И. – 304, 305
 Курата Ю. – 109
 Куренко М.М. – 324

Кусевичкий С.А. – 323
 Кускова Е.Д. – 83, 85–88, 90–93, 113,
 312
 Кьосева Ц. – 108, 176

Л

Лампе А.А.фон – 227
 Лапьеро Х. – 67
 Ларионов В.А. – 350
 Ларионов М. – 331, 332
 Лебедев В.И. – 105, 213, 307
 Лебедев Вл. – 111
 Левицкий В.А. – 323
 Левицкий Д. – 106, 173
 Лешко С.С. – 340
 Ленин В.И. – 112, 116, 331, 346, 350
 Летнев А. – 105, 115
 Липеровский Л.Н. – 199
 Литаврина М.Г. – 340
 Литвинов М.М. – 95, 96, 344
 Литвинова Е.В. – 322
 Лифарь С. – 13, 321, 324
 Лихачев Д.С. – 317
 Лобанов-Ростовский Н.Д. – 340
 Лодыженский Ю.И. – 81, 82, 187
 Ломоносов М.В. – 309
 Ломшаков А.С. – 200, 286
 Лопухова Л. – 312, 321
 Лосский Н.О. – 19, 20, 265, 289, 339
 Лукьянов С.С. – 223
 Луначарский А.В. – 99
 Лысаковский А.И. – 349
 Львов Г.Е. – 29, 102, 182, 190, 285
 Львов Н.Н. – 184
 Люкс Л. – 240
 Ляцкий Е.А. – 298

М

Мадлен – 296
 Макар А.М. – 109
 Макинон А. – 125
 Маклаков А.В. – 123, 303
 Маклаков В.А. – 106, 157, 175, 180,
 309, 310, 339
 Маковский С. – 307
 Максимов Г. – 218, 220, 241
 Максимович Е.Ф. – 316
 Малявин Ф. – 332
 Мандельштам – 306
 Мандельштам А.Н. – 118, 120, 123,
 124, 133, 134

Мансветов Ф.С. – 316
 Мария Федоровна, императрица –
 205
 Марков А.Н. – 340
 Марков Л.Н. – 334
 Марков Н.Е. – 247, 340
 Марков-второй Н.Е. – 205
 Мартов Ю.О. – 217
 Масарик А. – 299
 Масарик Т. – 61, 298–300
 Маслин М.А. – 340
 Маслов П.Н. – 52
 Массалитинов Н. – 329
 Массип М. – 242
 Махно Н. – 218, 220, 241
 Махров П.С. – 145
 Маяковский В. – 332
 Мейснер Д. – 114, 241
 Мелихов Г.В. – 62, 109
 Мельгунов С.П. – 91, 211, 212, 237,
 240, 296
 Мельников Н.М. – 197
 Мельникова-Папоушкова Н. – 307
 Менжинский В.Р. – 347
 Мережковский Д.С. – 256, 265, 304,
 305
 Метнер Н.К. – 323
 Мефодий, архиепископ – 257
 Мечников И.И. – 16, 19
 Миклашевский О. – 329
 Миллер Е.К. – 27, 31, 102, 103
 Миллер К.К. – 237
 Мильеран А. – 94
 Милуков П.Н. – 83, 87–91, 113, 114,
 186, 209, 211, 225, 240, 296, 317,
 348, 350
 Минор О.С. – 86, 197, 198, 213
 Минцлов С.Р. – 313
 Миронова Е.М. – 46, 168
 Михайлов Н.М. – 316
 Могиланский Н.М. – 282, 283
 Можжухин А.И. – 324
 Монастырев Н.А. – 104
 Мордкин М. – 321
 Мосейкина М.Н. – 109, 110
 Мостовенко П.Н. – 343
 Мочульский В.Н. – 285
 Муштайн Л. – 326
 Муравлев-Свицкий В.Д. – 330
 Муратов М. – 325
 Мусаев В.И. – 106

Мухачев Ю.В. – 101, 108
 Мякотин В.А. – 286, 316
 Мясин Л. – 320

Н

Набоков В.В. – 131, 170, 305
 Набоков В.Д. – 209
 Нансен Ф. – 29, 31, 32, 36, 44, 46, 53,
 66, 77–82, 112, 113, 115, 121, 122,
 126, 135, 138, 151, 152, 157, 159,
 171, 174, 198, 311, 344, 349, 351
 Невалайнен П. – 101
 Неволин Б. – 326
 Недбаевский В.М. – 172
 Неманов Л. – 174
 Нератов А.А. – 103, 140
 Несмелов (Митроольский) А. – 308
 Нестеров М.В. – 338
 Нестор, епископ – 253
 Нехорошев Н.И. – 106, 337
 Нечаев С. – 109
 Нидерле Л. – 296
 Нижинская Б. – 320, 321
 Нижинский В. – 322
 Никифоров Н.И. – 278
 Николаев Д.Д. – 20
 Николаев К.Н. – 193
 Николаев С.Н. – 316
 Николай II – 183, 205, 328, 339
 Николай Николаевич, великий князь
 – 114, 183, 196, 205, 208
 Никольская Е. – 321
 Никольский Б.А. – 141
 Нитобург Э.Л. – 111, 177, 338
 Новгородцев П.И. – 199, 201, 286
 Новикова Л.Г. – 101
 Нольде Б.Э. – 81, 123, 128, 134, 135,
 193, 238

О

Оболенский В.А. – 67, 86, 175
 Обухов А. – 326
 Одинец Д.М. – 283
 Оксинская – 330
 Окунцов И.К. – 177
 Ольденбург С.С. – 184
 Ольдс, полковник – 121
 Орешин И.Е. – 289
 Осоргин М.А. – 83, 86, 91, 92
 Остроухов П.А. – 277, 298
 Оттокар Н.П. – 297

П

Павлов А.Ю. – 105
 Павлов И.П. – 201
 Павлов П. – 328
 Павлов П.А. – 326
 Павлова А. – 320–322
 Павлова Т. – 329
 Павлова Т.Ф. – 339
 Павловская М.А. – 337
 Палеолог С.Н. – 110, 346
 Пан М. – 157
 Панина С.В. – 32, 80–82, 171, 191, 211
 Панютин И.С. – 330
 Пархоменко Т.А. – 108
 Пасманик Д.С. – 184
 Пастер Л. – 19
 Пашковский Н.П. – 334
 Пашуто В.Т. – 300, 338
 Перелешин В. – 308
 Переселенков Н.Н. – 194
 Пермикин Б.С. – 146
 Перский Я.Г. – 195
 Петков Н. – 162
 Петр I – 298
 Петрищев А. – 86
 Петровская Н. – 304, 338
 Петрункевич И.И. – 211
 Петрушева Л.И. – 315, 337, 339, 340
 Петряев А.М. – 23, 102, 285, 345, 346,
 349
 Пешехонов А.В. – 82, 83, 85, 86, 91,
 92, 212, 318
 Пешкова Е.П. – 92
 Пивовар Е.И. – 13, 19
 Пико Ж. – 346
 Пиленко А.А. – 123–125
 Пилкин А.П. – 67, 110
 Пирумов – 95
 Платон (Рождественский), митрополит
 – 246, 250
 Платон, митрополит – 249, 251
 Платонов С.Ф. – 289
 Подалко П.Э. – 177
 Покровская Е.М. – 323
 Полевицкая Е. – 326
 Полнер Т.И. – 278
 Полнер Т.П. – 285
 Поляков Ю.А. – 349
 Пономарева Л.В. – 268
 Поп Ж. – 71
 Попов А.В. – 269

Попов И. – 271
 Попова С.С. – 41, 105
 Попруженко М.Г. – 285
 Поснов М.Э. – 270, 285
 Постников С. – 307, 312, 317
 Потемкин В.П. – 97, 116
 Потехин Ю.Н. – 223
 Потоцкая Л. – 326
 Потоцкий Д.Н. – 55
 Потресов А.Н. – 218
 Прегель С. – 306
 Пресняков В.А. – 143
 Прокопович С.Н. – 83, 85
 Проктор – 69, 70
 Путятина-Табонэ, княгиня – 322
 Путятова Э.Г. – 109
 Пушкарев С.Г. – 316
 Пушкин А.С. – 308–310, 339

Р

Рабинович И.М. – 156, 194
 Раев М. – 14, 19, 101, 106
 Раевская-Хьюз О. – 242, 349
 Ракитина Ю. – 328
 Рапопорт Ю. – 20, 111, 237
 Ратиев А. – 163
 Рафальский В.Г. – 292
 Рафальский В.Т. – 103
 Рахманинов С.В. – 323
 Ремизов А.М. – 312
 Ремизов Н. – 332
 Ремиславский Р. – 321
 Ресневич-Синьорелли О.И. – 338
 Ринглант А. – 29, 102
 Рогальский П. – 104
 Родзянко М.В. – 247
 Родичев Ф.И. – 89, 211
 Рождественский А.П. – 246, 250, 270
 Рожков С.А. – 14
 Розен В.Г. – 48, 105
 Рокфеллер Дж. Д. – 29
 Романов Б.Г. – 322, 326
 Ростовцев М.И. – 297
 Рощина-Инсарова Е.Н. – 329
 Рубакин Н.А. – 86
 Рубанович И.А. – 240
 Рубинштейн Я.Л. – 81, 123–125, 135, 170
 Руденцова Ю.И. – 172
 Руднев В.В. – 213
 Рудников Н. – 271
 Рудницкий А.Ю. – 109

Рупасов А.И. – 106
 Русанов Н.С. – 212, 240

С

Саади – 335
 Сабанеева С.И. – 115
 Сабенникова И.В. – 175
 Саблин Е.В. – 345
 Савватий, епископ – 261, 270
 Савинков Б.В. – 52
 Савицкий П.Н. – 105, 226–228, 277, 316
 Савич Н.В. – 104
 Салтыков Н.Н. – 289
 Сарач Б.М. – 175
 Саханев В.В. – 316
 Светозаров В.Н. – 201
 Свечинская А.П. – 323
 Святополк-Мирский Д.П. – 312
 Северянин И. – 43
 Семенов Г.М. – 177
 Семенов Ю.Ф. – 36, 88, 89, 113
 Серапионова Е.П. – 101, 105, 109
 Серафим Саровский – 268
 Серафимов Б.С. – 350
 Сергей (Страгородский), митрополит – 251, 253, 256
 Сергей Радонежский – 267, 268
 Сергей, архиепископ – 253, 257
 Серебровский А.П. – 96, 116
 Сесиль Р. – 121
 Сибиряков Л. – 218
 Сибиряков Н.С. – 104
 Сидорович В.И. – 197
 Сизоненко А.И. – 109
 Симонова Т.М. – 107
 Симпсон Д. – 106
 Скокан Е.О. – 330
 Скопиченко О. – 308
 Славик В. – 125
 Славик Я. – 316
 Слоним М.Л. – 213, 307
 Смирнов А.А. – 269
 Смирнов С.А. – 82
 Смирнова Е. – 326
 Снегирев В. – 173
 Сокол А.И. – 326
 Соколов А.А. – 105, 304
 Соколов М.В. – 350
 Соколов-Микитов И.С. – 304
 Соловейчик С.М. – 87, 88
 Соловьев С.М. – 298

Соловьев Ю.Я. – 237
 Солодовников Б.И. – 67
 Солонский А.А. – 269
 Сорокин П.А. – 225
 Сорокина В.В. – 168
 Софиев Ю. – 306
 Спекторский Е.В. – 309
 Сталинский Е.А. – 213, 240
 Стамболийский А. – 58
 Станкевич В.Б. – 222
 Станюкович Н. – 306
 Старк Ю.К. – 39, 40
 Стародубцев Г.С. – 111
 Стессель А.А. – 22
 Стефан Дж. – 104, 109
 Стефан, епископ – 57
 Стоянов И. – 27
 Стравинский И.Ф. – 323
 Строганов С.Г. – 333
 Струве Г. – 338
 Струве П.Б. – 76, 91, 111, 113–115,
 208, 225, 238, 241, 249, 250, 268,
 286, 297, 309
 Струков Б.Г. – 347, 350
 Сувчинский П.П. – 318
 Судейкин С. – 331
 Суриц Я.З. – 97
 Сухомлин В.В. – 212, 213, 240
 Сухотин Л.М. – 281, 289, 301
 Сухотина-Толстая Т.Л. – 333
 Сушков Ф.С. – 316
 Сысоев Г. – 108
 Сыч А.И. – 172

Т

Талин В. – 86
 Тараблин Е.В. – 260
 Тарле Г.Я. – 14, 19
 Тарле Е.В. – 297
 Тарусский Е. – 41, 105
 Татьяна Константиновна – 308
 Тафт У.Г. – 73
 Тенишева М.К. – 299
 Терапиано Ю. – 306
 Терехов Н. – 346
 Тесленко Н.В. – 89, 178
 Тетеревлева Т.П. – 101
 Тимашова С.И. – 323
 Тихон, патриарх – 245, 246, 248–250,
 267, 344
 Тихоницкий Е.Н. – 289
 Толль Н.П. – 300

Толстая-Попова А. – 339
 Толстов В. – 64
 Толстой А.Н. – 304, 325
 Толстой Л.Н. – 310, 339
 Тома А. – 68, 69, 131, 132, 291, 292
 Топалджиков Н. – 27
 Трахтерев О.С. – 195
 Трепов А.Ф. – 205, 247
 Третьяков С.Н. – 203
 Трилиссер М.А. – 115, 116
 Троицкий С.В. – 270
 Троцкий Л.Д. – 344
 Трубецкой Г. – 243
 Трубецкой Н.С. – 226, 228–233, 242,
 268, 285
 Тукалевский В.Н. – 314
 Тункина И.В. – 19
 Турганев И.С. – 313
 Тхоржевский И. – 304, 338
 Тэффи Н. – 20, 325
 Тютрюмов И.М. – 200

У

Угет С.А. – 40, 68, 72, 103, 110, 111,
 166, 167, 177, 237
 Унгерн-Штернберг П.Л. – 237
 Уншлихт И.С. – 347
 Урилов И.Х. – 241
 Урядова А. – 349
 Уссаковский А.Е. – 62, 63
 Устинов А.М. – 95
 Устрялов Н.В. – 204, 223, 224, 241
 Ухтомский Н.А. – 241
 Ушинский К.Д. – 99

Ф

Фальковский Е.А. – 152, 174, 194
 Фатеев А.Н. – 298, 316
 Федор Кузмич, старец – 300
 Федоров А. – 322
 Федоров М.М. – 279, 336
 Федотов Г.П. – 249
 Феофан (Быстров), архиепископ –
 246
 Ферреро Г. – 296
 Филимонов Б.Б. – 109
 Филиппович Т. – 146
 Флейшман Л. – 242, 349
 Флоровский А.В. – 296, 298, 300, 316
 Флоровский Г.В. – 226, 277, 285
 Фокин М. – 320–322

Фолькман Х.-Э. – 156
 Фондаминский-Бунаков И.И. – 91,
 114, 213
 Франк С.Л. – 265, 286
 Францев В.А. – 286
 Фрик Э. – 78, 121, 125
 Фролов И. – 271

Х

Хаид-Бей – 36
 Ханссон М. – 351
 Харрисон Е.К. – 312
 Хетч О. – 286
 Ходасевич В.Ф. – 91, 92, 115, 307
 Хор С. – 28
 Хорошавин А.И. – 330
 Худобородов А.Л. – 239
 Хьюз Р. – 242, 349

Ц

Цветаева М. – 307
 Цветнов Н.Н. – 105, 106
 Церетелли – 322
 Циммерман М.А. – 277
 Цуриков Н.А. – 309, 339
 Цыпин В. – 269
 Цытович А.А. – 105

Ч

Чайковский Н.В. – 106, 202, 212, 237,
 240
 Чайльдс Л. – 28, 37, 66, 140
 Чаманский А.Д. – 238
 Чахотин С.С. – 223
 Чебышев Н.Н. – 195
 Челищев П. – 331
 Черепнин Н.Н. – 323
 Черепов А. – 328, 329
 Черкесов И.А. – 199
 Чернавин В.В. – 316
 Чернов В.М. – 212, 213, 240, 333
 Черный А. – 311
 Черный С. – 271
 Чернышев А. – 338
 Чернявская Г. – 322
 Чернявский Г.И. – 115
 Чехов А.П. – 326
 Чехов М.П. – 325
 Чехова О.К. – 329
 Чехонин С. – 331
 Чингисхан – 229

Чирова О.А. – 111
 Чистяков К.А. – 350
 Чичерин Г.В. – 58, 78, 79, 97, 109,
 112, 115, 116
 Чубыкин И.В. – 240

Ш

Шавельский Г.И. – 270, 285
 Шаляпин Ф.И. – 323–325
 Шарпантье – 174
 Шатилов П.Н. – 285
 Шебеко Н.Н. – 184
 Шибунин А.Ф. – 37, 104, 110, 140,
 172
 Шелохаев В.В. – 239
 Шестов Л.И. – 265
 Шкаренков Л.К. – 115, 240
 Шкаровский М.В. – 270
 Шлезингер М. – 68, 69, 98, 151, 152
 Шлиппе Ф.В. – 68
 Шмелев И.С. – 304, 305
 Шмидт И. – 326
 Шмурло Е.Ф. – 289, 297, 298, 301,
 302, 316, 338
 Шрейдер Г.И. – 316
 Штейгер А. – 227
 Штейн Е.Ф. – 266
 Штейнман Ф. – 101
 Штрандтман В.Н. – 23, 24, 32, 110,
 160, 172, 183, 237
 Шуберт Б.К. – 110
 Шумский В. – 326
 Шухаев В.И. – 333

Щ

Щербатский А.И. – 152
 Щербачев Д.Г. – 181
 Щеров И.П. – 349

Э

Эксельманс, адмирал – 39
 Энгельфельд В.В. – 278
 Энглез Ф. – 125
 Эспе Б.Н. – 330
 Эфрон С.Я. – 299

Ю

Юденич Н.Н. – 241
 Южаков – 330
 Южный Я. – 326
 Юсупов Ф.Ф. – 329, 333

Я

- Ягода Г.Г. – 116
Якобсон Р.О. – 226, 310
Яковлев – 333
Яковлев Д.В. – 238
Якубович И.С. – 98
Ярославский Ем. – 213, 240
Ясинский В.И. – 286
Яшвиль Н.Г. – 299, 338
Яшвиль Т. – 299
Ященко А.С. – 117, 168, 303, 341

D

- Daskalov D. – 107

S

- Schlögel K. – 174
Simpson J.H. – 106

V

- Volkman H.-E. – 108
Volkman H.-E. – 174, 175

Русский мир в XX веке

в 6-ти томах

Том 1

Мосейкина М.Н. У истоков формирования Русского мира. XIX – начало XX века.

Том 2

Бочарова З.С. Феномен зарубежной России 1920-х годов.

Том 3

Бочарова З.С. Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России.

Том 4

Антошин А.В. На фронтах Второй мировой и «холодной» войн: русские эмигранты в 1939 – начале 1950-х гг.

Том 5

Антошин А.В. От Русского Монмартра – к Брайтон-Бич: эволюция Русского мира в 1950-е – начале 1980-х гг.

Том 6

Бордюгов Г.А., Касаев А.Ч. Русский мир и Россия: формирование нового типа отношений. 1986–2000 гг.

Издания АИРО-XXI в 2013 г.

- Две родины Стивена Козна. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 224 с. + ил.
- Крестьянский фронт 1918–1922 гг. Сборник статей и материалов. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 700 с.
- Невольник чести. Путь и судьба Владимира Полотова / Сост.: Т.Б. Григер канд. ист. н., доц., Н.В. Полотова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 152 с. + 52 с. ил.
- “...Ведь не безнадежность перед нами”. Переписка Николая Бухарина и Надежды Лукиной. 1911–1914, 1922 годы. Предисл. – Стивен Козэн; вступит. статья – Ж. Артамонова; составление и комментарии – Ж. Артамонова, Е. Суббота. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 320 с. + 4 с. ил. – (Серия «АИРО – первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова).
- Япония 2013. Ежегодник. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 412 с.
- Федор Крюков*. На Германской войне. На фронте и в тылу. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 548 с.
- Япония в Азии: параметры сотрудничества / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М., АИРО-XXI, 2013 – 312 с.
- Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 1520 с.
- Фридрих Фирсов*. 34 года в Институте марксизма-ленинизма. Воспоминания историка. – (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО-XXI, 2013. – 480 с. + 32 с. илл.
- Л.Н. Суворова*. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком / Л.Н. Суворова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 304 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» / под ред. Г.А. Бордюгова).
- А.Ю. Каратеев*. Авиационные инженеры в России и СССР. Подготовка кадров в 1909–1945 гг. / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 368 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- С.Н. Чекин*. Старый Буян, Самара, Печорлаг. Повествование врача Трудникова. Составитель и автор предисловия Л.С. Чекин. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 296 с. + 8 с. илл. (Серия «АИРО – первая публикация»).
- М.И. Мельтохов*. Красная армия и несостоявшаяся революция в Германии (1923 г.). – М.: АИРО-XXI, 2013. – 216 с. – (Серия «АИРО – Монография»).
- Валерий Брюсов*. В эту минуту истории. Политические комментарии. 1902–1924 / Составление, вступительная статья В.Э. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 312 с. + 4 с. илл. (Серия «АИРО – первая публикация»).
- Л.А. Посадская*. Советская повседневность в художественных текстах (1920-е – 1990-е годы). (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО-XXI, 2013. – 184 с.

- Евреи. История по Брокгаузу и Бухарину. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 384 с.
- Д.В. Стрельцов. Япония: политическая модернизация эпохи Хэйсэй. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 280 с.
- В.Я. Гросул. Общественное мнение в России XIX века. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 560 с.
- Идущий впереди. К 90-летию Гейдара Алиева. – М.: Вестник Кавказа; АИРО-XXI, 2013. – 368 с.
- Современное медиапространство Азербайджана. Под ред. Г. Бордюгова. Предисл. А. Рагимова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 416 с. + 36 с. илл.
- Мещёра-край: Альм. по истории и культуре Мещерского края / Гл. ред. С.С. Михайлов. М.: Рус. деревня; АИРО-XXI (Б. тип.), 2013. Вып. 3. 320 с. – (АИРО – Рос. провинция).

Русский мир в XX веке
в 6-ти томах

Научное издание

Зоя Сергеевна БОЧАРОВА

Том 2

ФЕНОМЕН ЗАРУБЕЖНОЙ РОССИИ
1920-х годов

Компьютерная верстка и техническое редактирование – С.П. Щербина

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 27.01.2014
Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 25,5
Тираж 1000 экз. Зак.